

2

07 - 11

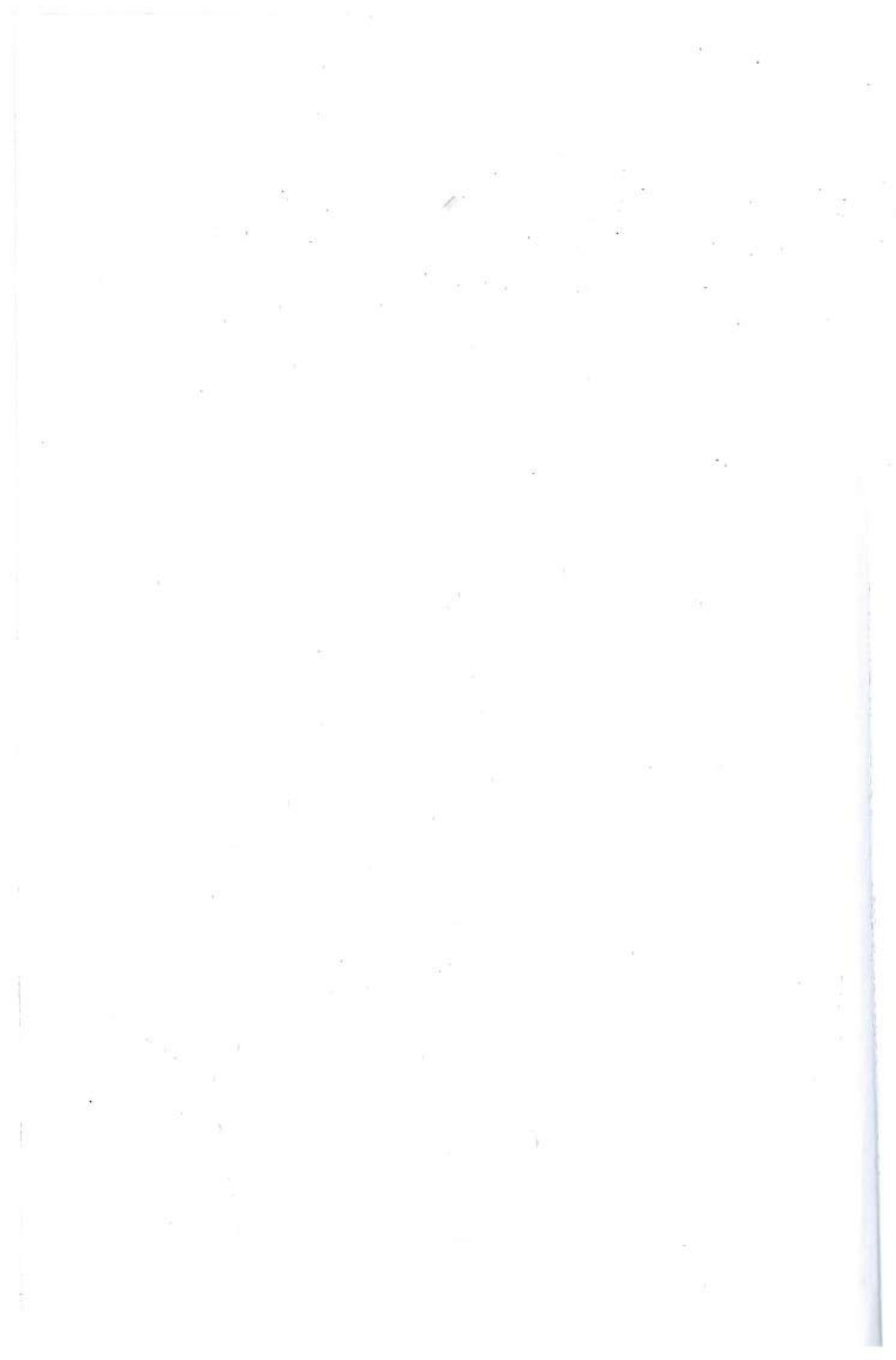
278

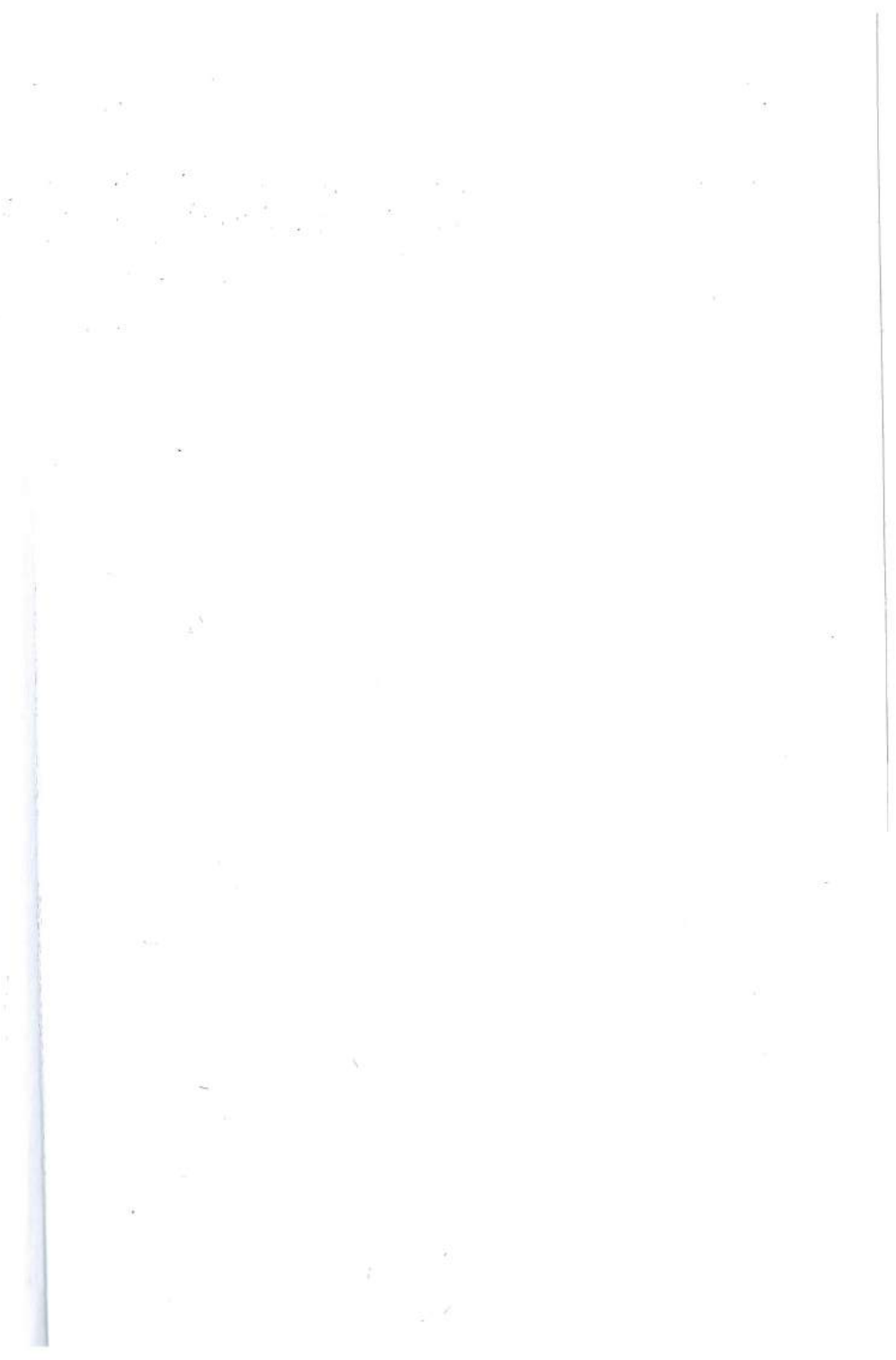
ВСЕВОЛОД ГАККЕЛЬ

АКВАРИУМ

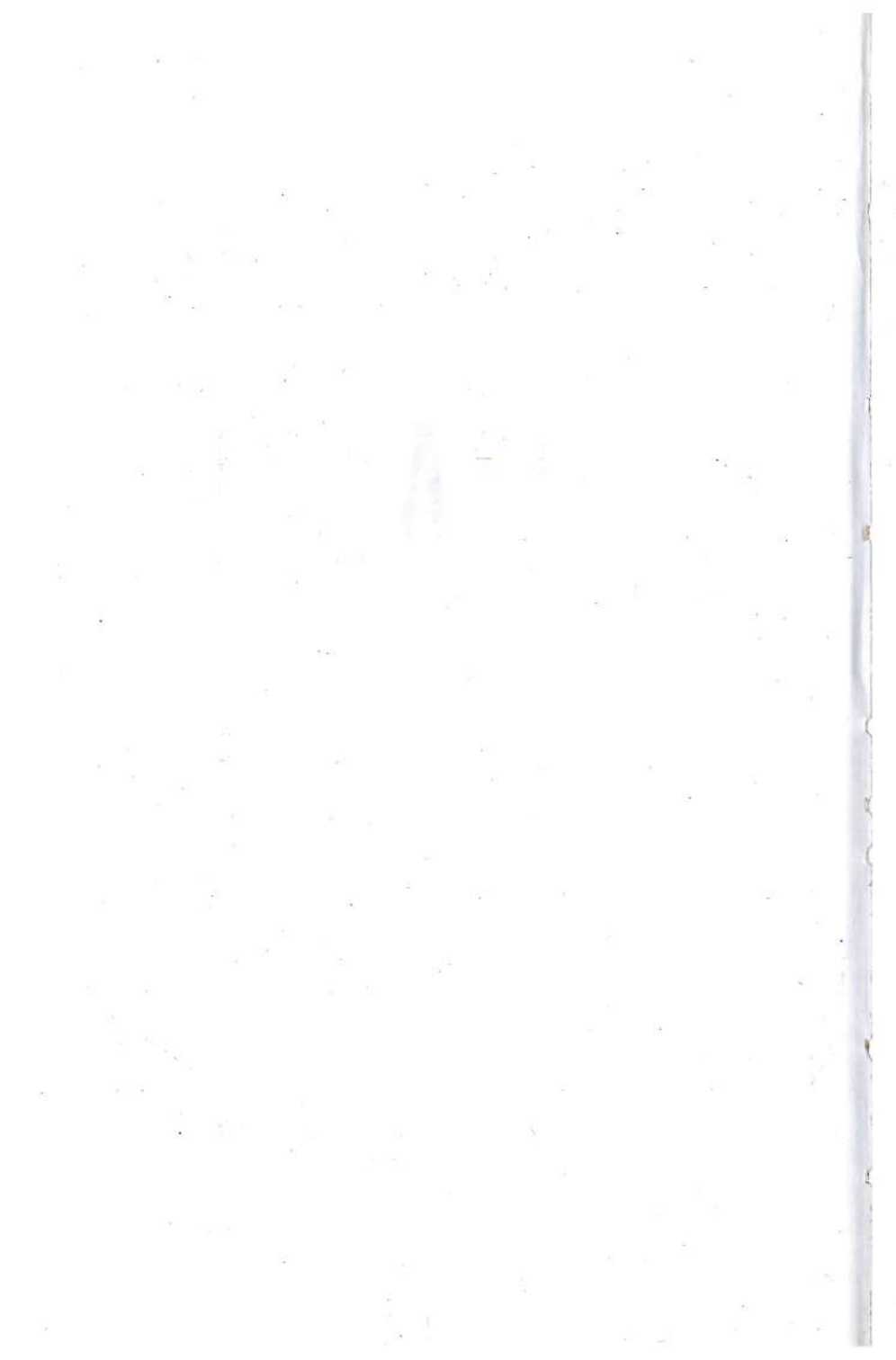
как способ ухода
за ТЕННИСНЫМ
КОРТОМ

издательство
амфора

2 $\frac{07 - 11}{278}$

ВСЕВОЛОД ГАККЕЛЬ

АКВАРИУМ

как способ ухода
за ТЕННИСНЫМ
кортом

Санкт-Петербург
АМФОРА
2007

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г 11

2006223368

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Гаккель, В.

Г 11 Аквариум как способ ухода за теннисным кортом /
Всеволод Гаккель. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора,
2007. — 415 с.

ISBN 978-5-367-00331-4

Всеволод Гаккель — виолончелист «классического» «Аквариума». В период становления отечественной рок-музыки был замечен во всем, в чем нельзя было остаться незамеченным. Основал первый в России независимый музыкальный клуб «TaMtAm», принимал участие в организации фестивалей «Другая музыка» и SKIF, играл с «Vermicelli Orchestra». В последние годы занимается организацией концертов и продолжает ухаживать за теннисными кортами.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-367-00331-4

© Гаккель В., 2000
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2007

Предисловие к третьему изданию

Я не литератор. Я не умею писать. Я не задавался целью написать роман. Просто моя жизнь была настолько богата событиями и впечатлениями, что в какой-то момент я решил, что их непременно нужно сохранить, поскольку память уже отказывалась их удерживать. Но жизнь оказалась настолько скоротечной — не успеваешь отслеживать и анализировать происходящее.

Меняется темп, меняются твои собственные оценки. Порой абсолютно исчезает смысл того, чему ты еще какое-то время назад придавал значение. Но самое грустное, что некоторые события этой повести потеряли смысл, потому что уже нет в живых их участников.

Нет смысла и в самом этом опусе. Мы всю жизнь пребываем в иллюзиях и придаем значение фактам, которые по прошествии времени теряют свою актуальность, а на проверку имеют значение только для нас самих. И может быть, было бы мудрее давать этим событиям стираться из нашей памяти и избавлять других от наших оценок — как остались за кадром некоторые факты, которым не придаешь значения или умышленно их опускаешь.

Но один раз это уже мною сделано и стало достоянием истории. И теперь не имеет смысла что-то менять в этой книге. За это время произошло столько всего,

что впору писать продолжение, но на это я уже не отважусь. Оказывается, писать о себе не просто неблагодарное и не очень умное занятие, но еще и достаточно рискованное.

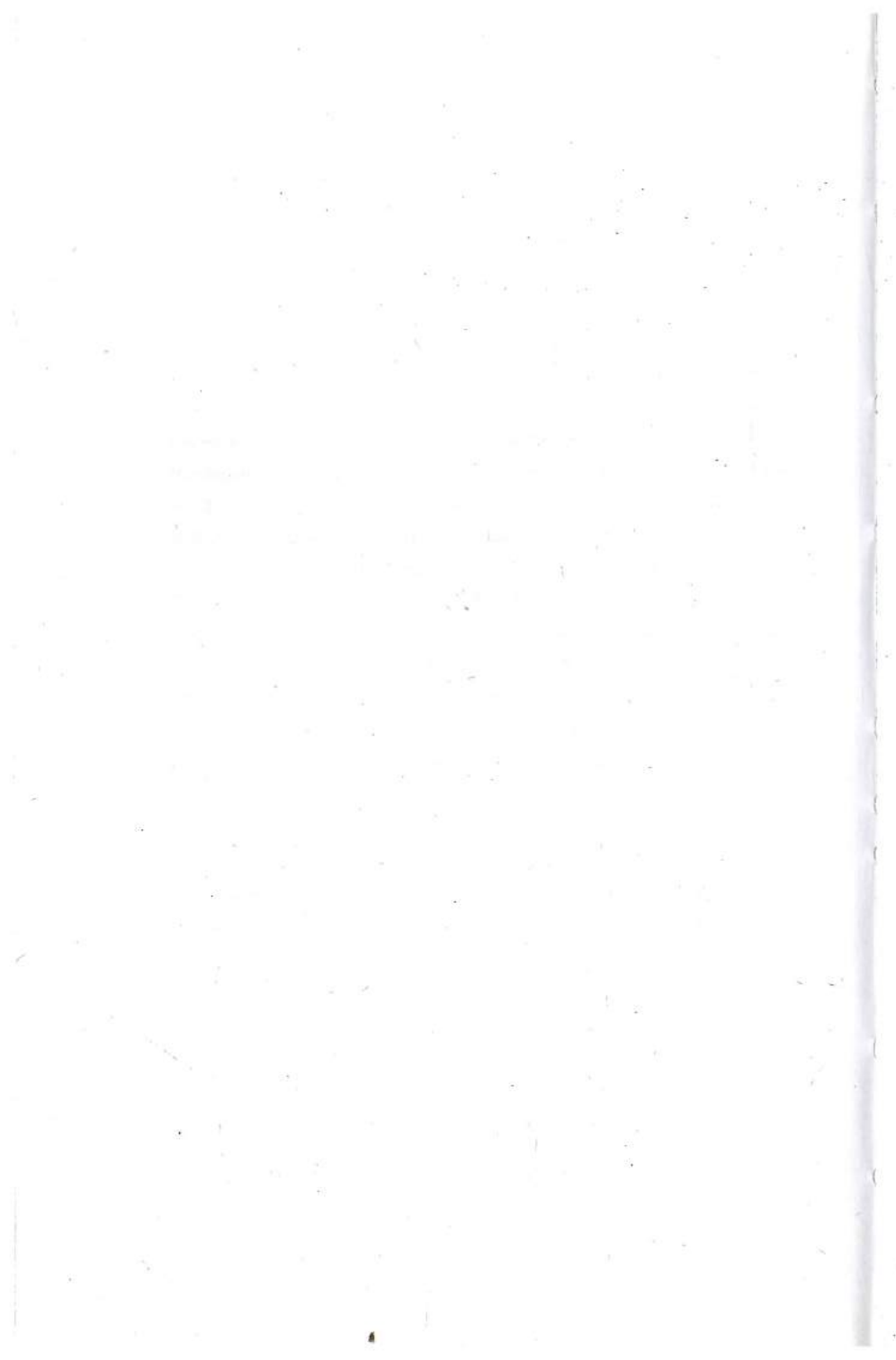
Ты не знаешь, зачем пишешь, и когда делаешь это в первый раз, то не знаешь, как закончить свое повествование, потому что это не придуманная история, это твоя жизнь. Но в какой-то момент ты все-таки должен закончить — и в результате фиксируешь этот самый момент, какую-то конкретную ситуацию и какое-то состояние. И получается, что именно эту ситуацию, которая тебе кажется вполне стабильной, ты ставишь под удар.

Но говорить об этом дальше нельзя — я могу не остановиться и начать другую историю. Но похоже, я ее уже начал...

*Автор-исполнитель
Всеволод Гаккель*

Рано или поздно любого человека посещает мысль написать воспоминания. Это верный признак приближающейся старости. У каждого из нас она наступает в разное время, и, наверное, у меня она наступила раньше, чем у других. Все же основным побуждением взяться за «перо» оказалось желание проанализировать историю группы, в которой мне довелось играть, сопоставить ее с тем периодом, который я наблюдаю в течение вот уже десяти лет, и по возможности выявить ошибку, что закралась в схему, которая казалась мне идеальной. Но конечно же, это мои субъективные ощущения. Я не вел дневник, и, наверное, что-то не будет совпадать с хронологией событий, однако я попытаюсь вспомнить, как все происходило, хотя некоторые вещи уже стерлись из памяти. Я приношу извинения моим друзьям, которые будут появляться здесь по ходу повествования, если я что-то неправильно вспомнил или кого-то забыл.

декабрь 1999 года

Часть первая

Глава первая

Я вырос в очень открытой и гостеприимной семье. Моей матери Ксении Всеволодовне сейчас 83 года, и она по-прежнему живет со мной. Все эти годы мы с ней почти не расставались и сумели сохранить дружеские отношения. Она имела несчастье родиться за год до революции. Это произошло в имении ее дедушки Константина Павловича Арнольди в Курской губернии. (Имение не сохранилось, однако сельскохозяйственная школа, основанная моим прадедушкой, до сих пор носит его имя.) Ее мать, моя бабушка Мария Константиновна, познакомилась с дедушкой Всеволодом Рудольфовичем Молькентином в поезде, по дороге из Парижа, где она училась в университете. Он был офицером и в 1919 году, верный присяге своему царю и отечеству, был вынужден оставить свою семью и, отступая с Белой армией, оказался в Париже. Бабушка же осталась в России с тремя детьми без крова и средств к существованию. Она преподавала французский язык и через несколько лет, не имея возможности прокормить детей, отправила дочь Ксению в Рязань к своей сестре Лизе, а сына Костю — к родственникам мужа в Ленинград. Через некоторое время Ксения тоже присоединилась к брату в Ленинграде и поступила в Педагогический институт, а вскоре к ним приехала и их мать. О своем отце они не имели никаких известий.

Мама получила диплом преподавателя французского языка в июне 1941 года и сразу же поступила в армию на службу в ПВО. Так они с бабушкой и прожили первую зиму блокады.

Мой отец Яков Яковлевич родился в 1901 году. Он закончил географический факультет Университета и всю жизнь проработал океанографом в Институте Арктики и Антарктики, участвуя во всех высокоширотных экспедициях на Северный полюс, включая экспедиции на «Сибирякове» и «Челюскине». Отец неоднократно делал предложение моей матери и настаивал на том, чтобы они с бабушкой эвакуировались вместе с институтом, в котором он работал. Он недавно овдовел, жил с матерью, и у него была дочь Нонна. В итоге моя мать согласилась, забрала бабушку, и они все вместе уехали в Красноярск, где два года жили в школе, в которой мать работала библиотекарем. В 1944 году, после снятия блокады, они вернулись в Ленинград и с тех пор жили в квартире отца на улице Восстания. Мама очень сдружилась с Нонной и, будучи мачехой, относилась к ней, как к младшей сестре. Правда, бабушки между собой не очень поладили, и Евдокия Ивановна называла Марию Константиновну барыней и «фрэй».

Мой дед Яков Модестович Гаккель был известным авиаконструктором, а после революции — создателем первого советского тепловоза и до конца жизни работал в Институте железнодорожного транспорта. Он оставил семью и почти не общался со своими детьми, был женат несколько раз и умер в 1945 году. Я застал в живых только его последнюю жену Надежду Ивановну.

Я появился на свет в 1953 году. К этому времени Евдокия Ивановна умерла. Нонна повзрослела, и у нее произошла размолвка с матерью. Потом Нонна вышла замуж и уехала в Баку. К моменту моего рождения в нашей семье уже было два сына, Алексей и Андрей. Я был са-

мым маленьким и самым любимым. Мой старший брат до сих пор пытается отыграть за мое избалованное детство. Наверное, оно действительно было таким. К этому времени война была уже давно позади, и жизнь постепенно входила в колею. Мой отец стал крупным ученым, профессором и получал приличную зарплату, которая позволяла моей матери не работать. Так что ей, педагогу по образованию, никогда не пришлось преподавать. У нас вечно кто-то жил, всегда были гости. Летом родители снимали дачу на Карельском перешейке, на которую слетались все родственники.

В 1957 году через свою кузину Ирину, живущую в Швейцарии, мать получила из Парижа известие о смерти ее отца Всеволода Рудольфовича, и у нее случился инфаркт. Оказывается, уже давно, со времени смерти Сталина, отец пытался выйти с ней на связь и написал несколько зашифрованных писем, которые передал через свою племянницу Хельми, живущую в Таллинне. Он мечтал приехать и воссоединиться с семьей. Мать боялась отвечать, поскольку опасалась за работу мужа и семью и во всех анкетах всегда писала, что ее отец умер. Бабушка перенесла известие о смерти своего пропавшего мужа легче, только стала курить. Мать проболела все лето, прикованная к постели, и мы с бабушкой жили на даче без нее.

Я прекрасно помню нашу квартиру, где была масса книг и старинной мебели, а на стене висел огромный пропеллер с дедовского самолета. Наш дом был ведомственный, в нем жили почти все челюскинцы. Было такое ощущение, что они все время что-то праздновали. К нам приходили летчики, первые Герои Советского Союза, всегда в форме и с орденами. Полярники в то время были как космонавты и, наверное, всегда носили форму, чтобы было видно. Мой отец тоже имел звание генерала и тоже носил черную морскую форму, только без погон, но на ней были

нашивки до локтей. Чуть позже, когда я повзрослел и уже знал толк в вещах, я как-то срезал все пуговицы с отцовской шинели и проиграл их в ушки. Но об этом потом.

Мама считала, что я неплохо пел. Когда приходили гости — а, как я уже говорил, они приходили все время — меня заставляли петь, но я очень этого стеснялся и забирался под рояль или прятался за дверь. Если скрыться не удавалось, я горланил какие-то идиотские песни из тех, что звучали по радио, вроде:

Если бы парни всей Земли
Хором бы песню одну завели,
Вот было б здорово,
Вот это был бы гром!
Давайте, парни, хором запоем...

Наверное, это было умилительно и трогательно, ведь я действительно механически заучивал всякую чушь, но такие публичные выступления у меня всегда вызывали протест. Однажды пришла какая-то тетя и сказала, что забрет меня в хоровую Капеллу. Я закатил истерику, заявил, что никуда не пойду, вцепился матери в юбку и тем самым был спасен. Тетечки появлялись не сами, это всегда была инициатива матери. И в этих ситуациях я почти не помню отца. Он вообще работал с утра до ночи или уезжал в экспедицию. К сожалению, он умер раньше, чем я смог запомнить о нем что-нибудь осмысленное. У нас была машина «победа», и мы с отцом иногда ездили кататься. Когда же мы купили участок в Белоострове и построили времянку, то в основном ездили только туда. Отец всегда уходил в отпуск в сентябре, когда на даче стихает суета и все дети разъезжаются в школу. Я приезжал на выходные, и мы вдвоем ходили за грибами. Совершенно отчетливо помню белый гриб, который мы нашли. И неспелый, почти зеленый, но сладкий арбуз.

Когда я учился в первом классе, со мной случился казус. Первого мая мы приехали на дачу. Поселок только строился, и везде было полно народу. Я встретился со своим дружкой Юркой Максutowым, и мы полезли в соседский дом исследовать новое пространство. Соседи только возвели сруб, еще без крыши, и между бревнами свисала пакля. Мы стали отрывать пучки и поджигать их. Я поджог пучок пакли, и она мгновенно вспыхнула у меня в руках. Я инстинктивно отдернул руку, и огонь прыгнул прямо на стенку. Мгновенно пламенем был охвачен весь дом. По счастью, бревна были сырые, а вокруг было много воды и талого снега. Сразу сбежались люди со всех сторон, и огонь удалось затушить без помощи пожарных. Я убежал в лес на весь день, боясь вернуться домой. Но когда все-таки решился, меня никто не наказал, а я только получил прозвище поджигателя. Соседи не предъявили никаких претензий, обшили сруб вагонкой и живут там по сей день. В тот вечер на обратном пути с дачи все молчали. Город был прорезан лучами прожекторов, которые сопровождали гигантский портрет Ленина, паривший над городом на каком-то летательном аппарате, скорее всего это был цеппелин. Я был в полном восторге и быстро забыл свои горести.

В девять лет меня отдали учиться в музыкальную школу. Когда меня привели на отборочную комиссию и посмотрели зубы и пальцы, то предложили на выбор виолончель или балалайку; по всем другим инструментам набор уже был закончен. Я почему-то сам выбрал виолончель. Мать была счастлива, она всегда обвиняла бабушку в том, что она не стала ходить с Алексеем в музыкальную школу, «а ведь он был таким одаренным ребенком». Когда они ссорились, то иногда переходили на французский. Мать называла бабушку парижанкой и ханжой и говорила, что та могла бы учить своих внуков французскому. Это зву-

чало очень красиво. Бабушка садилась за рояль и исполняла на нем «Турецкий марш», который она играла в юности, когда еще училась в Париже. Моим педагогом стал Анатолий Кондратьевич Филатов, артист Мариинского театра, который, как и все музыканты, подрабатывал в школе. Он был очень обаятельным, довольно молодым человеком, и моя мать была от него без ума. Вообще, музыкальная школа, в отличие от обычной, это отдельная среда. Поскольку занятия по специальности проводятся индивидуально, обучение более эффективно. Но сложнее отлынивать от уроков, потому что родители и педагоги находятся в гораздо более тесном контакте, чем в общеобразовательной школе. Поэтому тебя заставляют заниматься каждый день, в то время как вполне можно не приготовить уроки в школе, куда родители приходят на собрание раз в полгода. Я ничего не понимал в музыке, механически наматывал необходимые часы и ужасно стеснялся своей новой роли. Все ребята в школе в основном занимались спортом. До моего окончания музыкальной школы ни один из моих школьных дружков ни малейшего представления не имел о том, как я играю на виолончели. Когда же на каких-нибудь школьных праздниках учителя в стоворе с мамой пытались заставить меня выступить, то я под разными предлогами от этого уклонялся.

Чуть позже мой брат Андрей, который был на четыре года старше меня, самостоятельно поступил по классу контрабаса в музыкальную школу для взрослых, которая помещалась в этом же здании, что и детская школа. Андрей был удивительно замкнутый и серьезный юноша, и мы с ним не очень хорошо ладили, в то время как Алексей, который был на восемь лет старше меня, был моим героем и гораздо ближе мне по темпераменту. Но, к сожалению, постепенно, по мере взросления, я из младшего брата превратился для него в соплика. У Андрея же с ран-

него возраста проявилась тяга к серьезной музыке, и он совершенно осознанно стал интенсивно заниматься на контрабасе. Он уже был в том возрасте, когда мог сам покупать пластинки. У нас был вполне современный по тому времени проигрыватель с корундовыми иглами, который включался через приемник «Балтика», и много пластинок на 78 оборотов. Но лишь с того времени, когда Андрей стал увлеченно слушать музыку и покупать пластинки на 33 оборота, музыка зазвучала у нас в доме. Также у нас был телевизор «Рубин» с большим по тем временам экраном, в то время как у всех были в основном телевизоры с линзами. Отец сконструировал антенну прямо на балконе, и смотреть телевизор к нам ходили все соседи. Это было священнодействие. Вообще в то время в глазах соседей наша семья являла собой образчик мещанского благополучия — квартира, машина, дача. А мы, дети ученого, именовались профессорскими сыночками. Это не имело большого значения во дворе, в кругу сверстников, это была категория оценки взрослых, в основном учителей и соседей.

Все свободное время я проводил, гуляя во дворе. У нас было паровое отопление, и двор был достаточно большой и свободный, в то время как дворы соседних домов с печным отоплением были застроены сараями, порой двухэтажными, сколоченными из чего попало. Каждая квартира или, может быть, даже семья имела свой сарай с дровами. Прогулки в таком дворе носили соответствующий характер. Мой брат Алексей учился в мужской школе, и суровые нравы такого воспитания переносились во двор. Наш двор был благополучней других. Он запирался на ночь и охранялся дворником с усами и в белом переднике. На воротах был звонок и висела табличка, извещавшая о том, что туалета во дворе нет. Через какое-то время все это отменили, и туалет образовался прямо в нашем подъ-

езде, где и существует по сей день. Иногда во двор все же привозили много дров, пилили их на электрической пиле и выстраивали огромные поленницы, а потом куда-то увозили. Мы строили из дров крепости и играли в восхитительные детские игры, которые носили военный характер, и иногда эта война перерастала в войны между дворами. Все знали друг друга, поскольку учились в трех окрестных школах, но разделение по дворам было строгое. Алексей все время вязывался в какие-то драки и приходил с разбитым носом. Я играл во все азартные игры — фантики и ушки. Как-то Лена Емельянова, с которой я учился в музыкальной школе и которая была на год старше меня и раньше прошла это увлечение, отдала мне целую коробку фантиков, чем сильно подняла мой авторитет во дворе. Я знал достоинство любой пуговицы. Особенно ценились литые пуговицы с двуглавыми орлами и британские львы. Морские пуговицы моего отца с якорями и гербом пошли тоже ничего себе. Во дворе стоял теннисный стол, и старшие ребята все время играли. Мы крутились вокруг, и как-то раз я схватил со стола ракетку и побежал. За мной погнался Андрей Коссой, который был лет на шесть старше меня. Он был большой и грузный, я перепугался и, когда он меня уже догонял, резко развернулся и кинул ракетку ему прямо в лицо. Я разбил ему очки, стекло попало в глаз, его увезли на «скорой помощи» и сделали операцию. Он чуть не лишился глаза. Я же навсегда запомнил это и никогда больше так не «шутил». С Колей Николаевым, который жил этажом ниже, мы играли в оловянных солдатиков.

Когда я пошел в школу, куда ходили и Алексей, и Андрей, она, по счастью, уже давно не была мужской. В первом классе ко мне на день рождения пришел весь класс и был грандиозный праздник. Но со второго класса школу неожиданно сделали английской, и почти весь класс сме-

нился. То, что эта школа была привилегированная, не особенно ощущалось. По-моему, она была просто нормальной. Хотя мне трудно судить, я никогда не ходил в другую. К нам часто приезжали иностранцы, которые дарили жевательную резинку и, если повезет, шариковые ручки. Один раз они привезли пластинку *Beatles — Help!*. Как-то на большой перемене, когда я был дежурным по классу и остался вытирать доску, зашли старшеклассники и поставили эту пластинку на проигрыватель. Я, ничего не подозревавший, от первых же звуков совершенно потерял чувство ориентации. Это было нечто такое, чего я ни до этого момента, ни долгое время после не испытывал. Это было ни с чем не сравнимое ощущение радости, как будто жизнь вдруг приобрела какой-то смысл. Безмятежность детства была нарушена, хотя я ничего не запомнил, только слово «Help». Перемена кончилась, и пластинка была водружена за стекло в кабинете завуча. Я пытался поделиться своей радостью с друзьями и был приятно удивлен, когда Андрей Колесов написал мне имена тех, кто будет в этой жизни значить для меня больше, чем всё, с чем мне придется соприкоснуться. Оказалось, что у кузины Андрея уже давно есть пластинка *Beatles For Sale*. Чуть позже к дискам в школьном шкафу присоединились *Beatles — Oldies, But Goldies* и *Rolling Stones — Between The Buttons*, и мы находили благовидные предлоги, чтобы зайти в кабинет и посмотреть на них через стекло. Чуть позже эта музыка неизменно звучала на всех школьных вечерах, и педагоги несколько не были против. Еще, говорят, была пластинка *Hair*, но нам ее никогда не показывали, опасаясь за нашу нравственность. Как-то приехали финские школьники, и вместо урока нас повели в актовый зал, и все танцевали *Летку-Енку*. Это было очень здорово, потому что казалось абсолютно современным и хотя бы на короткое время давало ощущение того, что где-то есть другая жизнь.

В школе был хор, в котором мне всегда отводилась роль запевалы, хотя я считал это фантастической глупостью. У нас было трио солистов — Сережа Алексеев, Сережа Резников и я. Мы с хором пели песни про то, как:

В маленьком и тихом городе Симбирске,
Там, где катит воды мать российских рек,
Всем народам мира дорогой и близкий
Родился Великий человек.

Как-то раз мы пели на смотре школьных хоров в Капелле. А потом нас троих таскали по каким-то жилконторам и советам ветеранов, где мы в белых рубашках и красных галстуках пели *Бухенвальдский набат* и *Хотят ли русские войны?* и про то, как *Нас оставалось только трое на безымянной высоте*. Ветераны умилялись. Но, слава богу, у нас переломились голоса, и нас оставили в покое.

Примерно в то время, когда я впервые услышал *Help!*, Алексея забрали в армию. Бабушку разбил паралич, и мать полностью посвятила себя уходу за ней. Была осень, и на ноябрьские праздники мы всей семьей отправились на машине на дачу убирать листья. Но на обратном пути случилась беда: отец сбил велосипедиста. Это было очень страшно, поскольку я сидел на переднем сиденье и отчетливо его видел, отец же его не заметил. По счастью, велосипедист остался жив и даже ничего не сломал, но приехали гаишники, и нас отправили на медицинскую экспертизу. Выяснилось, что у отца отключилось периферийное зрение и что он уже давно болен. Он совсем сник, его положили в больницу на обследование, подозревая опухоль мозга. Мать сделала вызов Алексею, который тогда служил в армии, и ему дали отпуск. Под Новый год нас привели к отцу в больницу, и получилось так, что мы пришли прощаться. Через день он умер. У него оказался рак легких. Алексей уехал дослуживать, и наша жизнь стала вхо-

дить в новую колею. Мне было двенадцать лет. Почти сразу мы ощутили недостаток средств. У нас никогда не было никаких сбережений. Матери нужно было устраиваться на работу, но еще ей нужно было ухаживать за бабушкой, которая так и не была прописана в Ленинграде и не получала пенсию. Нам с Андреем назначили пособие по 70 рублей, а матери как жене ученого через полгода от Арктического института выхлопотали персональную пенсию в размере 50 рублей. Я еще не совсем понимал, что такое деньги, но постепенно почувствовал, что жить нам стало гораздо труднее. Неожиданную активность проявила Нонна: она стала притязать на «наследство», рассчитывая на площадь в квартире, машину и дачу в Белоострове. Дача же являла собой времянку и сруб только начатого дома. Это было крайне неприятно, но матери удалось продать машину по доверенности и тем самым избежать раздела имущества. Денег за машину хватило на то, чтобы рассчитаться с долгами. Мать беспокоилась, что не сможет платить за музыкальную школу, но как-то все образовалось. С квартирой и дачей дело заглохло само собой и до суда не дошло, хотя я не видел никаких оснований для судебных разбирательств.

Мой опыт хорового пения в школе был настолько негативным, что в музыкальной школе, где хор был обязательным предметом, я всегда старался его закосить. По счастью, я учился на оркестровом отделении, и подошло время, когда я вместо хора уже мог посещать школьный оркестр. Оркестр состоял из учеников старших классов и учеников музыкальной школы для взрослых, поэтому я попал в достаточно взрослую среду. Это была огромная радость, когда впервые то, что ты еще толком не научился делать, начало складываться в музыку. Мы играли Третью сюиту Баха, и, когда доходили до арии, у меня почти всегда наворачивались слезы. Но самым важным для меня было

обретение брата Андрея, который к этому времени играл в оркестре года два. Он был уже взрослый, заканчивал школу и жил замкнуто и почти независимо. И вот впервые у нас появилась какая-то точка пересечения. Он со своим контрабасом возвышался над всем оркестром прямо сзади меня, и я сделал для себя открытие, что наши партии во многом совпадают, а иногда звучат просто синхронно. После репетиции мы вместе возвращались домой, и мне было очень приятно идти вместе с братом, хотя мы оба мучились оттого, что не знали, о чем заговорить. Я сразу же полюбил нашего дирижера Всеволода Константиновича Горского, который был интересным человеком, способным увлекать детей. Каким-то образом ему удавалось путешествовать, и по возвращении он собирал оркестр, вешал карту Африки, показывал массу фотографий, приносил какие-то амулеты, томагавки и прочие редкости, и мы с открытым ртом слушали рассказы о его приключениях на слонах и верблюдах. Я очень увлекался книгами Майна Рида и Фенимора Купера и страшно любил приключения и кино про дальние страны и загадочные острова. Фильмы «Седьмое путешествие Синдбада» и «Барабаны судьбы» я смотрел раз по десять.

Мы жили с Андреем в одной комнате, и я немного уставал от такого объема сложной музыки, которая постоянно звучала в доме. Это был период, когда брат слушал Малера, Берлиоза и Стравинского. А когда звучал второй Славянский танец Дворжака, мать начинала плакать. Иногда, когда мы с мамой были вдвоем, я сам ставил эту пластинку, и мы с ней обнимались и плакали вместе. К нам перестали ходить гости, только неизменный Валентин Николаевич, бывший муж сестры жены мамино брата, дяди Кости, приходил каждый четверг. Иногда приходила Бада. Кем она нам приходилась, я не знаю, знаю только, что она была графиня Евгения Александровна Толстая и по-

чему-то всегда ходила в шапочке вроде чепчика, и мы с братьями над ней подшучивали и думали, что она лысая. Как-то Андрей купил пластинку *Музыка Юго-восточной Азии*, которая была очень непривычна для восприятия, но нам нравилась, и мы иногда потехи ради ставили эту пластинку, чтобы проверить терпение взрослых гостей.

Beatles я долго не слышал, и услышать их было негде. Только когда показывали фигурное катание, я всегда ждал спортивных танцев, потому что там иногда могла прозвучать похожая музыка. А когда транслировали чемпионат мира из Давоса, то в перерывах, когда чистили лед, играла какая-то группа. На следующий день в школе все спорили, были это *Beatles* или кто-то другой. Как-то в передаче «В объективе Америка» был рассказ о *Beatles* и звучала их музыка, но их самих не показали, только фотографии (впрочем, я не совсем уверен, что это было именно в этой передаче, поскольку *Beatles* англичане). А чуть позже, когда мы поехали к маминому брату дяде Сереже, моя двоюродная сестра Марина, которая была большая модница и доставала где-то польские журналы, вдруг подарила мне целую коробку из-под конфет с вырезками о *Beatles*. Когда я на следующий день принес их в школу, все ребята их рассматривали и передавали по всему классу. Дома у меня не было своей комнаты, но на даче я этими фотографиями заклеил целую стену.

Мать вынуждена была оставаться в городе с бабушкой, и почти все лето я жил на даче практически один. Раза два в неделю мама готовила обед на два-три дня и привозила его мне. В остальные дни я покупал полтора литра молока и батон, так и питался. Андрей сдавал экзамены в школе, потом сразу устроился на работу и приезжал только на выходные. Все соседи знали, что у меня умер отец, и жалели меня, в то время как ребята немного завидовали мне, что я живу самостоятельно, как взрослый, и ничем не

ограничен. Правда, моя взрослость чуть не закончилась, когда я отравился сигаретами. Мы с друзьями пытались курить, и меня тошнило. На следующий день неожиданно приехала мама и застигла меня в таком состоянии. Она очень разозлилась на моих друзей и хотела забрать меня в город. Наверное, она, как любая мать, считала, что ее дети непогрешимы и их портят какие-то другие злые дети. Но я уверил ее в том, что никто меня не заставлял и что я курил добровольно. Я и раньше пытался курить самокрутки из перетертых листьев, завернутых в газету, и перекурил все окрестные растения. Самой вкусной была ольха. А в городе я как-то вытащил у отца из машины пачку «Красной звезды». Мы с ребятами курили в поленице, где у нас был штаб, и нас застукал почтальон, но мы ему отдали почти всю пачку, и он обещал не говорить родителям. Я клятвенно заверил маму, что больше никогда не буду курить, что мне на самом деле больше и не хочется это делать. Правда, лет через десять, в 23 года, я все-таки закурил и курил восемь лет.

Моими лучшими друзьями по даче были Юрка Максудов и Лешка Ветберг. Каждое утро мы пересвистывались и бежали на речку, а потом целый день проводили вместе. Обычно мы на велосипедах ездили на залив или просто сидели на речке, а в плохую погоду, как правило, собирались у нас на даче и играли в карты. В конце лета мы ходили за грибами, воровали картошку на огородах, которые находились за пределами участков и непонятно кому принадлежали, и устраивали обеды. Я научился мастерски жарить грибы на керосинке. Мой брат Андрей слыл чудачком и, когда жил на даче, всегда держался независимо. Он мастерил телескоп и хотел жить в землянке, которую начал копать. Но когда землянка была почти готова, начались дожди, и ее затопило водой. В июле, на день рождения отца, мы с Андреем поехали на кладбище и вместе возвраща-

лись на дачу, и я помню, что он впервые меня обнял и рассказал, что устроился рабочим сцены в Мариинский театр, и как это прекрасно, и что он обязательно возьмет меня как-нибудь на балет. Я отнесся к этому с опаской, потому что по телевизору балет казался мне скучным. Когда же я все-таки сломался и согласился пойти на «Дон Кихота», то чуть не сошел с ума от счастья. Пока брат работал в театре, я пересмотрел с галерки все балетные спектакли. Когда же я ходил на оперу «Иван Сусанин», то чуть не зашнурил от скуки и оживился только во втором акте, когда начались танцы польских шляхтичей. Любимыми героями брата были Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара, а также Микис Теодоракис. Помню, Андрей купил его пластинки, и меня поразило звучание электрических бузук.

Я ходил в кино на все иностранные фильмы. Конечно же, любимыми были «Три мушкетера» и «Великолепная семерка», на которую меня сводила мама. Но еще больше мне нравился «Скарамуш», потому что там была очень красивая музыка. А самым сильным впечатлением была «Хижина дяди Тома», на которую я ходил несколько раз. Я приходил в «Ленинград», кинотеатр с гигантским экраном и мощным звуком, садился на первый ряд и совершенно растворялся в музыке негритянского хора, который в течение всего фильма пел спиричуэлс. Я даже запомнил слова *Let My People Go* и *Jericho*, а песню про Миссисипи, которая шла лейтмотивом всего фильма, я напевал много лет, мечтая еще хотя бы раз ее услышать. Мне очень нравилось начало фильма, когда будто на самолете подлетаешь к Нью-Йорку, пролетаешь под мостами и потом сразу оказываешься у ног статуи Авраама Линкольна. (Через несколько лет, когда мне довелось оказаться в Америке, я был очень удивлен, что эта статуя находится в Вашингтоне, а река Миссисипи и вовсе бог знает где.) Конечно же, чуть позже мы все смотрели «Этот безумный безумный

безумный мир» и «Воздушные приключения». Помню, мы ходили с Андреем и обхохатывались, представляя нашего дедушку, потому что нам казалось, что этот фильм буквально про него. Чуть позже были «Фантомас» и конечно же «Искатели приключений».

На следующий год умерла бабушка Мария Константиновна. В этот же год Андрея забрали в армию, но закончилась служба Алексея. С его возвращением в доме воцарился хаос. Он сразу же стал хозяйничать и первым делом выкинул на помойку письменный стол отца, который якобы занимал слишком много места. Ящики из стола с бумагами года два стояли посреди комнаты. Куда-то пропала гигантская бронзовая люстра, которая висела в большой комнате и спускалась почти до круглого стола. Постепенно стали исчезать и другие вещи, все поменялось местами, и дом перестал походить на тот, в котором я вырос. Наконец пришли какие-то люди из музея истории города и до кучи забрали пропеллер. С тех пор его никто никогда не видел. Когда через 20 лет я увидел фильм «Blow Up», у меня было полное ощущение, что в фильме фигурирует тот самый пропеллер.

У нас снова появились гости — это были однополчане моего брата, с которыми он все время пил. Летом вся эта компания оккупировала времянку на даче. Я еще ничего толком не осознавал, но никак не мог понять, почему привычное пространство разрушается, но при этом ничего не становится лучше. Однажды, когда на дачу приехала очередная компания, меня угостили водкой. Алексей устроился работать на какой-то завод. Когда он ночевал на даче, то, чтобы не опоздать на электричку и поспать лишние 15 минут, он поднимал меня в полшестого утра, сажал на раму, и мы ехали на вокзал, а я потом пригонял велосипед домой и ложился досыпать. Мне ужасно не хотелось вставать, но мой сон в расчет не шел, и я должен был воспри-

нимать все как должное, ведь Алексей был моим старшим братом.

Ни у кого из моих друзей не было магнитофона и, хотя у всех были какие-то проигрыватели, естественно, не было никаких современных пластинок. Чуть позже, когда поп-музыка стала прочно входить в круг наших увлечений, долгоиграющие пластинки и сорокопятки стали появляться в школе у ребят из старших классов. Я еще толком ничего не слышал, но одна девушка из нашего класса, Галя Мурадова, вдруг подарила мне книжку Брайана Эпстайна *Beatles — A Cellarfull Of Noise*. Я старался ее читать, но моего знания английского языка пока еще не хватало, чтобы прочесть всю книгу, я с трудом читал то, что задавали в школе. Зато в книге было много фотографий. В девятом классе, когда надо было на месяц ехать в колхоз и у меня не было ни копейки денег, я сдуру продал эту книгу за три рубля своему дружку с дачи Леше Ветбергу. Кстати, у него как раз был магнитофон, и летом я слушал *White Album* и никак не мог сопоставить услышанное с тем представлением о *Beatles*, которое у меня сложилось после *Help!*. Кто-то собирался взять магнитофон в колхоз, и Вова Ульянов, мама которого преподавала в нашей школе, смог достать вожделенные пластинки и переписать их. Каждый день у нас начинался и кончался музыкой *Beatles*.

Все годы со времени смерти дедушки Всеволода мать и ее братья были озабочены тем, что, имея родственников за границей, мы не получали никакой помощи от них. Как-то из Италии приехала их кузина Ляля. Она была певицей и выступила в Малом зале Филармонии со своим мужем, пианистом Гвидо Агости. Мать по-прежнему боялась, что будут какие-нибудь проблемы, хотя отец уже умер. Все родственники тоже боялись, но всем очень хотелось подарков. Как-то приехала наша швейцарская тетка Ирина и подарила всем нам швейцарские часы. Я с гор-

достью носил эти часы и иногда давал их поносить друзьям на каком-нибудь уроке.

В это время в школе уже была группа, в которой играли ребята из старших классов. С восьмого класса мы тоже становились старшекласниками, и нам разрешалось ходить на вечера, которые устраивали в школе каждый месяц. Меня завораживал звук электрической гитары, на которой играл некто Репа, а Гриша Асатурян при этом пел песню *Beatles* — *Boys*, которую я впервые услышал в его исполнении. К сожалению, у меня не было своей гитары, и я даже не подозревал о том, что мне было легче других научиться на ней играть. Когда ребята из нашего класса тоже решили собрать группу и у них не оказалось басиста, они предложили играть мне, хотя у нас в классе был еще Лева Капитанский, который классно играл на гитаре. Я не имел никакого навыка, но быстро научился, поскольку мне оказалась понятна логика построения партии баса по опыту игры на виолончели в оркестре музыкальной школы. Мы сшили двубортные вельветовые пиджаки и расклешенные штаны. Но, к сожалению, собственной белой водолазки у меня так и не было, и я вынужден был на каждое выступление стрелять ее у дружков. (Когда мы ходили в школу, нам запрещали так одеваться, и мы были вынуждены носить форму.) На гитарах играли Никита Воейков и Вова Рыжковский, а на ударных (малом барабане и тарелке) Вова Ульев. Откуда в школе взялись болгарские электрические гитары, я не знаю. Включались все в усилитель «Кинап». Также откуда-то взялись две желтые колонки, на которых мы, как у *Beatles*, написали «Vox». Названия мы не имели, и после первого выступления нас прозвали *Vox*, думая, что это название группы. Ко второму нашему выступлению Ульев уже нарисовал афишу с таким названием. К сожалению, никто не пел, и мы играли инструменталы. Постепенно стали появляться ребята из другой школы: некто Валя, который пел «на ры-

бе» песню *Every Night Before*, с двусмысленным припевом «Don't Fuck Me Boy», смысл которого никто тогда не понимал. Хотя каждый из нас знал английский лучше этого Вали, никто из нас не понимал ни одной английской песни, не говоря уже о том, чтобы толком подобрать музыку и слова. Правда, будучи в колхозе, мы с Андреем Колесовым, который был главным экспертом по части языка, пытались снять слова *It's Only Love*, которые впоследствии оказались немного другими.

Неожиданно нам сделали подарок: в качестве заставки к воскресной политической телепередаче «7 дней» взяли *Can't Buy Me Love*, и ее теперь можно было слышать каждую неделю. Кстати, и сами передачи тоже были интересны, поскольку всегда оставалась вероятность, что покажут запретный плод. Также в это же время пошел документальный фильм «Семь нот в тишине», в котором одна из частей была рассказом об истории современного танца, который кончался твистом и рок-н-роллом. Каждый танец показывали секунд по пятнадцать, и, конечно же, все считали, что там показывают *Beatles*. Разумеется, это были не они, и я сейчас хотел бы посмотреть тот фильм, чтобы узнать, кто же там был на самом деле. Я думаю, *Animals* или кто-то из американцев. Это была скучная, но пища для души.

К тому моменту я переходил в последний класс музыкальной школы. Мой преподаватель Анатолий Кондратьевич имел какие-то жилищные проблемы и попросил маму сдать ему комнату. Я умолял ее, чтобы она ни в коем случае этого не делала, чтобы она подумала обо мне, какво мне будет жить под одной крышей со своим педагогом. Алексей же считал, что она просто сошла с ума. Но мама согласилась, и наш дом превратился в коммунальную квартиру со всем вытекающим из этого идиотизмом. Алексей психовал и с этого времени буквально возненавидел мать.

Анатолий Кондратьевич, которого я по-своему любил и уважал, занимался со мной дома, и, помимо этого, я два раза в неделю ходил к нему же на занятия в школу. Он взял более сложную программу и говорил, что мне непременно надо поступать в училище. Для него, как для человека, который двадцать лет просидел в оркестровой яме, это было само собой разумеющимся. Его легко понять, поскольку у него была тяжелая судьба: в восемнадцать лет он отправился на фронт и всю войну прошел танкистом, а после ее окончания поступил в консерваторию.

У меня не было выбора, и я вынужденно занимался виолончелью, хоть такое количество занятий было чересчур. Но сейчас я с благодарностью вспоминаю этот период, когда я действительно начал играть. Может быть, последуй я совету Анатолия Кондратьевича, из меня и вышел бы толк. К сожалению, у меня не сложились отношения с педагогиней по классу фортепьяно, и все годы учебы в музыкальной школе я с трудом разучивал самую элементарную программу. Я так и не научился толком играть, о чем сейчас очень жалею.

Странно, что в музыкальной школе у меня почти не было друзей. Наверное, дело было в том, что занятия там индивидуальные, и поэтому все так и держались особняком. На репетициях оркестра все заняты делом, и это не очень располагает к общению. Впрочем, какое-то время я контактировал с альтистом Игорем Гоголевым и скрипачом Вовой Левитом. Только на уроках сольфеджио можно было пообщаться, и я подружился со скрипачом Колей Марковым.

Я вырослел и летом на даче вел достаточно беспутный образ жизни. Детские шалости и первые опыты постепенно превратились в привычное подростковое пьянство. Денег не было, но, поскольку я по-прежнему жил независимо, время от времени кто-нибудь приносил алкоголь. На-

верное, в таком возрасте этот опыт неизбежен. Иногда мы собирались на поляне играть в лапту — любимую игру моего детства. Но как-то я приехал туда на велосипеде, уже плохо держась на ногах, упал в воронку от бомбы и заснул. Проснулся я ночью изъеденный комарами и еле добрался до дома, где проспал весь следующий день.

В этом же году я предпринял путешествие в Белоруссию, к Ульеву в деревню. Я пришел к его старшему брату Валерию, чтобы узнать, как до него доехать. Я не стригся все лето и уже почти был похож на всех четверых моих кумиров. Валерий, который был очень строгих правил, спросил меня, решил ли я уже, куда буду поступать, и наказал мне постричься, а то как это я, столичный парень, поеду в деревню показывать дурной пример. Я сдуру внял его совету и поехал в деревню. С тех пор я больше никогда не слушал ничьих советов по поводу своей прически: когда я приехал в деревню и встретил Ульева, у него были длинные волосы. К тому же меня сразу напоили самогоном, и моя столичная стрижка перестала иметь какое-либо значение. Две недели в экзотической белорусской деревне так и прошли под знаком самогона.

Пьянки продолжались и в школе: перед каждым походом на школьный вечер мы с друзьями выпивали бутылку портвейна в подъезде и, пока твердо держались на ногах, шли в школу и самозабвенно танцевали шейк, разбившись на группы, мужскую и женскую. Пару раз меня ловили преподаватели и ставили мое состояние мне на вид. В это время в кино пошел испанский фильм «Пусть говорят» с певцом Рафаэлем. Все ходили на него по нескольку раз, но мне больше нравились «Шербурские зонтики» и «Мужчина и женщина». Меня совершенно завораживала музыка к этим фильмам. А особенно мне нравились уличные танцы в «Девушках из Рошфора». И совершенно неожиданно восхитила меня «Моя пре-

красная леди», хотя на эту экранизацию «Пигмалиона» нас сводили насильно. А в фильме «Серенада большой любви» Марио Ланца, зайдя в ресторан, присоединялся к черным музыкантам и пел настоящий рок-н-ролл. Я был в полном восторге; Марио Ланца мне очень нравился еще по фильму «Великий Карузо». Я пока не вполне это осознавал, но чувствовал, что между «серьезной» музыкой и рок-н-роллом существует непреодолимая пропасть. По крайней мере, я никогда не смог бы признаться Анатолию Кондратьевичу в своей любви к *Beatles*. И тут я неожиданно увидел, что эта пропасть преодолима, что все едино, что и одно, и другое может быть красиво; и дело только во вкусе и в снобизме некоторых музыкантов, представителей обоих жанров (тогда я не понимал слова снобизм, хотя на уроке английской литературы нам много говорили о снобизме Сомса Форсайта).

Я окончил музыкальную школу вместе с девятым классом общеобразовательной. Я не строил никаких планов, и меня уговорили заниматься еще один год в музыкальной школе, чтобы лучше подготовиться, если после окончания школы я решу поступать в музыкальное училище. Мне было все равно, и я согласился, хотя не собирался в училище и не стал заниматься интенсивнее. Анатолий Кондратьевич съехал, но не далеко, в квартиру этажом выше. Я с облегчением вздохнул и переехал в его бывшую комнату. Но наши занятия продолжились — я ходил к нему наверх.

Алексей устроился работать официантом в ресторане и собрался жениться. Дистанция между нами все увеличивалась. Неожиданно, без предупреждения, в отпуск приехал Андрей. Почти два года я писал ему скудные дежурные письма, не зная, о чем писать. И вдруг вместо прежней замкнутой и странной личности в доме появился человек, с которым я был готов делиться абсолютно

всем и который станет моим самым близким другом на долгие годы. К сожалению, брат уехал еще на несколько месяцев, а мне нужно было как-то заканчивать школу. По всем предметам у меня была стабильная тройка, которая меня вполне устраивала. Но надо было сдавать экзамены, и в этой ситуации настоящим другом оказался Ульев, взявшийся заниматься со мной физикой и математикой, которые я без его помощи не сдал бы. Время экзаменов совпало с началом чемпионата мира по футболу. Я, обычно равнодушный к спорту, с большим интересом смотрел некоторые матчи и болел за английскую команду, поскольку у всех футболистов были длинные волосы, а у Джорджа Беста волосы вообще были ниже плеч. Я физически ощущал, что в мире происходит нечто такое, что мне близко и интересно, но до нас эта волна никак не может докатиться. Однако в результате мне пришлось идти в парикмахерскую, поскольку с такой прической к выпускным экзаменам не допускали.

После выпускного вечера мы пошли к Леше, брату нашей одноклассницы Оли Голубевой, и я неожиданно обнаружил, что тот мир, о существовании которого я только подозревал и принадлежность к которому чувствовал, реально существует даже здесь. Леша учился в Университете, был чрезвычайно интеллигентным человеком, слушал всю современную музыку и прекрасно в ней разбирался. Он жил отдельно от родителей на Моховой в комнатке, на стенах которой висели плакаты и фотографии групп, каких я еще не слышал, и конечно же там были *Beatles*. У него можно было посмотреть пластинки, которые он брал переписывать, какие-то музыкальные журналы и книги. А на шкафу в коробке жило Жрало. Можно было по-разному относиться к тому «существу», которое Леша показывал гостям, но оно не требовало интерпретации: это была психоделическая вещь. С тех пор я стал любить непо-

нятное — чем непонятнее, тем лучше; главное не пытаться это как-то истолковывать и расшифровывать. У Леша можно было на несколько часов окунуться в мир, который для меня пока не был вполне доступен. А главное, хотя Леша был на три года старше нас, эта разница не ощущалась, он был с нами абсолютно на равных. В то время каждый визит к нему становился для меня событием.

Я оставил идею поступления в музыкальное училище и вообще никуда не собирался поступать. Анатолий Кондратьевич грозился, что я буду кусать локти, но постепенно снял осаду и оставил меня в покое. Наконец в августе Андрей вернулся из армии, и мы стали все время проводить вместе. Все-таки в конце лета меня уговорили подать куда-нибудь документы, так как до восемнадцати лет мне могли платить пособие за отца только в том случае, если я буду учиться. Я лениво листал справочники, понимая, что ничто из предлагаемого меня не интересует. Мне показалось, что отделение звукозаписи кинотехникума может оказаться самым подходящим, и я пошел подавать документы туда. Придя же, я узнал, что на это отделение берут только с восьмью классами, а у меня, как на грех, десять. В приемной комиссии меня уверили в том, что я могу проучиться год на другом отделении, а потом, если захочу, перевестись на звукозапись. Думать было лень, я неожиданно получил пятерку по математике и поступил на отделение «Монтаж и эксплуатация киноустановок».

В самом конце лета обычно проходил фестиваль песни в Сопоте, который по телевизору давали выборочно, но в том году его почему-то показали целиком. Конечно, это было не совсем то, что хотелось бы слушать, но все равно все смотрели, поскольку так или иначе это был какой-то выход во внешний мир. И вдруг в один из дней в качестве гостей фестиваля появились *Christie*. Это было неслыханно — в прямом эфире английская группа, песня которой

Yellow River в то время была на первом месте в английском топе. Работало абсолютно все: драйв, с каким они играли, и то, как они выглядели... На следующий день выступала Джоан Баез и пела *Let It Be*, песню *Beatles*, которую еще никто из нас не слышал. Выяснилось, что фестиваль смотрели абсолютно все мои друзья и на всех это произвело неизгладимое впечатление.

На следующий день моя учеба в кинотехникуме началась с того, что и там нашелся какой-то псих, который, встречая всех у входа, с ходу заорал на меня, что на следующий день он с такой прической меня не допустит к занятиям. Конечно же, мне надо было просто повернуться и уйти и не переступать больше порог этого дома, но я еще не был готов к таким поступкам. Все же я проигнорировал его требования, пытаясь как-то уложить или зачесать волосы, и тупо ходил на занятия, не понимая, для чего я слушаю все эти вещи. Самое нелепое, что моя стабильная тройка в школе здесь превратилась в пятерку, и я легко учился по всем предметам. Почти вся группа состояла из приезжих девочек. С одной стороны, это было приятно, но с другой — я все равно чувствовал себя инородным телом. Я по-прежнему общался со своими школьными друзьями, которые почти все поступили в институты. Ульев учился в Политехническом институте, где на каждом факультете были свои поп-группы. Мы постоянно ходили туда на вечера, которые значительно отличались от школьных, потому что студенческие группы играли на другом уровне. А играли они в основном кавер-версии *Beatles* и *Stones*. До меня стали доходить слухи о знаменитых группах *Фламинго* и *Санкт-Петербург*. О концерте *Фламинго* в Политехе ходили легенды. На вечера в Политех пытались попасть внешние тусовщики вроде меня, и иногда пробираться туда приходилось через окно в туалете, карабкаясь по водосточным трубам и карнизам. Как-то

я просочился на концерт группы *Основание*, и Ульев уверял меня, что это на самом деле *Основание Санкт-Петербурга*. Как-то раз Леша Голубев пригласил меня сходить на реальный сейшн в ДК «Маяк», где играла группа *Шестое чувство*. Концерт разительно отличался от танцевальных студенческих вечеров в Политехе, где в основном была своя студенческая аудитория, — это был настоящий сейшн, где были совсем другие люди, посвященные. И видно было, что играет настоящая группа — эти люди не учатся на инженеров, они рок-музыканты.

Доступ к внешней информации тоже расширился. В каждом институте была категория людей, которые увлекались поп-музыкой, и в этой среде циркулировали пластинки. У Андрея Колесова был *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band* и пара пластинок *Rolling Stones*. У Ульева был *White Album* и *Bridge Over Troubled Water* Саймона и Гарфанкеля, которые ему привез брат по дороге из Антарктиды. Также он привез ему настоящий джинсовый костюм. У Андрея Михайлова по прозвищу Мясо из параллельного класса были *Doors* и *Cream*. Я не мог позволить себе роскоши покупать пластинки, но, хотя мой проигрыватель уже устарел, все же я иногда мог брать эти пластинки и слушать их. Откуда они возникали, понять было невозможно, но, услышав один раз, я уже тогда навеки влюбился в *Since I've Been Lovin' You*. У Никиты Воейкова был тройной *Woodstock*, и мне больше всего нравилась сторона с *Who* и песня *Wooden Ships* Кросби, Стиллза и Нэша. Джими Хендрикс пока был выше моего понимания, и прошли годы, прежде чем я его принял окончательно. Самым же главным было ощущение времени и того, что сейчас происходит нечто очень-очень важное. И самым непостижимым был *Сержант*, который менял представление о *Beatles*, казалось бы, уже сложившееся раз и навсегда. Его невозможно было понять сразу. Его

надо было слушать сто раз, и при этом хотелось еще. Мы штудировали каждое написанное на обложке слово и, хотя еще не представляли себе, что эта пластинка произвела революцию во всем мире, уже подсознательно это чувствовали. Слушание этого альбома превратилось в таинство. Невозможно было поставить пластинку и продолжать разговаривать. Мы с братом Андреем выключали свет и погружались в мир, который нам предлагали посетить наши проводники и который для меня становился реальнее того, в котором мне приходилось жить. В кинотехникуме разделить все это мне было не с кем.

В феврале мне должно было исполниться восемнадцать, меня должны были лишиться пособия, и после Нового года меня потянуло на волю. Я знал, что меня все равно заберут в армию, поэтому плюнул на все и ушел. С тех пор я никогда, нигде и ни на кого больше не учился.

Как-то я забрел в ДК им. Ленсовета, где была какая-то чешская выставка. В фойе стоял настоящий «Juke-Box», начиненный сорокапятками. Конечно же, я изучил весь каталог. Почти вся музыка было чешской, но каким-то образом здесь оказалась одна сорокапятка *Beatles — Hey Jude* и одна *Guess Who — American Woman*. Можно было прийти, опустить двадцать копеек и слушать сколько угодно, потому что сразу же собирались люди, и все по очереди ставили одну и ту же песню. Это было великолепно — в публичном месте играет такая музыка, и можно наблюдать, как все люди мгновенно реагируют и сразу преобразуются.

Алексей женился и уехал жить к жене, и к нам на полгода переехал двоюродный брат Павел, который всю жизнь жил за шкафами в одной комнате с родителями. Он с детства был очень дружен с Андреем, и мы стали жить одной семьей. У меня оставалось какое-то время до неотвратимой и уже нависшей армии. Хотя Павел был ровесником

Андрея и на четыре года старше меня, его должны были забрать в это же время. Никита Воейков поговорил со своим отцом, и меня на месяц зачислили грузчиком на завод «Измеритель», что было большой удачей, так как перед армией меня на месяц просто не взяли бы. Я был оформлен как постоянный работник, что давало мне право на получение выходного пособия. Я грузил какое-то железо и мусор, ездил на городскую свалку и неизвестно почему получал от этого огромное удовольствие. Что-то произошло, мне было абсолютно все равно, что делать, и почему-то я был счастлив. Я получил свою первую и единственную зарплату, которая благодаря пособию оказалась удвоенной, закатил отвальную и отправился в армию.

Глава вторая

Меня привезли в Пушкин на пересыльный пункт. Часа через три мне неожиданно объявили, что произошла какая-то ошибка и мне придется вернуться домой до особого распоряжения — может быть, даже до следующего призыва. Это была не совсем радостная весть, поскольку я уже настроил себя на длительное путешествие во времени. Я понимал, что армия — это не просто, но надо от нее отделаться как можно быстрее. В то время я не знал, что существуют какие-то способы отмазки. Да если бы даже и знал, то все равно предпочел бы отслужить, нежели косить несколько лет. Пока я ожидал окончательного решения своей участи, неожиданно материализовался мой брат Алексей. Он разведал в военкомате, куда меня повезли, и, на своем опыте зная, что я могу застрять на пересыльном пункте на несколько дней, поехал в Пушкин. Он быстро договорился с какими-то

«покупателями» — офицерами, которые съезжаются за «товаром» на пересыльные пункты, как работоторговцы. И в этот же день меня уже грузили в поезд, который формировался в Закавказский округ. И еще через несколько дней путешествия я оказался в городе Марнеули, в сорока километрах от Тбилиси.

Рассказывать, что такое армия, бессмысленно. Совершенно очевидно, что это потеря времени и, может быть, самых лучших лет юности. И я очень рад тому, что для меня они прошли более-менее безболезненно. Мой несчастный брат Алексей вернулся со службы нравственным калекой, и для него армия осталась самым главным из того, что произошло с ним. Он и по сей день празднует все милитаристские праздники. На почве алкоголизма его военный опыт принял и вовсе гипертрофированную форму. У него слились воедино остров Даманский, Вьетнам, Афганистан, и из радиста ракетных войск он постепенно превратился в десантника и разведчика, а шрамы, полученные в пьяных драках, стали боевыми ранениями. Ну да ладно, мне еще не один раз придется вспоминать своего брата в ходе этого повествования. У меня же выработался стойкий иммунитет к этой теме, и армию я просто никогда не вспоминаю, как будто я там не был. Возвращаясь лишь теперь к моему армейскому опыту, я отмечу только то, что и там я встретил много прекрасных людей. Гена Степаненко и Володя «Пачка» Свиридов из Самары и Жора Шестакович из Ново-Волынска помогли мне поверить в то, что остров, на котором я очутился, обитаем. Мы стали близкими друзьями. С Геней мы дружим по сей день; к сожалению, недавно я узнал, что Жора Шестакович погиб в автокатастрофе. Скрасить изоляцию от внешнего мира мне помогли школьные друзья, которые писали мне обо всех новостях в области музыки. Андрей Колесов к тому же присылал мне слова песен

Beatles и *Stones*. Коля Марков, как и я, не стал поступать в училище и забросил занятия скрипкой. Он выбрал спорт, но в то же время пытался играть в группе *Второе дыхание*. Я тоже приумножил свой опыт игры на бас-гитаре, выступая на танцах в офицерском клубе в составе гарнизонной группы, организованной лейтенантом Славой Пинчуком, случайно и навеки связавшим себя с армией. У нас в группе был замечательный гитарист Олег Острижнов из Ростова, который блестяще, один в один, играл *It's All Over Now*, но позже я потерял его след.

Глава третья

Как бы то ни было, я благополучно вернулся домой и был абсолютно свободен. Шел семьдесят третий год, мне было двадцать лет и было абсолютно все равно, чем заниматься. Первым делом я обнаружил, что Алексей пропил мои швейцарские часы, которые я оставил ему на хранение. К этому времени он уже успел развестись с женой и вернулся жить в родительский дом. Незадолго до моего возвращения он пьянствовал на даче и спалил времянку. Сгорело наше единственное жилье и соседские постройки. Сруб дома, который не успел достроить отец, по счастью, не пострадал. Уже десять лет он стоял без окон, дверей и полов. Андрей женился, но не имел постоянной работы и перебивался случайными заработками. Все свободное время я проводил с ним и его женой Татьяной. Мы ездили на дачу, убирали пепелище и смотрели на дом, не зная, с какой стороны к нему подступиться, поскольку денег не было ни копейки. Я старался переслушать всю ту музыку, которую упустил за годы изгнания, но наш проигрыватель абсолютно

устарел, и мне уже не давали пластинки, боясь, что я их запилю.

Время было такое, что надо было устраиваться на работу. Как-то позвонил приятель Андрея и сказал, что на некоем ДOME грампластинок, рядом с которым он живет, висит объявление, что требуется экспедитор. Мне было безразницы, чем заниматься, а название учреждения как-то интриговало. Дом грампластинок оказался просто оптовой базой и складами фирмы «Мелодия», и меня сразу же туда взяли. Работа заключалась в том, чтобы загрузить полную машину грампластинками и развезти их по магазинам. Пластинки оказались очень тяжелыми, и в день приходилось перетаскивать по две-три тонны — погрузить и разгрузить, но при этом можно было достаточно быстро обернуться и часам к трем, а иногда и к двум, уже быть свободным. Это было не обременительно и меня абсолютно устраивало, оставалась масса свободного времени. Единственным неудобством было то, что иногда надо было ехать в командировку по Ленинградской, Псковской и Новгородской областям. Иногда оно и не так плохо, но я на трое-четыре суток оказывался в замкнутом пространстве с водителем, и в пути не было никакой гарантии ночлега. Приходилось искать приют в каком-нибудь доме колхозника либо ночевать прямо в автомобиле. Летом это еще терпимо, можно соорудить себе лежбище в кузове. Но ближе к осени это стало невозможно. Пару раз мне приходилось стучаться в деревенские дома, а иногда и просто сидеть в кабине с водителем, который тоже не был особенно счастлив, поскольку, если бы я убрался, он мог бы лечь на сиденье и как-то устроиться. К тому же ему непременно надо было пить и говорить за жизнь, а меня это не очень интересовало. Один раз, пока мы разгружались в каком-то городке и решали, ехать ли нам дальше или заночевать на месте, водитель успел выпить бутылочку портвейна.

Я этого не заметил, и мы поехали дальше. Машина была марки «ЗИЛ-130», весом 5 тонн, и вел ее человек, которого я до этой поездки ни разу не видел. Он разогнался, и вдруг я почувствовал, что машину носит из стороны в сторону. Когда я взглянул на водителя, то ужаснулся: он был совершенно пьян и ничего не соображал. Я пытался его уговорить остановиться, но он мне отвечал что-то вроде: «Моряк ребенка не обидит!» Так мы проехали километров двадцать. Нам повезло, что было еще достаточно светло и что это была второстепенная дорога, так что встречные машины почти не попадались. Мы заночевали в каком-то доме, куда обычно за рубль пускали спать на лавке. Водитель полночи продолжал пить с «гостеприимным» хозяином, но, слава богу, под утро оба затихли. Утром у водилы проснулся комплекс вины, и оставшиеся два дня пути он молчал. Я стал подумывать о том, что, может быть, эта работа меня не совсем устраивает. Осенью мне предложили перейти просто рабочим на склад, и я согласился. Работа заключалась в том, чтобы утром погрузить, а после обеда разгрузить несколько машин и контейнеров с товаром с заводов грампластинок. В паузах мы заколачивали ящики, которые отправлялись поездом. Все это происходило в подвале. Коллектив состоял из нескольких теток, которые постоянно матерились. Время от времени приходили контейнеры с импортом из Восточной Европы. Это всегда было интересно, ибо там могли оказаться лицензионные пластинки. Иногда и сами польские или чешские пластинки были достаточно интересными. Так моим любимым польским артистом стал Чеслав Немен. Как работник фирмы я имел право на приобретение нескольких экземпляров и мог снабжать пластинками всех своих дружков. Пластинки оказались единственным положительным фактором, в остальном это была тяжелая, изнурительная работа.

Я проводил много времени со своими старыми друзьями. Мы часто виделись с Никитой Воейковым и его женой Ольгой, с которой мы мгновенно подружились. Через некоторое время наше общение постепенно свелось к тому, что у них в гостях я больше говорил с Ольгой, а у Никиты всегда находились другие дела. Иногда мы с Ольгой шли гулять. Мы ходили в Эрмитаж или Академическую столовую, где в плохую погоду можно было сидеть и пить кофе. Там собирались интересные люди — Кол Черниговский и Владимир Карлович, которого звали Желтым. Может быть, Никита и ревновал, но при этом делал вид, что ничего не имеет против. У них с Ольгой явно что-то не ладилось, и я каким-то образом оказался в трещине между ними. Как-то осенью Никиту отправили на картошку, и на выходные я поехал навестить его в деревню Чёлово. Это был классический вариант трудовой повинности, когда вечером все напиваются, поют песни под гитару и спят вповалку в колхозном бараке. Я не понял, зачем приехал, поскольку делать там было абсолютно нечего, и к вечеру следующего дня я решил уехать. Назад мы ехали вместе с Джоном и Сэнди, с которыми только что познакомилась и оказались попутчиками. Они мне очень понравились и чем-то напоминали Джона с Йоко. Путь был не близок, и мы всю дорогу болтали о *Beatles*. Джон, родом из Сибири, был настоящим битломаном. Как мне казалось, он знал о *Beatles* абсолютно все, его было интересно слушать, но для этого надо было уметь его разговорить, что поначалу оказалось не так просто. Он играл на электрооргане, и мы предполагали продолжить знакомство.

Уже глубокой осенью я решил зайти в музыкальную школу и навестить Анатолия Кондратьевича. Я пришел в класс; мой педагог был очень рад встрече и предложил мне посидеть и послушать. Я просидел часа три, дождался, когда он закончит, чтобы его проводить и поговорить

за жизнь. На меня нахлынула масса эмоций и воспоминаний. Я снова оказался в мире, с которым давно порвал, но при этом где-то оставалось ощущение, что я каким-то образом к нему принадлежу. Мы разговорились, и разговор кончился тем, что Анатолий Кондратьевич предложил мне продолжить наши занятия. Он договорился, что мне, как старому ученику, которого еще помнили все педагоги, позволят свободно посещать предметы, какие я захочу, и я попробую подготовиться к экзаменам в музыкальное училище. Коль скоро это была одновременно и детская школа, и школа для взрослых, мой возраст не был критическим. Анатолий Кондратьевич достал мне виолончель и смычок (у меня не было своих), и мы стали заниматься. Я продолжал работать с девяти до пяти, потом приходил домой и занимался на виолончели. После трехгодичного перерыва пришлось начинать с самого начала, руки совсем не слушались. К тому же я продолжал надирать их, таская коробки и ящики с пластинками. Но через два месяца я уже играл вполне сносно и мог снова участвовать в школьном оркестре. У меня уже были длинные волосы, и как-то после репетиции мы разговорились со скрипачом Никитой Зайцевым, который тоже выглядел достойно. У нас быстро нашлась общая тема — нет ли у меня последнего *Цетпелина* или чего-то в этом духе. Никита не сразу раскрылся, а как-то туманно намекнул, что иногда играет другую музыку. Меня это заинтриговало, и мы быстро подружились. Как-то Никита предложил мне сходить на концерт *Аргонавтов*, и, когда мы пришли, я был восхищен тем, что нас запросто пропустили, а он знает музыкантов этой группы. Чуть позже мы ходили на *Мифов*, и через какое-то время хождение на сейшн для меня стало привычным занятием. Но мне так и не посчастливилось послушать *Санкт-Петербург*, в котором, как выяснилось, играл сам Никита. Они в это время уже не

играли вместе, а трансформировались в *Большой железный колокол*. Мне было чрезвычайно лестно, что я могу бывать среди этих людей. Также я уже самостоятельно ходил в Тряпку (Текстильный институт) на *Землян*.

Как-то я случайно встретил Олю Голубеву. Оказывается, она с семьей переехала на улицу Рылеева совсем рядом со мной, и я теперь мог ходить к ним с Лешей слушать музыку. К ним часто приходили гости, и совершались церемонии слушания *Dark Side Of The Moon* и *Jesus Christ Superstar*. Каждый раз это было таинство. В то время это действительно воспринималось именно так, разговаривать было невозможно, музыку можно было только впитывать.

Еще когда я приезжал в отпуск из армии, мы познакомилась с Андреем Усовым, которого все просто звали Вилли. У него был теплый гостеприимный дом, и на все праздники собиралась прекрасная компания. Он очень любил показывать слайды, а потом все непременно пели любимые песни *Beatles*, *Stones* и Саймона и Гарфанкеля. У него было много пластинок, и я очень полюбил Кэта Стивенса — *Teaser And The Firecat*. К тому времени мой брат Андрей купил стереофонический проигрыватель «Вега-101», и друзья уже безбоязненно давали мне любые пластинки. А Сэнди подарила мне двойной сборник *Beatles 1967—1970*. Это была моя первая настоящая пластинка.

Я продолжал работать в подвале и мечтал купить магнитофонную приставку «Нота» и приемник, на которые мне было никак не накопить. Но я чувствовал, что на такой работе долго не выдержу, и весной все-таки решил снова перевестись в экспедиторы. Я уже не мог сидеть на одном месте, а работа экспедитором давала бóльшую степень свободы и чуть больше свободного времени. Я продолжал заниматься музыкой, постепенно увеличивая про-

должительность занятий, начинал входить в ритм интенсивной работы, и меня тащило все дальше. Я подтянулся по теоретическим предметам и чувствовал некоторую уверенность в себе. За месяц до экзаменов я взял отпуск и стал заниматься по восемь часов в день. Никита Зайцев собирался поступать в училище им. Римского-Корсакова, и я решил идти туда же, хотя училище им. Мусоргского было совсем рядом, на Моховой. В этом был определенный снобизм: училище им. Римского-Корсакова было при Консерватории и котировалось выше, к тому же Анатолий Кондратьевич хорошо знал тамошних педагогов и рекомендовал мне идти туда. Лена Емельянова, с которой мы раньше вместе учились, тоже училась там и теперь уже заканчивала.

Когда мы с Никитой встретились на консультации, он познакомил меня со своим другом пианистом Сережей Курехиным, которого он пригласил как концертмейстера. Консультация — это когда ты играешь экзаменационную программу не перед комиссией, а непосредственно перед преподавателем, который набирает класс. Как правило, после консультации он уже примерно представляет себе, кого он хотел бы видеть в числе своих учеников. Помню, мы стояли и о чем-то разговаривали, а Сергей читал ноты. Выяснилось, что они с Никитой не репетировали вместе, и Курехин предполагал играть экзаменационную программу прямо с листа. Никто из нас не поступил. Я несколько не обломался, а Анатолий Кондратьевич сказал, что готов заниматься еще год — он был абсолютно уверен в том, что на следующий год я непременно поступлю, и выбрал более сложную и выигрышную программу. Я решил летом отдохнуть, а с осени снова интенсивно заняться подготовкой в училище.

Я вернулся к работе на «Мелодии». Как-то мне позвонила Лена Емельянова и сказала, что ей предложили иг-

рать в какой-то группе, но ей это не очень интересно. Лена дала мне телефон некоего Толи Быстрова. Толя оказался весьма импозантным и уже не очень молодым человеком, который преподавал гитару в джазовом училище и вместе со своим учеником Юрой Берендюковым собрал фолк-группу со струнным квартетом, которая назвалась *Акварели*. Я пришел на репетицию в ДК им. Капранова и сразу их устроил. Толя и Юра были хорошим дуэтом, они брали американские кантри-баллады и русские народные песни и прекрасно их аранжировали. Они строили планы сдать программу в Ленконцерт и стать профессиональным ансамблем. Я даже не знал, что это такое, и мне было интересно попробовать. В ансамбле были две девушки, которые играли на скрипках и пели, и все было очень стильно. Толя постоянно придумывал новые аранжировки для одних и тех же песен и иногда варьировал состав, приглашая по четыре скрипки и две виолончели. Девушки непременно должны были петь и уметь двигаться, но с составом все время происходила какая-то чехарда, кто-то без конца приходил и уходил. У моего друга Андрея Колесова была кузина Таня Балашова, которая училась в нашей школе и была на год младше нас. Она мне очень нравилась, но за годы учебы в школе мы толком не успели познакомиться и тем более подружиться. Как-то я увидел ее по телевизору поющей в каком-то ансамбле (это оказался ансамбль Александра Розенбаума). Я решил попробовать пригласить ее в *Акварели* и позвонил Андрею. Таня пришла на репетицию. Музыка ей явно не очень понравилась, но она согласилась попробовать. У Толи Быстрова в то время намечался юбилей, он пригласил весь оркестр и устроил что-то вроде презентации. Но из этого получилось нечто невразумительное, я быстро напился и даже не заметил, как Таня ушла. Я чувствовал себя крайне неловко и больше не решился ей позвонить.

Однажды на репетицию кто-то привел Ольгу Першину, которая пела ангельским голосом, и все говорили, что она поет как Джоан Баез. Она держалась очень независимо и пришлось не ко двору, но мы с ней все-таки познакомились. Наконец, когда все девушки разбежались, я пригласил играть на скрипке своего друга Колю Маркова.

С осени я продолжил занятия с Анатолием Кондратьевичем. И в это же время Юра Берендюков договорился раз в неделю выступать сокращенным составом в баре «Нектар» (там было небольшое пространство перед стойкой, где мы и должны были играть). В этот бар люди покупали билеты и ходили на полуторачасовой сеанс дегустации. Это считалось круто. Мы выступили там раза три. Я разучил *As Tears Go By* и пытался петь, одновременно играя на виолончели. В это время, продолжая работать экспедитором, я поехал в Кириши. Эта командировка была хороша тем, что ночевка не требовалась, можно было обернуться за один день. Но по дороге туда, в нескольких километрах от Киришей, наша машина поскользнулась на глине, на скорости восемьдесят километров ее выбросило в кювет, и мы перевернулись. По счастью, мы с водителем остались живы, но я ударился и сломал кисть на левой руке. Руку на полтора месяца заковали в гипс, и мне пришлось оставить все свои музыкальные занятия. Гипс сняли только в декабре, и я стал ходить на лечебную физкультуру, пытаясь разработать руку. Анатолий Кондратьевич очень расстроился, поскольку надо было начинать учиться с самого начала: я совсем не мог играть. Пока я был на больничном, я решил, что, как только поправлюсь, непременно уволюсь из «Мелодии».

Когда я был еще в гипсе, Леша Голубев предложил мне съездить к одному загадочному человеку — Коле Васину. Он был не просто битломаном, а хранителем музея *Beatles*. Мне было любопытно, но жилище Васина превзошло все

мои ожидания. Все пространство полутемной комнаты было совершенно заполнено плакатами и портретами *Beatles*, а в углу стоял манекен, похожий на Ринго. Сидели какие-то люди и рассматривали огромные альбомы, и очень громко играла музыка *Beatles*. Хозяин оказался радужным человеком и сразу же напоил нас чаем. В комнате было не протолкнуться, Васин жил под потолком на полатях, где было написано: «Господа, давайте рухнем в клёвость!» Но самым притягательным для меня было то, что у него были все пластинки *Beatles* и сольные альбомы участников группы. А пластинка Джона Леннона *Live. Peace In Toronto* была с дарственным автографом. Когда я попросил у Коли что-нибудь почитать, он легко дал мне перевод книги Хантера Дэвиса *The Beatles: The True Story*, рекомендация Леша Голубева была лучшей гарантией. Я мгновенно прочел эту книгу, мечтая о том, что скоро смогу поехать ее вернуть и снова оказаться в этом чудесном месте и взять почитать что-нибудь еще. Я стал частым гостем этого дома, перечитал все, что только можно было прочесть о *Beatles*, и познакомился с массой замечательных людей.

Сразу после наступления семьдесят пятого года, когда я только-только начал разыгрываться, *Акварелям* предложили сыграть в студенческом клубе «Эврика». Я попросил джинсовую куртку у Вовы Ульева и отправился на свой первый сейшн. Из-за какой-то недоговоренности не приехали ни Толя Быстров, ни девочки-скрипачки, и мы вынуждены были играть в сокращенном варианте с Юрой Берендюковым и Колей Марковым. В комнате, которая служила гримерной для всех участников, сидели два парня, которые просто так пели *Tell Me What You See*; один из них был очень юным, в белой рубашке и круглых очках. Они мне сразу понравились, и стало любопытно, что они играют. Но мне уже было пора выходить на сцену. Всех очень удивило сочетание инструментов в *Акварелях*, и нас

приняли очень хорошо. Среди всего прочего мы играли песню Нила Янга *Helpless* и песню Пола Саймона *Was A Sunny Day*. После выступления многие подходили и рассматривали мой диковинный инструмент. Я был чрезвычайно горд и от перевозбуждения плохо понимал, что происходит вокруг.

Когда подошла очередь ребят, которых я видел в гримерке, я уже сидел в зале и старался внимательно следить за их выступлением. Они называли себя *Аквариум*. Мне очень понравился голос их гитариста, и, хотя они пели на русском, это почему-то совсем не резало слух. В середине одной песни, которая исполнялась по-английски, на сцену вдруг вышел человек, сел за барабаны, очень эффектно вступил и после окончания песни загадочно исчез. Я решил, что это было так и задумано. После них выступала группа *Ну, погоди!*, в которой гитарист играл еще и на скрипке. Больше я ничего из этого концерта не помню. На обратном пути в метро мы ехали вместе с Васильем, который был искренне удивлен тем, что я, оказываясь, играю на таком экзотическом инструменте.

Через месяц сейшн был в Доме композиторов. Там проводились «Музыкальные среды», на которых музыковед и композитор Абрам Григорьевич Юсфин замечательно рассказывал о самой разной музыке народов мира и иллюстрировал рассказ записями. Так вот, в одну из клубных сред он организовал концерт, на который пригласил радикальные группы *Россияне*, *Большой Железный Колокол* и, в качестве представителей другого крыла, — *Акварели*. Это был беспрецедентный случай, когда в стенах святой святых ставился такой эксперимент. Он вызвал большой интерес, была масса народу, и попасть в Дом композиторов в тот вечер было почти невозможно. На концерте была Сэнди со своим новым приятелем Иваном Кузнецовым. *Акварели* играли расширенным составом с полной струн-

ной группой и двумя виолончелями. После концерта состоялась очень горячая дискуссия о правомерности той и другой музыки. Слово давали музыкантам обоих направлений, и каждая сторона выступала очень эмоционально. Когда страсти улеглись, встал тот парень из *Аквариума*, который у них пел и играл на гитаре, и поздравил всех собравшихся с днем рождения Джорджа Харрисона. После этого все разговоры оказались бессмысленными.

Мы потихоньку возобновили занятия с Анатолием Кондратьевичем, но времени до экзаменов уже оставалось мало, и мы не стали приниматься за новую программу, а решили восстановить старую. Время шло, я уже не работал месяца два, и пора было куда-то устраиваться. Одна моя школьная подруга, Марина Гирс, предложила мне работу грузчиком в Университете; платили там всего семьдесят рублей, зато работать надо было через день часов до трех-четырёх. И хотя моя рука еще не очень окрепла после перелома, я согласился. Меня это абсолютно устраивало по времени: таким образом получалось, что одну неделю я работал три дня, другую — два. Рабочее место находилось в сарае во дворе филфака. Как обычно, нужно было что-то поднести, перенести, куда-нибудь за чем-нибудь съездить. В остальное время можно было сидеть и читать книжки. Ко мне заходили знакомые, которые учились в Университете. Как-то заглянула Сэнди и принесла мне пленку с альбомом *Аквариума*. Я пошел к Леше Голубеву, и мы вместе с его сестрой Ольгой и Мариной Гирс прослушали эту запись. Качество было чудовищное; Леша заявил, что это полный бред, но меня запись почему-то задела. Мне хотелось еще раз послушать этот альбом, который, как я узнал позже, назывался *Искушение Святого Аквариума*. Я никак не мог сформировать свое мнение, и мы долго говорили на эту тему с Сэнди. Через несколько дней она позвонила и сказала, что если я хочу, то могу

пойти с ней на день рождения к Ивану Кузнецову, там будет тот самый парень из *Аквариума* — Боб Гребенщиков. Я согласился, и в означенный день мы с Сэнди пришли к Ивану. Знакомить нас даже не пришлось, мы узнали друг друга, и Боб приветствовал меня словами: «Простите, вы не ударник у *Землян?*» Мы весь вечер проговорили; он рассказал, что учится на Примате (факультет прикладной математики Университета), но сейчас в академке и абсолютно свободен. На следующий день он пришел ко мне домой. У меня была акустическая гитара «Стемона», на которой я уже освоил азы. Боб взял гитару, спел несколько песен и тут же предложил мне попробовать сыграть что-нибудь на виолончели. Для меня это было неожиданно. Опыт игры в *Акварелях* у меня был, но там все аранжировки писал Быстров, и я просто играл по нотам. Я не был уверен, получится ли у меня что-нибудь. Первая песня, с которой мы начали экспериментировать, была *Апокриф*. Не уверен, что в первый же день все сразу получилось, но мы стали заниматься этим почти ежедневно. Группы как таковой на этот момент не существовало. Боб рассказывал мне про то, как они на Примате записывали альбомы, про Замок (Михайловский) и про театр Эрика Горошевского, показывал фотографии спектакля «Метаморфозы положительного героя» по пьесе Джорджа Гуницкого. Говорил он и о том, что после премьеры на Примате он ушел из театра, а Дюша, скорее всего, играть в группе больше не будет, поскольку решил стать актером. Через несколько дней они все-таки зашли ко мне вместе с Дюшей и спели мне несколько песен из тех, что я уже слышал на записи. Но после этого Дюша исчез и больше на репетициях не появлялся. Потом меня познакомили с Михаилом Файнштейном и аппаратчиком группы Маратом Айрапетяном. Мы с Бобом продолжали музыкальные изыскания, и через некоторое время я вдруг,

совершенно неожиданно для себя, получил приглашение присоединиться к группе. И хотя я пока мало что понимал в их репертуаре, я сразу же сообщил Быстрову, что выхожу из состава *Акварелей*.

Глава четвертая

Вечерами мы встречались в «Сайгоне», а потом шли гулять, и Боб посвящал меня во все ритуалы: куда можно идти курить после выпитой чашки кофе — в «пятьдесят третий» или в висячий садик, или куда еще. Я не курил, но мне было чрезвычайно интересно все это изучать. По дороге в «Аббатскую» (кафе на углу Литейного и Некрасова) можно было зайти покурить в «Сен-Жермен» (сад двора на Литейном, 46). А из «Аббатской» наш путь лежал в Замок, а вечером можно было пойти к Киту. Кит, сын режиссера Михаила Ромма, произвел на меня сильнейшее впечатление. У него была совершенно поразительная внешность, орлиный нос и очень красивый голос. Дома у него всегда было полно народу, а иногда устраивались поэтические чтения. Кит был постоянно окружен экзальтированными актрисами. Иногда он пел Окуджаву под гитару. Окуджаву я не любил, но мне всегда было интересно послушать, как Кит рассказывает.

Я продолжал работать и готовиться к экзаменам. Както прибежал Боб и сказал, что надо ехать в Таллинн, там на фестивале детских фильмов показывают *Субмарину*. Но, как на грех, из-за сырой весенней погоды у меня появился ячмень на глазу, который совершенно заплыл, а здоровый глаз настолько слезился, что я вообще ничего не видел. Боб с Маратом, Михаилом и Родионом уехали без меня. Я очень расстроился, мне хотелось постоянно

находиться рядом с моими новыми друзьями. Дня через три они вернулись совершенно отъехавшие: каждый день они приходили в пустой кинотеатр, покупали билеты сразу на несколько сеансов, устраивались в первом ряду и смотрели *Субмарину* до тех пор, пока хватало сил. Я завидовал им черной завистью.

Примерно в это время состоялся концерт *Аквариума* на Примате, и так получилось, что на концерт группы, которую я уже мог считать своей, мне пришлось лезть через забор в окно: при входе требовали студенческий билет, потому что выступление проходило на вечере факультета. На сцене их было трое: Боб играл на двенадцатиструнной электрической гитаре, Михаил на басу, а на барабанах играл некто Клаус. Он был хорошим барабанщиком, но остальные с ним почему-то совсем не общались. Я был в полном восторге: это был один из интереснейших концертов, которые я видел на тот момент времени, да и, пожалуй, долгое время после. Но после этого гитару у Боба сразу же украли.

В тот же период в кинотеатре «Великан» стали показывать «Зеркало» Тарковского. Мы все посмотрели фильм по нескольку раз, и, хотя никто ничего не понял, все его бурно обсуждали, я же предпочитал помалкивать. Но проводить время подобным образом было удивительно приятно: мы встречались в «Сайгоне», решали пойти в кино, и тут же к нам присоединялись попутчики, и мы отправлялись в «Великан» целой компанией. Чуть позже в кинотеатрах пошел «О, счастливычик!». Там уже не надо было ничего обсуждать — это был кайф в чистом виде. Саундтреком к фильму служила музыка Алана Прайса из *Animals*, который время от времени появлялся на экране со своей группой. Мне было непонятно, как они добивались такого звучания: все, казалось, играется очень легко, но с колоссальным драйвом. Зрелище было потрясающе естествен-

ное: как будто группа просто репетирует, и никто их в этот момент не снимает, а ты случайно оказался рядом. Не было никакого чуда, но, вместе с тем, это и было чудом. Меня восхитило, что эти люди просто путешествуют и спят прямо в автобусе. Это не выглядело режиссерским ходом для фильма — это была модель того, как должна жить группа. С тех пор у меня появилась так и не осуществившаяся мечта путешествовать со своей группой на собственном автобусе.

Но мы жили здесь, и жили не то чтобы хуже, но чуть-чуть по-другому. По крайней мере, у меня было очень важное ощущение, что я не просто играю в группе, а здесь и есть моя настоящая жизнь и те люди, с которыми мне очень легко. Я и раньше был достаточно легким человеком, но в тот момент чувствовал себя абсолютно счастливым. Мне не о чем было мечтать, все и так было. Мне хотелось поделиться этим счастьем и объединить своих новых друзей со старыми. Я познакомил Боба с Колей Марковым, и мы даже попробовали поиграть вместе, но я видел, что они не чувствуют друг друга. Правда, мы даже успели отрепетировать несколько песен и предполагали выступить на фестивале, который намечался в ДК им. Ленсове-та 2 мая.

Накануне, 1 мая, Боб пришел ко мне, мы расстелили на балконе какие-то циновки, вытащили колонки и включили на полную мощность *Revolver*. Это было чрезвычайно приятно, раньше я никогда не позволил бы себе такого, но теперь это было чем-то само собой разумеющимся. Самое интересное, что моя мама несколько не была против. Она вернулась из церкви, к ней зашла какая-то подруга, и они сидели на кухне и пили чай.

На следующий день мы отправились на фестиваль, где должны были играть *Санкт-Петербург*, группа *За* и *Аквариум*. В то время обычные сейшены часто именовались

фестивалями, что было очень приятно. Конечно же, мы все мечтали о своем Вудстоке как наивысшей форме единения людей. Так вот, придя в ДК им. Ленсовета в означенное время, мы обнаружили таковой закрытым. Постепенно собралось человек двести очень живописного народа. Никто ничего не понимал, но было очень тепло, и все расслабленно ждали непонятно чего. Люди, которые все это организовали, пытались выяснить что-то у администрации. Те же, кто отменил фестиваль, начали нервничать — продолжались майские праздники, а тут какая-то демонстрация. Наконец появились некие чиновники и сказали, что все равно ничего не будет и пора расходиться. Ребята из группы *За* в тот период играли на танцах в Ольгино и предложили всем поехать к ним, в местный Дом культуры, где есть аппарат, и провести фестиваль там. Толпа немного поредела, но оставшиеся двинулись в сторону Ланской и кое-как добрались до Ольгино. Когда же человек сто доехало до Дома культуры и кто-то из музыкантов уже стал настраиваться, из города приехали те же люди на «победе» и отключили электричество. Так я узнал, как выглядят комитетчики.

Делать было нечего, и все побрели на залив. Когда мы шли через поселок, местные жители с ужасом таранились на нас из своих огородов. Какие-то молодые люди побросали лопаты и пошли за нами. Мы с Бобом и Колей Марковым расчехлили инструменты и решили поиграть. Мы играли, сидя на каких-то ящиках, а вокруг нас возлежали люди. Кто-то, засучив штаны, бродил по воде. Это был настоящий рок-фестиваль. Таким оказалось мое первое выступление в этой группе.

9 мая мы все поехали в Горьковскую на дачу к Кате Заленской, подруге моего школьного друга Андрея Колесова. Нас было человек десять. Мои друзья написали транспарант: «Привет участникам рок-фестиваля!» Мы взяли

с собой инструменты и собирались поиграть. Девушки приготовили какой-то еды и устроили «праздничный» обед; в то время мы еще не пили. Когда мы сидели за столом, по улице проходила пьяная компания аборигенов с огромной овчаркой. Вдруг они остановились и зашли на участок. Мы почувствовали недоброе, но надеялись, что они уберутся. Ситуация складывалась самая нелепая: мы сидели у себя дома, за забором, и вдруг кто-то вторгся в наше пространство. Один из аборигенов уселся за стол, другой стал приставать к девушкам. Файнштейн пытался как-то это уладить и попросил ребят уйти. Но они, естественно, зацепились, и началась потасовка. Собака оказалась умнее, она никого не кусала, а только носилась вокруг и лаяла. Мне никогда не приходилось драться всерьез. Я подбежал к поленице, схватил какой-то дрын и со всей силы ударил одного из пришельцев прямо по лицу. Он заорал, и налетчикам пришлось отступить. Уходя, они пригрозили, что спалят наш дом. Нас всех трясло, и мы не знали, что делать. Когда наконец стало смеркаться, мы решили, что надо уезжать. Мы собрали инструменты и двинулись на станцию. И, только завернув за угол, наткнулись на компанию, которая нас караулила. На этот раз их уже было человек пятнадцать, и, похоже, нам не удалось бы так легко отделаться. На наше счастье, вдалеке показалась машина. Когда же она подъехала, оказалось, что это милиция. Все стали разбегаться, но нескольких человек поймали, среди них были и наши обидчики. Выяснилось, что они весь день куролесили по поселку и уже кого-то избивали. Весь поселок был возмущен, кто-то съездил в Рощино и вызвал милицию. Именно по этому вызову и приехала машина. Этих идиотов судили и дали года по три.

Я продолжал работать в Университете. Поскольку было уже совсем тепло, я забирался на крышу сарая посреди двора филфака, раскладывал одеяло, раздевался

и ложился с книжкой загорать. Это было кощунство — во двор выходили окна аудиторий, в которых учились мои сверстники студенты. Через некоторое время моей начальнице зав. складом поставили на вид, что поведение ее рабочих мешает учебному процессу, и меня согнали с крыши.

Мне предстояли экзамены в училище, но я уже не мог заниматься по восемь часов в день, а отыгрывал только четыре-пять. Все же я решил сделать еще одну попытку поступить. Отпуск мне еще не полагался, но я договорился с моим сменщиком, что он отработает за мою зарплату каждый день. На месяц я опять включился в занятия. Но когда я пришел на консультацию играть экзаменационную программу, педагог посоветовал мне не терять время на сдачу экзамена, уверив меня, что я не поступлю. Я сказал Анатолию Кондратьевичу, что больше никуда поступать не буду, и пообещал осенью вернуть инструмент в музыкальную школу.

Теперь я все свободное время посвящал общению с новыми друзьями. В то время все было очень структурировано. Те, кто ходил в «Ольстер» (кафе на улице Марата, возле метро «Маяковская»), собирались на Казани (скверике перед Казанским собором). Это была более мажорная тусовка. Те же, кто ходил в «Сайгон», собирались в Замке. Боб почти всегда был с гитарой и что-нибудь напевал. Я же купил приемник «Рига» в деревянном корпусе и, приделав к нему лямки, все время таскал с собой. Началось лето, мы сидели на ступенях Замка и изобретали какие-нибудь игры. В это время началось всеобщее увлечение фрисби. Боб играть не любил и изобрел альтернативную игру «военное фрисби». Условия игры были следующие: он брал дубину и, пока другие играли, орал дурным голосом и этой дубиной пытался сбить пролетающую над ним тарелку.

В нашей компании были две сестры Липовские, и я очень подружился с младшей, Наташей, которую звали Сюсей, а Боб дал ей еще одно имя: *Child*. Боб немного грустил, поскольку только что расстался со своей подругой Леной Поповой, о чем я тоже жалел, потому что она мне очень нравилась.

Я уже много раз слышал историю о театре Горошевского, который начинался на этих ступенях, и как-то уже в июне мы с Бобом сходили в кинотеатр «Космонавт» на премьеру спектакля «Невский проспект» по Гоголю. Я не совсем понял происходившее, до этого времени я с театром почти не сталкивался, но впечатление от спектакля было очень сильное. В особенности мне понравились Дюша и Джордж, и я был приятно удивлен, увидев на сцене Курехина.

Мы постоянно ездили на залив на остров Сент-Джорджа. В то время это была безлюдная дикая зона между Солнечным и Курортом. Боб рассказывал, что этот остров открыл Джордж Гуницкий, который любил там сидеть на дереве. Там уже тогда существовала колония нудистов, которые голыми прятались в дюнах, а когда шли к заливу купаться, то одевались. Мы там тоже застолбили зону и расположились своей компанией. Конечно же я никогда не брал на остров виолончель, но Боб и там был с гитарой. Мы прихватывали с собой ноты и слова песен *Beatles* и обычно на пляже разбирали их и напевали. Почти всегда с нами ездили Родион с Майком Науменко. В то время существовала такая категория, как рок-интеллигент, и они оба прекрасно под нее попадали. К сожалению, со временем таких встречаешь все реже и реже. Майк был прекрасно эрудирован в области рок-музыки и считался особенным авторитетом по части Марка Болана. Родион, настоящее имя которого было на самом деле Толя Заверняев, ставил опыты над собственной психикой

посредством пятновыводителя «Сополс» (который вошел в обиход как «банка»). Боб говорил, что это сильнейшее психотропное средство, полный аналог заморского ЛСД. Я с безмерным уважением относился к подобному опыту других людей, но сам в то время попробовать не решался.

Мы часто ходили к Володе Кавери. У него была огромная коллекция пластинок, которую он каждое лето пополнял, привозя новые пластинки из Венгрии, где он учился. У него я впервые услышал Дэвида Боуи, о котором я раньше ничего не знал. Ощущение было двойственное. С одной стороны, это было чрезвычайно музыкально и интересно, но иногда меня пугал голос Боуи и отталкивал его сценический имидж. Это был явный перехлест. Мне всегда больше импонировал естественный облик музыкантов, и потребовалось время, прежде чем я этого человека принял окончательно. (Уже осенью мы поехали к Велобосу, другу Боба, который жил на Удельной, послушать новый альбом Дэвида Боуи *Young Americans*, который транслировали в программе «Ваш магнитофон». Это был беспрецедентный случай, когда по советскому радио передавали то, чего мы еще никогда не слышали.) Мне очень хотелось познакомить Боба с Колей Васиным. Когда мы с Сюсей и Бобом поехали к Васину на Ржевку, Боб покрасил лицо в белый цвет. Пока мы ехали на трамвае, люди дико озирались на него, но реакция Коли была еще более неприязненной. Дружелюбного общения не получилось.

В конце лета прошел слух о рок-фестивале в Лиенае. Я уже слышал о том, что в Прибалтике, под Лиенаей, были настоящие рок-фестивали на открытом воздухе, где собирались по несколько тысяч человек. Мы все по-прежнему бредили Вудстоком и даже собирались поехать туда автостопом. Мне еще не был знаком такой способ передвижения, но Боб и Михаил уже неоднократно езд-

ли в Прибалтику. Прибалтика считалась землей обетованной, там все было очень прогрессивное, почти как на Западе. Я уволился из Университета и собрался в путешествие. Все мои вещи — зубная щетка, смена белья и свитер — уместились в противогоазную сумку, и еще было десять рублей.

Я не стал дожидаться, когда все соберутся, и решил ехать самостоятельно. Сначала я отправился к знакомым в Красное Село. Там я встретил попутчицу, некую Джейн из Москвы. С рассветом мы вышли на дорогу и ранним вечером без особых приключений добрались до Таллина. Я слышал про тамошнюю хипповую горку и мечтал на ней побывать. Но, придя туда, я не знал, чем заняться, пока не встретил нескольких знакомых из Ленинграда. Я примкнул к ним в поисках ночлега, и мы переночевали в каком-то полуразрушенном доме. На следующий день мы скооперировались с Сашей Терebeneиным и поехали дальше. Вдвоем путешествовать всегда легче, но было воскресенье, и мы застряли на полпути в Ригу. У нас осталось три рубля на двоих. Я настраивался на две недели путешествия, но денег явно не хватало, и мы решили вернуться в Таллинн. Переночевав в мастерской какого-то художника, я поехал обратно в Ленинград. Но там выяснилось, что все мои друзья еще только раскачиваются и полны решимости добраться до Лиепай. Мне пришлось быстро собираться с силами и снова отправляться в путь. Мы скооперировались с Файнштейном и поехали прямо в Ригу, договорившись встретиться с Бобом, его новой подружкой Татьяной и Родионом во Пскове, а с остальными — прямо в Лиепай.

На этот раз мы подготовились к путешествию немного лучше, а Файнштейн взял несколько банок «Сополса». В середине первого дня нашего путешествия, где-то между Лугой и Псковом, у нас случился казус. Мы ехали на

бензовозе с присущим ему соответствующим запахом. Вдруг мы почувствовали, что к запаху бензина стал при-
мешиваться знакомый запах «Сополса». Михаил полез
в рюкзак и обнаружил, что одна банка открылась и пят-
новыводитель пропитал весь его свитер. Мы сделали вид,
будто ничего не произошло, но когда водитель, доселе
хранивший молчание, вдруг раздухарился и стал гнать
какую-то ерунду, мы решили, что пора выходить. На про-
щание водитель принес извинения за то, что сегодня в ка-
бине особенно сильно пахнет бензином. Еле сдерживая
смех, мы с Михаилом вышли и принялись проветривать
свитер: с таким запахом нас больше никто бы не взял.

Вечером мы все встретились во Пскове и решили пе-
реночевать в местном Кремле. Двор Кремля, густо зарос-
ший травой, представлялся подходящим местом, мы раз-
били лагерь и расположились на ночлег. Михаил открыл
«Сополс», и вся ситуация располагала к тому, что при-
шел и мой черед попробовать, что это такое. Но первый
опыт чуть было не оказался последним. Боб расслаблен-
но перебирал струны гитары и что-то напевал. Мы впло-
голоса переговаривались, пытаясь проникнуться момен-
том, но через некоторое время опустился туман и стало
холодно. Кремлевскую стену по всему периметру венчал
узенький козырек, и мы решили подняться по внутрен-
нему балкону на эту стену и впотьмах улеглись спать
друг за другом прямо под этим козырьком, который со-
здавал иллюзию крыши над головой. На какое-то время
как будто стало теплее, но часа в четыре утра мы все син-
хронно проснулись. Уже светало, и то, что мы увидели,
заставило нас содрогнуться: мы лежали на стене, которая
обрывалась метров на двадцать вниз. Мы спали на краю
пропасти. Остаться в Кремле нам сразу расхотелось,
и мы спустились в город, залезли на какой-то чердак
и улеглись прямо на кучу угля. Когда утром мы выполз-

ли на свет божий к реке помыться, то являли собой очень живописное зрелище.

Мы двинулись дальше и все вместе собрались уже вечером в местечке Елгава под Ригой. Мы устроились на ночлег в стогу сена, но потом разъехались и снова потеряли друг друга. Дня через три, когда мы с Михаилом добрались до вожденной Лиепай, выяснилось, что никакого фестиваля не будет. На месте стрелки, на лужайке у Почтамта, мы встретили Майка, Родиона и Сэнди. Мы немного потусовались, Майк собирался ехать дальше в Калининград, а мы с Михаилом, Сэнди и Родионом отправились домой. Хотя на фестиваль мы не попали, я был рад, что приобрел такой опыт — мне очень импонировала идея хиппи. Все мы носили длинные волосы и юношеские бороды, но, наверное, все-таки настоящими хиппи мы не являлись, поскольку вели оседлый образ жизни и что-то делали. Мы были музыкантами.

К сожалению, просто расслабленно жить было невозможно. За неимением других альтернатив, я снова устроился экспедитором на «Мелодию». Михаил к этому времени закончил Инженерно-экономический институт, и его должны были забрать в армию, а пока мы по-прежнему играли вместе. У меня оставалась казенная виолончель, но ее нужно было вернуть в музыкальную школу, поэтому вставал вопрос, где взять инструмент. Еще работая в Университете, я узнал, что там есть свой камерный оркестр, и решил туда устроиться, чтобы получить казенный инструмент. Но весной, пока я работал, оркестр не репетировал. Дирижер оркестра успокоил меня, что не обязательно работать или учиться в Университете: оркестр любительский, поэтому я при желании могу принимать в нем участие. Занятия возобновлялись с нового учебного года. И хотя я к этому времени из Университета уволился, с осени я стал играть в оркестре. Инструмента

у них не оказалось, и я договорился с Наташей Галевской, которая тоже занималась у Филатова, что время от времени могу брать инструмент ее матери, бывшей виолончелистки. Я начал репетировать с университетским оркестром. Мне там нравилось, и я очень привязался к дирижеру Григорьеву. Он даже предлагал составить мне протекцию, если я надумаю поступать в училище им. Мусоргского. Но было уже поздно, систематические занятия я прекратил раз и навсегда. Оставалось только пожалеть, что я сразу не стал поступать именно туда, а пошел в училище им. Римского-Корсакова.

В это время мы репетировали втроем с Бобом и Михаилом. После очередного концерта с *Мифами* в школе на улице Плеханова мы проводили Михаила в армию. Чуть позже, на сейшене с *Россиянами* в спортивном зале школы на 16-й линии, мы с Бобом играли вдвоем. Как ни странно, это было вполне уместно, и более того, нас очень хорошо принимали.

Боб искал возможность записать новый альбом, и я позвонил Якову (его фамилию мне не удалось вспомнить), с которым познакомился еще в период сотрудничества с *Акварелями*. У него была домашняя студия, которую он построил на основе переделанного магнитофона «Юпитер». Я познакомил их с Бобом, и мы сразу попробовали записать несколько песен. К сожалению, микрофон был один и возможности студии не позволяли делать наложения. К моменту записи мы уже имели сделанными несколько песен и предполагали играть вместе, но по чисто техническим причинам этот альбом получился сольным альбомом Боба, который получил название *С той стороны зеркального стекла*.

Перед этим мы сходили на премьеру спектакля театра Горошевского «Сид», как обычно с Дюшей в главной роли. Премьеру давали в жилконторе на 9-й линии Василь-

евского острова. Мне опять очень понравилось, и я неожиданно узнал, что Дюша играет на флейте. Лейтмотивом всего спектакля была песня *Под небом голубым*, которую блистательно пел Леня Тихомиров. На Боба же зрелище произвело настолько сильное впечатление, что он потерял самообладание и после спектакля, пообщавшись с Эриком, решил вернуться в театр. Я не совсем понимал его увлечение, но у меня не было выбора, и я последовал за ним: мне очень нравились все эти люди, хотя я был немного другим, и потребовалось время, пока меня приняли как своего. Дюша, который все это время находился под сильнейшим влиянием Горошевского, очень обрадовался такому воссоединению. Эрик внушал Дюше, что у него незаурядный актерский талант, и что *Аквариум* — это не серьезно, и что алфавит начинается с буквы «Б» (уже тогда буква «А» с кружочком была символом *Аквариума*).

Мы стали ходить на репетиции театра. Эрик настаивал на том, что все мы должны регулярно заниматься и всецело подчинить себя театру, а музицировать можем только имея в виду музыку к спектаклям. Вскоре, после окончания театрального института, Эрик по распределению уехал в Пермь и оставил театр на попечение Юры Васильева. Труппа не приняла нового режиссера, но я еще толком не успел узнать Эрика, так что Юра мне очень понравился. Хотя я по-прежнему не понимал, зачем мне все это надо. Через некоторое время начались какие-то проблемы с помещением в жилконторе, и театр вылетел на улицу. Когда однажды нужно было где-то встретиться и что-то обсудить, я предложил пойти ко мне. В мою двенадцатиметровую комнату набилось человек двадцать. Дюша постоянно мотался в Пермь к Эрику, привозил оттуда тезисы, что и как нужно правильно делать, и пытался претворять их в жизнь.

Наступление семьдесят шестого года мы справляли у сестер Липовских на Киевской улице. Было очень радостно и торжественно, мы пели *Happy Christmas* Джона Леннона, и я как-то неожиданно напился и выпал в осадок. Вскоре после Нового года мы поехали к Коле Васину, у которого встретили Ольгу Першину. Оказалось, что она тоже живет на Ржевке, недалеко от Коли, в деревянном доме на Беломорской улице. Она пригласила нас в гости. Мы попили чаю, и вдруг нам пришла в голову мысль сделать концерт в день рождения Джорджа Харрисона. Мы вернулись к Коле и изложили ему эту идею. Он воодушевился, и мы стали активно готовиться. Чуть позже мы договорились с Мишей Воробьевым, который держал аппарат в клубе кондитерской фабрики на Тухачевского, что мы можем там порепетировать. Это было очень важно, поскольку до сих пор мы репетировали дома. Во время редких выступлений я мог подзвучить свой инструмент только с помощью микрофона, но, поскольку тогда мониторы еще не были изобретены, я почти себя не слышал. Никогда нельзя было предсказать, какой будет аппарат и какой будет звук. Тут же мы имели возможность выстроить звук и петь в микрофоны на три голоса. Мы выбрали *If I Needed Someone* и *It's All Too Much* и стали их репетировать. Пожалуй, это был единственный период в истории группы, когда мы имели возможность петь в микрофоны во время репетиций и пытались добиться слияния трех голосов. После этого в течение нескольких лет мы репетировали в основном дома и голосами не занимались, а просто выстраивали партии подпевок, и в таком виде они оставались до концертов. Безусловным хитом в нашем исполнении стала *Be Here Now*. Мы впервые играли с Дюшей, и так неожиданно образовалось то, что впоследствии получило определение *акустический Аквариум*. Именно в это время появился стиль

и звук этой группы. Несколько песен мы сделали с Ольгой, а на перкуссии к нам присоединился Майкл Кордюков, многоопытный барабанщик, который к этому времени переиграл чуть ли не во всех топовых группах города.

25 февраля в Институте им. Бонч-Бруевича состоялся первый *Битлз-праздник*. Наверное, сейчас это звучит наивно, но в то время это было ощутимой победой, смелой акцией, которая выводила самодеятельную музыку на концептуальный уровень. Впервые у музыкантов, которые существовали разрозненно, появилась объединяющая всех идея. Незадолго до этого случился день рождения и у меня. Обычно я не выделял этот день среди других, но Боб сказал, чтобы я вечером непременно приезжал к сестрам Липовским на Киевскую улицу, только просил не опаздывать. Ничего не подозревая, я приехал в означенное время и был удивлен, что на мой звонок никто не открыл. Дверь была чуть-чуть приоткрыта, и я заглянул в коридор. В полной темноте горели свечи, и, едва я сделал шаг, зазвучала *Across The Universe* в интерпретации Дэвида Боуи и из темных проемов дверей стали вылетать разноцветные шары. Я стоял совершенно ошарашенный, а когда включился свет, вся квартира оказалась полна людей. Я был очень растроган, такого направленного проявления любви и внимания мне не приходилось раньше испытывать никогда. Среди гостей был Жора Ордановский, который напился и восклицал: «Друзья, ударим по хлебам!», и бил кулаком по миске с салатом. Он отвешивал мне комплименты, призывая меня играть мужественную музыку с *Россиянами*, а не размазывать сопли с этими эстетами.

В это же время я продолжал репетировать с университетским камерным оркестром. Мы выступили в Университете и в Капелле. В концертах принимали участие матерые солисты Борис Гутников и Михаил Вайман

(в родстве с Биллом Уайманом он не состоял, поскольку настоящая фамилия Билла — Перкс). Я был в восторге. Хоть оркестр был любительским, некоторый класс все же присутствовал. Мне очень нравилось играть, и шел разговор, что осенью нам предстоит поездка в Германию. Это было заманчиво.

Не помню почему — может быть, в первый раз все слишком рано закончилось и не все успели сыграть, — но через какое-то время в клубе фабрики им. Крупской Васин опять устроил празднование дня рождения Джорджа Харрисона, на котором мы с удовольствием выступили. Конечно же мы не переставали репетировать и наши собственные номера. Все песни сочинял Боб, но, когда мы начинали их играть вместе, они становились общими (впрочем, тогда это никого не волновало — мы были равны абсолютно во всем, и проблемы авторства никого не заботили). Когда мы прослышали, что в Таллинне будет рок-фестиваль, то решили непременно туда поехать. Нас никто не приглашал, но мы взяли инструменты и поехали вчетвером: Боб, Дюша, Майкл и я. С Бобом поехала его подруга Наташа Козловская. Каким-то образом нам перед отъездом удалось купить Бобу двенадцатиструнную акустическую гитару. К сожалению, эта поездка накладывалась на концерт с камерным оркестром, и мне пришлось выбирать. О своем выборе я не жалел, хотя потом мне было немного стыдно возвращаться в оркестр.

В Таллинн мы явились на день раньше фестиваля, и нам категорически заявили, что уже поздно, что группы проходили предварительный отбор и что на фестивале уже играет ленинградская группа *Орнамент*. Но нас не выгнали, а даже пообещали разместить в гостинице и дали контрамарки на все дни фестиваля. Это уже было хорошо. Правда, Майкл все-таки собрался и уехал в Ленинград. Вечером была какая-то встреча в дискотеке. Нам

было нечего делать, и мы пошли. За соседним столиком сидели ребята из *Машины времени*, которые активно пили и пытались ухаживать за Наташей Козловской. Это и послужило поводом для нашего знакомства. Также там был интересный человек Хейна Маринуу, который снимал на киноплёнку музыкальные программы с финского телевидения, отдельно писал звук, а потом показывал эти фильмы в дискотеках, синхронизируя звук с изображением. Мы просидели полночи и были потрясены записями выступлений *Pink Floyd* и Джими Хендрикса. Мы увидели лишь одну его песню *Hey, Joe!*, но это было откровением. Меня поразило то, как Джими Хендрикс выглядит на сцене: было такое ощущение, что его тело само приходит в движение во время игры, и в этом не было никакой надуманности. Мы долго не спали, находясь в состоянии возбуждения от увиденного.

На следующий день начинался фестиваль, выступала *Машина времени*, и конечно же именно она была абсолютным лидером. Там же мы познакомились со Стасом Наминым и Володей Матецким, который тогда еще играл в группе *Цветы*. Вообще, московские группы произвели на меня мощнейшее впечатление. Там был такой класс, которого пока ни одна из питерских групп не достигла. Но нас это нисколько не смущало: мы знали, что делаем.

В последний день фестиваля, когда мы сидели на балконе концертного зала, уже сложив вещи и собираясь возвращаться домой, нам неожиданно предложили выступить. Кто-то не приехал, и образовалась брешь, которую надо было заполнить. Я стал спешно настраивать виолончель и в возбуждении переусердствовал и сорвал резьбу на винте, которым укрепляется штырь. Это была катастрофа — нас уже объявили. Пытаясь как-то примотать винт изолентой, я прислонился спиной к стене и, ничего не соображая, вышел на сцену с белой спиной под востор-

женные крики очень дружелюбного зала. Я сделал вид, что выступать перед тысячной аудиторией для меня обычное дело. К этому времени у меня уже была конструкция для подзвучки собственного изобретения, которая представляла собой 52-й микрофон на кронштейне из проволоки, который крепился прямо на деку. Но когда я подошел к венгерскому усилителю «Beag», то обнаружил, что там другие разъемы. Меня прошиб холодный пот. Дюша уже сидел за роялем и играл интродукцию к песне *Woodstock* Джони Митчелл, которая была нашим коронным номером. Ребята из *Машины времени*, которые сидели на первом ряду, делали мне какие-то знаки, и я наконец сообразил, что с обратной стороны в усилителе есть другой вход. Я наконец включился, и с первого изданного мною звука зал взревел. Я даже не понял, что произошло, но, когда мы сыграли четыре песни, люди просто ликовали, а Саша Катомяхин махал нам, что пора сматываться, чтобы не переборщить. Мы действительно опаздывали на поезд и сразу убежали.

Мы не стали лауреатами этого фестиваля, но, вернувшись в Ленинград, почувствовали, что произошло что-то значительное. Через неделю Макаревич приехал в Ленинград, и с этого началась наша дружба. А еще через месяц он пригласил нас приехать в Москву и устроил нам презентацию. С нами поехало человек десять тусовщиков, что с этого времени стало нормой. Все страшно напились, а Родиона чуть не ссадили с поезда, но мы уговорили проводника, что он сам вымоет купе. По приезде в Москву прямо с поезда я отправился в город Подольск навестить Колю Маркова, который там служил в армии. Когда я приехал в этот городок и бродил в поисках военной части, за мной бежала ватага детишек, поскольку я резко отличался от обитателей этого города. У меня было вытертое кожаное пальто времен войны, широкополая шляпа и длин-

ные-предлинные распущенные волосы. Это производило впечатление. Я уже давно к привык к тому, что обращаю на себя внимание, но в Ленинграде к такому виду уже привыкли. Здесь же, стоило мне появиться в военной части, сбежался весь гарнизон, и несчастного Колю Маркова сразу выпустили ко мне на свидание.

Я вернулся в Москву прямо ко времени концерта и был очень удивлен, что *Машина времени* принимать участие в концерте не собирается. Они сняли небольшое кафе, поставили маленький аппарат и пригласили всех друзей-музыкантов. У нас была программа всего минут на 30–40. Мы сыграли одно отделение, но нужно было как-то выходить из положения, и мы стали играть все песни, которые знали, включая песни *Beatles* и Джорджа Харрисона, имевшиеся у нас запасе. Потом действие наконец перетекло в общее братание и джем. Некий рок-интеллигент Фагот записывал этот концерт, и сохранилась запись с очень странными искажениями, которая ходила под названием *Live At Moscow Kabak*. К сожалению, она куда-то сгинула, а жаль, потому что там была никогда более не исполнявшаяся и нигде не записанная *Song For The Система*.

Когда мы вернулись из Москвы, неожиданно активизировался Эрик Горошевский, который на время вернулся из Перми, и мы с театром обосновались в Доме архитекторов. Боб в театр не вернулся, но один раз мы сыграли один совершенно акустический концерт при свечах в Золотом зале этого особняка. Дюша был уже не так скептически настроен по отношению к *Аквариуму*, все-таки у нас за спиной был фестиваль в Таллинне. Эрик восстановил спектакль «Метаморфозы», и я был восхищен гением Джоржа и игрой Миши Тумаринсона. Последний был прирожденным комиком, и все, что он ни делал, было безумно смешно. Оказалось, что он тоже играет на вио-

лончели. Но на этом наше сходство с Мишей и заканчивалось: у меня абсолютно отсутствовало какое-либо актерское дарование. Я категорически не могу входить в образ, да и не хочу, у меня это вызывает протест, я могу быть только самим собой. Я не могу выражать никакие чужие чувства, если в этот момент не испытываю их сам. Но через некоторое время Эрик взялся за меня. Вероятно, ему просто были нужны фактура и материал, из которого он мог бы что-то лепить. К тому же я был достаточно мобильным музыкантом и вполне вписывался в оркестр, который начал образовываться в театре под руководством мультиинструменталиста Володи Диканьского. Володя заходил ко мне домой и очень понравился моей маме. Иногда он приходил к ней поболтать, даже когда меня не было дома. Он играл на контрабасе, который временно было некуда девать, и я притащил его к нам домой. Брат Андрей с Татьяной в это время ожидали ребенка. Я рассчитывал, что, имея инструмент дома, Андрей захочет вернуться к музыке, и пытался втянуть его в свою орбиту, но мне это не удалось. Чтобы кормить свою семью, он устроился водителем автобуса, и у него не оставалось ни сил, ни времени, но, что самое печальное, у него совсем не было настроения. С Алексеем у меня напрочь расстроились отношения, он пил и бесчинствовал, и я стал подумывать о том, что мне следует уйти из дома и начать жить самостоятельно.

В это время в том же клубе фабрики им. Крупской состоялся концерт *Мифов* с духовой секцией, которую собрал Юра Ильченко. Это был чрезвычайно интересный проект. К нам в гости приехала *Машина времени*, и мы договорились, что они смогут выступить вместе. Никто из музыкантов не ожидал ничего особенного, но их выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Это было невероятно круто — возможно, одно из лучших выступле-

ний *Машины* в Ленинграде. С тех пор Юра Байдак, самый талантливый промоутер в городе, устраивавший почти все концерты, взялся за активный прокат *Машины*. Естественно, мы ходили на все концерты, и *Аквариум* на правах друзей пользовался эксклюзивным правом на билеты в любом количестве.

К лету мы с театром переехали в студенческий городок на Измайловском проспекте возле парка Победы, в тот самый зал, где я впервые увидел *Аквариум*. Шла работа по восстановлению спектакля «Невский проспект», который для меня был новым. Боба на месяц забрали на военные сборы, а я полностью отдался театру. Я по уши влюбился в приму нашего театра Любу Кутергину, и для меня каждая репетиция была праздником. Впрочем, в нее тогда были влюблены все; а тот, кто не был влюблен в Любу, был непременно влюблен в Марину Житкову, тоже приму. Мы все быстро подружились и иногда болтались втроем. Неожиданно для себя, в компании девушек я начал курить.

Этим же летом Васин устроил празднование дня рождения Пола Маккартни, и мы с Дюшей пытались принять в нем участие вдвоем, но это получилось не очень убедительно. Однако тогда катило всё, поскольку вообще не было никакой внешней публики, а на все сейшены неизменно ходила одна и та же тусовка. У меня было ощущение, что в этом городе я знаком абсолютно со всеми. Впрочем, это ощущение не прошло и сейчас — просто я не знаю, как может быть по-другому. Вся наша музыкальная тусовка опять собиралась в прибалтийские страны, но меня что-то не потянуло. Я только два раза съездил в Москву, освоив и эту трассу.

Наконец у брата Андрея родилась дочь Ольга. Алексей же давно начал меня терроризировать. Он пропил мой приемник, выставил меня из отдельной комнаты,

и я оказался в одной комнате с мамой. Я решил начать жить самостоятельно и за 50 рублей снял квартиру у знакомых Вовы Ульева. Я надеялся, что это позволит мне укрепить союз с Любой, но наша совместная жизнь не состоялась. Я был отвергнут и впал в безразличное состояние.

Я получал на «Мелодии» 90 рублей, и денег едва хватало на сигареты и кофе в «Сайгоне», куда я ехал сразу после работы. И как-то механически на какое-то время я подпал под влияние «Сополса». Но однажды, зайдя к Родиону, который в то время был главным экспертом в этой области и жил на квартире у Сэнди, я увидел, как он выходит в окно четвертого этажа, чтобы покурить на соседнем балконе. На меня это произвело настолько сильное впечатление, что я отказался от дальнейших опытов.

В это время, несмотря на некоторое отдаление от центра, моя квартира стала прибежищем для многих моих знакомых и иногородних скитальцев. Так, в это время появился Болучевский. Он был чуть моложе меня, но уже с сединой в роскошных вьющихся волосах. Он когда-то играл на барабанах и поступил в группу как барабанщик, но без инструмента. Это никого не удивило, поскольку тогда мало кто имел свои инструменты. Положение осложнялось лишь тем, что узнать, как на самом деле человек играет, можно было только прямо на концерте. И мы отправились в Москву на совместный с *Машиной времени* концерт в Архитектурном институте. Концерт был прямо в фойе на помосте, сооруженном из столов, и народу было немерено. Мы сыграли рыхло, неуверенно и на фоне *Машины* выглядели полной самодеятельностью — фактически так оно и было. Играть далее с барабаном, но без баса казалось глупо. В то время виолончель мне пришлось вернуть, и я оставался без инструмента. Так что я заехал к родителям Файнштейна, взял у них бас-гитару и начал ее осваивать, пока Михаил не вернется из

армии. Все это время я писал ему письма, где в деталях описывал каждый сейшн.

Театр снова переехал в Дом архитекторов. Леня Тихомиров к этому времени ушел, и мне, помимо игры в оркестре, выпала роль поэта. Я должен был выходить с гитарой в белом костюме и белом цилиндре и петь романс на стихи Манделъштама, который в предыдущей редакции спектакля пел Леня. Я чувствовал себя крайне неловко. В оркестре мы сидели рядом с Сашей Александровым, который играл на фаготе, и все звали его просто Фаготом. Мы все время дрались смычками и тростями, чем вызывали постоянные нарекания Володи Диканьского.

Этой же осенью случилось эпохальное событие — Боб с Наташей решили пожениться. Естественно, была сыграна рок-н-роллная свадьба. Целый день мы катались на «чайке» по городу, пили шампанское, а потом поехали в «Англетер». В общем-то, это была обычная свадьба с длинным столом и прочей бижутерией, только гости приходили с музыкальными инструментами и на улице толпился народ, который пытался просочиться, как на сейшн, потому что играла *Машина времени*. Медовый месяц чета решила провести в моей квартире, и я переместился жить на кухню. Поначалу это было приятно — можно сказать, что мы жили как в коммуне. Но постепенно Наташа вступила в свои права, и коммуна приобрела признаки коммуналки. Это значило и то, что я платил за квартиру, но при этом потерял право голоса.

Васин устроил очередной праздник по случаю дня рождения Джона Леннона в кафе «Кристалл», и я там дебютировал как басист. Выступил я не очень убедительно, однако все были пьяны и веселы, и никто не предъявил никаких претензий к моей игре. После этого мы поехали к нам целой компанией, которая осталась ночевать у меня на кухне. Наталья была против, но я чувствовал

моральное право приглашать гостей, все-таки эту квартиру снимал я. Так мы прожили месяца четыре, пока наконец соседи не пожаловались хозяину квартиры на бесконечный шум и громкую музыку, и нам пришлось съехать. Я мечтал о свободе, но был необычайно рад вернуться домой и жить в одной комнате с матерью. Боб с Натальей переехали на Алтайскую, где они какое-то время жили с его мамой и бабушкой.

В очередной раз *Машина времени* приехала с Юрой Ильченко, которого они незадолго до этого рекрутировали из группы *Мифы*. Они дали несколько концертов в том же «Кристале». Это было совершенно незабываемое время. Поначалу никто не задумывался, в чем различие московской и ленинградской рок-музыки. Возникшая комбинация давала невероятное сочетание двух столиц. Чуть позже *Машина* дала еще один совместный концерт с *Аквариумом* в ДК им. Свердлова, на котором, правда, мы опять были не очень убедительны.

Зимой мне удалось купить фанерную виолончель непонятного производства, которую хозяин выдавал за чешскую. Она была мебельного цвета и имела тусклый матовый звук, к которому я, однако, привык. Но самым существенным фактором в пользу этого приобретения был старинный виолончельный кофр, который отдавался в придачу. Он был деревянный и с инструментом внутри весил килограммов сто. Не было и речи о том, чтобы носить в нем виолончель. Вероятно, когда-то для этого специально нанимался носильщик. Но зато кофр был черный и блестящий, как рояль, и моя многострадальная виолончель живет в нем по сей день. Чуть позже я купил немецкую деревянную виолончель с очень звонким и грудным звуком, которую я не успел как следует разыграть и никак не мог приспособиться к ее звуку. Иметь два инструмента было непозволительной роскошью, и одну

виолончель мне надо было продать. Миша Гумаринсон уговорил меня продать немецкую. Я навеки остался с фанерной, о чем, конечно же, потом пожалел — я так и не сумел извлечь из нее настоящий звук, ощущение которого я постепенно совсем утратил.

Наконец Михаил пришел из армии, поскольку после института он должен был отслужить один год, и в это же время вернулся Коля Марков. Мы пытались сыграть один совместный концерт со скрипкой, но из-за отсутствия репетиций ничего хорошего не получилось. Встречать семьдесят седьмой год мы отправились на дачу к Свете Геллерман в Сосново, куда приехал Ильченко с Женей Губерманом, и всю ночь мы развлекались тем, что слушали *Beatles* наоборот: такого эффекта можно достичь на четырехдорожечном магнитофоне, если переключить дорожки.

Болучевский неожиданно вспомнил, что в детстве играл на саксофоне, решил попробовать поступить в училище и исчез с нашего горизонта. Боб, который часто упражнялся в стихах абсурдистского толка (впоследствии это вылилось в цикл про Иннокентия) удостоил это событие эпиграммы, из которой, к сожалению, в моей памяти осталась только одна строчка: «Болучевский, вынь изо рта саксофон...» Болучевский не внял этому совету, стал-таки играть на саксофоне и вскоре дебютировал в группе Юры Ильченко *Воскресение*. Также он сочинил цикл прекрасных песен, которые очень своеобразно исполнял, но которые так и не были записаны. Женя Губерман, который барабанил в этой группе, очень с ним подружился и до сих пор вспоминает песни Болучевского как свои самые любимые.

Примерно в это же время мы пытались записать пару песен в студии Театрального института, где работал Сережа Свешников. Но эти записи куда-то канули, а теперь даже и не упомянуть, что мы там записывали. Тогда же я

решил покинуть театр и, судя по всему, увлек за собой Фагота. Сейчас трудно вспомнить, каким образом он материализовался в группе. По-моему, Боб сделал ему предложение, восхищенный звуком и, что немаловажно, формой его инструмента. Помню лишь, что двадцать пятого февраля намечался очередной Битлз-праздник, и у нас собрался целый оркестр из семи человек. Мы решили сшить себе белые рубахи в индийском стиле, как у Джорджа Харрисона. Вышло очень смешно: один человек в белом одеянии выглядел бы хорошо, но когда на сцене появился весь оркестр, получилась натуральная больница, а точнее, определенная ее разновидность — дурка. Но в целом концерт был симпатичный. С нами играл Коля Марков, который после этого куда-то сгинул, на сей раз навсегда. Там же впервые выступил Майк со своей коронной версией *Drive My Car*. В это же время нам удалось договориться о репетициях в студенческом городке на Ново-Измайловском, там, где до этого мы репетировали с театром. После репетиций мы с Бобом часто навещали Майку, который жил неподалеку. Мы вели интеллектуальные беседы, и через некоторое время я с удивлением узнал, что Майк пишет песни.

Весной в Таллинне опять состоялся очередной фестиваль, на который русские группы вообще не были приглашены. Я поехал на поезде просто потусоваться. Погода была омерзительная. Фестиваль проходил в спортивном комплексе и оказался дико скучным. Было много людей из Питера, всех разместили в какой-то школе, но я решил не оставаться и вернулся домой. А вскоре после этого в армию забрали Дюшу с Фаготом. Одного — в Сертолово, другого — в Пушкин, где они оба служили в военных оркестрах. Мы остались втроем с Бобом и Файнштейном. Майкл Кордюков не был постоянным участником, он то появлялся, то исчезал и на полгода уезжал в горы на Домбай или Чегет, работать в дискотеке. Концертов категори-

чески не было. Репетировать было негде. Все время мы пытались пристроиться к группе, у которой была бы своя аппаратура. Но нам со своей стороны нечего было добавить, у нас ничего не было. Я продолжал работать на «Мелодии» и грузил пластинки.

Как-то в книжном магазине «Эврика», в том же студенческом городке на Измайловском, открылась выставка детской книги. По какому-то случайному стечению обстоятельств там был шестнадцатимиллиметровый кинопроектор, и показывали фильм «Музыка». Это в любом случае заслуживало внимания, но среди прочего в фильме оказался десятиминутный сюжет о том, как *Beatles* в студии «Abbey Road» записывают *Hey Jude*. Фильм показывали раз в день, и было трудно специально подгадать, но мы познакомились с англичанами, которые там работали, и они крутили этот фильм каждый раз, когда собиралась наша компания. Как и в случае с фильмом «О, счастливчик!», это был фантастический опыт: ты становился свидетелем творческого процесса. Только тут вместо Алана Прайса были *Beatles*, и ты был одним из посвященных, кому удалось побывать в святой святых, где эти люди могут просто разговаривать друг с другом, не стесняясь тебя, и решать какие-то рабочие моменты. Возникал тот же самый эффект: все выглядело очень просто, они не делали ничего особенного — только это было волшебство.

Время тогда было интересное. Какая-либо организация в рок-н-ролле отсутствовала, но многие музыканты знали друг друга и плотно общались. Время от времени от этого рок-н-рольного братства собирались делегации, которые шли в Дом народного творчества. Несколько раз нас приглашали туда на беседы, в которых принимало участие много музыкантов. Основная наша ошибка была в том, что все верили, что с системой можно договориться, что не в этот, так в следующий раз какой-нибудь чиновник что-

нибудь разрешит. Невооруженным глазом было видно, что система несовершенна, что она не готова к тому, что появилось стихийно и не имело под собой идеологии. Если идеологии не было, то ее надо было подложить. Система агонизировала и искала способ уничтожить это стихийное проявление жизни или хотя бы попытаться его укротить. Но в то время она еще не знала, каким способом это сделать. Те же люди, которых мне в это время посчастливилось встретить, предлагали альтернативу — не ждать от системы разрешения, а просто делать. Делать так, как делается, несмотря на нелепые обстоятельства, в которых мы все оказались. (Странно, что, когда уже в девяностые годы мне довелось общаться с музыкантами другого поколения, которым я мог предложить только свою схему «делания», я обнаружил некоторую упертость.)

Иногда мы вписывались в студенческие вечера, на которых пытались играть рок-н-ролл. Как правило, для этого приглашался какой-нибудь барабанщик или гитарист. Так, время от времени мы играли с барабанщиком Сережей Плотниковым из *Капитального ремонта*, а на гитаре иногда появлялся Майк. Майк не был искусным гитаристом и играл примерно так же, как Боб, но брал на себя роль лидер-гитариста, что не всегда было интересно. Он пел пару рок-н-роллов Чака Берри и несколько песен из *T. Rex*. Мы представляли собой весьма нестройный и неритмичный оркестр, и, хотя выглядело это немного нелепо, нам всегда было весело. Репетиции подобных выступлений часто проходили у меня дома: выстраивалась программа из любимых песен, которые все давно знают, и предполагалось, что этого достаточно для того, чтобы их играть. На самом деле это был настоящий панк-рок, когда достаточно сложные песни наших любимых групп упрощались до трех аккордов и игрались простым чёсом. Моя роль в группе была довольно размытая.

Я либо подбирал какой-нибудь гитарный риф и дублировал его на виолончели, либо пел второй голос или присоединялся ко всем на припеве, который, как правило, исполнялся хором. Если учесть, что микрофон в лучшем случае был один, то это выглядело еще смешнее. Я знал только припевы песен. Самым изнурительным было добывание аппарата и последующая транспортировка его к месту выступления. Мне почему-то всегда выпадала почетная обязанность таскать аппарат, ловить машину и ехать в кузове. Когда же дело доходило до подключения, то мне обычно не хватало отдельного усилителя, и приходилось играть в один комбик с кем-нибудь либо включаться в линию. Неизменный аппаратчик Марат творил чудеса, пытаясь сделать звук на том, на чем в принципе его сделать невозможно. Не могу сказать, что я получал от этого удовольствие, но иногда и мне удавалось оторваться и сыграть атональное соло, которое переводило происходящее в разряд психоделии. Постепенно опыт электрической игры на халяву переносился и на акустический материал, собственно *Аквариум*. Как правило, отношение к песням Боба было серьезнее, но элемент небрежности существовал всегда. Ничего с этим поделать было нельзя. Основным критерием был *вруб* или *невруб*. Мы никогда не обсуждали свое отношение к происходящему. Понятно было, что все идет так, как идет, и что мы не сможем по-другому. Некоторые группы репетировали и оттачивали свое мастерство и звучание. Для меня же оптимальным звуком был тот, которого мы добивались дома — точнее мы его не добивались, а он сам собой возник. Но его почти невозможно было повторить на концерте посредством примитивной и маломощной аппаратуры. На концерте, как правило, все заводилось, фонило, ничего не было слышно. Но, несмотря на обломы, конечный результат в общем-то был

не важен — важно было то, что мы знали, как есть на самом деле.

Весной мы выступили в легендарном джазовом клубе «Квадрат» в ДК им. Кирова с Сережей Плотниковым на барабанах, разогревая блестящую группу *Воскресенье*. Мы достаточно долго не репетировали, и я играл плохо и нестройно. Впервые играли песни *Блюз во имя ночи*, *Блюз со счастливым концом* и мою самую любимую в то время *Если кончится дождь*.

Летом я частенько навещался к Дюше в Сертолово, где он служил. Один раз я приехал к нему в воскресенье, надев белую длинную рубаху с бусами, босиком и с распущенными волосами по пояс. Дюши не оказалось, и в его части еще долго ходили слухи о том, что к нему приезжал брат с другой планеты. Но осенью я неожиданно для себя постригся. Причины не было никакой, просто захотелось перемен. Мне было приятно совершить подобное действие. Мне нравились длинные волосы, но при этом я не чувствовал свою принадлежность к хипповому братству. Потом я их еще отпускал волосы несколько раз и так же легко состригал, пока уже к старости я не отпустил скупую седую косу — пускай себе растет. Сейчас, когда многие мои друзья возмужали и остепенились, мне нравится от них отличаться. В этом заключается если не протест, то, по крайней мере, сопротивление новой системе, которая пытается в очередной раз навязать моим согражданам стереотип идеального мужчины из мексиканского сериала.

В те годы для всех нас была очень притягательна западная «цивилизация» в целом, и поэтому очень важным было общение с иностранными студентами. Кто-то с ними знакомился, и они непременно появлялись в нашей среде. Общение с ними обогащало нас во всех смыслах — они были носителями языка и чужой, но такой родной для нас рок-культуры. Как правило, все они играли на каком-ни-

будь инструменте, очень хорошо разбирались в современной музыке и, что самое важное, бывали на концертах и могли поделиться собственными впечатлениями от них. Мы очень подружились с американцем Полом Ашиным, который прекрасно играл на блюзовой губной гармошке и рояле. Он подарил мне пластинки *Greatest Hits* Боба Дилана и *So Far* Кросби, Стиллза и Нэша и рассказывал, что слышал многих музыкантов и что самое сильное впечатление у него осталось от их концертов. Мне эта музыка тоже очень нравилась, особенно электрическая сторона на концертной пластинке *Four Way Street*, которая была у Дюши. Многие наши знакомые подумывали о том, чтобы жениться на иностранках и уехать на Запад. Особенную активность проявлял Дюшин друг Андрей Светличный. У него даже появился знакомый американский профессор — доктор Блюм, который занимался сводничеством. Светличный всем нам предлагал знакомство с иностранками. Я пару раз приходил на такие вечеринки, но каждый раз это кончалось каким-то пьяным бардаком. Андрей женился таки на англичанке, с которой по приезде тут же развелся, после чего уехал в Америку к своей подруге Майе. Как-то я и сам пошел в ОВИР и сказал, что хочу с матерью поехать на могилу своего дедушки в Париж. Самое странное, что мне не отказали, а сообщили только, что я не являюсь прямым родственником своего дедушки, но моя мать может поехать. Я стал размышлять, как это обыграть, чтобы поехать с ней сопровождающим. Конечно же это была утопия, денег все равно ни копейки не было, и из этой затеи ничего не вышло.

В то время в город достаточно часто приезжали какие-то заморские оркестры, которые играли в концертном зале «Октябрьский». Билеты продавались свободно, и грех было не воспользоваться такой возможностью. Неожиданно к нам забрела американская группа

Nitty Gritty Dirt Band. Как оказалось впоследствии, это была самая матерая кантри-группа. Нам же этот стиль был немного чужд, и мы не могли по достоинству оценить игру на банджо. Но концерт был все равно очень интересным. Музыканты привезли тонны аппаратуры, и было очень интересно толкаться у сцены и рассматривать всякие штучки, марки усилителей, мониторы, гитарные стойки и всякие прибабасы вроде датчиков на акустических гитарах.

Как-то, ничего не ожидая, мы с братом Андреем и его женой Татьяной пошли на концерт немецкого секстета Йохана Брауэра. Звук был хороший, они играли кавер-версии модных песен, и было просто приятно расслабиться, как вдруг на сцену вышла некая Инга Румпф, и с первых же взятых ею нот я почувствовал, что произошло нечто необыкновенное. Я уже слышал Клиффа Ричарда и *Nitty Gritty Dirt Band*, которые профессионально исполняли современную музыку. Но тут я вдруг услышал и увидел что-то настоящее. Я даже не мог определить для себя, в чем различие, — играют те же музыканты, но выходит один человек — и все меняется. Я был потрясен. На следующий день я обзвонил всех своих знакомых и заявил, что непременно нужно идти на этот концерт ради тех трех-четырех песен, что она поет. Мне никто не верил. Что такое? Какая такая немка? В конечном итоге всем, кого я пригласил, тоже вроде понравилось, но никто не отреагировал с таким восторгом, как я. Чтобы услышать немку еще раз, я поехал в Москву. Я купил огромный букет роз и преподнес ей после ее выхода на сцену — никогда раньше я не делал таких вещей. После концерта в Театре эстрады мне удалось с ней познакомиться, и на следующий день перед концертом Инга пригласила меня за кулисы. Мы пили кофе, и она мне рассказала, что попала в этот оркестр случайно, только ради того, чтобы из любопытства съездить

в Россию, а на самом деле у нее есть своя группа *Atlantis*, а до того она пела в группе *Frumpy*. Как я потом выяснил, это были самые известные в то время немецкие группы, а она была певицей номер один, уровня Дженис Джоплин. Инга прислала мне несколько своих пластинок, но больше я ее никогда не видел. Как-то позже Петя Трощенко поехал в Гамбург, и я ему дал телефон Инги. Он был у нее в гостях и привез мне привет и новую пластинку. Когда же я сам оказался в Гамбурге, то почему-то ей не позвонил.

Осенью похоронили Кита. Его, избитого, нашли во дворе; он умер, не приходя в сознание. Эта была первая смерть одного из нас. Осознать это было тяжело и невозможно — невозможно до сих пор. Незадолго до этого Кит пригласил меня быть свидетелем при вступлении его в фиктивный брак с загадочной кореянку. Я пришел бо-сиком. Все, кроме тетечки из ЗАГСа, понимали, что совершается сделка и что все это несерьезно, и было очень приятно валять дурака в присутственном месте. Правда, когда Марат на полном серьезе женился на Ольге Липовской, которая была уже на девятом месяце беременности, все тоже очень веселились. Боб накрутился и надел сапоги на каблуках, а Наталья была с нарисованными усами и в мужском костюме. Тогда же Боб с Маратом записали концептуальный альбом *Таинство брака*, который был очень похож на *Wedding Album* Джона и Йоко. Как и многие другие записи, он канул в Лету. Правда, может быть, он и сохранился у Марата.

Я в то время находился под сильным влиянием Боба и во многом старался его копировать. Он так увлекательно рассказывал о книгах, что не прочесть их было невозможно. Но он читал все подряд, и мне за ним было не угнаться. Он начал читать по-английски. Откуда он его узнал, я так и не понял, ведь в школе он изучал немецкий. Позже выяснилось, что уже в период нашего знакомства

он закончил курсы гидов-переводчиков на английском языке, и этого для него оказалось вполне достаточно. Я вслед за ним тоже начал читать по-английски, чего никогда раньше не пробовал. Выяснилось, что это гораздо легче, чем я предполагал, и моего знания языка вполне достаточно, чтобы читать и понимать если не все, то по крайней мере общий смысл повествования. В первую очередь это был Герман Гессе — все то, что не было переведено на русский. Потом «Electric Cool-Aid Acid Test» Тома Вулфа и Кастанеда. Конечно же, читались все книжки про рок-музыку, а позже — Толкин, Урсула Ле Гуин и «Хроники Нарнии». Но постепенно я утратил интерес к фэнтези и перестал читать подобные книги. Потом появилась философская и эзотерическая литература, но этого я уже осилить не мог, хотя мне всегда было близко мировоззрение Боба и его способность оперировать разными понятиями. Мы вели бесконечные разговоры, и его всегда было интересно слушать.

Продолжая работать на «Мелодии», я неожиданно пошел на повышение, а именно — получил предложение перейти на должность музыкального редактора. Дело шло к осени, становилось холодно, я устал от работы на улице и согласился. Решающим фактором было то, что я поступал в ведомство очаровательной Ольги Шульги. Это была фантастическая женщина, которая никоим образом не давала мне понять, что она мой начальник, мы просто работали вместе. Мы мгновенно подружились, и на долгие годы она стала моим верным другом. Я и сейчас охотно вижу с ней. Наш отдел, состоявший из двух человек, занимался составлением репертуарного плана для завода грампластинок и тем, что сейчас называется дистрибуцией. Я прекрасно справлялся с возложенными на меня обязанностями в том объеме, какой позволяла тогдашняя система. Мне удалось вернуть из небытия всю этничес-

кую музыку, которая была записана, но никогда не пользовалась спросом непосредственно у работников магазинов. Не в последнюю очередь благодаря мне в этом городе неизменно продавались Рави Шанкар и другая музыка Азии и Африки. Так получилось, что Дом грампластинок, в котором я работал, студия грамзаписи и завод грампластинок были не связанными друг с другом структурами, что уже было абсурдным по определению. И я лелеял мечту, что постепенно смогу расширить круг связей в системе «Мелодии» и получить доступ в ее студию грамзаписи. Но об этом можно говорить долго и скучно. Помимо всего прочего, это место считалось тепленьким, поскольку мы «сидели» на импорте, то есть все импортные и лицензионные пластинки, которые приходили к нам, распределялись по разнарядкам, и мы были вправе распоряжаться ими по своему усмотрению, хотя, конечно же, в определенных пределах. Возможно, проработай я в этой обстановке еще несколько лет, я мог бы стать частью торгашеской системы. Но к этому у меня был сильный иммунитет. Хотя я проработал в этой должности пять лет, постепенно меня стало тошнить и тянуть на волю, и в один прекрасный день я все-таки собрался с духом и пошел в сторожа. Но об этом потом. В то время надо было где-то работать, и эта работа была уж никак не хуже других. А у меня было еще одно дело — музыка.

Итак, мы с Бобом и Михаилом остались втроем. Мы стоворились с Юрой Ильченко, что сможем репетировать на точке *Воскресения* в ДК им. Кирова. Мы даже начали, но *Воскресение* куда-то съехало, так что мы опять остались без аппарата. Репетиции в ДК мало чем отличались от домашних: в одинокий комбик включался только бас, но все-таки регулярное время, которое мы себе наметили, как-то стимулировало к тому, чтобы репетиции были достаточно плодотворными. Дома всегда обстановка была

более расслабленной. Мы сыграли в школе на 6-й Советской несколько концертов, которые уже можно было вполне рассматривать как сольные, по крайней мере значительная часть людей приходила именно на нас. Один концерт мы сыграли с Юрой Ильченко, другой с группой *Санкт-Петербург* в ее каноническом составе с братьями Лемеховыми, которых к этому времени уже подзабыли. Мы несколько лет мечтали о том, что когда-нибудь у нас будет свой аппарат, и Юра Ильченко уболтал нас купить у него в рассрочку несколько ящиков с тридцать вторыми динамиками (самые распространенные в то время динамики марки «4А-32»). У нас не было ни одного усилителя, и эта покупка оказалась абсолютно бессмысленной. Когда же попозже мы договорились репетировать в ДК «Маяк» на Красной улице, мы привезли туда и колонки, а потом, когда нас выперли, не удосужились вовремя забрать, и их украли местные аппаратчики.

Как-то на проспекте Энергетиков, в каком-то культурном центре в здании магазина, то ли Юра Байдак, то ли кто-то другой устроил некий смотр-конкурс — играла группа *Пикник* (как потом выяснилось, в то время в ней играл Саша Кондрашкин), и там мы встретились с Сашей Ляпиным и Сашей Титовым. Мы уже несколько раз пересекались с Ляпиным, но дружба пока не завязывалась. Все, что я о нем знал, — что до этого он играл на гитаре и скрипке в группе *Ну, погоди!* и учился в одном классе с Дюшей. Но Дюша в это время был в армии. Титовича же я вообще видел первый раз. У Ляпина был самопальный флэнджер, и он дал мне включить виолончель через него. С тех пор у меня появилась идея-фикс, что мне непременно нужен свой флэнджер. Перед каждым концертом я пытался найти Ляпина, чтобы одолжить флэнджер у него. Саша тогда жил на Каменном острове, в доме Андрея Фалалеева, второй этаж которого занимала его тетка Нина

Викторовна, и время от времени там кто-нибудь квартировал. Чуть позже в этом доме обосновался Титович с Ириной — в то время, когда он с Ильченко играл в группе *Земляне*.

Уже шел семьдесят восьмой год, и зимой нам каким-то образом удалось слетать в Архангельск на концерт, который устроил Коля Харитонов. Это были настоящие гастролы. Состав был такой: Боб, Михаил, Майкл, я и Марат. Мы играли в огромном зале Дворца культуры строителей на 700 мест. При этом мощность аппарата «Венец», который мы использовали, была в лучшем случае 500 ватт. Трудно себе представить, какое впечатление производили столичные артисты, когда звука не могло быть в принципе. Но мы не были избалованы хорошим звуком и обычно довольствовались тем, что есть. Чуть позже, с чисто акустической программой, мы предприняли поездку в Тартуский университет, которую организовала наша подруга Света Геллерман. Мы сыграли два концерта, причем второй был аншлаговым, и нам устроили фантастическую овацию.

В конце февраля умер отец моей невестки Татьяны. Андрей с Татьяной и дочерью Ольгой переехали к ее матери. Таким образом, я остался жить со своей матерью и братом Алексеем. Я переместился в маленькую двенадцатиметровую комнату, которая через некоторое время и стала постоянной точкой группы.

«Сайгон» закрыли на ремонт, и значительная часть тусовки перекочевала в кафе «Сфинкс» на углу Большого проспекта и Второй линии Васильевского острова. Обстановка там была уже совсем другая. Я пытался было ходить и туда, но у меня не получилось. В это же время, на дне рождения у Вани Бахурина, я имел неосторожность начать ухаживать за Людмилой Шурыгиной. Она была подругой предводителя местных хиппи Гены Зайцева. К началу мая она перебралась ко мне на Восстания, и я

совершил попытку построения семьи. Моя мать разыграла классическую партию, которую я уже наблюдал, когда женился Андрей. Вначале наша жизнь была безмятежной, и они с Людой легко выстроили дружеские отношения. Однако через некоторое время эти отношения сменились прямо противоположными. К ним примешивались выходы Алексея на грани белой горячки. Пару раз в мое отсутствие они с Людмилой начинали драться. Мне ничего не оставалось делать, как попытаться найти другое жилье, что было не так легко.

Мы купили два велосипеда и совершали вылазки на дачу в Белоостров. Иногда к нам кто-нибудь присоединялся, и тогда я брал велосипед у кого-нибудь из соседей. Иногда такие поездки доходили до полного абсурда, когда собиралась компания человек десять: приезжая на дачу, я носился по всему поселку в поисках старых друзей, у которых можно было одолжить велосипеды. Обычно по лесной Финской дорожке мы отправлялись на залив, иногда ездили за грибами. Боб грибы не ел, но часто присоединялся к нам и, когда мы углублялись в лес, оставался сторожить велосипеды. Один раз мы поехали вместе с Ваней Бахуриным, Ольгой Першиной и Майклом. Естественно, любой выезд за город сопровождался непременно выпивкой, и первым делом мы заезжали в магазин. Помню, однажды, когда мы уже укомплектовались велосипедами и выехали с дачи, Майкл разогнался и с криком: «At the speed of sound!» улетел в кусты.

Мой союз с Людмилой не очень пришелся по нраву Бориной жене Наталии, и мы почти не бывали у них в гостях. Вероятно, это было обусловлено тем, что она ждала ребенка. Да и вообще в этот период мы стали реже видеться с Бобом. Однажды по дороге домой в нашей подворотне мы встретили его одноклассника Никиту Ананова, который, как оказалось, жил в нашем доме. Мы стали ходить

друг к другу в гости и дружить семьями. Как-то после значительного перерыва я зашел к Бобу, и он, сидя на кухне, спел мне весь новый цикл песен, который потом получил ярлык «дилановского». Мне всегда нравились его песни и завораживал его голос, но тут меня совершенно сразила невероятная мощь нового материала. Каждое слово будто входило в твою плоть. Как я уже говорил, у меня всегда было ощущение правоты нашего дела, но тут я увидел реально состоявшегося матерого Артиста, которому, может быть, уже тогда следовало отказаться от группы.

Летом у Боба с Натальей родилась дочь Алиса. Пока Наталья была в родильном доме, Боб с Майком затеяли запись альбома *Все братья — сестры*. Запись происходила на лужайке возле дома Ольги Аксяновой, которая училась с Бобом в одной группе и одновременно работала дворником. Ее служебное помещение находилось во флигеле, в котором помещался тот самый Примат. Чтобы попасть в этот фантастический сад, выходящий прямо на Неву, нужно было пройти через длинную низкую арку, похожую на короткий тоннель, на заднем дворе факультета с обратной стороны Смольного. То было одно из сказочных мест, которыми изобилует этот город и о существовании которых иногда не подозреваешь. Операцией руководил Марат, который был мастером записи альбомов на аппаратуре, явно не предназначенной для этого, посредством микрофона, включенного прямо в стереомагнитофон типа «Маяк». Но это был ощутимый эволюционный шаг, поскольку первые два альбома *Искушение* и *Притчи* были записаны на магнитофоны «Комета» или «Яуза» посредством «мыльниц» (так в то время назывались микрофоны, которые входили в комплект любого магнитофона и, наверное, были в каждом доме).

В альбом вошли все те песни, которые Боб уже пел, но за которые мы еще не брались вместе. Мы все при-

существовали при записи, но присоединились к Бобу только в хоре на песне *Дочь*. Михаилу в одной песне удалось сыграть на слайде. Чуть позже прямо на этой лужайке, насколько позволяла длина сетевого удлинителя, мы устроили мини-рок-фестиваль, на который слетелись все наши дружки. Народу было человек сто. Играли все прямым звуком, то есть отсутствием такового, поскольку не было ни одного микрофона, и в мою маленькую колонку «VEF» был включен только бас Михаила. Концертов в то время категорически не было, и этот фестиваль стал событием. Впрочем, событием становилось абсолютно все, поскольку мы очень хотели, чтобы это было так. Масштаб мероприятия почти не имел значения, важна была его суть. Это было интересно еще и тем, что происходило прямо за Смольным, который в то время являлся далеко не институтом благородных девиц.

Примерно тогда же, а может быть годом позже, но тоже летом произошло-таки событие реального масштаба. По крайней мере, впервые оно обещало стать таковым. В газете «Ленинградская правда» появилась заметка о том, что четвертого июля на Дворцовой площади состоится съемки американского фильма «Карнавал» английского режиссера Дмитрия де Грюнвальда при участии групп *Santana* и *Beach Boys*, а также Джоан Баез, *Песняров*, *Ариэля* и Аллы Пугачевой. Ничего более бредового было невозможно себе представить: в День независимости Соединенных Штатов, в центре колыбели революции устроить рок-концерт (если к этой категории можно отнести участников с советской стороны). Пик застоя, еще живой Брежнев — классическая пьеса абсурда. Мы припадали к приемникам в надежде услышать достоверную информацию. Вражеские голоса взалхлеб муссировали эту тему, и уже недели за две до события стало понятно, что ничего не произойдет, никто не приедет. Однако накануне мы схо-

дили-таки на площадь, чтобы удостовериться, не строят ли там сцену. И вот четвертого июля я как ни в чем не бывало пошел на работу. Придя домой, я обнаружил подждавшего меня Мишу Шишкова, который сообщил, что концерт все-таки состоится. Конечно же я ему не поверил, но погода была прекрасная, и мы решили просто пойти погулять и заглянуть на площадь. Прямо напротив моего дома останавливался автобус № 6, который всегда доставлял меня до «Сайгона» и шел по всему Невскому. Мы сели на него, и, когда мы выехали на проспект, я не поверил своим глазам, да и ушам тоже. На Невском была гигантская пробка примерно от Аничкова моста до Дворцовой, а вдали раздавался голос многотысячной толпы, которая скандировала: «Сан-та-на, Сан-та-на!» Меня прошиб холодный пот: я, как последний идиот, пошел на работу, а в этот момент на Дворцовой площади играет *Santana*, и только я один туда не попал. Мы с Мишей выскочили из автобуса и побежали к площади. Добежав до Казанского собора, мы увидели огромную толпу поперек всего Невского, которая продолжала скандировать. Ей преграждала путь шеренга милиционеров, человек двести. В это время со стороны Казанского собора стали подъезжать грузовики с милицией и солдатами. Когда их собралось значительное число, они ринулись на толпу и стали ее разгонять. Мы стояли возле Дома книги и наблюдали происходящее, ничего не понимая. Толпу разбили, все разбежалось в разные стороны, мы же, оказавшись зрителями, решили дойти до площади и узнать, что там случилось. Когда мы подошли к Александрийскому столпу, то встретили Наташу Васильеву, Жору Ордановского и еще нескольких человек. Они тоже пришли на площадь полюбопытствовать. Оказалось, что как раз к тому моменту, когда мы собралась туда пойти, там скопилось около двух тысяч человек, которые вдруг двинулись в сторону

редакции «Ленинградской правды» за разъяснениями, ведь после той публикации не было никакого опровержения.

После отражения первой атаки толпа снова стала стекаться на площадь. Было много туристов и просто зевак вроде нас. Все находились в радостном возбуждении. *Santana* не приехал, однако, сам того не подозревая, послужил поводом для единения огромного количества людей. Было очень приятно ощущать это единство. В это время по кругу пустили две поливальные машины, которые якобы должны были чистить площадь. А со стороны Капеллы стали снова стягиваться военные машины и другие поливалки. Было видно, что сейчас снова начнется. И действительно: поливальные машины построились в колонну и двинулись на толпу, направив вверх брандспойты, а из-за машин выбегали менты и разгоняли людей. Такая же колонна двинулась со стороны Адмиралтейства. Картина было просто восхитительная, было похоже на психическую атаку из «Чапаева». Кто не бежал, того не трогали. Можно было просто отойти на несколько шагов в сторону и наблюдать. Площадь очистили мгновенно. И когда на площади уже почти никого не осталось, по ней стала ездить милицейская машина с громкоговорителем и объявлять, что концерта не будет. Мы с Мишей потеряли друг друга из виду, и я пошел к Марату. По дороге я встречал возбужденные осколки толпы.

С Мишей Шишковым я познакомился еще в тот период, когда работал экспедитором и возил пластинки. Как-то я приехал в Красное Село с партией пластинок, и Миша, работавший в магазине продавцом, вышел принимать товар. Он тут же вовлек меня в интеллектуальную беседу о том, что я слушаю и какие у меня музыкальные пристрастия. Мы обменялись телефонами, и с тех пор он на двадцать лет занял заметное место в моей жизни. Он

был странен, и его все сторонились. Когда он появлялся в «Сайгоне», разговоры тут же затихали: за Мишей прочно закрепился ярлык стукача, которым он конечно же не был. Но, вероятно, в любом кругу людей должен быть изгой, и Шишков для этой роли отлично подходил. Редкий день обходился без его звонка. В более поздний период нашего знакомства в моей жизни произошел связанный с ним любопытный эпизод, который многому меня научил. Но об этом я попробую рассказать позже, если не забуду. Я и так отвлекся от основной темы своего повествования.

Осенью нам удалось пригласить Хейна Маринуу из Таллинна, и в подростковом клубе на Саперном, где репетировал *Союз Любителей Музыки Рок*, мы устроили многочасовой киносеанс. Народу было как на сейшене, и мы собрали деньги, которых хватило, чтобы оплатить ему дорогу, проживание и питание.

Как-то я случайно узнал, что в ДК им. Капранова выступает Кларенс Браун по прозвищу *Gatemouth*, о котором я раньше ничего никогда не слышал. Это был блюзовый гитарист самого высшего эшелона, на которого молились Эрик Клэптон и Фрэнк Заппа. А тут он запросто играет в каком-то заводском Доме культуры с музыкантами-родственниками. Я не встретил на этом концерте почти никого из знакомых и до сих пор не понимаю, как такая птица случайно могла залететь в наши края. Правда, этой же осенью приехал Би Би Кинг, который дал несколько концертов в ДК им. Горького, но там уже была вся общественность, и я ходил два раза.

Дюша с Фаготом все еще служили в военных оркестрах, но, поскольку их части стояли в Ленинградской области, время от времени им по очереди удавалось материализоваться в городе. Как-то мы с Людмилой пришли к Фаготу на улицу Марата, где он жил у своей подруги

Марины. Как я уже говорил, в нашей среде время от времени появлялась трава, но курение ее никогда не было самоцелью. Так и в этот раз она оказалась в доме, и не было никаких причин от нее отказываться. Мы покурили, как обычно, но сразу пошло что-то не так. Мы по очереди теряли сознание и пытались вернуть друг друга к жизни. По счастью, в тот раз нам всем это удалось. Нас вынесло на улицу, был лютый мороз около сорока градусов, а нас носило по пустым улицам, поскольку мы боялись, что, придя домой, не сможем контролировать состояние друг друга. Опыт оказался крайне негативным. Правда, чуть позже я повторил этот опыт на работе в Доме грампластинок. Володя Пинес, который в свое время играл на барабанах у Асадуллина, тоже работал экспедитором и как-то раз предложил мне покурить. Я ничего не подозревал и реально выпал на несколько часов в осадок, находясь на грани утраты сознания и отчаянно этому сопротивляясь. Уже придя домой, я почти всю ночь не спал, боясь заснуть и не проснуться. С тех пор я стал с опаской относиться к последующим опытам.

Примерно в то же время произошло интересное слияние: Саша Ляпин вместе с Женей Губерманом присоединились к нам на концерте в общежитии ЛИСИ. Рок-ролльный концерт сразу же перешел в другое качество — появился звук. К сожалению, Саша работал в Ленконцерте, аккомпанируя своей жене Лиле, и не мог присоединиться к группе, да это и не дебатировалось: он привык относиться к музыке как к работе, и мы ничего не могли ему предложить. Женя Губерман играл у Давида Голощекина и в *Воскресении* с Юрой Ильченко и тоже не проявлял особого интереса к нашей музыке.

У Боба наметился разлад в отношениях с Натальей. Ее родители невзлюбили его и постепенно выдавили из дома. Возвращаться к матери ему не хотелось, и настала его

очередь снимать комнату у тетки Фалалеева на Каменном острове. Это был необычный дом и необычная семья. Дед Андрея был адвокатом, который в свое время оказал неоценимую услугу Ленину, и тот подписал мандат или какой-то другой документ, согласно которому дом на Каменном острове навеки оставался за этой семьей. Все было бы ничего, если бы внук адвоката Андрей не оказался бы одиозной фигурой. Будучи студентом филфака Университета, он организовал у себя дома натуральный клуб, в который постоянно приходили американские профессора, а иногда и целые группы иностранных студентов. Это не могло не вызвать протеста со стороны Комитета, который предпринимал попытки выселить это семейство из дома, но волшебный талисман, который хранили старушки, защищал их ото всех нападков. Таким образом, поселившись там, Боб одновременно получал доступ к общению с большим числом иностранцев и ставил под удар все наше предприятие. Но никто из нас в то время не чувствовал никакой опасности, поскольку, хоть все и знали о всемогуществе Комитета, никто из нас персонально не испытывал на себе его давление. Дом отапливался дровами, и в комнате, которую Боб снимал, было достаточно холодно, а Боб топил с неохотой. Поэтому, пока не стало тепло, мы там редко бывали и почти не репетировали. Но к весне мы все постепенно перекочевали туда и немного активизировались. Однажды к Бобу зашел некто по имени Андрей Тропилло с предложением записать альбом в его студии. Мы познакомились, но до записи тогда дело почему-то не дошло.

Той же весной мы предприняли еще одну поездку в Тарту по приглашению Светы Геллерман. Мы с Бобом, Михаилом и Майклом Кордюковым впервые отправились в путешествие на «своем» транспорте — на «москвиче» нашего нового аппаратчика Владика Шишова. Вла-

дик работал с Файнштейном в Онкологическом институте и был рок-интеллигентом и мачо-мэном. Зарекомендовал же он себя в качестве такового, продемонстрировав наивысочайшие качества роуди. Мастерски управляя машиной в клубах табачного и не только табачного дыма, он на ходу одной рукой открывал нам бутылки с «Алазанской долиной», которые почему-то не удавалось открыть никому из тщедушных музыкантов. Я уже толком не помню, что произошло в Тарту, поскольку всегда что-то происходило. Мы сыграли на фестивале в Тартуском университете, причем были единственной русской группой, и наше выступление осталось незамеченным. А на следующий день мы выступали на открытой площадке на Ратушной площади. Было ужасно холодно, не было времени ни настроиться, ни разыграться, и действовать надо было очень оперативно. У меня пальцы сводило от холода, и я не знаю, что я там наиграл, но было колоссальное возбуждение и масса новых ощущений. Мы все еще находились во власти грез о Вудстоке и других фри-фестивалях и с каждым таким опытом приближались к вожденной мечте. Прибалтийские фестивали уже можно было с чем-то сопоставить.

По возвращении мы сразу встретились на дне рождения Майка, который проходил в квартире его сестры на улице Жуковского. Ольга Липовская сильно напилась и пыталась спрыгнуть с балкона, и мы весь вечер ее уговаривали этого не делать.

Фагот с Дюшей наконец вернулись из армии, и мы снова стали репетировать вместе. Первым выступлением после их возвращения можно считать домашний концерт у Фалалеева, где была почти вся группа американских студентов. Среди них была Найоми Маркус, подруга Майи, в то время уже жены Андрея Светличного. Она замечательно пела и прекрасно играла на гитаре. Ее сосед-

кой по комнате была Андреа Харрис. Мы все очень быстро подружились и много времени проводили вместе. С ними в группе учился Джим Монсма, который замечательно играл на губной гармонике и время от времени появлялся в рок-н-рольных концертах *Аквариума*.

Потом мы отправились в Куйбышев. Эту поездку организовал мой старый друг Володя Свиридов, с которым я служил в армии. Ситуация была примерно такая же, как в Архангельске, — огромный зал и совершенно неадекватная аппаратура, к тому же мы не имели возможности на аппаратуре репетировать и, стало быть, не могли этим звуком правильно воспользоваться на сцене. Однако поездка была успешной. Правда, на обратном пути отказал самолет, и мы, проболтавшись три часа в воздухе, вернулись в Куйбышев. Майкл отказался снова лететь и поехал на поезде. Мы же в ожидании нового рейса страшно напились. Это стало входить в привычку.

По возвращении мне с трудом удалось достать билет на концерт Элтона Джона. Мне нравились его песни периода *Yellow Brick Road*, и, идя на концерт, я предвкушал настоящий рок-н-ролл. Но начало концерта оказалось невероятно скучным. На абсолютно пустой сцене стояли две кадки с пальмами. Элтон Джон в шелковых шароварах, на каблуках и в большой кепке был похож на клоуна Олега Попова. Музыка была хорошая, но что-то было не так. Он просто играл на рояле и пел, и в этом не было ничего особенного — ну Элтон Джон, ну сидит и поет. После каждой песни выбегали безумные тетеньки с цветами и просили у него автограф. Он, бедный, так перепугался, что стал от них шараться и заиграл почти без пауз, чтобы остановить этот поток. Я уже было стал подумывать, не уйти ли. Но когда стало совсем скучно, пальмы вдруг поехали в стороны, повалил дым и разверзлось бездонное пространство. Я напрягся, и тут раздался невероятной

силы взрыв. Когда дым рассеялся, стала видна фигура некоего существа, которое и учинило всё это. Существом оказался барабанщик Рэй Купер, появление которого на сцене сразу наполнило смыслом все происходящее. Начался настоящий концерт. Элтон Джон продолжал невозмутимо играть на рояле, а Рэй Купер делал все остальное — и всю погоду. Невозможно было не реагировать на каждое его движение, на каждый удар по литаврам или барабанам. Все, что делал этот человек, содержало элементы шоу, но в то же время было очень настоящим. Очень редко случается такое счастливое стечение обстоятельств, когда совмещается несовместимое. Наверное, еще долго можно рассыпаться в эпитетах, но я все равно не смогу описать того, что произошло тогда. И хотя после того концерта я не стал чаще слушать Элтона Джона, я понял, что это незаурядный авантюрист и мастер интриги. Думаю, этих способностей он не утратил и сейчас, его концерты по-прежнему небезынтересны. Правда, постепенно я стал противником какого-либо шоу и предпочитаю игру в чистом виде. Когда музыканты хорошие, этого, как правило, бывает достаточно.

Наша жизнь на Восстания достигла критической точки, и мы с Людмилой перебрались к Алине Алонсо, которая любезно сдала нам две комнаты в своей трехкомнатной квартире. Алина была фантастической девушкой, у которой время от времени квартировали известные рок-музыканты, и мне часто приходилось бывать в этом доме. Он не стал местом постоянных репетиций по той простой причине, что мы тогда не репетировали, но у нас всегда кто-то тусовался, что, в общем, было почти одно и то же. Но постепенно все свелось к привычному пьянству. Я не помню, чтобы кто-то пришел без бутылки, а если это случайно было так, то через какое-то время находились деньги, и кто-нибудь бежал в магазин.

Остров Сент-Джорджа уже не существовал — там построили какой-то санаторий. Другую часть пляжа оккупировали nudисты, и там стало скучно. Уже в августе мы с Людмилой, Майком и Таней Апраксиной предприняли путешествие автостопом в Прибалтику. Мы вместе доехали до Вильнюса, где прекрасно провели время. Заночевали у некоего Мариуса, а потом мы с Людмилой оторвались и поехали дальше на Западную Украину. Мы доехали до Львова, по дороге заехав в город Ново-Волынск к моему другу Жоре Шестаковичу, с которым мы служили в армии. Это было мое последнее путешествие автостопом.

В это же время или чуть позже мы решили устроить фестиваль на ступенях Замка. Фестивалем это называлось по-прежнему очень условно. Просто мы сговорились с Жорой Ордановским, что встретимся на ступенях и поиграем. Аппарата, естественно, никакого не могло и быть. Но о концерте пошел слух по городу, и туда собиралась значительная толпа народу. Когда я добрался до Замка, уже смеркалось. Я вышел с виолончелью из автобуса возле Михайловского сада и тут же попал в лапы ментов, которые стали задавать вопросы, куда я иду и зачем. Еще подъезжая к Замку, я заподозрил неладное, поскольку не видел привычной толпы на ступеньках. Я сказал, что я студент училища и еду на занятия, что было похоже на правду, поскольку училище действительно было рядом. Я прошел мимо Замка и увидел лишь несколько машин ПМГ. Оказалось, что основную часть толпы, человек пятьдесят, свинтили уже час назад, остальные разбежались, а сейчас вылавливают запоздавших. Я сделал круг и поехал домой. Когда я приехал, там уже были все наши, и мы устроили домашний концерт, который кончился дружеской попойкой с танцами.

Но на следующий день, когда я после обеда возвращался на работу, в дверях я увидел директора и двух

странных людей. Директор был подозрительно учтив и дружелюбен и, страшно довольный, объяснил, что эти люди пришли ко мне. Я никогда не видел его таким веселым. Мне предложили сесть в автомобиль и препроводили прямо на Литейный. Я ничего не понимал, но был спокоен. Когда же меня привели в кабинет, то следователь предложил мне признаться в том, что я разбил статуи в Летнем саду. Выяснилось, что за месяц до этого в Летнем саду был совершен акт вандализма, разбили несколько статуй. И наш несостоявшийся фестиваль решили привязать к этому нелепому происшествию. Всех людей, которых арестовали накануне, кололи на то же самое, и единственным их оправданием было то, что пришли в Замок на концерт *Аквариума*. Конечно же, немного помучив расспросами и предложениями посидеть в коридоре и вспомнить, сняв с меня подробные показания, зачем и почему я хожу в Замок, меня отпустили. Инцидент неприятный, но в то же время было любопытно оказаться в святой святых Большого дома, о котором ты слышал столько легенд и былей. Оттуда я пошел прямо к Бобу, чтобы поделиться впечатлениями, и на лестнице его дома встретил тех же людей, что арестовали меня. Они широко улыбались, поскольку предполагали меня встретить. Боба увели у меня на глазах, и в этот же вечер арестовали и Михаила. Недели через две по «Голосу Америки» было сообщение, что на ступенях Михайловского замка состоялся рок-фестиваль при участии групп *Аквариум* и *Россияне*, на котором было арестовано несколько тысяч человек.

Неожиданно на горизонте появился Сережа Курехин. Со времени нашего знакомства мы почти не общались. Время от времени мы сталкивались в «Сайгоне» или на каком-нибудь сейшене. Какое-то время он играл в группе *Гольфстрим*. Вместе с Аликом Каном он развил бурную

деятельность и в ДК им. Ленсовета организовал Клуб современной музыки. Естественно, все мы были охвачены. Идеологом был Фима Барбан, коллекционер и истинный знаток авангарда. Каждому из тех, кто участвовал в деятельности клуба, вменялось в обязанность на очередном заседании подготовить маленький доклад на тему того или иного композитора или исполнителя. Мне чрезвычайно интересно было слушать всю эту музыку, но я был полным профаном. Как-то мне поручили подготовить доклад о Сесиле Тэйлоре, которого я никогда не слышал. Мы с Курехиным поехали к Фиме за материалом. Я был ошеломлен масштабом интеллекта Барбана, у него была невероятная коллекция пластинок и книг. Он позволил мне самому поискать информацию о Сесиле Тейлоре, но все, что я мог найти, состояло из пятнадцати строчек в энциклопедии и нескольких пластинок. Следующие дни я слушал совершенно новую для меня музыку и сделал выборку на полчаса. Мой доклад был весьма своеобразным — я мгновенно выпалил всю энциклопедическую информацию и быстро поставил запись. Чуть позже Фима Барбан уехал в Лондон и стал ведущим джазовой программы на Би-би-си под именем Джеральд Вуд. (Когда через несколько лет я оказался в Лондоне, мы случайно встретились в метро, условились повидаться, но это почему-то не получилось.) Курехин устраивал маленькие концерты, на которые приглашал нескольких музыкантов. Эти выступления носили характер того, что впоследствии стало называться *Поп-механикой*. Я участвовал в одном таком концерте, и это было невероятно интересно. Но самым выдающимся событием был концерт Яна Гарбарека с Анатолием Вапировым.

Между тем наши бытовые неурядицы продолжались. Осенью Алина обычно возвращалась с дачи, и мы были вынуждены съехать с ее квартиры и вернуться на

Восстания. И с этого времени начался изнурительный опыт домашних концертов. Что-то в этом безусловно было, но постепенно у меня это начало вызывать некоторое отторжение, и я эту практику прекратил. Для Боба же на многие годы это стало основным источником существования. И может быть, именно это постепенно привело к концу группы в том виде, в котором она сложилась в мою бытность. Боб стал играть один, вдвоем, втроем и вообще в любом сочетании людей и инструментов, и, насколько я понимаю, постепенно привык к мысли, что главное — это он и его песни, которые существуют независимо от того, кто эти песни играет. При этом имел значение и экономический фактор — чем больше состав, тем меньше денег приходится на одного. Была пара концертов, когда мы пытались играть всей группой, но в домашних условиях всегда было крайне трудно разместиться так, чтобы было удобно играть и слышать друг друга. Кроме того, меня не устраивало, что группа превратилась в пикантное блюдо, которое можно заказать. Для меня это было ничуть не лучше, чем играть в кабаке. Кстати, один раз мы пытались сыграть в кафе «Сонеты». Это место считалось интеллигентным, и кто-то, скорее всего Майкл, предложил туда «сесть», и мы решили попробовать. Как разовая акция это было даже интересно; там не было такой публики, которая бы стала заказывать *Семь-сорок*. Мы же играли в основном песни *T. Rex*, перемежая их со своими. Но так или иначе, по каким-то причинам «контракт» нам не продлили.

Уже глубокой осенью того года мы, по приглашению Артема Троицкого, отправились на фестиваль в подмосковный город Черноголовка. Фестиваль почему-то отменили, и вместо этого Артем устроил концерт в редакции журнала «Молодая гвардия». Наше выступление началось с того, что Боб подошел к микрофонной стойке и, со-

гнув ее пополам, наклонил ее к гитаре, не разглядев, что она прямая, без «журавлика». Аппаратчик долго крутил пальцами у виска. Я не помню, кто там еще играл, но Артем проникся к нам еще бóльшим расположением и после этого стал всячески опекать и проталкивать *Аквариум*. Мы жили в гостинице «Орленок» на Ленинских горах и по дороге домой в этих самых горах заблудились.

Фагот устроился руководителем художественной самодеятельности на Металлический завод, и, естественно, мы тут же сели репетировать в клубе этого завода. Каждый раз, когда мы куда-нибудь переезжали, мы надеялись, что сможем обжиться, а местный профком купит какой-нибудь аппарат типа «Vermona», но наши мечты никогда не сбывались. Там же с нами стал репетировать саксофонист Виталий, милый человек с хорошим звуком. Но почему-то, когда мы оттуда съехали, то сразу про него забыли.

В это время у меня умерла бабушка Надежда Ивановна, последняя жена моего знаменитого деда, и мы с Людмилой, не долго думая, через сорок дней въехали в ее однокомнатную квартиру на 6-й Красноармейской улице. Я ни на что не рассчитывал, зная, что без прописки отговаривать квартиру у государства невозможно, но решил, что какое-то время удастся там пожить. Квартира находилась на первом этаже и была очень удобно расположена. Соседей не было вообще — с одной стороны улица, с другой двор, с третьей лестница, а с четвертой подворотня. Конечно же это место стало нашей репетиционной точкой. Можно было репетировать сколько угодно, правда, приходили соседи сверху. Это было уже привычно, поскольку с подобной проблемой я сталкивался, где бы ни жил. Постепенно к нам с Людмилой въехал Фагот, который спал на полу в спальном мешке, а потом и Боб, которого родители Натальи окончательно выжили из дома. Боб поселился на кухне. В то время он увлекся танцами,

и постепенно они стали доминировать надо всем остальным и продолжались до самой весны, пока нас оттуда не выгнали.

Под Новый год танцы переместились в «Ливерпуль». Алексис «Ливерпулец» Родимцев, будучи настоящим рок-интеллигентом, учился на филфаке вместе с Фалалеевым и незадолго до нашего знакомства умудрился полгода проучиться собственно в Ливерпуле, откуда и привез свое новое прозвище и название для своей штаб-квартиры. Вернувшись из Англии, он тут же пожалел об этом и пустился во все тяжкие. Он жил на Гончарной улице, в коммунальной квартире, из которой съехали все жильцы, поскольку дом шел на капитальный ремонт. В самой большой комнате, которая выходила во двор, Алексис завесил окна одеялами, чтобы не проникал свет. Мы привезли туда остатки многострадальных колонок, купленных у Юры Ильченко, и стоваттный усилитель, который сконструировал Владик Шишов, и устроили настоящую дискотеку (в правильном понимании этого слова, которое постепенно потеряло свое первоначальное значение). Диджеем был Майкл Кордюков, который стоял за пультом и ставил пластинки. Другая комната была курительной, это было примерно то, что теперь называется чилл-аутом. В преддверии новогодних праздников туда слетелись абсолютно все. Празднование началось 24 декабря с Рождества по европейскому календарю и закончилось только после старого Нового года. По счастью, «Ливерпуль» просуществовал всего месяца два, иначе через какое-то время всех бы просто свинтили. После того как Ливерпулец получил комнату на Суворовском проспекте и переехал туда, за ним долгие годы тянулся хвост «Ливерпуля», и его гостеприимный дом никогда не был пуст, что бедному Алексису едва не стоило здоровья. Так наступили восьмидесятые.

На старый Новый год мы сыграли концерт на закрытом вечере актеров Малого театра драмы на Рубинштейна, практически без аппарата. Это было достаточно бессмысленно, поскольку актеры вообще жуткие снобы: как обычно в таких ситуациях, они пытались покровительствовать нам и вовлечь в свой театральный процесс, что, конечно же, не получилось.

У Боба тоже умерла бабушка, и он обосновался в ее комнате на улице Восстания, в самом ее начале. Это было тихое аскетическое жилье, но Боб там долго не выдержал. По вечерам мы предавались пьянству, правда, всегда веселому, в нашей квартире на 6-й Красноармейской. В нашей компании появились несколько англичанок, с которыми было всегда интересно. Фагот демонстрировал чудеса предпринимательства. Почти каждый вечер, когда выпивалось купленное загодя спиртное, посылали гонца на ближайший угол (в то время еще не появился термин «пьяный угол»). Фагот утверждал, что по бульвару гуляет дядечка с собакой, у которого всегда можно купить бутылку портвейна. Однако когда Фагота не было, не было и портвейна, да и самого дядечки почему-то не оказывалось. Потом выяснилось, что Фагот по дороге к нам покупал бутылку и припрятывал ее до вечера, когда же спиртное кончалось и все начинали скидываться на добавку, он выходил на улицу и через пять минут вынимал из кармана вождеденную бутылку.

Мы все каким-то образом где-то работали, хотя было понятно, что долго так продолжаться не может. Не видя других альтернатив, я по инерции продолжал работать в Доме грампластинок. Не знаю, почему меня там держали. Конечно же, я легко справлялся со своими элементарными обязанностями, но я был явно инородным телом. У меня были длинные волосы, и вообще я выглядел не так, как следует выглядеть человеку в моей должности,

что у директора всегда вызывало протест. Но меня опекала начальница, которая имела на него огромное влияние.

Мы по-прежнему вписывались в рок-н-рольные концерты, к которым привлекали дополнительные силы. Однажды мы с Бобом как-то решили поехать к Саше Ляпину, который снимал комнату на Салтыкова-Щедрина, прямо за углом от моего родительского дома. Саша согласился сыграть, и там же мы познакомились с юным Петей Трощенко, который в то время играл в группе *Пикник*. Один концерт с Ляпиным мы сыграли в Доме архитекторов, а другой, без него, в ДК «Маяк». В этом выступлении участвовал барабанщик Валера, с которым меня познакомил мой сослуживец Вова Пинес.

Я купил стереофоническую магнитофонную приставку «Маяк», что по тем временам было очень хорошо, и в который раз попытался записать себе всю ту музыку, которую мне давно хотелось иметь. Неожиданно в круг наших увлечений вошел панк-рок, и в нашем доме не смолкали *Stranglers*, *Police*, *Devo* и, конечно же, *Never Mind The Bollocks*. И, как того и следовало ожидать, произошла основательная прочистка мозгов.

Наконец нас выгнали с Металлического завода, и Фагот устроился руководителем художественной самодеятельности в ДК им. Цюрупы. Мы естественно переместились репетировать туда и поделили репетиционную точку с *Россиянами*. Майкл с Майком уехали на Чегет или Домбай (я никогда не мог запомнить, куда они уезжают) на всю зиму работать в дискотеке на лыжном курорте. Той же зимой от Артема Троицкого поступило предложение в начале марта поехать на фестиваль «Тбилиси-80». В это время Боб решил сам играть на электрической гитаре, которую купил у Вилли, и пригласил на барабаны Женю Губермана. Мы приступили к интенсивным репетициям, ни малейшего представления не имея, что будем иг-

рать на этом фестивале. Однако появление такого барабанщика само по себе определило направление. Если привычные акустические песни мы играли достаточно чисто и изящно, то электричество в таком виде звучало очень мощно и грязно. Впрочем, в подобной интонационной неточности была определенная привлекательность. Трудно сказать, что именно изменилось, но мы явно входили в фазу панк-рока. Мы быстро сколотили программу из новых песен и за неделю до Тбилиси поехали в Москву. Артем устроил концерт в Царицыно, где мы играли с классическим московским *Воскресением* и прогнали нашу новую программу. Вся публика пришла на москвичей, но мы имели явный перевес по части драйва и отрыва. Артем был в восторге и советовал, чтобы в Тбилиси мы непременно играли эту электрическую программу. Он прислал нам официальное приглашение на адрес ДК им. Цюрупы, и местные руководители пришли в священный трепет от самого факта, что их художественную самодеятельность выдвинули на всесоюзный фестиваль. С нами поехал милый дядечка хушрук Олег Иванович Максимов. Он взял с собой кинокамеру и готовился снимать наше выступление на киноплёнку. Но, как оказалось впоследствии, пристроившись в оркестровой яме, он так и не смог ничего снять: его настолько парализовало наше выступление, что у него не поднялась рука включить кинокамеру.

Мы приехали за день до фестиваля, и нас поселили на берегу Тбилисского моря в гостинице, где уже жили другие участники фестиваля. Я устал и пошел спать, а мои дружки напились вместе с группой *Интеграл*, в которой тогда играли Бари Алибасов и Юрий Лоза. На следующий день слетелись остальные участники, и мы переехали в город. В Тбилиси у меня были дальние родственники, которые проявились еще тогда, когда я служил в армии. И в первый же день ко мне заявился родственник

Алик, который считал меня своим братом, и принес несколько бутылок вина. Мы быстро всё выпили и на его «запорожце» поехали в Филармонию на открытие фестиваля. На переднее сиденье уселся Олег Иванович, а мы вшестером залезли на заднее. Я оказался в самом низу, и меня чуть не раздавили. Я действительно был на грани потери сознания. Я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть и только молился, чтобы скорее доехать. Весь вечер мы продолжали пить, а на следующее утро я с удивлением обнаружил спящего на полу Димку Гусева — мы с ним познакомились еще в Ленинграде, и я не мог понять, откуда он здесь взялся.

По условиям фестиваля все группы должны были последовательно играть в трех местах — в Филармонии, в Доме офицеров и в цирке города Гори. Наше первое выступление пришлось на третий день фестиваля в Филармонии. Качество звука я не могу оценить, по крайней мере на сцене все было достаточно обычно: я, как всегда, себя не слышал. Но через несколько минут стало очевидно, что происходит что-то не то. Прямо перед нами сидело жюри во главе с Юрием Саульским, который вдруг встал и пошел к выходу. За ним последовали остальные. В зале включили полный свет. И только тогда стало ясно, что весь зал ликует. Нам это очень понравилось, мы совсем развеселились и на последней песне *Блюз свиньи в ушах* устроили настоящую кучу-малу. Не знаю, слышали ли себя остальные, но это не имело никакого значения: провода выдернулись, все зафонило и как-то само собой закончилось. Я так и не понял, что же произошло. Мне кажется, что это было вполне заурядное выступление, но на него среагировали так бурно, потому что оно отличалось от выступлений других групп. Наверное, в нем оказалось чуть больше жизни. Все музыканты, которых мы встречали, поздравляли нас с успехом и совершенно искренне

нами восхищались. Мы подозревали, что грядет скандал, но нас никуда не вызывали, не высказывали никаких претензий, просто отменили все последующие наши выступления. Мы же продолжали жить в гостинице и ходить на все концерты в Филармонию. Но за день до окончания фестиваля за нами вдруг прислали автобус и повезли в Гори. Выяснилось, что наш концерт в тамошнем цирке отменили, но не нашли замену и все-таки были вынуждены обратиться к нам. Мы поехали и от души повеселились, причем этот концерт был значительно интереснее. На последней песне выбежал Димка Гусев с губной гармоникой, к нему присоединился Майкл, который специально спустился с Чегета и приехал в Гори. Запись этого концерта с микрофона на репортерский магнитофон или что-то в этом роде впоследствии вошла в альбом *Электричество*. В последний день фестиваля все участники почему-то пришли в наш номер и всю ночь пили. А песня *Хавай меня, хавай* стала своего рода фестивальным гимном, который все пели хором. Олег Иванович спрятался и пил в одиночку.

Мы так и не поняли масштаба произошедшего. Но уже по приезде в Ленинград реакция на наше выступление на фестивале приняла гипертрофированные формы. Говорили, что мы устроили всесоюзный скандал; особенно мусировался тот факт, что я прямо на сцене совершил акт прелюбодеяния со своим другом Борей, причем особенно гнусным образом — посредством смычка. Что наши обвинители имели в виду, я так и не понял, но был восхищен игрой их воображения. Олега Ивановича сняли с должности, и он очень сильно переживал. Мы его защищали, ходили к директору и пытались уверить всех, что ничего не произошло. Администрация пошла нам навстречу и разрешила концерт в Большом зале ДК, поскольку они сами нас никогда не слышали. Мы сыграли умеренную про-

грамму, народу пришло человек четыреста, и концерт получился очень пристойным и вместе с тем очень теплым. У нас даже появилось ощущение, что теперь можно стабильно играть хорошие концерты, но сложилось ровно наоборот: концертов вообще больше не было. Странно, что ту программу, которую мы играли в Тбилиси, в нашем городе не удалось сыграть ни разу. В довершение ко всему Боба выгнали с работы. Правда, он этому факту очень обрадовался, поскольку работа в НИИКСИ ему давно опостылела. Его также выгнали из комсомола, но он за чем-то подал апелляцию, и его быстро восстановили.

После возвращения из Тбилиси мы с Людмилой как-то пошли в гости к Ване Бахурину. Она вышла позвонить, и на нее напали какие-то подростки. Мы выбежали на улицу защитить ее честь, и, хотя нас было несколько человек, нас крепко побили. Символично, что это произошло в Рабочем переулке. Я напился и целый день лежал разбитый. На следующий день пришла комиссия из жилконторы и предложила нам убраться из бабушкиной квартиры, так что нам пришлось переехать в квартиру на улице Кораблестроителей, которую снимала наша подруга Валька-Стопщица.

Чуть позже некий Карлис сделал нам концерт в Клайпеде. С нами поехал Димка Гусев, который к этому времени уже жил у нас на Кораблестроителей. Концерт был в местном кинотеатре. После него Карлис куда-то свалил вместе со всей выручкой, и мы остались без копейки денег в совершенно незнакомом городе. Концерт был привычно бардачным, а на песне *Хомо Hi-Fi* публика неправильно расслышала слова и начала орать: «Хайль, хайль!» Это было уже не смешно, потому что после концерта зрители учинили беспорядки в городе. Произошло все это задолго до той эпохи, когда у нас в стране появился панк-рок. Как-как собрав немного денег, мы поехали в Ригу в совершен-

но пустом вагоне и всю дорогу пили кальвадос. Поезд был почтовый и плелся с черепашьей скоростью, останавливаясь на каждом полустанке. Мы открыли заднюю дверь вагона и сидели на «колбасе». На остановках артисты прыгали с поезда и потом наперегонки догоняли его. Слава богу, все добрались до Риги. Я физически не мог пить этот кальвадос и поэтому был трезвее других. Женя Губерман напился до остекленения и пинал свой драгоценный барабан «Premier». Я пытался его успокоить и чуть не испортил с ним отношения (впрочем, на следующий день он меня благодарил, что я спас его барабан). Боб сел на другой поезд и уехал в Ленинград. Мы же остались без денег, рассчитывая снять их с Карлиса. Наконец все каким-то образом разъехались. Но поскольку я взял отпуск на работе и мог не торопиться, мы с Фаготом и Димкой остались в Риге. Мы безмятежно прожили неделю в мастерской у Димкиного приятеля, художника по имени По, болтаясь по Риге и особенно ничего не делая, о чем у меня остались самые радужные воспоминания. Я вспомнил пору своей не такой далекой юности, когда я путешествовал автостопом, и вдруг понял, что рано или поздно я все-таки брошу работу и выберу свободный способ существования. Но пока надо было возвращаться домой.

В нашу квартиру уже въехали все наши друзья. У Вальки к тому же постоянно ночевали какие-то проезжие хиппи. Я начинал уставать от того, что был почти единственным работающим, за счет чего мог снимать эту квартиру, в которой для меня не оставалось места. Но вскоре Боб тоже устроился работать сторожем к Дюше в бригаду, где также служил и Родион. Неожиданно опять появился Тропилло с предложением записать альбом в его студии. С его подачи мы сыграли смешной концерт в ресторане «Гавань», после чего Тропилло уехал в экспедицию. Но, уезжая на все лето, он перевез к нам всю аппаратуру из

студии. Таким образом, наше жилище постепенно тоже превратилось в студию. Никто из нас не имел никакого опыта в обращении с пультом, и мы занимались чистым экспериментированием. С появлением студии танцевальный период подошел к концу. Тогда же появилась песня *Мы будем пить чай*. Мы с ходу очень удачно ее записали и тут же за чаем продемонстрировали заезжим хиппи. Они по достоинству оценили это произведение, увидев в нем хит, и, переночевав, в знак благодарности прихватили эту кассету с собой. Это была последняя капля, и Валька вынуждена была съехать. В ее комнату вселились Дюша с Милой.

Тбилисский скандал привлек к нам внимание, и неожиданно стали материализоваться разные люди. Появился Саша Сокуров. Он был чрезвычайно мил, но удивительно серьезен. Он пришел на домашний концерт, который мы устроили прямо в нашей квартире, и потом пригласил нас на просмотр своего фильма «Одиноким голос человека». После просмотра я стал убежденным вегетарианцем, хотя ничего толком не понял. А может быть, наоборот — я один и понял этот фильм.

В июле мы поехали в Москву к Сашке Липницкому, с которым познакомились в Тбилиси. Он пригласил нас к себе на день рождения, где мы тоже сыграли домашний концерт. Почему-то этот день стал последним днем его семейной жизни, зато тогда же началась наша многолетняя дружба.

Некто, известный под прозвищем Птеродактиль, устроил Майка работать радистом в кукольный театр. Работа заключалась в озвучивании спектаклей. В театре была какая-никакая студия, по крайней мере несколько плохоньких микрофонов, пульт и магнитофон «STM». Там же работала некая Лена Соловей, и они с Птеродактилем пригласили нас попробовать записать несколько песен,

которые, хоть и не сложились в альбом, долгое время жили своей жизнью и ходили по рукам. За время своей работы в театре Майк смог выжать из этой студии все возможное.

Примерно тогда же появился некий Олег Осетинский, который с ходу стал изображать пахана. Я предполагал, что когда-нибудь найдутся люди, которые будут проявлять интерес к нашей судьбе. Но этот человек у меня сразу вызвал протест. Приехав из Москвы, он поселился в двухэтажном номере гостиницы «Прибалтийская». Мне доводилось однажды бывать в таком номере, когда приезжала *Машина времени*: после концерта мы со всеми друзьями поехали к ним в этот номер и, как обычно, устроили «домашний» концерт. Но теперь во всем был какой-то перебор. Осетинский пригласил Боба к себе в номер, где развлекался со своей компанией, и несколько дней поил его коньяком с шампанским. Боб был в восторге и говорил, что Олег гений. Осетинский действительно написал несколько сценариев к топовым советским фильмам. Но основным его тезисом было то, что он открыл Окуджаву, научил петь Высоцкого, а уж Бореньку и подавно научит писать песни и выведет в люди. Он действительно был знаком с Высоцким, который только что умер. И после его смерти Осетинский ездил по городам и весям, представляя себя в качестве его лучшего друга. Одного этого уже было достаточно, чтобы не иметь с ним никакого дела.

Мы по-прежнему выбирались на дачу в Белоостров и по излюбленному маршруту ездили в Солнечное. Как-то по дороге на залив, уже в Солнечном, мы встретили старого знакомого Лео, с которым возобновили знакомство, и дача, которую он снимал, стала конечным пунктом наших путешествий. Конечно же, мы доезжали до залива, но, как правило, покупали портвейн и вскоре перемещались к Лео на дачу, где он жил со своей женой Ольгой

и сыном. В таком режиме мы прожили остаток лета, и к концу оно я осознал, что от многого устал и хочу вернуться домой. Я сделал выбор и вернулся один.

Глава пятая

Я затеял ремонт в своей маленькой двенадцатиметровой комнате и начал новый этап жизни. Моя мать была еще достаточно крепкой, но возраст уже начал ощущаться. Круг ее интересов ограничивался церковной жизнью и связанными с ней делами. У Алексея начался новый период подвигов. Он все время вписывался в какие-то поездки то на Север, то на Юг, то вдруг в Якутию. Каждый раз он верил, что именно сейчас заработает денег, вернется и начнет жизнь сначала. Но каждый раз приезжал без копейки денег, а то и привозил с собой такого же искателя приключений, который на полгода поселялся у нас дома. И так без конца. Мы с ним пересекались только на территории мест общего пользования. В свою комнату я врезал замок и, имея горький опыт жизни с братом под одной крышей, вынужден был от него ее запирать. Андрей продолжал работать водителем автобуса, жил исключительно своей семьей, никогда не приезжал на Восстания и никогда не пересекался ни с Алексеем, ни с матерью. Я же часто ездил к ним в гости и летом на дачу. Андрей потихоньку привел дачу к вполне жилому состоянию и с семьей мог находиться там все лето. Но жилой по-прежнему оставалась лишь треть дома. Я даже не предлагал ему свою помощь, потому что знал, что все равно не смогу регулярно ездить. Да и дача фактически принадлежала Андрею, так что я приезжал к нему в гости, хотя со мной могло приехать человек десять-пятнадцать.

Но мы по-прежнему были с Андреем друзьями и легко ладили.

Осенью того же года начался, пожалуй, самый нелепый период в истории группы — по крайней мере за годы моего в ней участия. Фагот решил поступать в консерваторию и мгновенно исчез с нашего горизонта. Даже трудно себе представить, что иногда так бывает. Потом он и вовсе уехал в Москву. Артем Троицкий пригласил нас и Майка сыграть на каком-то сейшне в каком-то НИИ. Вместе с нами поехал неизвестно откуда взявшийся гитарист Володя. Это был эпохальный концерт, на котором состоялось первое реальное выступление Майка. Его песня *Ты дрянь* мгновенно стала хитом. У него еще не было своего состава, и мы аккомпанировали ему, хотя были музыкантами явно не его плана. После концерта мы пошли в гости к Сашке Липницкому, и гитарист Володя снял с вешалки Сашкин костюм, прошелся по карманам и был таков. Но еще бóльшая нелепость заключалась в появлении пропавшего было Осетинского. Он взял Боба в оборот и стал вить из него веревки. Он устроил несколько концертов, обыграв их как творческие вечера с самим собой при участии группы *Аквариум* и Майка Науменко. Мы все приехали в Москву и, не зная, куда деваться, вынуждены были ехать к Осетинскому. Он посадил нас на кухню и пошел заниматься с Бобом и Майком актерской речью. Из комнаты доносился его крик. Все усугублялось тем, что Боб приехал с Людмилой, в то время как Осетинский стал ухаживать за Натальей Козловской, которая тоже приехала к нему. Этим двум девушкам никак нельзя было пересекаться на одной территории, так что все это было похоже на реальный дурдом. Мы же просто были лишними и через какое-то время не выдержали и ушли, мечтая послать Осетинского — и, по-моему, даже так и поступили. Мы позвонили Сашке Липницкому, и он устроил нас жить на

квартире своих друзей. Мы хотели все бросить и просто уехать домой, но, когда успокоились, все-таки поехали на концерт. В зале не оказалось аппарата, были только примитивные 82-е микрофоны и усилитель с двумя колонками «Солист». Осетинский, не обращая на нас внимания, снова сел репетировать с Бобом и Майком. Выглядело это так: Боб или Майк пели на сцене, Осетинский сидел в первом ряду, как режиссер в театре, ел апельсины, швырял корки в Боба и время от времени раздражался матерной бранью. Мы не понимали, что с этим можно было поделать. Во время самих концертов на сцене стоял стол с самоваром, за которым сидел «барин» со своими друзьями. Мы выходили с инструментами на авансцену, а он топал перед нами в «луноходах» и комментировал происходящее, останавливал, когда ему хотелось, и пытался дирижировать. Это вызывало протест не только у меня одного, но и у всех остальных — кроме Боба. Он почему-то боготворил Осетинского, но самое странное, что и Майк тоже купился на эту удочку. Что это было, я не знаю, какое-то наваждение, гипноз. Он просто издевался над ними, а они покорно это сносили. Но разрешилось все само собой: в один прекрасный момент Осетинского свинтили прямо после концерта в кинотеатре «Орленок». Говорят, что его потом отпустили, но мы его больше не видели. Боб еще долго продолжал с ним общаться, правда, уже не привлекающая нас. Наверное, уже тогда можно было понять, что *Акварцума* как группы больше нет. И хотя было видно, что мы теряем Боба, по крайней мере мы могли еще держаться друг за друга.

В этот же заезд мы сыграли абсолютно акустический концерт, то есть не было даже микрофонов, на малой сцене МХАТа, что было вдвойне бессмысленно, поскольку не было слышно вообще ничего. Там неожиданно материализовался старый друг, режиссер Юра Васильев, зна-

комый еще по студии Горошевского. После концерта он затащил нас в гости к актеру Севе Абдулову, где мы всю ночь пили и вспоминали эпопею с Осетинским.

В день, когда погиб Джон Леннон, все собрались у меня на Восстания. Эту смерть было трудно осознать, так не могло быть и не должно было быть. Но все, что мы могли сделать, это тупо залить водкой горечь утраты. У каждого из нас украли частицу самого важного, что было в нашей жизни.

В течение всей осени Боб с Людмилой пытались найти жилище, скитаясь по квартирам друзей, и к зиме сняли домик в поселке Солнечное, где мы вместе встретили семьдесят первый год. Празднование для меня закончилось больницей — после ночлега на полу у меня разыгрался гайморит. Я провалялся в больнице две недели и из-за этого почти не участвовал в записи. Первые сессии звукозаписи мы начали с того, что хотели сыграть «тбилисский» цикл. И, придя в студию, пытались записать *Марину* и *Минус 30*. Но Женька Губерман то ли уехал, то ли просто не смог прийти, и у нас ничего не вышло. Альбом получился *Синим*. Я успел членораздельно сыграть лишь в песне *Плоскость*. У Тропилло образовалась цифровая «динакордовская» примочка, которой никто не умел пользоваться, и, когда я играл в этой песне, Боб самозабвенно крутил ручки — получилась чистая психоделия. В то время у меня не было своих примочек и я совсем неубедительно сыграл несколько нот во *Всё, что я хочу*. Я слышал в ней оркестровую группу, как на *Honky Dory*, но добиться такого эффекта не мог. Лишь спустя десять лет, соприкоснувшись с многоканальной записью и имея достаточное число свободных дорожек, я научился воспроизводить нужный звук путем троекратного дублирования партии на разные дорожки, что потом позволяло их суммировать и получить эффект группы виолончелей.

Может быть, и тогда что-нибудь можно было сделать, но не хватало ни опыта, ни времени на эксперименты: время в студии жестко ограничивалось. Запись была монофонической и позволяла без большого ущерба для качества сделать лишь одно наложение, посредством которого, как правило, записывали голос, так что, с моей точки зрения, звук виолончели получился куцым и нечего особенного к песне не прибавил.

Боб с Людмилой пришли навестить меня в больницу и принесли запись альбома, которую мы слушали на лестнице на портативном магнитофоне. Я не знал, как относиться к этому альбому; единственным его преимуществом было то, что он записывался в студии, хотя я не видел существенного отличия от тех записей, которые были раньше. Только после того, как Вилли сделал оформление и мы устроили несколько прослушиваний у друзей, я начал привыкать к нему. Для обложки мы сфотографировались в подъезде Ольги Липовской, которая через несколько дней упала в пролет с третьего этажа, прямо на то место, где была фотосессия. По счастью, Ольга осталась жива, только повредила позвоночник, в результате чего несколько месяцев лежала в больнице.

Любопытен еще один факт. Людмила нашла работу секретарши в школе на улице Софьи Перовской и получила служебную площадь в этом же доме. Мы не производили раздел имущества, и я отдал ей все, на что она претендовала. В числе прочих вещей она забрала мой магнитофон «Маяк» с пленками. Я не совсем понял, почему он вдруг оказался в числе ее вещей, но спорить не стал — у меня еще оставался проигрыватель. Но у Боба был точно такой же магнитофон и примерно такой же набор записанных пленок, и он прекрасно знал, что я теперь лишен возможности слушать всю эту музыку. Но когда у него в доме появился второй магнитофон, Бобу пришла в голову гени-

альная мысль тиражирования *Синего альбома* на бобинах. На что ушли все мои пленки. Таким образом, и я внес свою лепту в историю отечественного магнитоиздата. Для Боба же это стало основным источником дохода. Он сам оформлял альбомы, клеил фотографии, которые ему делал Вилли, и продавал их друзьям. Так в каждом приличном доме появился такой альбом — не было его только у меня, поскольку мне его не на чем было слушать.

Все это время мы с Бобом вели бесконечный спор, что важнее — играть или записываться. С его точки зрения песня могла существовать до тех пор, пока она не записана. И достаточно хорошо сыграть ее на записи. Мне же хотелось играть качественные концерты, для чего нужно было много репетировать и сыгрываться. Как показала практика, мы оба были правы, нужно хорошо делать и то, и другое. Как ни странно, единственные деньги, что я впоследствии получил за свой вклад в группу, были как раз за те записи, которые меня не устраивали, но которые стали историческими и составили «архив». Получается, что не сделай мы этого тогда в доступном нам виде, мы бы вообще не получили никаких денег. Боб оказался дальновиднее и практичнее всех.

Постепенно он пришел к тому, что стал репетировать, но уже с другими музыкантами, поскольку группа в первоизданном виде прекратила свое существование, и для каждого из нас это уже не имеет никакого значения. А основные деньги музыканты этой группы получают именно за концерты. Это рождает другое противоречие: музыканты устраиваются в группу на работу и дорожат своим рабочим местом, поскольку за счет записей они таких денег уже не получают. Их участие в группе никакого значения не имеет, ни один из музыкантов не работает на свое имя, и отдельная личность каждого музыканта не имеет никакого значения. Есть только всеобъемлющая фигура

Гребенщикова. Поскольку теперь, когда говорят *Аквариум*, подразумевают Гребенщикова. И наоборот. Но в последнее время между ним и этой группой появилась досадная, но вполне закономерная буква «и», которая показывает, что именно Боб уже не является участником этой группы. Его детище выплюнуло его самого. *Аквариум* стал просто трэйд-маркой, ярлыком.

Но я забежал лет на двадцать вперед. В то время я играл не в «группе Бориса Гребенщикова», *Аквариум* был моей группой, равно как и всех остальных ее участников. И музыканты, которые в ней играли, не поступали туда на службу — это был единый организм. Что такое группа, может понять только тот, кто этот опыт имеет. Безусловно, мы были друзьями. Но самым главным было ощущение друг друга и наш совместный опыт построения группы, который позже помножился на опыт совместной игры на сцене. Никто из нас не думал о том, по каким признакам мы подобрались. Просто мы были вместе, и нам суждено было так прожить самую значительно и важную часть жизни, когда мы вместе выросли. Конечно же, к этому времени уже имелись какие-то противоречия, но они еще не были выявлены до конца и не приобрели хронический характер. Мы пытались играть и сами заботились о себе. У нас не было никаких директоров и менеджеров, и по поводу всех возможных выступлений мы договаривались довольно спонтанно, тем более что никаких денег не фигурировало. Мы были рады любой возможности играть, и если получалось, что какие-то малые деньги нам все-таки могли заплатить, то это уже было хорошо. Как правило, гонораров хватало только на то, чтобы купить выпивку.

Боб с Людмилой водворились на улицу Софьи Перовской на самый последний этаж. Из кухонного окна был выход на крышу, по которой можно было уйти достаточно далеко на крыши соседних домов. И в хорошую

погоду, при умеренном количестве напитков, на этой крыше было приятно посидеть. Правда, когда объем алкоголя на душу превышал разумную дозу, выход на крышу становился опасен. Но, по счастью, обошлось без эксцессов.

В городе всегда было много иностранцев, два раза в год был новый заезд американцев в Университет и Институт им. Герцена. Все они жили в Общежитии № 6 на Мытнинской набережной возле «Кронверка». Как правило, рано или поздно кто-нибудь притаскивал иностранцев к Бобу как к местной достопримечательности. Конечно же, от этого можно было устать. Поэтому Боб ставил непереносимое условие, чтобы гости хотя бы приносили напитки и продукты из «Березки». Иногда он сам выступал в качестве гида, вел их туда и подсказывал своим гостям, какой напиток предпочтительнее и сколько блоков сигарет следует купить, ну а заодно уж и какой-нибудь еды. Комната на Софьи Перовской была маленькой, метров десять, но зато им повезло с соседями. Почти все они были лимитчиками и работали при этой школе за площадь. В основном это были молодые ребята, поэтому противоречий почти не возникало, а с иными и вовсе завязывалась дружба. Иногда эта коммунальная квартира превращалась в коммуну, когда все жильцы вместе пили и справляли праздники. Гости, как правило, тусовались на кухне. Люда проработала в школе недолго, но каким-то образом они с Бобом умудрились прожить в этой комнате несколько лет. Более того, через пару лет, когда съехал кто-то из соседей, им удалось захватить еще одну комнату, которая стала одновременно чем-то вроде кабинета Боба и гостиной. Но репетировать мы продолжали по-прежнему у меня на Восстания. Как-то в очередной раз зашел разговор о том, что надо найти денег и купить комбики. У каждого из нас было что-то, что можно было про-

дать. Я первый выступил с почином и продал свой стерео-проигрыватель «Вега-108» вместе со всеми пластинками, и Трошилло предложил мне маленький 15-ваттный комбик «Вертопа». Он мне очень нравился, но моему примеру почему-то никто не последовал. Я же в очередной раз лишился возможности слушать дома музыку на каком-либо носителе. Мы продолжали репетировать у меня дома, и получалось, что в эту штуковину включались все, кроме меня. Чуть позже кто-то высадил динамик, и мне насилу удалось продать комбик по остаточной стоимости.

Этой же зимой мы поехали в Ярославль, где проходил фестиваль «Джаз над Волгой». Мы не играли джаз, но нас пригласили выступить в качестве гостей фестиваля — не на основной площадке, а в какой-то дискотеке: Мы сыграли неплохо, но это было ничто по сравнению с самим фестивалем. Там же выступал Курехин, который уже собрал *Поп-механику*, она еще так не называлась, но уже носила все признаки будущего оркестра, и состав был мощнейший. В него входили Тарасов, Чекасин, Пономарева и много других джазменов авангардного толка. Это был несколько другой уровень, и никто из нас в выступлениях Курехина не участвовал. В то же время было несколько фантастического класса концертов в Клубе современной музыки в ДК им. Ленсовета. Как правило, они проходили в одном из двух малых залов. И на одном из них мы впервые увидели и услышали Сашу Кондрашкина.

Весной состоялось торжественное открытие Рок-клуба, на котором играл *Аквариум*, но у меня этот факт не отложился в памяти. Чуть позже мы играли рок-н-рольный концерт в спортивном зале Университета в Петергофе. Самого концерта уж не упомнить, но на обратном пути мы ехали в одном вагоне с молодым ребятами, которые тоже возвращались из Университета. Они подсели к нам, попросили гитары и спели несколько песен. Это

были Цой с компанией. Сейчас я уже не помню последовательность событий, да она особенно и не важна.

Примерно через месяц Тропилло решил отпраздновать свой тридцатилетний юбилей, который прошел в два этапа. Первый был в ресторане «Трюм» на Крестовском острове, куда он привез маленький аппарат и пригласил своих друзей-музыкантов. Но концерт не получился, потому что соседи сверху вызвали ментов, нам пришлось отключить аппарат и молча выпить. Через неделю он договорился снять зал в ресторане гостиницы «Нева» на улице Чайковского. Тропилло гулял на широкую ногу и всех поил шампанским, а выступали в тот вечер *Автоматические Удовлетворители* и Цой. Так был заложен фундамент новой волны. Боб просто влюбился в Цоя и его песни, он пытался всячески ему помочь и протезировать его. Так у Тропилло состоялась запись первого альбома *Кино*, и, поскольку группы как таковой не было, мы все принимали участие в этой записи. Я сыграл только в песне *Мои друзья идут по жизни маршем*, которая стала нашим гимном, но почему-то в период славы группы *Кино* она была не так популярна. Чуть позже Боб решил спродюсировать выступление *Кино* на утреннике. В то время концерты в Рок-клубе проходили почему-то по воскресеньям утром. У Тропилло появилась ударная машина «Лель». Это чудовищное изобретение издавало поразительно индустриальные звуки и, усиленное через аппаратуру, производило впечатление парового молота. Сейчас ему не было бы цены, но тогда требовался другой звук. Выступление получилось бредовое, на грани идиотизма, но в этом был элемент психоделии. Рыба извивался как угорь и был очень артистичен. Но народу почти не было, и на них с Цоем никто особенного внимания не обратил.

Каким-то образом материализовался тот самый Саша Кондрашкин, который так поразил наше воображе-

ние в ДК им. Ленсовета. Он был удивительно радушен и сразу же пригласил нас репетировать у него дома на проспекте Энергетиков. В это время мы начали играть несколько новых песен — *Белое реггей*, *Прекрасный дилетант*, *Ребята ловят свой кайф* и *Кто ты теперь*. Но, еще не успев ничего толком сделать, мы сразу отправились в Москву. Тропилло был нашим звукорежиссером и взял на себя функции директора. Он предполагал заранее поехать на площадку и отстроить аппаратуру или что-то в этом роде. Я имел неосторожность отдать ему виолончель, чтобы не тащить ее самому; раньше я никогда такого не делал. И конечно же он умудрился разбить ее вдребезги, да так, что отлетела верхняя дека. Мое участие в концерте стало проблематичным, но мы кое-как слепили инструмент и замотали его изоляционной лентой. Самое поразительное, что на нем даже можно было издавать какой-то звук. Я не говорю о музыкальном звуке, я говорю о звуке как таковом. Если его еще пропустить через соответствующую примочку, можно было бы даже добиться желаемого результата. Другое дело, что мы никогда не знали, какой именно звук будет, поскольку не имели возможности порепетировать на аппарате. Так было и в этот раз: звук был непривычный, но мощный, что было уже хорошо. Учитывая, что мы становились модной группой и наши концерты в Москве неизменно привлекали к себе внимание большого количества публики, выступление могло получиться хорошим. Дело было ранним вечером, было еще светло и очень жарко, мы напились пива, и наше музицирование имело сильный привкус панк-рока, хотя, наверное, это было именно то, что впоследствии получило название новой волны. Чтобы не запутаться в определениях, попробую изложить, как я это понимаю. Панк-рок — это высвобожденная энергия в чистом виде; люди, его играющие, движимые этой энергией, порой не

контролируют происходящее, они панки по жизни. Новая же волна — это искусственный стиль, который образовался благодаря появлению панк-рока, но играли музыканты со значительным опытом. Они смогли переоценить этот опыт, почувствовав очистительную энергию панк-рока, которая позволила им сбросить лишнюю чешую. Новую волну также играли молодые интеллектуалы, которые приняли панк-рок как идею и облекли его в изящную форму, постоянно меняя ее и экспериментируя.

После концерта мы поехали к Сашке Липницкому на дачу. Его гостеприимство не знало границ, чем многие из нас не преминули воспользоваться. К нему можно было приезжать в любом количестве, с друзьями и подругами, и он всегда оказывал гостям самый радушный прием. Даже когда его квартира на Каретном ряду подверглась ощутимым разрушениям, двери ее всегда были открыты для питерских музыкантов. По случаю нашего приезда Сашка организовал акустический концерт на Николиной горе, на веранде дачного клуба. Было очень жарко, народу было сравнительно мало, и мы дали расслабленный домашний акустический концерт, в котором я на разбитой виолончели играть не стал.

По приезде мы сыграли концерт в малом зале ДК им. Ленсовета, где с нами впервые выступила группа *Странные игры*. Мы были абсолютно восхищены, быстро с ними подружились и стали их преданными фанами.

Дом пионеров, в котором тогда помещалась студия Тропилло, как правило, летом не функционировал. Это было самое подходящее время для записи, и мы засели за новый альбом. Сначала мы пытались записать несколько песен из тех, что к этому времени игрались, и для этого пригласили Вовку Козлова, нашего старого друга из группы *Союз Любителей Музыки Рок*, одного из тех гитаристов, которые участвовали в наших рок-н-рольных кон-

цертах. С ним мы записали песню *Кто ты теперь* и кое-что из того, что впоследствии вошло в альбом *Электричество*. Мы не представляли, каким должен быть альбом в целом, и стали записывать песни, которые Боб сочинял по ходу пьесы. До этого мы их не играли, поэтому аранжировки делались прямо на ходу. Так сложился альбом *Треугольник*. Тропилло раздобыл на «Мелодии» стереофонический студийный магнитофон и восьмиканальный пульт «Studer», что позволило выйти на другой уровень звукозаписи. Пожалуй, это была самая живая запись, когда все были вовлечены и охотно музицировали. Приходили наши приятели и тоже принимали участие в наших опытах. Так, я помню, во время записи *Начальника фарфоровой башни* передо мной на корточках сидел Женька Степанов и скрипучим голосом издавал странные звуки в микрофон, через который я играл, и корчил такие рожи, что я еле сдерживал смех и с трудом мог сосредоточиться на игре на инструменте. Неожиданно пришел Курехин и блистательно сыграл в *Мочалкином блюзе*, а в *Поручике Иванове* мы втроем с Курехиным и Дюшей играли соло на казу. Оля Першина пришла на запись песни *Десять стрел*, но всех потащило в другую сторону и заодно записали *Крюкообразность*. Я тоже дебютировал как «певец» или, как говорят, «вокалист» в песне про *Двух трактористов*. Правда, увлекшись процессом, мы не заметили, что в песне *Мой муравей* виолончель немного низит, но даже это не особенно испортило запись. Мне же больше всего нравится звук перепарированного пианино, на котором играли мы с Кондрашкиным в песне *Миша из города скрипящих статур*.

Фотосессия проходила в коридоре Дома пионеров. Я залез на подоконник и спрятался за занавеску, а Боб вместо лица прилепил отражатель от калорифера. У Боба была странная концепция оформления обложки, каждый раз он почему-то приглашал не всех участников записи.

И на обратной стороне, у ворот соседнего дома на улице Панфилова, запечатлены только мы с Кондрашкиным. Когда Вилли сделал оформление, Боб стал клеить корочки и альбом был запущен по той же орбите.

Осенью Тропилло организовал концерт во Дворце молодежи под названием «Барды и рок-музыка», в котором, вероятно, бардов представляли Боб, Майк и Вовка Леви из *Последнего шанса*. А рок-музыку, надо полагать, играли все остальные участники концерта, то есть собственно *Аквариум*, который всем аккомпанировал, и Ольга Першина. Аппарат был куцый — скорее практически полное отсутствие аппарата, — и звук оказался препоганый. Это была очень претенциозная акция, поскольку то, что мы делали, никак нельзя назвать бардовской песней, более того, я ее органически не выношу. Но время было такое, что под другим соусом такой концерт не прошел бы. А впрочем, может, и прошел бы? Вскоре после этого Ольга Першина вышла замуж за англичанина Лена Перри и эмигрировала в Лондон.

На концерте в общежитии на Белоостровской улице нам впервые заплатили гигантскую сумму 100 рублей. Но после концерта Боб неожиданно объявил нам, что теперь он должен получать в два раза больше, чем мы с Дюшей и Михаилом. Это уже было странно, но плюс к этому у Боба, вероятно, были проблемы с арифметикой, он вошел в азарт и получилось 50 ему — 50 нам. Получалась прикладная математика, как в песне:

Возьму вершки и корешки,
Бери себе слова.

Это недоразумение стало поворотным моментом в наших взаимоотношениях. Проблемы были сформулированы и названы. Мы купили бутылку водки и поехали к Михаилу. Полночи мы говорили за жизнь, пытаюсь

понять ход мыслей Боба. Виновата была плохая система, которая его недооценивала и не позволяла ему получать адекватные деньги, и поэтому выходило, что эти деньги должны были заплатить ему мы. Но в тот вечер мы ни до чего не договорились, снова сбегали к таксистам за водкой и забыли, зачем собрались. Но кто-то между нами пробежал, и Боб лучше нас должен знать, кто это был. Может быть, это был самый подходящий момент для того, чтобы подписать контракт, который определил бы статус каждого из нас. На этой ноте заканчивался восемьдесят первый год.

Примерно в этот период времени мне удалось уболтать свое начальство в Доме грампластинок, чтобы художественный совет Ленинградской студии грамзаписи фирмы «Мелодия» согласился послушать наши любительские записи на предмет возможного издания их на пластинке. Правда, руководство к этому отнеслось очень скептически. Люди, состоявшие в художественном совете, ничего в этом не понимали и опасались, что в текстах есть какой-то подвох, который они не смогут расшифровать, и что где-то заложена бомба. Где именно, они не знали, но их нюху надо отдать должное. Я считаю, что никогда, нигде, ни в одной нашей песне не было никакой бомбы, просто они интуитивно чувствовали, что их поезд уходит, и пытались удержаться на своих местах. Все же они решили дать нам смену звукозаписи, чтобы записать песню *Моей звезде*, которую они сочли самой нейтральной. Режиссером назначили Виктора Динова, с которым мы познакомились еще во время записи *Треугольника*, когда дописывали наложения.

Аранжировка песни состояла лишь из голоса, акустической гитары и виолончели. И когда мы пришли в студию «Мелодии», я попытался на ходу придумать вторую партию и сделать подобие струнной группы. Но что-то

пошло не так, и у меня совершенно не покатило. Динов говорил Бобу, что он может пригласить любого виолончелиста, который на раз все сыграет. Меня это совсем выбило из колеи, и так ничего и не получилось. Мы потратили время, все остались недовольны. По счастью, эта запись где-то растворилась.

Зимой восемьдесят второго мы начали репетировать новую электрическую программу с Сашей Ляпиным и Женей Губерманом. Таким образом, Сашка Кондрашкин был автоматически отставлен. У меня твердо отложилось в памяти, что репетиции опять проходили в ДК им. Цюрупы, но как мы туда снова попали, я сейчас не могу понять. Я совершенно определенно помню, как мы репетировали песни *Сидя на красивом холме* и *Мы никогда не станем старше* и первый раз отыграли эту программу в Рок-клубе. Потом мы поехали в Москву, но Женька уже поехать с нами не смог. И, порепетировав один раз, мы поехали с Петей Трошечковым. Этот концерт в ДК им. Луначарского был записан и впоследствии выпущен на бутлеге под названием *Арокс и Штёр*. Боб категорически отказался петь *В поле ягода навсегда*, и я взял на себя смелость спеть ее сам, но забыл начало одного куплета, что очень хорошо слышно на записи. Эта песня была инспирирована статьей в журнале «Ровесник», в которой песня *Strawberry Fields Forever* была переведена таким идиотским образом.

Как обычно, мы остановились у Сашки Липницкого, квартира которого являла собой сплошное спальное место. Мы все спали на полу в большой комнате и, почти не выходя из дома, несколько дней смотрели видео. Это было новое развлечение. Точнее, для нас это было совсем не развлечением, поскольку мы очень серьезно смотрели все те музыкальные фильмы, которые со времени приезда Хейны Маринуу в Ленинград мы видеть не могли. Это были

Heroes Of Rock-n-roll, Woodstock, Tommy, Gimmie Shelter и всевозможные концерты. В это время только появилось MTV, и мы смотрели несколько кассет с видеоклипами, которые Сашка специально переписал и насобирал у друзей к нашему приезду. Насытиться и оторваться от экрана было невозможно. В то же время мы впервые, как «артисты», сходили в ресторан «Пекин», который был недалеко от Сашкиного дома, и каждый оттуда принес с собой по бутылочке «Cherry Wine». Это был волшебный напиток, на который мы все сразу подсели. Просмотры видео перемежались приходом гостей, танцами под *Stray Cats* и неизменными концертами Пети Мамонова, который пил вместе с Сашкиным братом Вовкой и, немного протрезвляясь, веселил гостей. Потом наступал черед Валеры Лелеко, который приходил специально приготовить плов на всю компанию. Будучи вегетарианцем, я пил наравне со всеми и каждый раз с неотвратимыми последствиями в виде похмелья и головной боли. Вместо того, чтобы бросить пить, я дал слабину и снова стал есть мясо.

По приглашению Коли Харитоновна нам удалось съездить в Архангельск, где мы играли в том же ДК строителей. Концерт был удачным, Боб в это время был освобожден от игры на гитаре и «давал артиста». Он одевал черное кимоно и совершенно немислимые золотые чешки, купленные в театральном магазине. На песне *Мы никогда не станем старше*, навеянной творчеством группы *Doors*, он разражался монологом: «Что они сделали с нашей сестрой?..» — а потом падал ниц. Это было эффектно, правда, немного смешно — он явно переигрывал. В зале оказались пенсионеры, которых это задело за живое, и они написали «телегу» в Рок-клуб. Тогда Рок-клуб был очень серьезной организацией, и там все это восприняли очень ответственно. Нас вызвали на общее собрание и продержали. А потом решением совета на полгода лишили права

на публичные выступления. После все члены совета подходили и извинялись, дескать, у них не было выбора. Но это все равно было глупо. В то время как чиновники от культуры праздновали победу на местечковом уровне, нам устроили всесоюзную премьеру по Центральному телевидению. Правда, для этого выбрали красивую, но не самую выразительную для первого эфира песню *Четырнадцать*. Мы говорили всем своим друзьям, чтобы они смотрели. Они, вероятно, смотрели, но потом вежливо молчали — откровения не получилось.

В апреле Клуб современной музыки организовал трехдневный фестиваль в Малом зале ДК им. Ленсовета, на котором выступали и Тарасов, и Чекасин, а может быть, даже Ганелин. В паузе между выступлениями на сцене появился юноша лет тринадцати-четырнадцати, который, никого не стесняясь, начал играть на барабанах. Это всех умилило. Опять приехал Хейна из Таллинна, и после этого концерта все пошли к Жене Губерману на киносеанс. Он жил со своей матерью в коммунальной квартире в огромной пятидесятиметровой комнате, и туда пришло человек сто. Вместе с Димкой Гусевым пришел этот мальчонка, которого звали Сережа Бугаев. Он приехал из Новороссийска учиться играть на барабанах и заниматься музыкой.

И наверное, уже в последний день фестиваля состоялось выступление очередного курехинского оркестра. Многие из нас на сей раз участвовали в нем, и это уже было четким прообразом *Поп-механики*. В конце выступления Боб то ли разбил гитару, то ли совершил еще какой-то акт вандализма, что вызвало скандал — директора ДК сняли, а Клуб современной музыки прекратил свое существование.

Вскоре после этого фестиваля Галя Самсонова-Роговицкая предложила Курехину снять сюжет про его оркестр для какой-то молодежной программы. Названия

программы я не помню, но помню, что мы все собрались на Восстания, где у матери в комнате смотрели эту передачу. Все было довольно симпатично, правда, звук, как обычно, страдал. Это знакомство с Галей послужило началом Дюшиной семьи.

Сереже Бугаеву негде было жить, и он перебивался по квартирам друзей. Благодаря знакомству на курехинском фестивале он появился в нашем кругу. В это время мой брат уехал на заработки, его комната пустовала, и кто-то привел Бугаева ко мне. Также в это время у меня поселился и Петя Трощенко.

Я наконец принял волевое решение и ушел из Дома грампластинок. Моя начальница Ольга очень сожалела об этом и уговаривала меня не делать этого шага. Но я все-таки ушел, хотя мы с Ольгой все равно остались друзьями на долгие годы. Я же устроился работать сторожем к Дюше в бригаду, где уже работал Майк Науменко. Мы сторожили два соседних объекта: он сторожил какие-то столярные мастерские, а я — станкостроительный техникум. Майк работал сутки через трое и сидел в проходной, я же отсиживал вечер и ночь через двое суток, а когда смена выпадала на воскресенье, то приходилось дежурить сутки подряд. Я приходил на работу, сидел в канцелярии и читал. Когда все уходило, я закрывал дверь и искал себе место ночлега. За год работы я пытался пристроиться в самых разных местах этого помещения. Все зависело от погоды и отопления. Некоторые места были теплыми, но не хватало света и воздуха, в других ели комары. Постепенно я обзавелся своим хозяйством — чайником и раскладушкой, которые я прятал в чулане за статуей Ленина. Когда наши смены совпадали, мы сидели у Майка и гоняли чай. Если приходили гости — а к Майку они приходили всегда, — мы пили вино. Это было очень удобно, с Майком всегда можно было договориться и подменить друг друга.

В начале июня мы поехали в Москву, на концерт в ГлавАПУ. Ляпин был занят, поэтому с нами поехали Володя Ермолин, а также Болучевский на саксофоне и Фাগот. А чуть позже мы сыграли грандиозный концерт в саду «Эрмитаж», где ко всем перечисленным присоединились Чекасин и Валя Пономарева. Собственно *Аквариум* играл обычную электрическую программу, но песня *Мы никогда не станем старше* длилась полчаса, из которой Курехин сделал действо сродни *Поп-механике*.

Где-то в середине июня мы решили отпраздновать десятилетие *Аквариума*. Кто-то договорился в дискотеке общежития Кораблестроительного института на Юго-Западе. Мы насобирали аппарат, народу набилась тьма-тьмущая. Но едва мы успели сыграть несколько песен, как приехали комитетчики и отключили электричество. Мы пытались сыграть несколько песен в акустике, но это не покатило. Пришлось сворачиваться. Мы поймали «икарус», но, пока выносили аппарат, в автобус набились тусовщики. Я пытался выдворить их оттуда, но все были пьяны, тупо улыбались и смотрели на меня через окошки, как рыбы из аквариума. Такой была наша аудитория — стоило ли тратить столько усилий, чтобы играть для этих людей. Наконец несколько человек все-таки удалось выгнать, и мы повезли аппарат на Восстания. Я всю дорогу стоял, как в городском транспорте. Мои друзья по дороге растворились, выйдя кто где. Подъехав к дому, я стал выгружать комбики, с трудом найдя помощников. Пока мы тащили все это на четвертый этаж, Свинья застрял в лифте и надул там лужу. Я и так не считался идеальным соседом, но тут было очевидно, что именно мои дружки учинили беспредел, так что в результате мне пришлось мыть лифт.

Четвертого июля в День независимости Америки в резиденции американского консула был прием, ожи-

далось выступление Чика Кория. Планировалась его встреча с Курехиным, и тот получил возможность пригласить туда человек сто своих друзей. Это было эпохальное событие. Мы одолжили друг у друга «приличную» одежду — ни у кого из нас отродясь не было пиджаков — и в означенный час двинулись в консульство. Все ближайшие улицы были заполнены комитетчиками, которые в коричневых и серых костюмах стояли группами по два-три человека и якобы беседовали. На самом деле они напряженно работали, пытаясь если не сфотографировать, то, по крайней мере, сосчитать и запомнить всех шедших на концерт. Было такое ощущение, что туда пришел весь «Сайгон». Комитетчики бесились, но ничего не могли поделать. Выступление Чика Кория с вибрафонистом Гари Бёртоном было достаточно коротким. С ними приехал ведущий джазовых программ «Голоса Америки» Виллис Конновер, который представил артистов и поздравил всех с национальным праздником США. Мы все на три часа будто оказались в Америке. Был фуршет с баром и обильными закусками, все напились и наелись заморских деликатесов и делали вид, что внимательно слушают музыку. Воспоминания остались довольно смутные, помню только, что во время выступления Чика Кория я пытался бороться со сном. После вечеринки ходили легенды о том, что Болучевский подошел к Чикю Кория и через переводчика произнес сакраментальную фразу, что если бы Кория жил здесь, то играл бы как Болучевский. Все боялись, что нас арестуют при выходе, но все обошлось. Правда, на следующий год или через пару лет, когда такие вещи стали уже привычными, после очередной такой попойки арестовали всех «митьков». Через пару дней в «Смене» появилась заметка, что группа подонков и изменников Родины, прилюдно опозорив свою страну, после вечеринки в Американском консуль-

стве была арестована в непотребном для советского гражданина виде.

На вечеринке мы познакомились с дочерью консула Маргот Сквайр. Мы быстро с ней подружились и стали называть ее Марго. Мы были почти соседями, и все лето она приходила к нам в гости, принося из дома заморское печенье к чаю. По воскресеньям мы вместе ездили на велосипедах на залив и за грибами. Для всех иностранцев была определена зона возможного выезда за пределы города. По железной дороге им разрешалось ездить не далее Зеленогорска и позволялось бывать только слева от железной дороги. Моя дача находилась метрах в пятистах вправо, так что этими поездками Марго ставила под удар карьеру своего отца. Но никто тогда не обращал на это никакого внимания.

Летом Боб поехал в Москву сниматься в кино. Его эпопея с Осетинским еще не закончилась, и через него Боб познакомился с милыми ребятами Сашей Ильховским и Сашей Нехорошевым, которые снимали курсовую работу и решили пригласить Боба сняться в ней. Это была короткая наивная история под названием *Иванов*, в которой Боб должен был сыграть практически самого себя и спеть программную песню *Двадцать пять к десяти*. Собственно, вокруг этой песни и складывался сюжет. Боб позвонил мне из Москвы, чтобы я брал виолончель и ехал записываться на «Мосфильм». Я приехал на следующий день прямо в студию, которая потрясла нас своими безграничными возможностями. В этой песне у меня не было конкретной партии, но при желании что-нибудь можно было придумать, тем более именно за этим меня и позвали. Мы немного поиграли, и что-то начало складываться. Но в последний момент Бобу почему-то не понравилась тональность, и он решил сдвинуть каподастр на один лад вверх. Так ему было удобнее петь, при этом на гитаре он мог

играть в той же позиции. У меня же менялось абсолютно все. Конечно же, для любого академического музыканта это была бы не помеха, но для меня оказалось катастрофой. Я просил Боба сжалиться надо мной и опуститься на эти несчастные полтона, но он остался неумолим. Я промучился часа два, но так толком ничего не сумел сыграть. Зачем Бобу так понадобились эти полтона, я так и не понял. В итоге я сыграл несколько аккордов на клавишине и был таков. С моей точки зрения, рок-музыка — это тот стиль, который сложился в силу способности людей играть друг с другом независимо от степени их владения инструментом. Не очень искусные музыканты в основном пользуются наработанными приемами, но делают это очень уверенно, и благодаря этому постепенно приобретают свой стиль игры и свой почерк. Но у нас иногда все упиралось в непонятные амбиции, будто мы преследовали не общую цель, а совсем наоборот. Так или иначе, мы провели там несколько дней, живя на съемочной площадке — на квартире у Нехорошева. По привычке съемки перемежались домашними концертами для приходивших в этот дом друзей. И в один из дней Боб спел нам *Рок-н-ролл мертв*, который только что сочинил. Через несколько дней мы снова приехали, уже с Дюшей и Михаилом, чтобы сняться в завершающем эпизоде фильма. На пленке это получилось очень симпатично и трогательно. Правда, с тех пор этот фильм я ни разу не видел.

В августе, как обычно, мы засели в студии Тропилло писать альбом *Tabu*. Лето было самым удобным временем для записи, но при этом и самым ленивым временем года, когда после длинной зимы хочется поваляться на песке на берегу залива. К тому же для многих из нас это была единственная возможность подзаработать немного денег. Михаил на август и сентябрь неизменно устраивался продавать арбузы, иногда к нему присоединялся и Дюша. Рабо-

та была тяжелой, да еще сопряженной с определенным риском, поскольку приходилось немного обвешивать покупателей. В этом году Михаил с Дюшей снова устроились торговать, и на это же время выпадала запись в студии. Они ничего не могли поделаться, а Боб не мог ждать, поэтому стал приглашать разных музыкантов. Получилось так, что почти во всех песнях на басу работал Гриня, старый друг Курехина, а в песне *Сегодня ночью кто-то* пришлось сыграть мне. Запись альбома хороша тем, что основная часть материала писалась на несколько дорожек без наложений. И конечно же, тот элемент, который привносил Курехин, был неоценим. Он всегда все делал в прекрасном настроении, и по ходу работы в студии царил очень приятная атмосфера. Особенно мне понравился *Кусок жизни*, во время записи которого в душевной студии вокруг одного микрофона собралась компания дружков, и даже слышен голос Людки. Когда дело доходило до сведения, Боб, как правило, отменял наши с Дюшей голоса и уводил их на задний план. С этим ничего нельзя было поделаться. Боб являлся и композитором, и продюсером, так что спорить на эту тему с ним было бесполезно. Но мне нравится, как в песне *Игра наверняка* звучит мой второй голос, потому что мы с Бобом пели в один микрофон, и он не смог применить этот прием. Правда, в этой песне у меня была еще и интересная партия на виолончели, которую мы репетировали и играли ее на концертах, но на нее не хватило дорожек. Хотя я подозреваю, что Боб вообще не слышал, что я там играю. Виолончель еле прослушивается и в песне *Сыновья молчаливых дней*, хотя я там играю наравне со всеми и вполне членораздельно, и моя партия должна была звучать, как в песне *Пепел*, но этого, вероятно, не заметили ни Боб, ни Тропилло.

Боб вошел в фазу увлечения новыми романтиками, что сказывалось на его имидже. Это же он хотел отобра-

зять на обложке альбома. Я понимаю, что обложка может быть абсолютно абстрактной, но если на ней все-таки фигурируют музыканты, то хотелось бы видеть тех, кто реально играет на альбоме, в то время как Боб на фотосессию пригласил Африку (Серēju Бугаева), Людмилу и Настю Курехину, правда все же там оказались и мы с Курехиным. Но впоследствии в оформлении после традиционной буквы «А» с кружочком появился знак вопроса. Вероятно, Боб понимал, что пора расставаться с группой, и только ждал подходящего момента. Получалось так, что он постепенно стал стесняться своей группы, и, когда осенью его пригласили на Центральное телевидение в Москву, мы там почему-то оказались вдвоем. В Останкино мы попали благодаря Олесе Фокиной, знакомой Артема, которая была ведущей молодежной программы вроде «В эфире молодость». Я еще не чувствовал опасности, которую таило телевидение, и, как и Боб, соглашался на любые предложения. Так мы оказались на подиуме, окруженные «молодежью», и должны были прямым звуком сыграть две песни, сейчас даже не помню какие, по-моему, *Мне было бы легче петь* и еще что-то. Помню, что это был гигантский павильон. Передо мной поставили микрофон, при этом мониторов не было, и я не слышал ни себя, ни Боба. Тинейджеры, что стояли перед нами, тоже ничего не слышали, но на их лицах были умильные улыбки. Вдобавок по сценарию подростки должны были раскачиваться. Это было отвратительно.

Затем нас пригласил Андрей Кнышев, режиссер передачи «Веселые ребята», на съемку которой мы поехали уже вчетвером. Кнышев выбрал несколько песен из *Треугольника* и за уши притянул их к своей юмористической программе. К сожалению, мы тогда не видели, насколько это несовместимо. Мы с иронией относились к тому, что мы делаем, но юмористами все-таки не были — наше твор-

чество было достаточно серьезным. Но, к сожалению, в передаче Кнышева все покатило именно в юмористическую сторону. Он поставил нас в ситуацию, где мы, будучи никакими актерами, вынуждены были подыгрывать какой-нибудь нелепой сцене. Происходила явная подмена, мы занимались не своим делом. В песне *Два тракториста* режиссер предложил заменить слова на *двух пианистов*, которые никак не могли напиться пива. Потом испугался, что его снимут с работы. В общем, боязнь сделать неверный шаг доминировала над здравым смыслом. Однако мы все-таки повелись на участие в этой передаче и самым бездарным образом засветили несколько песен, которые прозвучали на всю Россию. Многие сочли бы это за прорыв, и, наверное, тогда я тоже не особенно сопротивлялся, хотя сейчас считаю это подставой. Чуть позже мне все-таки посчастливилось увидеть ситуацию в реальном свете. Я раз и навсегда отказался участвовать в съемках и перешел в разряд тех людей, которым становится неудобно, когда они видят *Аквариум* по телевидению. Но Боба и всех остальных это абсолютно устраивало, и их понесло.

Восемьдесят третий год мы, как обычно, встречали вместе, у Боба с Людмилой, как и все прочие праздники, большинство из которых мы сами придумывали. А в феврале у меня случился юбилей — мне стукнуло тридцать лет. Чествование происходило в Рок-клубе и совпало с утренним концертом. Отыграв его вместе с *Кино*, к пяти часам я должен был заступать на пост в станкостроительном техникуме. Подмениться не удалось, и я предложил своим друзьям поехать ко мне в техникум и немного выпить. Как я уже говорил, ко мне иногда приходили друзья. Часам к семи вечера начал подтягиваться народ, и все шло просто замечательно, но к девяти появились уже совсем малознакомые люди, как на сейшен, пришел даже какой-то негр. И к ночи народу оказалось уже около

ста пятидесяти человек. Ситуация вышла из-под контроля, люди заняли все пространство техникума, и я ничего не мог поделать. Кто-то притащил комбик и гитару, пытались играть, но все были настолько пьяны, что ничего не получилось. Потом кто-то включил магнитофон, и начались танцы. Гуляли так, будто весь особняк принадлежал мне. Я старался не думать о завтрашнем дне. На следующее утро занятий не было, и меня должен был сменить Владик Кушев, писатель и философ. Он пришел еще с вечера, и готов был сменить меня в любой момент. Ночью основная масса гостей разъехалась, но человек двадцать пять осталось ночевать. Утром мы с Владиком прошли по всему зданию, чтобы разбудить и подобрать оставшихся гостей. Потом мы тщательно вымыли полы и уничтожили все следы вечеринки. Кроме стойкого запаха табака ничто не напоминало о пребывании такого количества гостей. Правда, в канцелярии уронили печатную машинку, которая стояла на столе в деревянном кофре. Мы собрали ее и водрузили на место, и каким-то образом этого никто не заметил. Слава богу, не разбили хотя бы статую Ленина. Ливерпулец потом рассказывал, что проснулся неизвестно где, рядом с ним лежал негр, укрытый солдатской шинелью, который на чистом русском языке спросил, который час, встал и вышел. Ливерпулец решил, что сошел с ума, но, похоже, с ума сошел я. По счастью, все обошлось, но достаточно было одному из преподавателей или работников вневедомственной охраны зайти вечером в техникум — и мне грозил бы срок. Я не только не выполнил своих прямых обязанностей, которые заключались в том, чтобы никого не пускать, но поступил прямо наоборот. Это я хорошо осознал ровно через неделю. Был день рождения Харрисона, и моя смена совпала со сменой Майка. Я дождался, когда уйдут последние служащие, закрыл заведение и решил поехать

к Коле Васину на Ржевку. Мы уже давно не принимали участия в его праздниках, но к нему всегда было приятно зайти в гости. В такие дни собиралась шумная компания. Я оставил Майку ключ от техникума, предполагая вернуться туда ночевать. Дорога была не близкая — час туда и час назад. Затея была достаточно безумная, но если я что-то себе вобью в голову, то уже не остановлюсь. Наверное, у Васина было весело, я не помню. Я немного выпил и по счастью успел на последний трамвай. Когда я зашел к Майку за ключами, он еще не спал. Мы покурили, и я отправился к себе. Когда я открыл дверь, меня смутило, что засов изнутри был поднят, как будто кто-то пытался открыть ворота изнутри. Я не придал этому факту особого значения и пошел за раскладушкой. И тут через окно, ведущее во двор, я увидел два силуэта бегущих людей. Не думая об опасности, я вышел во двор и окликнул их, решив, что перед уходом случайно запер кого-нибудь из студентов. Но эти люди залезли на сарай и по крышам побежали в сторону Майка. Я ему позвонил и предупредил, что к нему лезут гости, а сам надел пальто и вышел на улицу. В этот момент подъехала милицмейская машина — оказалось, что сработала сигнализация. Я сразу понял, что дело нечисто, и сказал милиционерам, что кто-то полез к Майку. Они развернулись, поехали в соседний переулок и поймали двух парней, которые оказались бывшими студентами техникума. Приехали следователи. За это время мы с Майком сочинили достоверную легенду о том, что у меня заболела голова, я закрыл объект и пошел на соседний пост к сторожу своей бригады попросить таблетку. Отсутствовал полчаса, и, по всей видимости, в это время злоумышленники и материализовались. Но когда мы с милицией пошли в обход по зданию, картина оказалась куда более нелепая. Оказалось, что злоумышленники знали, что в этот день выдают

стипендию, после чего в кассе до следующего дня остается достаточно крупная сумма денег. И именно ее они и планировали взять. Они прошли в техникум, когда еще шли занятия, поднялись на чердак и ждали, когда все затихнет, тихо выпивая для бодрости. Зная, что остается один ночной сторож, они рассчитывали его (то есть меня) обезвредить, взять ключи от кассы и тихо уйти. Когда же они спустились вниз, сторожа не оказалось на месте. Они ничего не поняли, разбили ящик с ключами, взяли целую охапку и пошли брать кассу. Дверь бухгалтерии им не удалось открыть, зато рядом был медпункт. Они зашли туда и разбили все стеклянные шкафы в поисках наркотиков, которых не оказалось. Тогда они пошли в кабинет военного дела, взломали шкафы, взяли несколько коробок с патронами от мелкокалиберной винтовки, спустились в бухгалтерию и стали загонять эти патроны в замочную скважину, пытаясь взорвать замок. У них ничего не получилось, но сработала сигнализация, выведенная на пульт охраны в милиции. Я, кстати, даже не подозревал, что где-то есть независимая от меня сигнализация. В этот момент я вернулся в здание, и взломщики побежали во двор. Милиция вызвала бригадира охраны и представителя техникума. Майк подтвердил мои показания, и меня оставили в покое. Но на следующий день меня вызвали в отдел вневедомственной охраны и предложили уволиться. У меня много друзей, которые работали сторожами, но я никогда не слышал, чтобы у кого-то что-то произошло, это должно было непременно случиться у меня. Я живо себе представлял, что было бы, если бы я не уехал к Васину. Или если бы эти ребята решили повеселиться в день моего рождения. Или если бы сигнализация сработала во время нашей вечеринки. Но фантазировать и придумывать разные комбинации смысла не было — надо было искать какую-то работу.

Дюша тоже ушел из сторожей и устроился рабочим в жилконтору на Васильевском острове, где одна наша старинная знакомая пыталась организовать культурный центр. Михаил продолжал работать начальником вычислительного центра на «Красном треугольнике». Кем и где в это время мог работать Боб, я припомнить не могу.

Порой мы репетировали на Восстания всем составом, и это был настоящий дурдом, поскольку вся группа размещалась в моей двенадцатиметровой комнате, где даже мне одному было тесновато. Мы продолжали играть в разных комбинациях, чередуя электрические концерты с акустическими. Не было никакого жесткого разделения, все зависело от предложений. Выступления проходили почти во всех учебных заведениях, где, как правило, не было адекватной аппаратуры, да и условия были предельно унижительные. Сейчас я не понимаю, зачем это было нужно и им, и нам. *Аквариум* быстро приобрел статус группы, которую принято слушать, при этом совсем не обязательно что-либо понимать. Как я себе представляю, больше половины приходящих на такие концерты студентов подобную музыку не слушали и не то чтобы получали удовольствие, а скорее из вежливости дожидались окончания концерта. Мне не доводилось бывать на таких концертах в качестве зрителя, да и оказался я там, непременно сразу ушел бы. А скорее всего, мне и в голову не пришло бы идти на такое выступление. Но самыми убогими были концерты во всяких НИИ, когда сугубо молодежная аудитория вдруг менялась на людей без возраста, среди которых могли оказаться пергидрольные тетки в шиньонах и кримпленовых платьях. Наверное, без подобного опыта не могло произойти и все остальное, но рок-н-роллом назвать это было сложно. Это была подмена. В городе ничего не происходило, поэтому если мы хотели какого-нибудь действия, то мы сами и должны были

совершить это действие. Пожалуй, это самое главное, что я вынес в ходе нашего опыта: я привык к действию. Затевая любое дело, я начинал его делать, а потом уже смотрел на результат.

Концерты в Рок-клубе были ближе к реальности. По крайней мере туда приходила определенная категория людей, а половину составляли собственно музыканты, члены клуба. Все друг друга знали. Хотя зал Театра народного творчества, где размещался Рок-клуб, не всегда соответствовал характеру концертов, за несколько лет там сложилась определенная атмосфера, которая позволяла людям расслабиться. Кроме того, под эгидой Рок-клуба концерты пытались организовывать во дворцах культуры, и центральной площадкой постепенно стал Дворец молодежи. Там же проходил очередной фестиваль Рок-клуба, который уже был больше похож на нормальный рок-форум. Но по-прежнему эти смотры выглядели глуповато, поскольку проводились как бы на конкурсной основе. Компетентное жюри, которое оценивало выступление одних и тех же групп, смотрелось претенциозно. Сохранялись традиции фестиваля в Тбилиси, когда жюри в основном состояло из людей, которые не понимают и не слушают такого рода музыку, но берутся о ней говорить, да еще начинают судить и тех людей, которые ее играют. *Аквариум* к этому времени достиг такого удельного веса, что не имело значения, как и что мы играем. Постепенно выстроилась определенная иерархическая пирамида, и мы оказались на ее вершине. Так получалось, что без мест нельзя, и кто-то должен быть первым. Понятно, что на этом фестивале первое место было уготовано нам. Таким образом, *Аквариум* стал лауреатом этого фестиваля. Но это первенство ничего не меняло, мы должны были бороться за существование, как и все остальные. Правда, возникала иллюзия, что качество игры не имеет значения,

поэтому мы почти не репетировали, и каждый концерт был репетицией перед следующим. Так постепенно мы приобретали опыт концертных выступлений.

Странно, что чем ближе период времени, который я пытаюсь вспомнить, тем меньше всплывает деталей. Есть периоды, которые я вообще не помню. Помню, что как-то наши дружки из Выборга устроили нам концерт в местной дискотеке. Мы чуть ли не впервые жили «как белые люди», в интуристовской гостинице «Дружба», и страшно напились с какими-то финнами. Весь следующий день мы отмокали в сауне.

Мы приступили к записи альбома *Радио Африка*, в записи которого был такой же хаос, как и во время предыдущих. На запись приходили те, кого удавалось собрать в этот день. Это могли быть Петя Троценков или Майкл Кордюков; неожиданно появился Женя Губерман, но в студии не оказалось полной ударной установки, и в песне *Капитан Африка* он сыграл на одном малом барабане. Когда записывали песню *Мальчик Ефграф*, Ляпин пришел со своей тогдашней женой Лилей, и мы с ней и Дюшей записали трехголосные подпевки. В этой же песне мне пришлось играть на басу, а также в *Вана Хойя* и еще где-то. Я даже не могу вспомнить, какие еще песни были на той пластинке. Когда через несколько лет она была переиздана на CD, Боб про нас почему-то забыл и не дал нам ни одной штуки. Других же пластинок он нам все-таки выдал строго по одному «авторскому» экземпляру. Меня всегда удивляло, что у Боба стояли коробки с пластинками, и он при мне охотно дарил их всем своим знакомым, но мы такой возможности не имели. У меня есть родственники и близкие друзья, но я никому не подарил ни одной пластинки. Идти же в магазин покупать их мне было неудобно. Но говорить об этом Бобу было бесполезно. Он мог бы резонно возразить, что он платит нам деньги,

но я думаю, что при этом за издание каждого из этих альбомов он получил уж никак не меньше каждого из нас. Но это я опять забежал вперед.

Как-то ночью мы с Ляпиным то ли после репетиции, то ли после концерта тащились по Малой Садовой в поисках алкоголя и набрали на мобильную студию, которая была пришвартована к Дому радио. Дверь была приоткрыта, и оттуда доносилась музыка *Beatles*. Мы решили туда заглянуть. Поскольку у нас с собой были инструменты, хозяева студии признали в нас своих и пригласили зайти. Это оказалась фантастического уровня шестнадцатиканальная студия. Так мы познакомились с Виктором Глазковым и уже через несколько дней писали треки, которые не успели сделать у Тропилло. Я записал виолончель в песне про *Архангельского всадника* (не помню ее точного названия), используя местный флэнджер. Как я уже говорил, у меня была идея-фикс, что виолончель будет лучше звучать через флэнджер. Как же с ним управляться, я не имел понятия, поэтому не смог объяснить Виктору, чего же я хочу. Звук получился очень гадким, будто закрученным в трубочку. Мне он не понравился, но на записи так и остался. Также в этой же студии мы записали голоса в песне *Рок-н-ролл мертв*. Это программное произведение, которое неизменно становилось кульминацией любого концерта, совершенно провалилось в студии. Соло Саши Ляпина звучало красиво, но без того прорыва, которого он добивался на концертах. Наши три голоса были записаны с разной обработкой в разных акустических пространствах. Правда, партии были спеты с разной динамикой, Дюша там почему-то очень сильно кричит. В результате получилась демонстрация полной художественной самостоятельности как по части исполнения, так и по части записи. К сожалению, эти тенденции устоялись, и Боб, который всегда выступал в роли продюсера и сам делал все сведения, остальные голоса уводил на

второй, если не на десятый план, оставляя свой голос непропорционально выпуклым. Постепенно такой метод распространился и на инструменты. Получалось так, что игра собственно группы, в которой все голоса и инструменты имеют равное значение, превратилась в вокально-инструментальный аккомпанемент. Что еще более нелепо, появились звукорежиссеры-лакеи, в функции которых входило обслуживание руководителя группы (как стали называть Боба) и приведение других инструментов к вспомогательной функции, которую по желанию руководителя и вовсе можно упразднить, дабы она руководителю не мешала. Позже мы еще будем вынуждены вернуться к этой теме.

Как-то в середине лета мы с Дюшей и Михаилом катили на велосипедах из Белоострова в Ленинград и по дороге решили заехать к Алине Алонсо в Тарховку. Алины не оказалось, но дверь нам открыла милая девушка Юлия Лалаева. Чуть позже мы с ней встретились и завязали знакомство. Вместе со своей подругой Мариной она увлекалась игрой в теннис и занималась на Крестовском острове в клубе «Буревестник». Однажды я приехал туда встретить ее после тренировки, и она предложила мне взять ракетку и попробовать попасть по мячику. Я не попал, но меня что-то зацепило. На следующей неделе я взял ракетку и попробовал потренироваться у стенки. Это было очень занятно. Я ничего не понял и стал приходить каждую неделю. Вскоре Юля и Марина это занятие бросили, а я стал упорно тренироваться. Меня самого удивил мой интерес к теннису: мне было тридцать лет, и до этого времени я никогда не занимался никаким спортом — разве что ездил на велосипеде да в армии бегал кроссы и сдавал какие-то нормативы.

В конце июля, сразу же после записи альбома *Радио Африка*, мы отправились в Выборг на фестиваль в парке Монрепо. Вместе с нами на электричке ехали Вася

Шумов и группа *Центр* из Москвы. Выйдя покурить в тамбур, я был совершенно сражен красотой девушки с длинными черными волосами и в длинном белом платье, которая курила «Беломор». Она была со своей компанией, и конечно же в такой ситуации познакомиться было невозможно. Фестиваль прошел удивительно умиротворенно. Собралось несколько тысяч местных жителей с детьми. Аппарат был недостаточный, но основные вещи были слышны. Все сидели на огромной лужайке и постепенно разбрелись по всему парку. Парк Монрепо удивительно красив, он весь изрезан лагунами и фьордами. После выступления *Аквариума* я пошел исследовать окрестности. Выйдя на берег залива, я увидел ту девушку — она сидела на большом камне. Я решил подойти и сесть с ней рядом. Мы разговорились и познакомились, ее звали Александрой. Издалека мы слышали, как играют группы *Центр* и *Мануфактура*, самая топовая группа сезона, но меня это уже не интересовало. Мы пошли дальше и забрались на стену полуразрушенного дома. Фестиваль, который продолжался где-то вдалеке, потерял всякий смысл. Многие торопились на последнюю электричку в Ленинград. Остальные решили ночевать прямо в парке. Ночь была теплая, но мы разожгли костер, чтобы просто был огонь. Это была самая идиллическая ночь самого умиротворенного в истории отечественной рок-музыки фестиваля из тех, где мне доводилось бывать. Масштаб был далек от Вудстока, но дух царил тот же. Все перезнакомились и болтали ночь напролет, кто-то купался. Среди тусовщиков из Москвы оказались Володя и Ольга Железняковы, с которыми мы на долгие годы стали друзьями.

Через неделю я позвонил Александре, мы встретились и пошли к Дюше на день рождения. Ей оказалось всего девятнадцать лет, но выглядела она значительно взрослее. Мы стали видеться каждый день, и я очень к ней привя-

зался. Естественно, я познакомил ее со всеми моими друзьями. Но когда мы пришли к Бобу, Людмила сильно напряглась, почуввав угрозу. Я еще не понимал смысла происходящего, но что-то явно начало происходить. Наверное, с виду было похоже, что я стал ухаживать за Александрой, и она мне действительно очень нравилась. Но наше общение строилось на чем-то другом. Она была на одиннадцать лет моложе меня, но при этом я не только не чувствовал никакой разницы в годах, а наоборот — я был восхищен ее знаниями и мудростью. Пожалуй, я ей поклонялся. Когда видишь это написанным, то чувствуешь, что это звучит по крайней мере странно, однако это было именно так. В наших отношениях с Александрой не было никакой натянутости, казалось, мы давно знаем друг друга. Мы не были как брат и сестра, и мы не стали друзьями, — это была какая-то другая, доселе мне неизвестная степень родства. Мы просто вспомнили и узнали друг друга. Как-то мы поехали к ее подруге Татьяне Рыбкиной в деревню за Приозерск, где она жила со своей семьей. Мы шли через деревню мимо пасущихся лошадей, и Александра сказала, что вечером будем кататься на лошадях. Я никогда до этого не сидел на лошади, и меня это позабавило. Уже темнело, мы сидели на «веранде» сарая и пили чай. Александра что-то плела из веревки. Вдруг у ворот дома слышалось конское ржание. Мы вышли — прямо у калитки стояла лошадь. Александра накинула на нее уздечку из веревки и заставила меня на эту лошадь залезть. Седла не было, но мы кое-как залезли на нее вдвоем. Было темно, дорога была каменистая, мне стало страшно, держаться я мог только за Александру. Но она успокоила меня, что не надо ничего бояться, и мы поехали шагом по невидимой дороге. Путь казался очень длинным, но мы быстро оказались у того поля, где днем видели лошадей. Эта лошадь оказалась одной из тех. Мы слезли с нее и пешком

пошли домой. Я лишился дара речи. Я не мог найти никакого рационального объяснения. Александра же запросто пояснила мне, что сговорилась с лошадейю еще днем, когда мы проходили мимо. Позже Александра сняла комнату на улице Маяковского у Наталии Корсакиной, знакомой Женьки Степанова. Месяца через два, придя к Александре, я встретил там Боба и почувствовал, что мне надо уйти. После этого мы достаточно долго с ней не виделись.

В сентябре приехала наша подруга Найоми и привезла мне теннисную ракетку. Она была деревянная, хотя в это время все уже играли графитовыми, но, по крайней мере, она была американская и уж никак не хуже ракеток «Динамо». Погода портилась, и я сговорился ходить на теннис к приятелю Светы Геллерман — Коле Гандину, который арендовал спортивный зал в школе. Я уже научился элементарным вещам и попадал по мячику.

В ноябре в ДК им. Капранова проходил традиционный джазовый фестиваль «Осенние ритмы». Я ничего не понимал в джазе, но я любопытен и мне всегда интересно послушать что-то новое, особенно если это новое сложнее привычного. Хотя на фестивале было много традиционного джаза, но было и достаточно много музыки, которую я привык слушать за время хождения в Клуб современной музыки в ДК им. Ленсовета. К тому же там была тусовка, что всегда приятно. Я почему-то позвонил Александре, и мы пошли вместе. Там оказалось очень много знакомых, и мы быстро напились. Ко мне подошел Ваня Воропаев и подарил ноты виолончельных сюит Баха. Я не понял этого знака внимания — я видел Ваню всего один раз, когда Курехин притащил его на запись в песне *Контраданс*, но мы тогда не успели толком познакомиться. Также я встретил виолончелиста Борю Райскина, с которым у нас было шапочное знакомство еще по «Сайгону». Как я уже говорил, я был изгоем и чурался музыкантов из академи-

ческой среды, хотя я был на виду и те из них, кто тусовался, меня знали. Музыка я совсем не помню, по-моему, как обычно, в зал никто не заходил, а все сидели в буфете.

Мы с Александрой стали снова видеться, и я часто заходил к ней на Маяковского, и восемьдесят четвертый год мы решили встретить у нее. Пришли Михаил и Паша Литвинов. Было в меру выпивки и травы. Мы попили сухого вина и покурили. Что это было, я не знаю, но внезапно я почувствовал, что наступил Новый год. Он действительно был Новым. Новым было абсолютно все. Я ничего не понял, но это было именно так, и с этим надо было что-то делать, поскольку удержать это ощущение в себе было невозможно. Несколько лет я слушал песню Дэвида Боуи 1984, и, хотя тогда я еще не читал романа Оруэлла и не понимал, про что может быть эта песня, с этой цифрой было каким-то образом связано ощущение предчувствия. Но я никак не ожидал, что я так явно смогу почувствовать наступление именно этого года. На следующий день я не мог не пойти к Александре. Гостей не было, дома была одна соседка Наташа. В продолжение праздника мы выпили немного сухого вина и покурили. И я опять чисто физически ощутил наступивший новый год моей жизни.

Глава шестая

Это ощущение стало доминировать надо всем остальным, над привычным смыслом. Когда на следующий день ко мне пришел Боб, я ни о чем не мог ему сказать, а просто расплакался — это было уже слишком. Дня через два мы с Александрой зашли к Бобу с Людмилой, и потом все вместе пошли в гости к Кате Заленской, которая приехала из Америки навестить свою маму (неза-

долго до этого Катя вышла замуж за американца и уехала). Было чрезвычайно любопытно послушать ее рассказы. Как обычно, мы немного выпили и покурили. Но каким-то образом мной опять овладело состояние тревоги, что постепенно передалось другим и несколько выбило всех из колеи. Что-то произошло между нами с Бобом — это не было ссорой, поскольку не было повода для конфликта, просто произошло короткое замыкание. Мы оба почувствовали, что между нами разверзлась пропасть. Это было так явно, что нам обоим стало страшно. Мы не поняли, что произошло, но все быстро собрались и пошли домой.

Через несколько дней ко мне неожиданно зашел незнакомый молодой человек, который представился Славой Егоровым и отрекомендовался другом Вани Воропаева. Он сообщил мне, что Ваню арестовали прямо при выходе из «Сайгона», у него что-то было, и, судя по всему, он не скоро выйдет на свободу. Я посочувствовал, но, поскольку мы с Ваней не были близкими друзьями, сие известие не особенно меня расстроило. Мы попили чаю, и мой новый знакомый спросил, не заинтересует ли меня работа в дискотеке сельского клуба в Васкелово. Я нигде не работал, но особенно активно работу не искал и тем более не планировал зимой работать за городом. На том мы и распрощались.

Примерно недели через две я сидел дома и играл на виолончели (что бывало крайне редко) и собирался на домашний концерт. В это время раздался звонок — я продолжал играть, рассчитывая, что кто-нибудь из родственников откроет дверь. Вдруг в мою комнату ворвалось несколько человек с пистолетами и потребовали отдать какие-то картины. Я, не чувствуя за собой никакой вины, наорал на них и заявил, что знать ничего не знаю. Однако они предложили мне одеться и поехать с ними на Литейный. Я ничего не понимал, но через полчаса снова оказал-

ся в заведении, уже ранее знакомом. Следователь пытался колоть меня уже знакомым мне способом, чтобы я признался и рассказал, где картины. Когда он удостоверился в том, что случилась какая-то ошибка и я действительно ничего не знаю, он сам мне все объяснил. Оказалось, что Дюша, работая в выставочном зале жилконторы, раздал какие-то картины друзьям, а художник Иванов заявил о пропаже произведений искусства и оценил их в кругленькую сумму. Я первый раз об этом слышал и надеялся, что меня скоро отпустят, однако следователь обиделся на меня за то, что я на них накричал, когда они за мной приехали. Узнав, что я нигде не работаю, он страшно обрадовался и заявил, что ему в принципе все равно, за что меня посадят, и был готов припаять мне статью за тунеядство. Пожурив немного таким образом, он меня все-таки отпустил, настоятельно порекомендовав в течение трех дней устроиться на работу. Файнштейна арестовали этой же ночью, устроив засаду в коммунальной квартире. Соседи были счастливы и надеялись, что наконец-то его посадят, и охотно давали на него показания. Однако его тоже отпустили, а Тит сам пошел с повинной: они с Ильченко притащили в отделение монументальное произведение на оргалите под названием «Два борца», которое художник Иванов оценил в 2000 рублей. Слава богу, все обошлось и нас больше не трогали. Но я не стал искушать судьбу, позвонил Славе Егорову и через два дня уже работал техником по свету дискотеки васкеловского Дома культуры.

По субботам мы со Славой встречались на вокзале и к пяти часам ехали в Васкелово. Там, в неотопливаемом зале, он вытаскивал на сцену пульт и два магнитофона. В мой обязанности входило включать рубильник на сцене. Лучшей работы я давно не выполнял. На дискотеку приходили ребята в ватниках, резиновых сапогах и вязаных шапочках-петушках с надписью «Adidas». Иногда они

начинали драться из-за девчонок, и драка могла выкатиться на сцену. В таких случаях надо было просто выключить музыку и включить свет в зале. Мы же были при исполнении, и нас никогда не трогали. Единственным неудобством было то, что дискотека заканчивалась в полночь, когда уже не ходили поезда в город, и нам приходилось ночевать в клубе. Директором клуба был Гера Заикин, юноша, который только что закончил культпросветучилище и получил эту должность. Сам он блестяще играл на бас-гитаре, и к нему приезжали дружки, с которыми он при невероятном холоде пытался репетировать. Со всеми гостями, которые приезжали из города, мы устраивались в одной комнате, где включали все обогреватели, заваривали чай и ждали первую утреннюю электричку. Компания собиралась самая разношерстная — туда приезжали Славкин друг Саша Стальнов, известный гитарный мастер Бйкки и юный Сережа Березовой, а иногда Гриша Сологуб и Игорь Чередник. Мои новые друзья были романтиками, и мы полночи вели увлекательные беседы; с ними всегда было весело, и мы очень быстро подружились. На первой электричке мы со Славкой ехали домой, после чего всю неделю я был свободен.

Свободное время я посвящал репетициям. Периодически у Боба осложнялись отношения с кем-нибудь из участников группы, и мы не репетировали все вместе, поэтому я толком не понимал, что она собой в тот момент представляла. Боб приходил ко мне каждый день, и мы углублялись в песни, которые впоследствии составили альбом *День Серебра*. Как-то приехал Сашка Липницкий со своим братом Вовкой, что бывало очень редко. Мы собрались у меня дома и вдвоем с Бобом сыграли для них настоящий концерт. В этом что-то было, поскольку, как я говорил, тот звук, к которому мы привыкли, играя у меня дома, для меня много значил. Чуть позже нас пригласили

в Москву, и мы с Бобом поехали вдвоем. Сейчас я не помню точно, что это было за место — какой-то институт за городом. Я не оценивал этот концерт ни с положительной, ни с отрицательной стороны. Я старался ни на что не обращать внимания. Но во втором ряду прямо передо мной сидела девушка, которая все время болтала со своим приятелем и безудержно хохотала, и меня это совсем выбивало из колеи. Потом мы познакомились — это была приятельница Вовки Железнякова. Оказывается, перед концертом они как следует покурили, и наша музыка показалась им невероятно смешной. Во всем этом что-то было. Мы вернулись в Москву к Сашке Липницкому. Пришла Валя Пономарева и Вовка Железняков, были и другие гости, но общения у нас не получилось, поскольку я опять потерял почву под ногами и предпочел уединиться. Когда мы с Бобом возвращались домой на поезде, то совсем не разговаривали, не потому, что было не о чем, причиной было мое состояние.

Примерно в это время состоялась *Поп-механика* в Доме ученых в Лесном. В ней должен был участвовать Элтон Дин, саксофонист из *Soft Machine*. Я толком не слышал этой группы, но вокруг «настоящих» рок-музыкантов, случайно приехавших из-за моря, всегда присутствовал ореол тайны, загадки, которую хотелось разгадать, — почему они настоящие и чем же они существенно отличаются от нас. Концерт был, как всегда, смешной, гость немного ступевался из-за масштаба происходящего — возможно, он впервые участвовал в подобной акции. У нас была целая струнная группа, в которой играли Володя Диканьский, Леша Заливалов, какой-то незнакомый скрипач и я. Как всегда, не имело большого значения, что мы играем и слышно ли это, это давало какую-то краску, просто мазок. Акция была тайная, и присутствовали только посвященные, коими зал был забит до отказа.

Наверное, самым значительным событием этого времени была премьера *Звуков Му*. Как я уже говорил, мы уже давно стали близкими друзьями с Сашкой и почти каждый раз, приезжая к нему в гости, встречали там Петю Мамонова. Каждое домашнее выступление Пети было незабываемым. Но никто тогда не мог себе представить, что это когда-нибудь выйдет за пределы Сашкиной квартиры. Как началась группа, я не помню. Такое ощущение, что она родилась в одночасье, хотя, конечно же, этому предшествовала огромная работа. Мы все поехали на премьеру, предвкушая удовольствие. Я уже стал преданным фаном Петра и был абсолютно уверен, что их выступление не может быть неинтересным. Но концерт превзошел все мои ожидания. Говорят, что выступала группа *Браво*, но я этого почему-то совершенно не помню. Наверное, это было еще и первое выступление Цоя в Москве. Цой пел песню *Транквилизатор*, но мне почему-то не понравилось, что он стал петь очень низким голосом. И мне вообще гораздо больше нравилось, когда он пел своим естественным голосом. Хотя, наверное, этот мужественный голос и сделал Цоя героем. Но *Звуки Му* меня совершенно потрясли. Эта была абсолютно законченная группа, из которой нельзя было вычесть ни одного элемента. Каждая песня была безупречна по форме, и работало абсолютно все. Я реагировал на каждый Петин жест и был абсолютно восхищен Сашкиной игрой на бас-гитаре — это был чистый минимализм. Для меня вообще техника игры на инструменте никогда не имела решающего значения, но, как оказалось, так было не для всех.

Именно в этот момент существенные изменения, во многом предопределившие дальнейшее развитие событий, произошли в нашей группе. Через полгода после записи *Радио Африки*, где Титович сыграл в песне *Время Луны*,

Боб пригласил его играть в группе. Это было странно и непонятно. В этой группе уже двенадцать лет на бас-гитаре играл Файнштейн. Наверное, он в чем-то уступал Титовичу, но не настолько, чтобы требовалась замена. При этом Боб не уволил Файнштейна, а предложил ему переквалифицироваться в перкуссиониста. Это было не одно и то же, хотя у нас был период, когда Михаил играл на перкуссии, используя для этого пивные банки. Но тогда этого требовали обстоятельства. Тут же был явный перекокс. Боб предложил Титовичу самому уладить это с Михаилом. Начались длительные переговоры. Тит брал бутылку водки, приезжал к Михаилу и говорил, что он здесь ни при чем, что это Боб его пригласил и что в интересах звучания группы такой шаг оправдан. Я приходил с бутылкой к Бобу и уговаривал его не делать этого шага — следующим мог оказаться каждый из нас. Но Боб постоянно уходил от подобных разговоров и предоставлял времени расставить все по местам. Титович приезжал ко мне. Он чрезвычайно милый человек и очень нравился мне как басист, но все же вся эта ситуация вызывала у меня протест. И мне, как и всем нам, приходилось с этой ситуацией мириться. Когда все утряслось и Михаил зализал раны, все вроде бы нормализовалось, и мы все стали друзьями, но что-то было утрачено. И это что-то постепенно стало увеличиваться в масштабе и доминировать надо всем остальным.

В январе Наташа Корсакина получила ордер на комнату в новой квартире на Герцена. И поскольку квартира еще не была заселена, Наташа предложила Александре перебраться вместе с ней и занять большую комнату. Тит с Ириной стали приходить к Александре, и мы часто валялись на ковре и играли в карты. Это было очень смешно. Я с детства не играл в карты. И в принципе у меня карты вызывали протест. Но тут на самом деле не имело

никакого значения, во что мы играем, — мы играли, и в этой игре самым главным был элемент собственно игры. У меня случился очередной день рождения, и, естественно, мы справляли его у Александры. Мы вместе напекли вкуснейших пирожков с капустой, и с тех пор корзиночка пирожков с капустой стала традиционным подарком Александры к моему дню рождения. В разгар веселья мы решили взять инструменты и поиграть для друзей, но я был слишком пьян и у нас ничего не получилось. Потом мы справляли одновременно день рождения Ирины Титовой и Марьяны Цой. Справлять все праздники у Александры становилось традицией.

Вдруг на горизонте снова проявился Саша Сокуров. У него только что арестовали картину, которую он снимал по Бернарду Шоу, и осталась масса документального материала, который он нарыл в архивах. Он был обуреваем идеей сделать концерт *Аквариума* в ВТО и показать эту кинохронику. Мы согласились, но получилось немного притянута за уши. Когда мы пошли делать снимки для пригласительного билета, Боб был категорически против того, чтобы фотографироваться с Дюшей. Но с ним уже нельзя было спорить. Мы пошли в «Сен-Жермен» и сфотографировались в роскошном подъезде, где было ужасно холодно. Я вообще не люблю фотосессии и всегда был против того, чтобы специально позировать и выбирать интерьер. Я никогда не видел у Боба такого выражения лица, которое он умудрялся делать, когда фотографировался. Сокуров взялся срежиссировать весь концерт, сам составил программу из тех песен, которые он слышал в записи, и предложил их сыграть в определенной последовательности, предполагая проецировать кинохронику поверх нас. Мы никогда так не играли, и Боб был категорически против, но я уговорил его согласиться. Получилось нелепо,

что-то было явно не то, хотя кому-то понравилось. Боб потом говорил, что ему было трудно петь, и с ним нельзя было не согласиться. За пультом сидел Саша Ляпин, что само по себе было уже интересно. После этого Сокуров предполагал снять фильм про Глинку с музыкой Глинки и *Аквариума*. Он привел своего знакомого баса, который должен был петь романсы Глинки в сопровождении *Аквариума*. Но это уже был явный перебор, и каким-то образом все само собой заглохло. Вообще, в это время стали появляться люди, которые стали давать оценку тому, что мы делали, и, как правило, сильно перегружать его значимостью. Так появился писатель Житинский, который стал очень сильно влиять на Боба, поскольку последний оказался падок на мнение авторитетов.

В это же время мне позвонила одна американка, которая приехала от Фалалеева, и представилась как певица Джоанна Стингрэй. Боб встретился с ней и ее сестрой Джуди, и они приехали ко мне на Восстания. Джоанна подарила нам свою сольную пластинку, и это было очень любопытно — мы впервые видели и держали в руках пластинку, подаренную настоящей американской певицей. Сестры были чрезвычайно общительными и милыми, и коль скоро мы всегда очень легко шли на контакт, то мгновенно с ними подружились. Мы сводили их на восхитительный концерт *Странных игр* в ДК им. Дзержинского, протасили их по всем возможным тусовкам, и они уехали в полном восторге от происходящего в России. Тогда, естественно, никто не мог предположить, какую роль Джоанна сыграет в судьбе многих русских музыкантов.

Весной мы получили приглашение сыграть акустический концерт в Союзе композиторов. Это было любопытно, поскольку выступлениям в таких консервативных местах всегда сопутствует элемент конфликта, который стимули-

рует творчество. И конечно же концерт был противоречивым, но живым. В это время Рок-клуб приобрел комплект аппаратуры «Вернопа». Она была не самого Hi-Fi качества, но по крайней мере это был полный комплект всего необходимого. В Союзе композиторов, естественно, не было своей аппаратуры, и для выступления там мы хотели попросить малый комплект аппаратуры в Рок-клубе. Почему-то все это легло на меня, и мне пришлось вступить в длительную тяжбу с директором ЛМДСТ — с гарантийными письмами и прочим. Аппарат удалось вырвать лишь в последний момент, и я так натаскался, что к моменту выхода на сцену у меня дрожали руки.

Тогда же Коля Михайлов предложил выступить в его родном городе Кохтла-Ярве, куда мы отправились уже в электрическом составе с полным комплектом этой аппаратуры, который нам дали под личную ответственность Коли. Конечно же на зал такого масштаба аппарат нужно было бы раз в пять мощнее, но в тех условиях и это было подарком. Концерта я не помню, но помню, что в гостинице была трехлитровая банка водки. И хотя я почти не пил, на следующий день чувствовал себя отвратительно.

Где-то в это же время, хотя, скорее всего, значительно позже, состоялся «Музыкальный ринг» с нашим участием. Я не помню, кто с кем бился. Но скорее всего, мы сами с собой. По счастью, это было еще в ту эпоху, когда нам не навязали модель тупых американских ток-шоу. И глупость была чисто советской, когда какие-то песни *Аквариума* представлялись пародией на западную эстраду. Казалось, что ничего глупее представить себе невозможно, однако у этой группы был огромный потенциал, и она еще не раз выставляла себя на посмешище.

Чуть позже мы сыграли бессмысленный дневной концерт в ДК «Пролетарский» в Невском районе, после чего

мы с Ляпиным поехали к Александре. Пришли Цой с Марьяной, мы весело выпивали и находились в прекрасном расположении духа. И вдруг мне пришла в голову мысль, что я больше не хочу играть в этой группе. Она меня очень рассмешила. Я явно почувствовал, что все закончено, что мне просто следует уйти. Если бы еще полгода назад мне кто-нибудь сказал, что я сам добровольно уйду из группы, игра в которой для меня была смыслом существования, я бы рассмеялся ему в лицо. Но тут я смеялся в лицо себе. Это было прекрасное ощущение освобождения. Но я еще не был готов к тому, чтобы совершать действия.

День рождения Александры, как обычно, превратился в грандиозный праздник, который постепенно выкатился во двор. Окна ее квартиры выходили в совсем узенький двор-колодец. Крыша противоположного дома была в нескольких метрах, и вдруг на ней появился Саша Ляпин. Он был абсолютно пьян и делал какие-то знаки, пытаясь привлечь внимание находящихся в квартире. Всех просто парализовало, никто не знал, как на это реагировать: Саша балансировал на краю крыши с бутылкой в руке. Спасла его Александра, которая, пока все с ужасом смотрели на происходящее, вылезла на крышу, взяла Сашу за руку и спокойно увела его домой.

В нашей компании появился Виталий Калманов. Еще во времена оны Калманов участвовал в жизни театра Горошевского и играл в спектакле «Невский проспект», но тогда наше знакомство не состоялось. Он жил в соседнем с Бобом доме на улице Софьи Перовской, и они с Бобом начали общаться семьями. В основном Боб с Людмилой ходили к нему смотреть видео. В том сезоне все читали «Митьков», которых написал автор уже давно полюбившихся «Максима и Федора». В кругу Калманова были знакомые художники Вася Антонов, Маркин и Витя Тихоми-

ров, которые появились и потянули всю ниточку, пока не появились собственно митьки. Мы все перезнакомились, и я неожиданно узнал, что с Шинкаревым мы учились в одной школе, он был на год младше меня. Этих людей было так много, что постепенно они вытеснили прежний круг общения. Не могу сказать, что это было плохо. Нет, все было так, как складывалось, но собственно идеология митьков оказала пагубное влияние на то, что до этого времени называлось *Аквариумом*. *Аквариум* был вещью в себе и не нуждался в коррекции. Однако с появлением митьков произошло заимствование дружественной идеологии. И хотя сами по себе митьки были большими умниками, *Аквариум* подцепил внешние черты литературных митьков. Появилась некоторая небрежность, все стало происходить под знаком *ёлы-палы*. Это не могло не сказаться на музыке, она стала упрощаться по форме. Началось это с тельняшек и чисто внешних атрибутов, но постепенно гармонично вошло во все сферы бытия. И *Аквариум* из интеллигентной группы превратился в компанию рубаха-парней и постепенно стал походить на пародию на самого себя. Боб давно снискал славу мастера слова, но мне он всегда был интересен в качестве мастера написания песни как таковой. Мелодия песни, ее гармония, в сочетании с его голосом для меня имели первостепенное значение, а уже потом до меня доходил смысл песни. И даже если не доходил, то слова все равно завораживали. В этот же период песни стали превращаться в куплеты, которые можно петь на любой мотив и под любой аккомпанемент. К сожалению, у Боба это настолько вошло в плоть и кровь, что и в последующие годы он написал десятки песен в одном размере и с одной мелодией. И насколько глубокомысленными они бы ни были, для меня они потеряли всякий смысл.

Калманов был предприимчивым человеком и занимался каким-то бизнесом. До сих пор функции администратора или, как это в то время стали называть, директора брал на себя Файнштейн. Но в какой-то момент Боб объявил, что теперь таковым будет Калманов. Файнштейн опять расстроился. У него были амбиции делового человека, и ему хотелось утвердиться в этой роли, но он был отставлен во второй раз. Но совсем нелепым оказалось то, что Калманов стал еще и звукорежиссером. Это был уже перебор. Мы сыграли несколько акустических концертов в театре «Лицедеев» во Дворце молодежи, которые стали значительными событиями в городе. В этот период *Аквариум* в классической форме достиг своего апогея. Это была законченная группа. Мы могли играть концерты любой продолжительности и делать это очень уверенно и изящно. Масштаб же Дворца молодежи являлся просто идеальным: попадая в такое место, люди невольно настраиваются на определенный лад. Пожалуй, чуть ли не впервые мы оказались в комфортном пространстве, где был очень правильный свет. Единственным уязвимым моментом был звук, который зависел от звукорежиссера. Вообще, со времен Марата за это брались люди, которые не имели концепции звука, а исходили из технических возможностей аппарата и просто старались делать так, чтобы все было по крайней мере слышно. Правда, представление о таланте Марата можно составить только по записям, поскольку во времена оны аппарата как такового не было. В любом случае выстроить картинку другим звукооператорам удавалось редко. Но Калманов превзошел многих своих предшественников. Наверное, были и другие причины, но после каждого концерта все высказывали ему свои претензии.

Наступало лето, и мы, как обычно, предвкушали запись нового альбома. Как-то Боб сказал, что хорошо бы при-

гласить скрипача, который играл в *Поп-механике* в Доме ученых. Через несколько дней я зашел в «Сайгон» и встретил того самого скрипача, им оказался Саша Куссуль. Я пригласил его домой на репетицию, он был не против. Пришел Боб, мы попили чаю, поговорили за жизнь и попытались немного поиграть. Когда он ушел, Боб сказал, что он имел в виду другого (по всей видимости, Лешу Заливалова), но предложение было сделано, и мы стали репетировать с Куссулем. В этом случае Боб почему-то ограничился приглашением Саши только на запись. Я впервые за долгие годы получил возможность играть с музыкантом той же группы инструментов, что у меня. Он заканчивал консерваторию и был мастером, я же к этому времени почти утратил то, что мне было дано в музыкальной школе. Но он был деликатным человеком, и мы никогда с ним не говорили про мой уровень игры, а просто пытались играть вместе. Я к этому времени уже наиграл все партии в новых песнях, и Саше пришлось пристраивать подголоски, отталкиваясь от моей игры. Мы механически стали создавать какое-то подобие аранжировки, чего почти никогда не делали, поскольку я обычно играл, руководствуясь лишь интуицией и вкусом. Однако что-то получалось, и постепенно мы слепили весь альбом. Пожалуй, это был первый альбом, материал которого уже был готов к моменту записи. Наконец подошло время таковой. Я уже имел опыт болваночной записи и привык играть с наложением. Но Боб превзошел все мои ожидания. Они пришли в студию к Тропилло с Титовичем и Петей; они набросали цифровки песен и быстренько записали болванки всего альбома, совершенно не учитывая того, что в этих песнях уже кто-то что-то играет и они давно живут своей жизнью. И получилось так, что записанные болванки лишили песни собственно этой самой

жизни. Когда мы с Куసుлем пришли играть свои продуманные партии, они никоим образом не ложились на эти болванки. Особенно нелепо выглядела песня про то, что *Она не знает, что это сны*, в которой ритм-секция не могла просчитать паузу. Попасть же при наложении звука в непросчитанную паузу проблематично, особенно когда играешь не один, и мы с Куసుлем очень мучились. Когда я пытался привести Бобу какие-то доводы, они не действовали. Времени на перезапись болванок не было, и я потерял всякий интерес к записи как таковой.

Я по-прежнему работал в Васкелово. Наш Дом культуры стоял на горе, особняком от остального поселка, и мы туда ездили как на дачу. Летом дискотеки проходили более миролюбиво, и мы ночевали там, не особенно торопясь домой. У нас со Славкой во многом оказались схожие вкусы, и мы очень сдружились. С ним можно было без конца разговаривать, и даже когда он немного фантазировал, это не вызывало протеста. Мне очень нравились его рассуждения о звуке. И как-то я привел его к Бобу, на улицу Софьи Перовской, мне хотелось их познакомить и порекомендовать Славку в качестве звукорежиссера. Осенью, когда Васин затевал очередное празднование дня рождения Джона Леннона, мы предложили ему устроить концерт в Васкелово. Его дружки-художники приехали заранее оформлять зал и разрисовали автобус, стоявший у входа в клуб, написав на нем *Magical Mystery Tour*. 9 октября туда приехало человек 200 дружков, мы довели аппарат и устроили концерт. Я не помню, кто играл, но *Аквариум* тоже пытался играть в каком-то разбавленном виде. Помню Майка и Рекшана, а также помню, как все вповалку заснуло и кто-то прожег диван. По-моему, особенно сильных разрушений не было. Но наш юный директор Гера Заикин был очень строг, ему что-то не понравилось, и нам со Славкой

пришлось уволиться. Правда, через некоторое время Гера сам все-таки сделал выбор между бас-гитарой и культпросветработой в пользу гитары.

Уже была глубокая осень. Приехали Ильховский с Нехорошевым и стали снимать киноклип на песню *Пока не начался джаз*. Боб «выбрал натуру» на Смоленском кладбище. Когда мы туда приехали, шел дождь, и меня с виолончелью посадили на камень, который торчал из воды. Наверное, со стороны это было красиво, но я не понимал, зачем для этого ехать на кладбище — такой сюжет можно было снять в любом другом месте.

Очередной концерт в ДК им. Крупской подвел логическую черту под карьерой этой группы, когда всем стало понятно, что дальше играть вместе незачем. Это никак не было декларировано, просто все разошлись в разные стороны. И я прекрасно помню ни с чем не сравнимое ощущение свободы. Что случится дальше, меня нисколько не волновало.

Часть Вторая

Глава первая

Меня абсолютно не интересовали занятия музыкой. Больше всего времени я проводил у Славки на Фурманова. Он жил в удивительной однокомнатной квартирке, которая состояла из крошечной кухни и такой же крошечной комнаты, но с двумя окнами на противоположных стенах, что давало ощущение нахождения в башне. Проходил тот самый восемьдесят четвертый год, который приобрел для меня такое огромное значение. Я все еще пребывал во власти ощущения этого года, хотя пока не мог вывести его формулу. Но в один прекрасный день все вдруг встало на свои места: формула заключалась в том, что я ощутил способность совершать самостоятельные действия. До сих пор я все время находился в состоянии соучастника. Пусть это были интересные и очень значимые вещи, но я ничего не делал сам. Тут же я оказался готов двинуться в любую сторону. Я решил опять отказаться от мяса и заодно от алкоголя. Правда, почему-то некоторое время продолжал курить.

В ноябре снова приехали Джоанна с Джуди. И тогда же состоялся концерт *Поп-механики* в здании Двенадцати коллегий Университета. Хотя я считал, что закончил свою деятельность на музыкальном поприще, после звонка Курехина я согласился принять участие в концерте. Со стороны администрации Университета

выдвинули непереносимое условие этого концерта: в нем ни в коем случае не должен был участвовать Гребенщиков, который в то время в Университете был притчей во языцех. Но нам, конечно же, нужно было сделать так, чтобы Боб непременно появился на сцене. Он загримировался, приклеив усы и бороду. Несмотря на то, что он надел очки и пальто, все равно за версту было видно, что это Гребенщиков, но администрация Университетского клуба была настолько тупа, что этого не заметила, поэтому присутствовал дополнительный кайф от интриги.

Между тем мне надо было придумать какую-нибудь работу или на худой конец положить куда-нибудь трудовую книжку. Но никаких предложений не поступало, мыслей тоже не было, и я решил подождать до весны-лета. Я засел дома, и началось мое затяжное зимнее чаепитие. Весь мой день состоял из того, что кто-то заходил на чашечку чая, просиживал часа два, и тут уже поспевал кто-нибудь другой. Мне звонили друзья и напрашивались в гости, а некоторые приходили без звонка. Отказать было невозможно. Я немного уставал, но у меня не было выбора, к тому же я получал огромное удовольствие от общения с большим числом людей. Сложнее всего пришлось моим домочадцам. Моя мама совершенно не обращала на это внимания, ей нравилось, когда в дом приходят люди. Но мой психованный брат Алексей дергался от каждого звонка в дверь, в панике бежал к себе в комнату и закрывался на палку, думая, что это пришли за ним. Я к этому привык и не реагировал. Я понимал, что в моем образе жизни есть некоторый перебор, но это было ничто по сравнению с тем, когда у брата начинался запой. Поэтому я чувствовал моральное право не обращать внимания на его реакцию. Проблема была с кухней: с приходом каждого гостя ставился чайник, единственный на всю семью, а у меня пока не было средств обзаве-

стись своим. Все оставшееся время я проводил у Славки. Иногда мы виделись с Александрой, но ее жизнь вошла в новую фазу. Ее старый друг Андрей сделал ей предложение, и они собирались пожениться.

Боб стал играть с Титовичем и Куссулем. Это называлось *Аквариумом*, и у меня по этому поводу не было никаких возражений. Один раз приехал Пол Ашин, и мы даже сходили с ним на их концерт в какой-то заводской клуб на 1-й Красноармейской, который помещался в бывшей церкви. Иногда они играли электрические концерты с Сашей Ляпиным и Петей. На эти концерты я не ходил, но о каждом концерте мне всегда кто-нибудь рассказывал. И хотя это уже не имело ко мне никакого отношения, я не мог оставаться абсолютно безразличным. Я пока не окончательно порвал с этим миром и во время очередного фестиваля Рок-клуба по настоянию Курехина участвовал в *Поп-механике*. Вместе с Борей Райским, Игорем Тихомировым и Володей Диканьским мы составили струнную группу оркестра. В этой *Поп-механике* участвовал Крис Кросс, басист из *Ultravox*, которого, беднягу, протащили за кулисы и спрятали, поскольку комитетчики пронюхали и рыскали вокруг. На мой взгляд, участие этого басиста наряду с Титовичем и Сологубом особенной погоды не делало, гораздо удивительнее было то, что это вообще оказывалось возможно, потому что масштаб и суть происходящего абсолютно выходили за все рамки допустимого и возможного. Естественно, коль скоро я участвовал в фестивале Рок-клуба и ходил туда, то притащился и на концерт *Аквариума*. Я совершенно не помню, кто там играл, наверное это был тот концерт, который они играли вместе с Курехиным, Чекасиным, Отряскиным и Петей (хотя, может быть, играл Кондрашкин?), и во время саундчека, который, как обычно, расслабленно и долго проходил при полном

зале, я позволил себе высказать Калманову комментарии по поводу звука и в частности голоса Боба. Мой совет оказался неуместным, и я об этом пожалел, поскольку не люблю выглядеть идиотом (что, правда, по жизни случалось очень часто).

Мы почти не виделись ни с Бобом, ни с остальными, но весной стало известно о том, что Дюша серьезно заболел. Это было ужасно, но ничего поделать было нельзя, оставалось уповать на то, что все будет хорошо, и мучиться от собственной беспомощности. Но Бог нас всех помиловал, и болезнь отступила, правда, Дюше это стоило долгих месяцев борьбы, и невозможно не восхищаться его стойкостью. В это же время у них с Галей родилась дочь София, и я стал ее крестным отцом.

Время от времени появлялись наши старые друзья. Андреа Харрис использовала любую возможность, чтобы приехать в Россию. Она устроилась в туристическую фирму и частенько приезжала к нам в гости. Во время очередного приезда мы встретились с Бобом и Курехиным и пошли на выставку во Дворец молодежи, где Боб дебютировал как художник. После этого мы поехали ко мне, Боб захотел спеть несколько песен и предложил мне сыграть. Я прекрасно помню это ощущение. Я считал себя абсолютно свободным от своего прошлого и надеялся, что с ним покончено. Я видел, что это искушение и что мне следует отказаться, но решил — один раз можно. Все происходило как во сне, я взял инструмент, к которому не притрагивался полгода, и мы попробовали сыграть несколько песен. Оказалось, что ничто никуда не девается, что стоит издать звук, и к тебе возвращаются все те же ощущения. Несколько дней я находился в состоянии транса, пытаюсь проанализировать происшедшее.

Когда Славка Егоров предложил мне записать совместный альбом, я сначала насторожился. Со времени зна-

комства с Бобом я никогда не играл ничьих песен. Это воспринималось мной как вступление в другой брак. Мы со Славкой уже очень хорошо знали друг друга, но я никогда не слышал его песен и не представлял себе, как он поет. Но причин отказываться у меня не было, и мы встретились на Восстания, чтобы попробовать. У него оказался удивительно красивый голос, низкий по тембру, и его песни были необычайно интересными. Мы с лету набросали несколько песен и поехали к Вишне. Славка решил, что не стоит их шлифовать, главное, чтобы они были примерно ясны по форме. Студия Вишни находилась в доме его родителей на Большой Охте. У нас был прекрасный настрой, и мы записали этот альбом за два дня. В записи также принимал участие некто Авенир; альбом получил название *Акустическая комиссия*. Вишня был в полном восторге и быстро его растиражировал. Но почему-то в некоторых анналах эта запись фигурирует как мой сольный альбом. Жаль, что наше сотрудничество со Славкой на этом прекратилось. Но я очень внимательно слежу за тем, что он делает. В это же время у Вишни записывалось *Кино*, и как-то они уговорили меня сыграть в песне *Саша*. Я там сыграл красивый риф, который в результате сведения почему-то еле прослушивается. Когда же эта пластинка вышла на CD, то в результате всевозможных ремастерингов он и вовсе исчез. Хотя у меня все равно этой пластинки нет. Как-то так сложилось, что в этой стране среди музыкантов не принято покупать пластинки друг друга. Их принято дарить и получать в подарок, но по разным причинам это не всегда удается.

Летом я решил-таки устроиться на работу, и Александра предложила мне занять ее место в должности пирометриста на заводе «Электронприбор». Работа обещала быть интересной, поскольку надо было работать

один раз через пять суток. И поскольку она считалась квалифицированной, то и платили больше, чем сторожам. Александра позвонила своему бывшему начальнику, и он согласился меня взять, добавив лишь, что для проформы нужно получить направление из Бюро по трудоустройству. Когда я туда пришел и показал свою трудовую книжку, которая пестрела пустотами в несколько месяцев, то чиновник, увидев ее, весь просиял от счастья. Он сказал, что ему давно не попадался такой хороший экземпляр и что вместо «Электронприбора» он мне с удовольствием выпишет направление в тюрьму. Он ликовавал, но, вдоволь повеселившись, сказал, что ладно уж, коль скоро я сам пришел сдаваться, то так и быть, он меня простит и даст направление туда, где меня уже берут. Он всучил мне это направление с красной полосой и настоятельными рекомендациями устроиться на работу в течение трех дней. При мне чиновник ввел мои данные в ЭВМ и предупредил, что, если я сваляю дурака, он уже не сможет вытащить меня из беды. Мне тоже было приятно повеселиться в его компании, но, когда я вышел оттуда, у меня дрожали колени. Я был рад, что он был в хорошем расположении духа. Наконец я заступил на работу. Меня ждал напарник, который быстро объяснил, что я должен делать. Работать надо было вдвоем через двое суток, но поскольку вдвоем там делать нечего, дежурные договаривались между собой и работали по одному через пятеро суток. Напарник также сказал, что мы с ним, судя по всему, более не увидимся, поскольку будем работать в противофазе. Он предложил мне пойти попить кофе и разойтись. Когда я возвращался на рабочее место, вахтер заинтересовался моим плеером и заявил, что с таким прибором вход на территорию завода категорически запрещен. Это была явная глупость, но мне не удалось его убедить в том, что я первый день на работе и еще не знаю

правил. Вахтер был неумолим и велел мне сдать плеер в камеру хранения. Мне не очень обрадовало нахождение в такой дурке, но я надеялся, что со временем это утрясется. Я чудно провел время, в моем ведении были два этажа, и мне нужно было следить за показаниями температуры и влажности воздуха и время от времени записывать их в журнал. Но ночью стал звонить оперативный дежурный и интересоваться моим напарником. Пару раз я соврал, что он вышел в туалет, но рано или поздно мне пришлось сознаться, что его нет, а я работаю первый день и ничего не знаю. Утром, когда я спустился вниз и поинтересовался своим плеером, одна бригада охранников сменяла другую. Их было человек десять, и они друг другу рассказывали о ночном ЧП. Завидев меня, они стали тыкать в меня пальцами, дескать, а вот и он собственной персоной. Там был тот самый оперативный дежурный, и они решили составить акт. Помимо всего прочего они стали изучать мой плеер с кассетами и рассуждать, стоит ли мне его возвращать или лучше составить акт и изъять его. Тут уже я не выдержал. Я живо представил себе, что так будет каждый раз, когда я буду заступать на работу, и высказал им все, что я думаю по поводу них, их родственников и их завода и предложил им пойти в то место, которое в тот момент считал для них вполне подходящим. Я тут же написал заявление об уходе, которое мне с удовольствием подписали. Когда я пришел в отдел кадров забирать трудовую книжку, мне ее вернули вместе с направлением из Бюро по трудоустройству. В таких случаях они их не регистрируют. Я был в полном восторге: на следующий день истекал срок моего направления на работу, и у меня в руках по сути было направление в тюрьму.

Я не знал, что делать, и позвонил Ване Бахурину, который рубил кусты на железной дороге. Он предложил

мне устроиться к ним в Зеленогорскую путевую часть № 17. Мы поехали туда на следующий же день, и меня легко взяли безо всяких направлений. Работа заключалась в вырубке кустарника на десятиметровой полосе отчуждения. Мы встречались с Ваней и Джонсоном (Никитой Добрыниным) и ехали в Белоостров. Там, на полпути в Солнечное, мы спускались в канаву и страшными самопальными мачете с заточенным крюком на конце рубили кусты. Мы работали часа четыре в день, раза два-три в неделю. Вырубив метров двести, мы разводили гигантские костры и сжигали эти кусты прямо на насыпи или в канаве, если там не было воды. Пожалуй, это была не самая легкая работа, зато она давала полное ощущение свободы. Когда мы заканчивали выделенный нам участок, Ваня ехал в Репино и вез портвейн начальнику участка по фамилии Тарара, который легко закрывал любой наряд. Пару раз с нами работал Файнштейн, но эта работа не очень пришлась ему по нраву.

В то время Курехин с Чекасиным затеяли съемку фильма «Диалоги» в клубе «Маяк» на Красной улице. Это был фантастический *experience*, когда диалог заключался в битве двух оркестров — один был на сцене, а другой в зале. А чуть позже Курехин устроил показательную репетицию *Поп-механики* для английского телевидения в театре Горошевского на проспекте Чернышевского. Это была типичная *Поп-механика*, которая на тот момент включала почти весь состав групп *Кино*, *Странные игры*, *Аквариум*, а также индустриальную группу во главе с Тимуром Новиковым и Африкой. Наша струнная группа сидела прямо под орудиями индустриальной группы. Я чувствовал себя не очень уютно, поскольку на горьком опыте знал: когда играют индустриалы, в ход идет все. Публики было всего человек двадцать, среди них присутствовал и атташе по культуре американского консульст-

ва Дэн Гроссман. Мы его давно знали, и он везде тусовался. Его всегда пасли, но в этот раз, видимо, решили взять, что непременно повлекло бы скандал. В самый кульминационный момент концерта, когда вступила вся индустриальная группа, в зал вошли какие-то люди. Никто ничего не понял, вошедшие тоже слегка опешили, поскольку стоял сплошной грохот, в воздухе носились утюги и другие «музыкальные» предметы. Никто не орал, что надо прекратить безобразие, но в какой-то момент все стало ясно, и музыка остановилась. Никто не знал, как реагировать, потому что никто никого не винтил. Но, вероятно, у комитетчиков не было точных инструкций, как действовать, и они боялись превысить свои полномочия. Через некоторое время пришли менты в форме, которые тоже остались стоять в стороне. Мы собрали инструменты и тихо вышли. Никого не арестовали, таким образом наличие американского дипломата было гарантом того, что никого не свинтят. Мы с кем-то пошли на Восстания. Я чувствовал себя несколько возбужденным, мне не очень нравилось быть игрушкой в руках Африки и Тимура. Какой бы ни была концепция *Поп-механики*, она основывалась на музыке. И когда эти молодые люди начинали веселиться, не обращая внимания на музыкантов, для меня происходящее теряло всякий интерес. Я сказал Курехину, что не вижу никакого смысла в моем дальнейшем участии в *Поп-механике*. Он не возражал. Моя роль там была скорее декоративной. Я был законченным типажом, и такой персонаж в его коллаже был уместен, но ничего не определял. Потом я все-таки узнал, что в тот вечер кого-то свинтили. Среди них оказалась жена Вани Бахурина Алла, которая и привела Дэна Гроссмана.

Кстати, с Дэном был любопытный эпизод. Как-то Ваня пригласил в гости нескольких американских студентов, которые часто бывали у него дома. В этот же вечер

пришел Дэн. После этого все американские студенты исчезли. Ваня как-то встретил одного из них и спросил, куда они подевались, почему не звонят и не заходят? Тот ему ответил, дескать, если бы Ваня приехал в Америку и в гостях у своих друзей встретил бы секретаря райкома партии из России, стал бы он ходить в этот дом? Мы же были не так разборчивы, мы не считали Дэна агентом ЦРУ, и даже если бы он таковым и оказался, мы все равно с удовольствием ходили бы к нему в гости.

На горизонте появился Саша Башлачев. Все было настолько тесно переплетено, что когда кто-нибудь появлялся в этом городе, то он непременно оказывался в поле нашего зрения. Так получилось, что я познакомился с ним в тот же день, что и с Юрой Шевчуком. Гена Зайцев устроил им концерт в котельной возле ДК им. Капранова и попросил меня привезти гитару, потому что ни у того, ни у другого ее не оказалось. И конечно же после концерта мы познакомились. Башлачев очень сдружился со Славкой, и они все время тусовались у него на Васильевском либо на даче в Комарово. А мы с Ваней Бахуриным как-то завлекли Башлачева к тому же самому Дэну Гроссману. Это не было домашним концертом в том смысле, как это принято, когда приглашаются гости и собираются деньги. Мы просто сидели полночи и разговаривали за жизнь, и среди прочего Башлачев спел несколько песен.

В это же время Андреа Харрис снова приехала в город с Джимом Монсмой, который стал ее мужем. Они познакомились в тот год на даче у Фалалеева и через несколько лет решили пожениться. Медовый месяц они проводили в Ленинграде, и в качестве свадебного подарка мы решили собраться вместе и дать домашний концерт. Боб продолжал играть с Титом и Куссулем, и мы с Дюшей и Михаилом присоединились к ним. Концерт был на квартире у Велобоса на Удельной. Пришло много наших

друзжков, и мы играли все подряд, вспоминая песни разных времен. Нас всех переполняли эмоции, а меня разрывали внутренние противоречия.

Когда же в начале сентября Боба пригласили выступить на открытии сезона Рок-клуба во Дворце молодежи, он предложил нам сыграть в таком же составе. Я видел, что это еще одно искушение, и очень сильное, но я думал, что я гораздо сильнее и что можно попробовать сыграть несколько концертов, но потом я непременно уйду. Я не подозревал, что тем самым поставил себе вилку, из которой мне самостоятельно выбраться будет очень нелегко. Первый же концерт был необычайно успешным. Пожалуй, это было началом того времени, когда так называемый успех концерта уже был предreshен. Не имело никакого значения, где мы выступали, всегда был аншлаг и всегда была иллюзия успеха, независимо от того, насколько хорошо мы в этот момент играли. Это был период акустики, которую мы играли вшестером. Рулил Слава Егоров, который плавно внедрился в среду группы и стал постоянным звукорежиссером. Мы дали несколько концертов в Ленинграде и прокатились в Москву, в Таллинн и еще куда-то. Все было бы ничего, но самыми изнурительными для меня оказались поездки. Я сам поставил себя в такое положение, когда мне было трудно находиться среди людей, которые еще совсем недавно являлись моими самыми близкими друзьями. Помимо всего прочего я стал изгоем и объектом насмешек. Иногда это было даже весело, но чаще простое безмятежное пьянство моих друзей превращалось в свинство. Я же получил редкую возможность наблюдать это со стороны. Я стал болезненно реагировать на хамство, которое позволяли себе мои друзья-музыканты. Так, зимой, как обычно, приехав в Москву, мы остановились у Саши Липницкого и расслабленно смотрели видео. Когда же настало время

ехать на концерт, артисты вдруг проголодались и решили пойти пообедать в ресторан «Пекин». Я убеждал их в том, что на это нет времени, но они поулыбались моим причудам и отправились обедать. Я же поехал на площадку. Это был какой-то НИИ, толпа собиралась задолго до концерта, но в зал никого не пускали. Пора было начинать, но артистов еще не было и саундчек даже не начинался. Мне сразу захотелось все бросить и уехать в Ленинград. Когда же, через час после предполагаемого начала, сытые и довольные артисты появились, я не выдержал и сказал им все, что я по этому поводу думаю. В итоге концерт задержали на два часа. Спрессованная толпа человек пятьсот, без глотка воздуха, безропотно ждала и более того — с благодарностью принимала это и была счастлива, что концерт все-таки начался. Наверное, это было то явление, что впоследствии получило ярлык русского рока. Но к такому року я не хотел иметь никакого отношения.

Чуть позже мы выбрались на Урал. Концерт в Челябинске не состоялся, и вместо этого нас привезли в город Миасс, где местные жители имели очень слабое представление о том, что мы играем. Поездка была сопряжена с еще более активным пьянством, что меня особенно угнетало. Когда мы вернулись в Челябинск, оказалось, что обратных билетов было только два и кому-то придется остаться еще на три дня. Я твердо решил, что уйду из группы, поэтому получил преимущественное право воспользоваться вторым билетом. Первым, естественно, был Боб. Мы сидели в разных концах самолета и не пытались поменяться, чтобы сесть рядом. Когда мы прилетели, я не смог нигде найти Боба и, выйдя на остановку автобуса, увидел его отъезжающим на такси. Это было похоже на конец.

Перед Новым восемьдесят шестым годом я решил зайти к Бобу. Я знал, что там соберутся все наши друзья.

Но меня ждала душераздирающая картина. Они сидели в кухне за большим столом со всеми соседями, ели салат «оливье» и смотрели телевизор. Это было выше моих сил, и я поспешил уйти. Идти никуда не хотелось, и я просто побрел куда глаза глядят. Когда я шел через Дворцовый мост, то увидел, что на берегу у Петропавловской крепости горит костер. Я почему-то подумал, что мне туда. Когда я подошел ближе, то увидел большую компанию. Люди прыгали в прорубь, а потом плясали вокруг костра. Я никогда такого раньше не видел. Мне тут же захотелось раздеться и сигануть в воду. Но я подумал, что эти люди наверняка купаются не первый раз, а у меня даже нет полотенца, и потом могут быть проблемы. Стукнуло двенадцать часов, я еще немного потусовался и побрел домой. Но у меня в голове крепко засела мысль, что я непременно должен прыгнуть в воду. Я собирался недели две, и на Крещение решил, что это самый подходящий день. Было восемнадцать градусов мороза, я поехал на Петропавловскую крепость и прыгнул в воду. Я не получил особенного удовольствия, но мне был очень важен сам момент совершения этого действия. Я стал туда ходить купаться каждую неделю, и меня даже записали в члены клуба зимнего плавания. И хотя эти люди мне были очень симпатичны, я не стал тусоваться в этой среде. Я не стал себя лучше чувствовать и иногда даже простужался. Но для меня имел значение сам настрой. Я купался года три, но потом снесли сарай, в котором можно было переодеться и обогреться, и я как-то плавно это закончил.

Я засел дома и ничего не делал. Поток ходоков не истощался. Мои друзья Ваня Бахурин и Джонсон подписались прорубать просеку в лесу. И хотя денег у меня совсем не было, я долго сопротивлялся, поскольку к такой работе не был готов. Но когда стало просто нечего

есть, я вписался. Мы работали два месяца в свободном графике — раза два в неделю. Ребята купили бензопилу и топоры, и нам надо было прорубить просеку длиной полтора километра и шириной четыре метра на территории секретного радицентра в деревне Поповка. По глупости мы чуть не вляпались — оформляясь на работу, надо было получить какой-то секретный допуск, из-за которого можно было навсегда остаться невыездным. Работа была изнурительной, но вместе с тем я испытывал некоторый кайф, размахивая топором в ватнике и валенках, по колено в снегу. Мне не пришлось самому валить деревья, это делали Ваня с Никитой, я же раскряжевывал стволы, обрубая ветки, и кантовал бревна. Проблема состояла в том, что надо было успеть до весны, пока не наступило половодье. Когда эта работа закончилась, я был в полном неведении, чем стану заниматься.

Но мои дружки подыскали мне неплохую работу. Когда в очередной раз приехала Джоанна, мы собрались на тайный совет у тетюшек Фалалеевых. И на общем собрании было решено женить меня на Джоанне. Я был единственным неженатым в нашей компании, и лучшую партию составить было невозможно. В мои обязанности фиктивного мужа входили переселение в Америку и налаживание моста в Россию. Предполагалось, что я буду привозить музыкальные инструменты, аппаратуру, увозить записи, издавать их там и таким образом служить отечеству. Мы даже пошли с Джоанной в американское консульство на беседу с чиновником и чуть было не подали заявление. Но, по счастью, все разрешилось самым благоприятным образом: Джоанна повстречалась с Юрой Каспаряном, они полюбили друг друга, и необходимость в нашем браке отпала сама собой.

Ближе к лету мы с Ваней снова поехали на работу рубить кусты, но кустов не было, и нам предложили подрез-

ку пути, уверив нас, что за это платят даже лучше, чем за кусты. Мы вписались с Иваном и Джорджем Гуницким. Железная дорога постепенно оседает под тяжестью поездов, и рельсы ложатся прямо на насыпь, чего по технике безопасности не должно быть. Подрезка заключалась в том, что надо было вышибать пробку из-под рельсов между шпалами. Это была спрессованная годами щебенка, которую приходилось дубасить киркой и ломом. Мы веселились, представляя себя на Беломорканале. Более тяжелой работы мне в жизни не приходилось выполнять. Сделав в течение дня втроем метров десять и подсчитав КПД, мы бросили кирки, ломы и оранжевые фуфайки на ближайшем переезде и больше туда не возвращались. Затем мы с Иваном поехали в Сестрорецк, где устроились рабочими зеленого хозяйства. Работа была примерно такой же, что и на железной дороге, но только работать надо было вдоль шоссе. Там оказалось не так вольготно, поскольку у нас была тетечка-начальник, которая настаивала на том, чтобы мы выходили на работу каждый день. Мы, конечно же, этого не делали. Мы заявили, что у нас есть пила и мы можем выполнять более серьезную квалифицированную работу. Как-то раз нам поручили распилить дерево, которое упало поперек шоссе. Мы поехали с Иваном, Джорджем и Рекшаном, который хотел потом забрать у нас пилу на какую-то халтуру. Цепь оказалась тупая, мы мучились целый день, сделали как попало, и после этого нас уволили.

Очередной фестиваль Рок-клуба проходил в ДК «Невский». Из Москвы приехал Сашка Липницкий, который остановился у меня. Видимо, я еще не до конца избавился от своего прошлого, поскольку мы вместе ходили на все концерты как на работу. Это было то время, когда все это было еще очень важным, по крайней мере мы еще придавали этому огромное значение. Конечно же я имел

свободный вход за кулисы и болтался всюду, общаясь с друзьями-музыкантами. Я внимательно следил за всем происходящим и, естественно, был на концерте *Аквариума*. Я впервые услышал электрический *Аквариум* с Ляпиным со стороны, и хотя в этом конкретном выступлении не было ничего принципиально нового (а может быть, именно поэтому), на меня нахлынула масса эмоций. И на песне *Рок-н-ролл мертв*, которая к этому времени уже была заезжена и которую в принципе уже больше нельзя было исполнять, меня вдруг что-то сдернуло — я оказался на сцене и на последнем куплете, который во времена оны мы пели втроем, присоединился к группе. Меня подхватила теплая волна реакции зрителей. Вероятно, именно этого я и хотел, хотя потом мне было немного стыдно. После концерта мне оказалось по пути с Мишей Мончадским и его подружкой Леной, и мы вместе пошли пешком до площади Александра Невского. Я не помню, о чем мы болтали, но мне с ними было очень легко.

Через неделю после этого, во время лауреатского концерта во Дворце молодежи, я таких сантиментов себе уже не позволял, и моя реакция на выступление *Аквариума* была очень сдержанной, хотя оно было намного лучше. После концерта вся группа вышла на балкон с задней стороны Дворца, и хотя я в этот момент не считал себя членом этой группы, нас всех вместе запечатлели все фотографы. Снимки с этой сессии стали самыми расхожими в то время. Не помню, каким образом, но через неделю вместе со всеми я оказался в Москве на фестивале, где играли *Алиса*, *Кино* и *Аквариум* со всеми топовыми московскими группами — *Звуками Му*, *Бригадой С*, *Николаем Коперником* и еще кем-то. Куссуль поехать не смог, и Боб пригласил Сережу Рыженко присоединиться к нам в песне *Горный хрусталь*, и в день концерта мы с ним репетировали прямо у Сашки дома. *Аквариум* выступал послед-

ним, выступил хуже всех, я был очень сильно удручен и поссорился с Дюшей. На обратном пути, когда мы ехали с Сашкой на машине, Дюша сидел впереди меня, мы о чем-то спорили, и я не выдержал и двинул его виолончелью, которая лежала у меня на коленях. В тот раз я даже не помню повода для ссоры, но в эти злосчастные периоды моих метаний, уходов и возвращений в группу меня почему-то больше всего клинило именно с Дюшей. И я что-то не помню, чтобы мы хоть раз поссорились с Бобом. Я совершенно определенно решил, что больше никогда не вернусь в эту группу.

Этим же летом в Большом зале Филармонии состоялся концерт Рави Шанкара. Он играл с неизменным Алла Ракха, в таком же составе, как на Вудстоке. Это было эпохальное событие. Он имел практику игры перед самой разной аудиторией, но здесь это было неожиданно тем, что в филармонию пришла абсолютно рок-н-ролльная тусовка, и была обычная давка. Много людей пытались просочиться на халяву и чуть не поснимали двери с петель. Но, войдя в зал, все затихли — на сцене курились благовония, запах которых наполнял весь зал, и, несмотря на странную для этого места аудиторию, во время концерта стояла абсолютная тишина.

6 августа утонул Саша Куссуль. Люди уходят, и каждый раз, когда судьба нас с этим сталкивает, мы ощущаем свою беспомощность. Наверное, человек никогда не научится правильно на это реагировать, поскольку никто не сможет сказать, что есть правильно. Это ужасное известие мне сообщил Боря Райскин. Никто ничего толком не знал, поскольку тело не нашли, и никто из нас за время дружбы с Сашей не познакомился с его родными. Когда же это ужасное известие подтвердилось, я поехал к Бобу в Комарово, где он обитал с семьей. Мы редко виделись, но в такую минуту хотелось быть вместе. Я даже съездил на 67-й

километр к Саше Ляпину на дачу, не имея представления о точном адресе, и нашел его дом совершенно случайно. Через два дня в Белом зале Рок-клуба организовали концерт с целью сбора средств. Концерт был трагичный и удручающе бессмысленный — денег почти не собрали. С тех пор практика рок-н-рольных концертов, посвященных памяти умерших музыкантов, вызывает у меня протест. Когда мне пришлось участвовать в организации похорон и получать цинковый гроб с телом Саши, мы познакомились с его близким другом Рюшей. Рюша рассказал, что все Сашины друзья-музыканты называли его Сишей. На его похоронах была тьма народу, и все клялись, что никогда его не забудут. Мне довелось поближе познакомиться с его родителями, и мы с Рюшей в день рождения Сиши неизменно их навещаем.

Я по-прежнему работал на железной дороге. В этот раз мы устроились с Ваней и Джорджем рубить кусты на станции Горьковская, где была дача его родственников. Уже была осень, и после работы мы с Джорджем «поднимали» по корзиночке грибов и заходили к его родственникам переодеться и попить чаю с вареньем.

В сентябре приехал Пол Уинтер с группой. Мы по несколько раз ходили на его концерты в ДК им. Капанова и в один из дней попали на вечеринку к атташе по культуре Мортю Аллену, при участии музыкантов этой группы. Димка Гусев был настолько потрясен игрой перкуссиониста Гленна Велеса, что своего новорожденного сына назвал Гленном. А в «Юбилейном» целую неделю играли UB-40, и можно было ходить сколько угодно раз. Я же ходил только на первый и последний концерты. На первом концерте перед сценой стояли дружинники и никому не давали танцевать, а на самой площадке стадиона был выставлен партер. Но уже в ходе следующих выступлений была пробита брешь, и на последнем концерте уже все

танцевали, поскольку реггей невозможно слушать сидя. Как обычно, кто-то притащил участников группы к Бобу, и состоялось торжественное раскуривание трубки мира, так как, готовясь к длительному путешествию в Россию, музыканты взяли с собой годовой запас пресной воды и травы. А очередной концерт *Аквариума* в Рок-клубе, на который пришли музыканты *UB-40*, но на котором я не был, вылился в акцию протеста. Мне сейчас не представить, против чего, но Артем Троицкий, который у меня остановился, придя после концерта, был очень воодушевлен и говорил, что это было эпохальное событие.

Второй «Музыкальный ринг» с участием *Аквариума* шел в прямом эфире по Центральному телевидению и транслировался на всю страну. Многие считали его первым и единственным, так как первый шел только по Ленинградскому каналу. И поскольку в тот момент я в группе не играл и у меня не было телевизора, я пошел смотреть передачу к Людке на улицу Софьи Перовской, где собралась компания тех, кто не смог попасть на телевидение или просто не хотел туда идти. Несмотря на вопиющую глупость ведущей и вообще концепции самого шоу, Боб блистал красноречием и всех обаял и покорила.

Джоанна Стингрэй с сестрой Джуди развернула доселе неслыханную активность. Ей удалось раскрутить какую-то компанию и привезти полный комплект аппаратуры для Рок-клуба — пульт «Yamaha», обработку, микрофоны и прочее. А также несколько гитар для дружков-музыкантов. От друзей у нее не было отбоя, так как каждый мечтал получить в подарок заморскую игрушку. Но в один прекрасный момент за эту активность Джоанне отказали в визе, и их свадьба с Юрой чуть не расстроилась. Поводом к этому послужила митотворческая акция, на которую решила Джозанна. Нелегальным образом она вывезла из России записи

нескольких групп и на собственные средства выпустила двойной альбом *Red Wave*, в который включила песни *Алисы*, *Кино*, *Странных игр* и *Аквариума*. Одну копию она послала Рейгану, другую Горбачеву, сопроводив это заявлением, где говорилось: то, чего не могут достичь политики на дипломатическом уровне, с успехом получается у рок-музыкантов обеих стран. В результате чего Горбачев спросил у своих советников: «Какой такой *Аквариум*? Почему у них нет пластинки?» И Министерство культуры дало директиву фирме «Мелодия» в срочном порядке выпустить пластинку *Аквариума*, дабы создать иллюзию того, что пластинки этих групп давно выпущены и продаются. Времени на новую запись не было, и решено было составить диск из записей, сделанных Тропилло. Боб взялся за оформление и, как всегда, немного поторопился. Вместо того чтобы поместить хорошую фотографию группы, музыкантов которой почти никто не знал в лицо, он решил сделать коллаж по типу *Revolver*. В результате чего на обложке появилось дерево, что само по себе неплохо, но на обратной стороне, на черном фоне, поместили огромную аннотацию Вознесенского и крохотные фотографии неизвестно кого — даже люди, хорошо знавшие *Аквариум*, не могли никого там опознать. Эпитеты, которыми Вознесенский награждал Боба, вроде «по-хорошему худой» и «с улыбкой фавна», до сих пор имеют хождение. Говорят, что пластинка была издана тиражом в полтора миллиона, который был продан полностью. Проверить эти цифры невозможно. Но группа не получила ни копейки. Даже авторских экземпляров. Пользуясь своими старыми связями на «Мелодии», я смог купить несколько коробок пластинок, чтобы всем не пришлось стоять в очереди за собственными пластинками. Мне сейчас трудно вспомнить, какой она получилась, с тех

пор я ее ни разу не слушал, и у меня не сохранилось ни одного экземпляра.

Джоанне наконец разрешили въезд в страну, и они с Юрой сыграли пышную свадьбу в ресторане «Фортиция» в Петропавловской крепости, где присутствовали абсолютно все представители рок-общественности. На следующий день в Клубе им. 1 Мая на проспекте Карла Маркса состоялся концерт, в котором участвовали молодожены и их друзья.

У Пети Трощенко был приятель Валера Сорокин, с которым он учился в музыкальном училище. Одно время они вместе снимали квартиру, и мы иногда там с Сорокиным виделись. Потом он женился и переехал по соседству со мной. Он стал приходить ко мне в гости, и мы быстро подружились. Я имел очень сильное влияние на людей и в то время не видел в этом большой опасности. Ко мне постоянно приходили гости, иногда даже мало знакомые люди. Я от этого уставал, но при этом меня ташило. Это был самый суетный, но одновременно и очень важный период в моей жизни. Валера, в свою очередь, познакомил меня с Сережей Щураковым, который ко мне очень привязался. Я охотно с ними общался, и мы часами могли говорить о чем угодно, я никогда не испытывал неловкости от отсутствия темы беседы. Но во всем этом был сильный перекося.

Мы продолжали постоянно видеться со Славкой, и конечно же я был в курсе всех событий, связанных с *Аквариумом*. Естественно, в наших разговорах часто всплывала тема моего участия или неучастия в группе. И вот как-то осенью, когда *Аквариум* должен был играть четыре концерта в «Юбилейном», Славка стал подначивать меня, чтобы я непременно присоединился к группе. Я не знаю, репетировала ли перед этим группа, но я заявился накануне концерта прямо в «Юбилейный», где должна

была состояться тарификационная комиссия. Нам никогда не приходилось участвовать в концертах такого масштаба, и для того, чтобы нам можно было заплатить какие-то деньги, собрали эту комиссию, и нам определили ставки по восемнадцать рублей за концерт. Бобу, как автору музыки, положили тридцать шесть. Как тогда казалось, это была маленькая победа и взятие очередного рубежа. *Аквариум* был первой группой Рок-клуба, которая выходила на уровень стадионного выступления. Билеты на эти концерты были проданы мгновенно, и нам сразу же предложили сыграть еще четыре. Таким образом, в течение нескольких дней было продано пятьдесят шесть тысяч билетов. *Аквариум* в то время был не самой танцевальной группой, и, наверное, совсем не обязательно танцевать на концертах, но если люди хотят это делать, то нельзя этому препятствовать. Однако на каждом концерте перед сценой стояли дружинники, которые, как и на концерте *UB-40*, никому не давали танцевать. Это очень сильно мешало, и, когда на третьем концерте, прямо перед сценой, они стали винтить Славкину подругу Ирину, я подошел к микрофону и сказал, чтобы люди в красных повязках оставили ее в покое и не мешали музыкантам играть. Они отпустили Ирину, но это вызвало гнев Боба и всех остальных. После концерта ко мне подлетела Борина мама Людмила Харитоновна и спросила, какое я имею право портить Борину карьеру. Я чувствовал себя абсолютно правым, сказал все, что я думаю по поводу его карьеры и всего остального, и добавил, что если группу не устраивает такой персонаж, как я, то я легко могу в такой группе не играть. На выходе на меня набросился майор милиции, вероятно, ответственный за порядок, и заявил, что мне еще придется ответить за эту выходку. Я и ему сказал, что мне плевать на то, что все они по этому поводу думают. Я послал всех и на следующий кон-

церт не пришел. Но именно на этот концерт я впервые пригласил своего брата Алексея, и получилось так, что он пошел, а меня там не оказалось. У Славки собиралась компания моих единомышленников, которые считали меня абсолютно правым. Когда речь зашла о гонорах за концерты в «Юбилейном», советом группы было решено заплатить мне за участие во всех концертах, хотя я участвовал всего в трех концертах из восьми. Я был растроган благородством своих коллег, но в группу не вернулся.

Страсти улеглись, и глубокой осенью ко мне неожиданно заехал Боб с предложением записать альбом памяти Сиши. У меня не нашлось подходящих аргументов для отказа, и я согласился. Он сказал, что хорошо было бы разыскать скрипача, который смог бы сыграть песни, в которых раньше играл Сиша. И уже совсем зимой, идя по улице Желябова, я натолкнулся на Рюшу, который брел в валенках и тулупе. Впрочем, может быть, в валенках был я? Но это не важно. Я пригласил его на чашечку чая, и через неделю мы уже репетировали у меня дома. В это же время вышел на волю Ваня Воропаев, который тут же заявился к Бобу и сообщил ему о готовности вступить в бой. По привычке Боб тут же пригласил его играть в группе. Таким образом, у нас образовалась струнная группа. По идее это было ничего себе, но на практике оказалось куда менее интересно. Как всегда, звук дома бывал очень хорош. Нам оставалось только сыграть. Аранжировки делались без каких-либо канонов, по наитию, как правило, методом слоеного пирога. Иногда получалось симпатично, но когда я это слушал, то замечал все огрехи. И мой уровень игры был не самым уязвимым местом. Когда же *Аквариуму* предложили сыграть концерты в «Октябрьском», Боб решил сыграть акустику в таком составе. Эти концерты задумывались, как совместные выступления с Камерным

оркестром под управлением Равиля Мартынова. И к ним композитор Леня Десятников сделал оркестровку *Колыбельной* и *Охоты на единорога*. Это было симпатично, но во время репетиции Боб сразу отверг версию *Охоты на единорога*. Мне же она очень понравилась. К сожалению, это не было записано, и очень немногие могли это слышать. Когда же на репетиции *Колыбельной* дело дошло до соединения оркестра с нами, из этого ничего не получилось, и решили оставить одного Боба с оркестром. Это было интересно, но очень пафосно. И вообще концерты были на редкость пошлыми. Это напоминало наш опыт, когда мы вписались в концерт «Барды и рок-музыка». По замыслу режиссера, в первом отделении оркестр играл Баха и Перголези, что само по себе неплохо, но для аудитории, которая пришла явно на нас, это было на уровне ликбеза. Во втором отделении играли мы, что какое-то время катило под настроение, созданное оркестром. Ко второй половине нашего выступления, когда об оркестре уже подзабывали и наконец появлялась какая-то жизнь, он вдруг снова появлялся, завешенный прозрачным занавесом, и звучала *Колыбельная*. Поскольку мы в этой песне не играли, очень хотелось куда-нибудь убежать, но мы вынуждены были сидеть на сцене. Публика утирала слезы умиления и зажигала огни. Это было сигналом к тому, что тинэйджеры бежали к сцене, и тут мы играли *Железнодорожную воду*. Растроганные тринадцатилетние девочки в тельняшках визжали от восторга и осаждали сцену. Это было не агрессивно, но страшновато. Пожалуй, самым естественным было отношение Вани Воропаева. Во время всей этой чопорной возни он полулежал на стуле и в тех песнях, в которых не играл, бренчал что-то на альте, как на мандолине, и тем самым вносил элемент здорового идиотизма.

Но самое страшное начиналось на простых концертах. Первое время Ваня еще как-то сдерживался и играл примерно то, на чем мы останавливались на домашних репетициях. Но через некоторое время ему становилось скучно, и он начинал импровизировать или играть сам с собой. И некоторые песни, которые были сделаны достаточно изящно, превращались в полный хаос. Как ни странно, Рюша тоже оказался подвержен этой болезни, правда, с другим оттенком. Вероятно, это болезнь всех виртуозов — они не умеют играть мало. Рюша смотрел Боре в рот и ждал его отмашки, и в момент так называемого проигрыша они с Ваней срывались и начинали играть наперегонки. И так почти каждая песня превращалась в соло для двух скрипок с оркестром. Больше всего это напоминало какую-то цыганскую или молдавскую свадьбу. Они играли, ни на что не обращая внимания, а на меня тем более. Боб их всегда хвалил, и они просто светились от счастья. Но особенно страшно это было на электрических концертах, когда приходил ничего не подозревавший Саша Ляпин. Когда он готовился к своему гитарному соло, вдруг врывались безумные скрипачи. Иногда Саша громко матерился и просто бросал гитару. Это я и называю митьковским влиянием: когда у музыкантов группы исчез всякий самоконтроль, а единственному человеку, который этот контроль мог взять на себя, было все равно. Ваня вернулся к своему излюбленному занятию: вообще на все забил и стал играть сам с собой. В итоге через некоторое время он внезапно исчез и уехал в Коломну играть с группой *Адо*.

Погиб Саша Башлачев. Мы не успели толком узнать друг друга. И я не могу сказать, что успел охватить масштаб его таланта. Безусловно, он был незаурядным поэтом и писал прекрасные песни. Но тот фарс, который устроили в связи с его кончиной, несколько закрывает

от меня правильный ракурс на его творчество. Это было уродливое время, и кого-то нужно было поднять на щит. Но мне кажется, что по жизни он меньше всех подходил на ту роль, которая ему была уготована. Людей нужно помнить, и, наверное, его будут помнить дольше других, но тот масштаб, который приняли акции в память о нем, был явно преувеличен.

Глава вторая

Пожалуй, в это время началась самая позорная страница в истории группы *Аквариум* со времени эпопеи с Осетинским. Вероятно, это неизбежно, когда группа достигает определенного статуса и выходит на уровень ширпотреба, там всегда оказывается спрятана ловушка. Тяга Боба к истеблишменту столкнула Боба с режиссером Сергеем Соловьевым, который предложил ему написать музыку к фильму «Асса». Мы были в Москве с концертами и, как обычно, тусовались у Сашки, когда Боб вернулся со встречи с Соловьевым и притащил сценарий фильма. Мы все его читали, и я не увидел ни одной отвечающей моим эстетическим запросам мысли. Все каким-то образом должно было быть искусственно привязано к песням *Аквариума*. И ладно бы к песням, а то к *Аквариуму* как таковому. Я понимаю Африку и группу *Кино*. Они были значительно моложе нас, и эта тинэйджерская романтика, наверное, действительно была им близка. Но *Аквариум* был из другого времени, с другой историей и другой эстетикой. Боба сломало то, что Соловьев предложил ему написать музыку к фильму, и это затронуло его композиторские амбиции, к тому же он получал реальный гонорар. Мы все очень уважали Боба

и ценили его песни, и он действительно стал мастером в написании таковых. Но написание музыки — это, по моему, нечто другое, тут же оно просто сводилось к издаванию звуков. Как правило, страшилок, нагнетания жути в какой-то драматический момент. Собственно же музыка заключалась в том, что мы все загонялись в студию, и Боб садился за пульт и предлагал нам что-нибудь играть. Кто-то начинал наигрывать какой-нибудь риф или ход, и остальные подхватывали. В целом это походило на обыкновенный джем. Потом Боб смотрел, подходит это по характеру эпизода или нет. Затем бралось несколько песен из *Треугольника*, которые вставлялись в фильм по типу видеоклипа. У меня нет претензий к Соловьеву, он делал абсолютно свое дело, и то, что он мимоходом переехал Боба, а заодно и всех нас, это уже так — издержки жанра. Хотя с точки зрения картинки все было красиво. И пожалуй, самым удачным был видеоряд к самой позорной и затасканной песне *Город (Под небом голубым)*. Эта песня произвела неизгладимое впечатление на Боба еще в период театра Горошевского, когда ее блестяще исполнял Леня Тихомиров в спектакле «Сид». Там она была абсолютно гармонична, но постепенно Боб умудрился сделать из нее образчик пошлости, когда, поначалу припрятанная, к концу концерта она извлекалась на свет, вызывая умиление у самой непредвзятой публики. А публика к этому времени изменилась настолько, что вызывала рвоту. Никто не заметил, как постепенно произошла подмена. Подмена аудитории, подмена друзей. Куда-то подевались все те люди, что составляли круг *Аквариума* в те годы, когда Боб с гордостью декларировал, что *Аквариум* — это не группа, а образ жизни. В чем теперь заключался этот образ жизни?

С годами я пришел к странному заключению: когда откровение допускается к творчеству, оно меняет знак

полярности такового, постепенно его опошляет. Меня всегда поражали *Beatles*, когда я их видел (по телевизору или по видео, это не важно), — они были абсолютно бесстрастны. Любую песню, которую они пели, они не перегружали эмоциями. Когда человек слушает, то эти эмоции возникают у него. И для меня это ключ. Поэтому мне вообще нравится английская поп-музыка, она холодная и точная. Там, где есть элементы театра, есть холодная рассудочная актерская игра, а не откровение, которое есть в музыке соул. Недаром этот музыкальный стиль возник у черных от переживания коллективного экстаза. И вообще это характерно для музыки черных, они другие люди. Тот же самый Джими Хендрикс был мулатом с равным количеством черной и белой крови. Чрезвычайно интересно смотреть на его выступление на Вудстоке. Хендрикс совершенно отстранен от происходящего, и при этом у него включен контроль. Он внимательно следит за собственной игрой и вместе с нами наблюдает, куда она его уводит. И только когда он действительно достигает определенного эмоционального состояния, то включается та самая черная *душа*. Эти рассуждения можно продолжить, но мы ушли в сторону.

Вечерами, во время записи музыки к фильму, гостеприимный Сашка устраивал вечеринки и кормил всю ораву. Во время одной из таких вечеринок Сашкина подруга Лена Курляндцева пришла с двенадцатилетней дочерью Лёлей, которая подпала под Борино обаяние и через несколько дней убежала от родителей в Ленинград. Она намеревалась жить самостоятельно и посвятить себя служению *Аквариуму*. Она заявила ко мне, ища покровительства и защиты от родителей. Это было страшновато. Я позвонил ее родителям, и нам насилу удалось вернуть девочку домой. Но она не оставила своего увлечения и впоследствии написала книгу, приуро-

чив ее к двадцатилетию группы. Эта книга стала первой летописью группы.

Премьера фильма «Асса» в Москве проходила помпезно, в ДК МЭЛЗ, и явилась образчиком безвкусицы. Играли все группы, участвовавшие в фильме, плюс *Наутилус Помпилиус*. Безусловно, в то время они были интереснее всех, хотя бы потому, что они только что мелькнули в столице и были свежее. *Аквариум* же выступил слабее всех. К тому же киношная и музыкальная тусовки смешались в такой компот, что трудно было разобрать, зачем все это. Я же задавался вопросом, зачем все это нужно мне. Всех остальных происходящее, похоже, устраивало. Меня же давно выбило из этого русла. Но когда я давал слабину и меня прибывало, я мог какое-то время играть на автопилоте, пока меня не начинало тошнить.

Как-то Сережа Курехин в своем интервью газете «Комсомольская правда» сказал, что, дескать, пора бы комсомольской организации обратить внимание на деятельность таких групп, как *Аквариум*, или что-то в таком роде. Это прозвучало как провокация и открытое объявление войны. В это время что-то произошло в их взаимоотношениях с Бобом, и Курехин пошел в атаку. Ведь многие люди по-прежнему всерьез относились к тому, что пишут в газетах. И вот мы с Курехиным неожиданно встретились у Сашки Липницкого. Боба не было, он остановился в каком-то другом месте, и все чуть ли не бойкотировали Курехина. Мы же стали с ним говорить за жизнь, и он уверил меня в том, что *Аквариум* его любимая группа и что он сделал это шаг, надеясь вернуть Боба к жизни. Пытаясь поймать его на слове, я пригласил его на наш концерт в Театре Табакова. Он заверил меня в том, что именно для этого он и приехал в Москву. Я думал, что он по-прежнему гонит, но вечером с удивлением обнаружил его сидящим в первом ряду. Я был приятно удивлен, и концерт был на

удивление хорошим. Прощаясь, Курехин взял с меня слово, что я непременно приму участие в следующей *Поп-механике*. И пожалуй, впервые за долгие годы нашего знакомства мне показалось, что мы поняли друг друга. На следующий день мы играли на ВДНХ, прямо на улице на помосте, при небольшом скоплении народу. Концерт был расслабленным и тоже неплохим. Потом мы сыграли концерт еще где-то, и Сашка Липницкий пригласил нас сыграть в парке Горького, где должны были играть *Звуки Му*, *Бригада С* и еще кто-то. Мы приехали поздно, времени на настройку не было, и пришлось настраиваться прямо при всем честном народе. Славка, сидя за пультом, долго не мог найти канал, в который была «воткнута» виолончель. Я сидел один на сцене перед десятью-тысячами терпеливо ожидающих людей, которые одобрительно кричали: «Давай!» Было забавно. Когда же мы наконец нашли канал виолончели, группа вышла на сцену, и Боб запел. Нам нужно было играть минут 15–20, и он выбрал песни, в которых виолончель не предусмотрена. То есть ее просто нет как класса. Это было нелепо до восторга. Боб пел с закрытыми глазами и так упивался собой, что не заметил, что рядом с ним, оказывается, могут быть какие-то люди, а один из них почему-то сидит с виолончелью. Я честно молча отсидел на сцене пятнадцать минут и, когда началась песня *Камни в холодной воде*, заиграл от винта, поперек гармонии и ритма. Виолончель звучала как вертолет, перекрывая всех остальных, но меня понесло, и я играл нескончаемое атональное соло на протяжении всей песни. Может быть, это было мое лучшее соло, но Боб, по-моему, и этого не заметил.

Следующим шагом было участие в фильме Алексея Учителя «Рок». У *Аквариума* не было выбора, события развивались таким образом, что мы не могли избежать ни одной сколько-нибудь заметной тусовки. И естест-

венно, что наше участие в фильме подразумевалось само собой. Фильм, может быть, и неплохой, мне сейчас трудно судить, поскольку я видел его всего один раз и уже забыл. Но меня совершенно не устраивало то, что называлось презентацией. То есть Алексей Учитель вместе с кем-нибудь из артистов, чаще всего с Бобом, катались по всем домам культуры и рассказывали, как снимался фильм, после чего Боб пел несколько песен. Я не против того, что деньги можно зарабатывать, но уж больно это было похоже на историю с Осетинским. Во всем этом была какая-то подстава, а публика ломилась, как на рок-концерт.

Виталий Калманов куда-то исчез, и Файнштейн пытался снова взять в руки бразды правления, но их перехватил Андрей Белле — художник, который учился вместе с Дебижевым, Тихомировым и еще кем-то из митьков. Он был удивительно предприимчивый человек. Какое-то время еще продолжался период двоевластия, когда в группе было два директора, но постепенно Белле взял верх. Как бы там ни было, оба директора были абсолютно беспринципными, когда речь заходила о концертах, решающим фактором всегда был размер гонорара, да и сама группа была абсолютно готова к тому, чтобы продаться с потрохами. Но шоу-бизнес тогда еще не сформировался, и она так не дождалась своего Айзеншписа-Алибасова. Белле же был всем хорош, но у него не было достаточных денег, чтобы вложить в эту группу.

С Дюшиной подачи началось активное тиражирование *Аквариума* на местном телевидении. Дюшина жена, Галя, работала редактором одной из музыкальных программ, и через нее *Аквариум* стал в каждой бочке затычкой. Ничего бездарнее я в жизни не видел. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что *Аквариум* вполне может играть средние концерты, иногда даже удачные, но, когда

дело доходило до сценического воплощения какой-либо идеи, все трещало по швам. Все без исключения музыканты оказались бездарными актерами. Основными признаками этого являются нелепые телодвижения, позы, жесты и многозначительные взгляды прямо в камеру. Если это помножить на убогий интерьер телевизионного павильона, какой-нибудь куст или дерево, и прибавить еще не идеальную фонограмму, то получалась чудовищная картинка. Не исключением были съемки на натуре, когда специально куда-то выезжали. А если учесть, что народу набралась целая орава и всем хотелось залезть в кадр, то можете себе представить. Я смог, и после второй пробы в клипе *Двигаться дальше*, когда я увидел себя как бы играющим на виолончели, сидя на снегу, наотрез отказался от участия в каких бы-то ни было телевизионных съемках. Вилли Усову особенно нравится фотография, на которой он запечатлел этот момент, и он ее всюду выставляет. Мне же от этого неудобно. Были, правда, случайно найденные удачные моменты. Например, в песне *Поезд в огне*, где в главной роли снялся паровоз. Но моей самой любимой песней стала *Танцы на грани весны*, где Боря бежит по улице Репина с таким видом, как будто проглотил аршин, и с таким выражением лица, что у меня это зрелище вызвало истерический смех. Я и сейчас считаю, что подобными шагами *Аквариум* последовательно уничтожал и себя, и свою аудиторию, и наконец напрочь ее лишился, заменив неразборчивыми обывателями, которые в итоге и спели последние дифирамбы этой группе. Самое же страшное оказалось в том, что всем участникам группы это нравилось. Я с удовольствием записал бы кассету с этими клипами, чтобы показывать детям в назидание: что с ними будет, если они будут плохо себя вести. Правда, чуть позже, когда за дело взялся Сережа Дебижев, ситуация более-менее исправи-

лась, потому что у него хороший вкус. Но то, что сделал Дебижев, — это в первую очередь Дебижев, и ему можно сделать комплимент. Но музыка *Аквариума* проигрывает перед изображением и оказывается неудачным сопровождением хорошего видеоряда. Из чего можно вывести формулу. Это как на пластинках теперь ставят обозначение AAA, DDD, AAD или ADD. То есть может быть аналоговая запись и цифровое сведение и т. д. Проведя аналогию, можно взять средненькую самодеятельную запись, добавить к ней бездарный образ, который создают артисты группы, и если к этому приплюсовать самодеятельную съемку, то получится ССС. То есть художественная самодеятельность в кубе. Если же добавить хотя бы один талантливый элемент, то уже получается не так страшно. Как правило, этим элементом сейчас становится талантливая режиссура, когда берется бездарная песня плохой группы и из этого делается конфетка, которая преподносится в красивом фантике. Можно было бы просчитать все комбинации, их не так много. Я же постепенно стал категорически отрицать видеоклип как таковой, а музыку по привычке слушаю.

Мы приступили к записи альбома *Равноденствие* на студии «Мелодии», которая в то время размещалась в Капелле. Впервые за долгие годы мы получили возможность записать целый альбом в «настоящей» студии. Настоящей она была потому, что имела полный набор аппаратуры самого высокого класса, который был возможен в то время в этой стране, но при этом не имела собственно помещения студии. Аппаратная была на первом этаже, а студией служил зал Капеллы. Зал был всем хорош, говорят, что он обладает лучшей акустикой для камерной музыки, но вряд ли подходил для записи того, что принято называть рок-музыкой (я не люблю слово «рок» и стараюсь им не пользоваться, поскольку люди

очень часто путаются, употребляя это слово). Все электрические инструменты писались прямо через пульт в аппаратной, барабаны во время записи выставлялись в галерею, примыкающую к залу, а акустические инструменты писались в зале. Тем самым «Мелодия» мало чем отличалась от студии Тропилло, когда он с той же «Мелодии» брал восьмиканальный «Амрех». Использовался тот же самый принцип слоеного пирога, только здесь был фирменный пульт и каналов побольше. Звукорежиссером назначили Феликса Гурджи. Он был милейший человек, но явно не имел большого опыта в записи подобного рода музыки. Боб же просто считал, что он ничего не понимает, и сам выступал в роли продюсера. При этом объяснить звукорежиссеру, чего, собственно, он хочет добиться, Боб не мог. Мы опять столкнулись с ситуацией, когда сначала записывается ритм-секция, которая ни малейшего представления не имеет о форме песни, то есть о том, что в ней играют другие инструменты. В других же песнях было наоборот: аранжировка делалась на ходу. Так было легче, поскольку все оказывались в равном положении. В песне *Дерево* я предложил записать аккордеон и привел на запись Сережу Щуракова. Боб категорически отверг эту идею, и Сережа был принят очень холодно. Все же он что-то сыграл, что в конце концов все-таки оставили. Во время записи голосов в песне *Партизаны полной луны*, выяснилось, что до этого все пели как придется. Голоса не были выверены, и их стоило исправить. Я никогда не считал себя искусным певцом, просто подпевать в группе было само собой разумеющимся, это было в традициях такого рода музыки. И история знает немало примеров тому, что те люди, которые пытались петь, не были выдающимися вокалистами. К этому числу принадлежали и мои собратья. Короче, при многоголосом пении получалась какая-то ерун-

да, и я настаивал на том, чтобы выверить все голоса. Пока мы пытались разобраться, в чем же, собственно, дело, мои дружки стали насмехаться надо мной. Это не было злобно, это было просто глупо. Стоило мне что-нибудь начать говорить, это вызывало либо смех, либо воспринималось агрессивно. Мне все это надоело, я повернулся и ушел. Я больше не хотел принимать участия в группе, с членами которой я утратил общий язык.

Запись окончили без меня. В песне *Иван-чай* предполагались подпевки, но после моего ухода об этом позабыли. Когда же группа отправилась фотографироваться на обложку пластинки, за мной все же заехали и позвали с собой. Мы выехали на нескольких машинах, и я был удивлен, что с нами нет ни Саши Ляпина, ни Пети. Из тех, кто был, это никого не волновало, ну нет так нет. Я опять встал в позу и сказал, что надо либо переносить фотосессию, либо сейчас же за всеми заезжать. Петя Троценков лежал в Скворцова-Степанова (психиатрической лечебнице), где косил от армии, а Саша Ляпин заседал на собрании в Рок-клубе. Все молча выслушали мои доводы и решили, что если мне это надо, то, дескать, я могу этим и заняться, то есть собрать всех сам. Я пошел на принцип, и, когда мы приехали на Удельную, где лежал Петя, я сел в тачку и через весь город отправился в Рок-клуб за Ляпиным. Наконец часа через два удалось собрать всех — Петю выпустили на поруки, а я привез Сашу. Мы поехали в Осиновую рощу, выбрали натуру и расположились на берегу озера. Этот момент был запечатлен Валей Барановским и впоследствии напечатан на плакате. Когда же дело дошло до оформления пластинки, то произошла такая же дурацкая ситуация, как и раньше. На обложке оказались львы и единороги, а фотография, причем не самая удачная из этой серии, оказалась сзади. Половину же задней стороны обложки

заняла аннотация. Все было в лучших традициях *Аквариума* и фирмы «Мелодия». Я не против единокоргов, но тогда не нужна фотография.

Попутно мы совершили несколько поездок в Киев, Воронеж и Челябинск в электрическом составе. Может быть, мы ездили еще куда-то. Сейчас у меня все перепуталось, и вполне возможно, это было годом раньше, но не суть. Это был христианский период Боба, и в каждом городе совершалось паломничество в местный монастырь или просто храм. Группа старалась ни в чем от него не отставать и с глубокомысленным видом следовала за Бобом. Коль скоро в каждом из этих городов кроме туристических достопримечательностей ничего не было, то после концерта либо тупо пили у Боба в номере, либо шли в гости к местным тусовщикам.

Очень смешно получилось в Воронеже. Мы играли на стадионе, а на следующий день нас пригласили во Дворец культуры. Там была выставка местных художников, и все ждали нас на творческую встречу. Но в это же время поступило контрприглашение поехать в баню с обильной выпивкой. Мы приехали в этот ДК, и через пятнадцать минут все артисты собрались и уехали. Я уговаривал их остаться, но в результате остался я один в окружении человек пятидесяти. Мы сели прямо в фойе и до полуночи говорили за жизнь. На следующее утро мои друзья, как обычно, лежали синенькие, и, когда я их будил, не понимали, чего я от них хочу. Но я от них уже давно ничего не хотел.

Сашка Титов устроился руководителем художественной самодеятельности в ДК связи (работников связи), и оказалось, что туда возможно всем положить трудовые книжки. Боб уже давно вступил в Союз журналистов, что давало ему право не трудоустраиваться. Мы же впервые почувствовали некоторую свободу, когда можно не ду-

мать о том, что тебя арестуют за тунеядство. Мы чуть ли не впервые получили собственную репетиционную точку и чуть позже стали давать платные концерты в зале ДК, из которых нам начисляли ежемесячную заработную плату. У меня в трудовой книжке так и значится — «Руководитель струнной группы ансамбля „Аквариум“». Это последняя запись в моей трудовой книжке. С тех пор я никогда и нигде официально не работал.

Работая в ДК связи, мы как-то организовали несколько концертов *Звуков Му*. Один из них был совершенно поразительным. Петя попросил рабочих принести на сцену всю мебель, которую можно было собрать за кулисами, и завалил ею всю сцену. Всю группу он спрятал за столами и шкафами, и музыкантов вообще не было видно. А он весь концерт пел, выглядывая из-за шкафа или выставляя из-за него свой зад или ногу. Ничего более смешного и концептуального я никогда не видел. Группа не вышла даже на поклон. Вообще мне повезло, я видел десятки концертов этой группы, и для меня это были самые сильные ощущения.

Шел восемьдесят седьмой год, и весной мы поехали в Баку, где попали в лапы к каким-то жуликам, которые хотели сделать на нас деньги при минимуме затрат. Я знал, что в Баку живет моя сестра Нонна, которую я не видел лет двадцать пять со времени смерти нашего отца. С матерью они не общались, и я не знал ее адреса. Но каково же было мое удивление, когда они с мужем встретили меня в аэропорту. Они приглашали меня остановиться у них, но я предпочел остаться вместе со всеми. Нас поселили в каком-то общежитии и закрыли снаружи. Это было похоже на арест, мы не могли выйти наружу, и в помещении даже не открывались окна. Я проснулся с головной болью, как будто отравленный. Концерт же должен был состояться в каком-то ЖЭКе, при практи-

чески нулевым аппарате. Это была явная подстава. В то время, как мы пытались добиться какого-то звука, мне стало совсем плохо и меня стошнило. Все выступление я без сил провалялся на какой-то подстилке за сценой и даже не смог на нее выйти. Таким образом, мои родственники, как в свое время мой брат Алексей, впервые пришедшие на наш концерт, не смогли послушать эту группу с моим участием. После концерта к нам подошли знакомые ребята, которые приехали на концерт из Махачкалы, и предложили быстрее сматываться и ехать к ним в Махачкалу. На вокзал меня везла сестра, и меня всю дорогу тошнило. Что со мной было, я так и не знаю. Под проливным дождем меня еле погрузили в поезд. Наутро я проснулся в Махачкале, немного пришедший в себя, но еще зеленого цвета. Целый день мы провели в какой-то квартире, где я почти все время проспал на полу. А вечером мы сыграли в маленьком драматическом театре прямо на берегу Каспийского моря. Концерт был хороший, а условия по сравнению с Баку были просто идеальными. На следующий день нам надо было уезжать обратно в Баку, откуда у нас был самолет. Но пропал Ваня Воропаев, который ушел в горы за травой с какими-то местными тусовщиками. Мы все волновались, поскольку это все-таки Кавказ и местные жители могли иметь крутой нрав. Но он целехонький материализовался прямо перед отходом поезда из Махачкалы. В Баку я поехал прямо к сестре, и мы всю ночь разговаривали за жизнь. Сестра помогла мне сделать переоценку всей ситуации в ее отношениях с матерью. Как бы там ни было, я был рад тому, что обрел сестру и подружился с очаровательной рыжей внучкой Алиной. Мы сговорились непременно встретиться, когда они будут в Петербурге. В Баку незадолго до этого стреляли, и пуля попала прямо в кастрюлю, что стояла у них на подоконнике. После этого они

решили во что бы то ни стало оттуда уехать, и это был только вопрос времени.

В июне мы поехали в Москву и приняли участие в концерте для членов конгресса «Врачи мира за безъядерный мир» в концертном зале «Россия». В качестве почетных гостей ожидалось Стивен Стиллз и Грэм Нэш. Дэвид Кросби приехать не смог, потому что у него были проблемы с наркотиками, в результате чего он оказался в тюрьме. Мы не верили, что такое возможно. Мы приехали за день до концерта, и нас поселили в гостинице «Россия», что было очень удобно, поскольку зал находится прямо в этом же здании. Это оказался тот день, когда Маттиас Руст приземлился на Красную площадь. Мы ходили смотреть, но самолет уже куда-то оттащили, а пилота арестовали. Мы сидели в номере, когда вдруг вошел Стивен Стиллз с гитарой, сел на кровать и запел *Love The One You With*. Так, без вступления, состоялось наше историческое знакомство. Днем был торжественный обед, а вечером в гостинице нам отвели специальную гостиную, где состоялось запланированное общение двух групп. С нами все время были очень симпатичные комитетчики, которые всем были хороши, но уж больно сильно выказывали свое дружеское расположение. Но у нас не было выбора, и мы весь вечер сидели и пели друг другу песни. На следующий день, на концерте, мы решили вместе спеть песню *Сестра*, которую Боб только что написал, и песню Грэма Нэша *Teach Your Children*, которая в свое время была в Америке хитом № 1 и припев которой, конечно же, был нам знаком.

Концерт был бездарный, в нем участвовали все, начиная с Леонтьева и Ирины Понаровской и заканчивая оркестром Спивакова. Во время саундчека у нас вышел принципиальный спор с организаторами, которые настаивали на том, чтобы мы, как и все, играли под фонограмму,

и были очень удивлены тем, что ее у нас нет, как и у Стиллза с Нэшем. Мы были хедлайнерами и заканчивали концерт, который должен был транслироваться по первой программе ТВ. Споры о фонограмме длились весь день, и организаторам все же пришлось согласиться на наши условия и транслировать нас вживую. Зал чинно сидел до конца концерта, но на песне *Сестра*, которую мы пели вместе, все уже танцевало, хотя трансляция на этом закончилась. Я опять зачем-то привез с собой виолончель — мы не исполнили ни одной песни, в которой я на ней играю. Правда, она мне пригодилась на вечеринке с Стиллзом и Нэшем. Мы быстро с ними подружились, и они обещали пригласить нас на следующий год в Канаду. Но мы в это не верили. В знак признательности Бобу и Саше Ляпину они подарили свои акустические гитары «Текамине» со встроенными звукоснимателями и эквалайзерами.

Глава третья

После выхода *Red Wave* события развивались с невероятной скоростью. Сначала Джоанна привезла Бобу электрическую гитару, белый «Squire», которую ему передал Дэвид Боуи. *Аквариум* становился притчей во языцех. Начали материализоваться самые фантастические мечты. Было ощущение победы и того, что все только начинается и мы после стольких лет испытаний получим по заслугам. Начиналась перестройка. Везде праздновали победу. Все средства массовой информации вдруг стали открывать завесу над рок-музыкой, и, таким образом, появился феномен русского рока. Что было истинным, а что шелухой, понять было невозмож-

но. Боб постоянно мотался в Москву и встречался с влиятельными людьми. В этот момент «Международная книга» затеяла проект экспорта русского рока на Запад, и, когда об этом зашла речь, имя Гребенщикова было у всех на устах. Приехали президент американской компании «Velka» Кенни Шеффер и очаровательная Марина Олби. Они быстро остановили свой выбор на Гребенщикове и пригласили его в ознакомительную поездку в Америку. Она пришлась прямо на новый восемьдесят восьмой год. Бобу устроили встречу с Дэвидом Боуи и Майклом Джексоном. Но ближе всего он сошелся с Дэйвом Стюартом из *Eurythmics*. Джоанна, как первооткрывательница, пыталась контролировать процесс, но постепенно стало ясно, что она теряет свои акции и монополию на русских артистов. В ходе поездки Бобу предложили контракт, согласно которому он будет записывать в Америке альбом на английском языке с американскими музыкантами. Ну что же, это было интересно, и наверняка Боб был самой подходящей для этого кандидатурой. Он вернулся в пробковом шлеме, ковбойских сапогах и с фонариком из Чайна-тауна в руках. Мы все собрались у него на Перовской и полночи слушали небыллицы о его приключениях.

Но пора было возвращаться к реальности. Нам опять предложили сыграть в «Октябрьском», и в этот раз мы сыграли несколько сольных акустических концертов, в которых принял участие и Саша Ляпин. Они были гораздо ровнее, нежели за год до этого с оркестром. И Саша привнес интересный элемент в доселе привычную так называемую акустическую музыку. Странно, что этот опыт не получил развития. (Хотя через десять лет Боб все-таки пригласил Сашу в очередной состав *Аквариума*, но это была уже другая группа.) И по-прежнему происходило деление на акустический и электрический *Аквариум*.

В это же время или чуть позже в том же «Октябрьском» состоялись концерты *Поп-механики*. Мне тоже довелось принять в них участие. Это было приурочено к первому городскому конкурсу красоты, в жюри которого были Курехин и Юра Каспарян. Я с опаской отношусь ко всему, что люди считают красивым, — к моде, моделям и прочему. Но ввиду того, что это делал Курехин, я охотно вписался, причем участие в *Поп-механике* в этих концертах пересекалось с концертом *Аквариума* в ДК связи, и я предпочел отпроситься в *Аквариуме*. Мы выступали маленьким эстрадным оркестром под руководством Курехина, включавшим братьев Сологубов, Вишню, всю группу *Кино* и нас с Борей Райскиным. Наша роль в таких больших концертах была очень удобной. Мы сидели немного сзади на возвышении и, будучи участниками, были одновременно и зрителями. Первое отделение конкурса красоты было собственно конкурсом. Выходили девушки в бикини и на каблуках, а мы играли какую-нибудь пошленькую мелодию типа *Генералы песчаных карьеров* с серф-гитарой Юры Каспаряна и всегда с каким-нибудь элементом абсурда. А в некоторых номерах аккомпанировали настоящему Борису Штоколову, который пел хит шестидесятых *У моря, у синего моря*. Ему подпустили дыму, в клубах которого на четвереньках ползали Африка с Тимуром. Колабельды пел про оленей и так разошелся, что пустился в пляс. После концерта он совершенно искренне, со слезами благодарности на глазах, рассыпался в комплиментах и говорил, что его так никогда не перло. Все было чинно, в духе чопорных классических концертов, которые обычно проходили в этом зале. Второе же отделение было абсолютно иррациональным, с индустриальной группой и прочим. Девяносто восемь процентов людей, пришедших на конкурс красоты, были в совершенном

смятении, не понимали, что происходит, и не знали, бежать или досмотреть до конца.

Чуть позже состоялся сольный концерт *Поп-механики* уже безо всяких конкурсов. В концерте помимо рокеров, джазменов и вообще дружков Курехина, которые на чем-либо играли, участвовали «Лицедеи», уже знакомый Камерный оркестр под управлением Равиля Мартынова и оркестр Ленинградского военного округа, что марширует на Дворцовой площади на всех парадах. Даже те, кто уже принимал участие в подобных акциях Курехина, были ошеломлены масштабом происходящего. Во время репетиции на Курехина было больно смотреть, потому что удержать внимание такого числа людей в течение двух-трех часов, чтобы просто проиграть вместе всю композицию и проверить, все ли запомнили последовательность выходов на сцену и туттийные места, казалось нереальным. О полном же прогоне всего концерта не могло быть и речи. Когда концерт начинался, порой все неслоь не в ту сторону, казалось, что все рухнет и остановить уже ничего невозможно. В финале этого выступления Антон Адосинский, голый по пояс и в красном палаческом колпаке, под аккомпанемент военного оркестра, который играл увертюру к «Лоэнгрину», стриг наголо девушку с роскошными волосами и в вечернем платье. Десять гитаристов в этот момент играли какой-то рок-н-рольный риф, камерный оркестр в яме играл Моцарта, с балкона неслись звуки фанфар, а индустриальная группа строила какие-то конструкции — стучали молотки и топоры, выли пилы и дрели. Когда музыка смолкла и на плечи девушки упал последний локон, в зале воцарилась гробовая тишина. Четыре тысячи человек молча сидели и боялись встать, чтобы не нарушить эту тишину.

Следующий концерт *Поп-механики* был в СКК, и он превзошел по масштабу что-либо доселе слыханное

и виданное. Был уже привычный набор из военных и штатских, носились грузовики с революционными матросами. Юные лучницы в белых платьях пускали стрелы, играл камерный оркестр, и было много всякого другого, что уже и не вспомнить. Конечный эффект всех концертов всегда был один — восторг на грани панического ужаса. Вероятно, это именно то, чего Курехин пытался добиться.

Отношения Гребенщикова с Курехиным совсем разладились, так что Боб уже не принимал во всем этом участия. И вскоре снова отправился в Америку. Ему предоставили право самому выбрать продюсера своего сольного альбома. Через некоторое время стало известно, что свой выбор он остановил на Дэйве Стюарте. Группа, только что вкусившая первые плоды профессиональных выступлений и в тот момент еще сохранявшая признаки группы, вышла в академический отпуск.

Стиллз и Нэш действительно сдержали свое слово, и в июне мы все, кроме Вани Воропаева, который был невыездным, должны были лететь в Монреаль для участия в конгрессе врачей. До последнего момента мы не верили, что это когда-нибудь окажется возможным. Мы оформляли документы через Управление культуры и заполняли по четырнадцать экземпляров анкет. Куда они шли в таком количестве, понять было невозможно. Я в первый раз уезжал так надолго, и, поскольку оставить мать на Алексея было нельзя, мы сговорились с Андреем, что он будет приезжать через день, кормить матушку и оставлять ей еду на два дня — больше было нельзя, так как все мгновенно съедалось Алексеем и его дружками, с которыми он пьянствовал. Наконец первого июня мы на десять дней отправились в Канаду. В аэропорту Монреаля нас встречал Боб в сопровождении команды киношников. Нас поселили в общежитии Мак-

гиллского университета в отдельных комнатах, и мы всем были очень довольны. Но на следующий день Кенни Шеффер созвал пресс-конференцию и пригласил устроителей концерта. Он спросил их, в каком отеле живут Crosby Stills & Nash. Выяснилось, что в отеле «Hilton». На что последовал вопрос, почему артисты из России живут в общежитии. Все это снимали на камеру, и этот вопрос очень быстро был улажен. На следующий день мы переехали в пятизвездочный отель «Delta» с бассейнами и прочим. К нам в гости приехали все наши друзья из Америки — Найоми, Андреа с Джимми, Джуди, Джон-Фред, Уэнди, Андрей Светличный, Игорь Бутман и, наверное, еще кто-то. К тому же проявились наши канадские подруги Каролина и Джоанна, с которыми мы познакомились у Славки незадолго до этого. Мы всюду таскались вместе, и нас постоянно разрывали на части, предлагая нам в общем-то обыденные вещи, но казавшиеся нам тогда самыми невероятными. Концерт должен был состояться только на третий день, и в первый же вечер мы пошли в блюзовый клуб на Сен-Дени. Это оказалось совершенно крохотное помещение, где на невероятной громкости играли местные музыканты. Меня совершенно поразил звук, он был не таким, каким я привык слышать его за долгие годы соприкосновения с рок-н-роллом в России. Он был абсолютно не обработанный, барабаны играли прямым звуком, безо всякой подзвучки, но при этом баланс был идеальный и играли они с фантастическим драйвом. У меня перевернулись все представления о звуке, и я не мог насытиться игрой музыкантов, которая была безупречна и стилистически точна. Выяснилось, что это просто хауз-бэнд и они играют все вечера, если не удастся кого-нибудь подписать. На следующий день у нас была репетиция в другом клубе, куда доставили специально арендованный бэклайн и барабаны,

а Файнштейну привезли конги. Мы не виделись с Бобом месяца два или три, и надо было выстроить программу выступления. Мы немного порепетировали и попытались выстроить звук, но он был категорически другой.

Концерт проходил на спортивной арене «Foghorn». Это самый большой концертный зал в Монреале, размером с СКК. Хедлайнерами концерта были *Crosby, Stills & Nash*, а также играли канадцы Брюс Кокберн и франкоязычный Мишель Ривар. Мы познакомились с Дэвидом Кросби, которого наконец выпустили из тюрьмы, но перед концертом у нас не было времени пообщаться. Мы выступили очень успешно — лучшей комбинации для дебюта на Западе представить себе было невозможно. После нашего выступления к нам в гримерную въехала тележка, уставленная коробками. А за ней вошли Кросби, Стиллз и Нэш. В коробках оказалась многоканальная аналоговая студия «Tascam» с пультом и несколько коробок пленки. Это была материализовавшаяся мечта. Они пожелали нам записать много хороших песен и альбомов. Для психики простых советских музыкантов это было многовато. Потом играл Брюс Кокберн, и мы с нетерпением ждали выступления наших героев. Я прекрасно помню концерт двоих из них в Москве. Он был милым, симпатичным, но в общем-то вполне обычным. И тут я увидел, в чем дело: здесь был совершенно адекватный звук. Они играли на трех акустических гитарах, которые звучали так мощно, и их трехголосый вокал был настолько безупречен, что сразу было ясно, почему эта группа стала великой. Народу было тысяч пятнадцать, но у меня было полное ощущение того, что всю жизнь нам грезилось как мистический Вудсток. Я увидел, что вся та музыка, которая в нашей стране получила распространение как акустическая, имеет один существенный недостаток — полное отсутствие звука. Вся она развивалась в эстетике бардовской пес-

ни, с вялым наигрыванием на гитарах и неправильным озвучиванием группы. Конечно же, понятно, по каким причинам у нас было невозможно этого звука достичь. В конце мы присоединились к ним на уже знакомой песне *Teach Your Children*, которую они пели с небольшим хором. Вероятно, эту песню они пели на каждом концерте вот уже двадцать лет.

На следующий же день нас переселили в обыкновенный отель, в двухместные номера с кухней. Это было удобно, можно было самим готовить еду и сэкономить немного денег. Славка купил палатку, поставил ее прямо в комнате и стал в ней жить. Бобу пора было возвращаться в Нью-Йорк, мы же должны были остаться до окончания конгресса. Перед его отъездом мы на один день отправились в «Le Studio» — прекрасную студию километрах в ста от Монреаля, на берегу озера. Для нас, да и для любого человека, сопряженного с музыкой, она являла собой абсолютный рай. Вероятно, это одна из самых дорогих студий в мире. На ней записывались Стинг, Джонни Митчелл, Леонард Коэн и сотни других. Богатые музыканты могут приехать туда на несколько дней и жить прямо там на полном пансионе. Один день записи в такой студии стоит целого состояния. «Velka» пошла на то, чтобы использовать шанс и дать возможность Бобу записаться с нами, пока мы находились с ним на одном континенте. Мы поехали туда со всей съемочной группой, и с нами поехал звукорежиссер *Eurythmics* Ману Жиот. Запись, как обычно, начали с настройки барабанов. Пока Петя разыгрывался, все купались в озере и валялись дуррака. Потом начали настройку гитар и постепенно стали играть песню *Новосибирск*, про то, как «мир подходит к концу». Так продолжалось часа два. Потом вдруг Боб решил записывать песню *Артур* на английском языке, которую они с Дюшей написали еще в семьдесят восьмом

году. Эта очень красивая песня на три аккорда давно сложилась как номер, который они играли вдвоем. Вдруг Боб сказал нам с Рюшей, чтобы мы сыграли что-нибудь на скрипке и виолончели. Меня бросило в пот. Я никогда не играл в этой песне и был совершенно не готов к тому, чтобы играть с ходу прямо на записи, да еще в тот момент, когда все снимается для кино. Однако Рюша стал что-то наигрывать. Я тоже что-то попробовал, но у меня ничего не получилось, впрочем, как и у Рюши. Чтобы сыграть, да еще вдвоем, требуется по крайней мере час-полтора на то, чтобы придумать партии, я уж не говорю о том, что Боб мог нам сообщить об этом еще перед поездкой. Или мы могли бы попробовать в гостинице, пока находились вместе эти несколько дней. Все встали вокруг нас и стали давать советы, явно переигрывая в этой ситуации, крутясь перед камерами. В жизни такого никогда не было. Я не выдержал и всех послал. Меня стали успокаивать, но я уже твердо знал, что в этой песне я сейчас сыграть не смогу. Песню оставили в том виде, в каком она и была раньше, такой она и вошла в альбом. Боб же уединился в студии и стал записывать романсы Вертинского. Все часа три ходили кругами, наконец плюнули и стали смотреть телевизор. Там была кассета с роскошным фильмом *This Spinal Tap*, это очень соответствовало моменту. Мы промаялись до вечера и поехали домой. Никто не понял, для чего мы туда приезжали, для чего настраивали барабаны и все прочее, и вообще, зачем для записи двух акустических песен под гитару нужна была самая дорогая студия в Канаде — кроме того, что само посещение такого места всегда интересно. Я увидел опасный симптом того, что наш старый друг утратил ощущение реальности. Никто из нас ничего не понимал, никто не знал, что будет дальше, — Боб выбрал сольную карьеру, и распространится ли она на кого-нибудь из нас, было загадкой. Боб

уже давно тяготился группой, которую он сам раздул до невероятного размера. У него не хватало духу ее распустить, а тут так удачно складывались обстоятельства, что это неприятное действие он мог легко перепоручить внешним обстоятельствам.

На следующий день мы пошли по магазинам, и наши благодетели стали покупать аппаратуру для группы. Мы пришли в самый большой рок-н-рольный музыкальный магазин, и все стали выбирать, кому что нужно. Нам купили несколько микрофонов и обработку для студии, гитаристам — струны и примочки, Файнштейну купили всякие перкуSSIONные штучки-дрючки. Мы же с Дюшей и Рюшей играли на таких инструментах, что в этом магазине для нас ничего не было. Я почему-то забыл, что много лет мечтал о флэнджере (впрочем, сейчас мне кажется, что флэнджер для виолончели совсем не нужен). На следующий день Боб уехал в Нью-Йорк, а мы пошли болтаться по городу с Андреа и Джимом. Мы забрели в музыкальный магазин, где продаются струнные инструменты. Я присмотрел себе недорогую немецкую фабричную, но деревянную виолончель, так как я по-прежнему играл на многострадальной фанерной. Андреа предложила мне ее купить, если «Velka» потом вернет ей деньги. Я позвонил Бобу в Нью-Йорк и спросил, могу ли я таким образом купить себе инструмент. Но Боб сказал, что у «Velka» на это нет денег. Я был уязвлен такой дискриминацией — инструмент, который я хотел, стоил дешевле рокмэна, примочки, которую купили Саше Ляпину. Это были не подарки, а насущные вещи, необходимые для улучшения звука группы.

Путешествие подходило к концу. Нас обещали свозить на Ниагарский водопад, но почему-то поездка не сложилась. За те несколько дней, что снимался фильм, мы подружились с Рене Дэйглом — кинооператором

и владельцем фирмы, предоставившей съемочную аппаратуру американским киношникам. Перед отъездом я зашел к нему в гости, и он на прощание подарил мне свой велосипед. Это был такой подарок, который заменил мне виолончель и вытеснил из моей жизни многое другое. По плану организаторов конгресса, мы должны были улететь раньше, почти сразу после концерта, но кто-то забыл забронировать нам места, и нам пришлось ждать всю русскую делегацию. На тот рейс оставались места только в первом классе, и в итоге мы полетели как настоящие рок-звезды, укрытые пледами, в то время как все профессора и академики летели обычным классом. Но для моих друзей это не имело большого значения, поскольку по привычке все напились.

Студию «Tascam» водрузили на точку в ДК связи. Славка вступил во владение ею, но все по очереди предпринимали попытки постичь ее возможности. Поскольку Боба не было, мы ничего не делали, и моими основными занятиями были игра в теннис и езда на велосипеде. Когда я где-нибудь останавливался, подходили люди и рассматривали велосипед, как иномарку, — наверное, это был первый горный велосипед в России. Я делал вид, что для меня это дело привычное, хотя получал огромное удовольствие от внимания сограждан.

Где-то в середине июля все поехали в Москву на концерт группы *Santana*. Прошло десять лет после их несостоявшегося выступления на Дворцовой площади, и они вместе с *Doobie Brothers*, Джеймсом Тэйлором и Бонни Райт наконец оказались в России. Пожалуй, это была первая акция такого рода, когда пожаловали группы такого ранга и концерт проходил в реальных условиях и с адекватным звуком. Единственным удручающим фактором было наличие несметного числа милиции и внутренних войск, а также специального контингента войск, пере-

одетого в спортивные костюмы. Вероятно, памятью о событиях десятилетней давности, власти полагали, что выступление этой мистической группы непременно выльется в народное восстание. Концерт же был просто фантастическим, и его даже не смогли испортить участники с русской стороны и обилие «спортсменов». *Santana* играла и *Black Magic Woman*, и *Samba Pa Ti*, но конечно же самым главным были звук и ощущение все того же мистического Вудстока, которое преследует меня по сей день. Время изменилось, но каждый раз, оказываясь в такой ситуации, я не могу отделаться от ощущения, что это происходит не в реальности. Я пытался представить, что было бы, если бы такой концерт удался в семьдесят восьмом году на Дворцовой площади. Может быть, пробка могла быть выбита еще тогда.

По-моему, именно в это время Дюша решил на собственный проект, который впоследствии получил название *Трилистник*. Туда он пригласил обоих скрипачей, Майкла Кордюкова и аккордеониста Сережу Шуракова. В конце лета вернулся совершенно отъехавший Боб. После полугода жизни в Америке и Англии понять, что у него на уме, было невозможно. Он тусовался с Фрэнком Заппой, пару дней гостил у Джорджа Харрисона во Фрайер-парке с Джефом Линном и Томом Петти, которые вместе с Бобом Диланом и Роем Орбисоном только что закончили запись альбома *Traveling Wilburys* в студии Дэйва Стюарта. Мы теперь были ему не ровня. Шел какой-то идиотский разговор о том, что у Си-би-эс нет денег на оплату проезда всей группы и еще что-то вроде этого, поэтому в записи сольного альбома будет принимать участие только Саша Титов. Эти версии постоянно варьировались, и понять все это было невозможно. Это была какая-то ерунда, поскольку в то время каждый из нас мог сам купить себе билет, тем более если этого тре-

бывало дело. Я не понимаю, почему Боб не мог сказать нам открытым текстом, что не хочет с нами играть. С Бобом приехали заморские киношники и продолжили съемку фильма про него, куда почему-то все-таки вошли эпизоды и про жизнь каждого из нас. В один из съемочных дней мы поехали в Комарово к Славкиной подруге Ирине. Она была внучкой академика Линника, у нее был огромный дом, и прямо на даче была обсерватория с телескопом. Летом мы часто тусовались у нее. По замыслу режиссера Майкла Эптеда, мы поехали с инструментами и должны были сыграть небольшой концерт на лужайке возле дома. Был зафрахтован автобус, и мы отправились туда со всеми друзьями. Целый день мы купались, готовили еду, ели-пили и валялись дурака. В общем, все что угодно, только не играли. Я видел, что Майкл Эптед нервничает и ждет, когда же все-таки эта группа заиграет. Но все зависело только от Боба и его прихоти. Когда же группа все-таки заиграла, опять началась какая-то ерунда. Боб запел Вертинского, потом какую-то цыганщину. Наверное, можно было и это, только непонятно, зачем ему надо было выделяться перед нами. Мы все это уже сто раз слышали, и для такого рода откровений случай был совсем неподходящий. В общем, было очевидно, что группы уже нет. Да и ситуация была совершенно надуманная: я не могу себе представить, что в это время мы вот так могли бы поехать куда-нибудь все вместе, сесть на полянке с инструментами и начать играть. Примерно такая же ерунда получилась со всеми нами, когда киношники приходили домой и снимали нас в быту. Мы все тоже выделялись, как могли. Я ездил на велосипеде по самым живописным местам этого города. Я и в самом деле часто езжу этим маршрутом, но, когда делаешь это для камеры, чувствуешь себя дураком. Моя словоохотливая матушка рассказала какую-то семейную

историю; по слепоте она не видела, где стоит камера, и потому у нее получилось очень натурально. По счастью, мне удалось уговорить брата Алексея куда-нибудь исчезнуть.

После всего этого я решил самостоятельно поехать в Америку, и Марина Олби сделала мне приглашение. Все дело было только во времени, когда это удобно сделать. Боб снова уехал в Лос-Анджелес доканчивать альбом на студии у Дэйва Стюарта. Чуть позже к нему поехал Сашка Титов. Мы все ждали, чем кончится эта эпопея, и всем было интересно послушать этот опус. Осенью они вернулись, и начались разговоры о том, что в ноябре приедет Дэйв Стюарт и мы будем играть совместные концерты. Предполагалось, что мы будем играть произведения из их нового альбома. Боб приехал настоящей звездой. Он привез запись альбома, который готовился к выходу или уже вышел, я не помню. Нам было поставлено условие разучить все партии, и кто не будет готов, того не допустят к концерту. На мое «счастье», виолончель в альбоме не использовалась, а то меня бы точно не допустили. Правда, там не было и всего остального, а все игралось на электронных инструментах. Получалось, что нам надо было на слух снимать гармонию песен и делать свою аранжировку, очень приблизительно соответствующую тому, чего он понаписал. А точнее не он, а те люди, которые играли на записи и сами разрабатывали свои партии, а все остальное сделал аранжировщик Майкл Камен. Я пытался было убедить Боба в том, что неплохо бы ему с нами порепетировать и что его от этого не убудет, но он был непреклонен. Когда стали известны точные даты концертов, я забронировал билет в Америку. Я твердо решил, что эти концерты для меня будут последними. Что-то произошло, а точнее что-то ушло. Это был Боб. Он ушел из нашей группы и выбрал сольную карьеру.

За три дня до концертов приехал Дэйв Стюарт с женой Шевон, матерью, барабанщиком из *Eurythmics* Олле Ромо, певицей Марсией Хейнс и Рэем Купером. Тем самым Рэем Купером, который восхитил меня своей игрой с Элтоном Джоном. А также с ними был юный мулат, имени которого я не запомнил, которого Дэйв Стюарт взял на перевоспитание. По случаю выступления был забронирован большой зал Театра народного творчества со специально арендованным комплектом аппаратуры. Мы приступили к репетициям. Дэйв Стюарт оказался менее категоричен и не настаивал на том, чтобы мы точно следовали аранжировке, лишь бы катило. И на репетициях вполне катило, правда, Ваня Воропаев все время был обкурен до стеклянного состояния, и от него нельзя было добиться ни одной членораздельной ноты, он постоянно играл свои польки.

В день концерта в СКК мы пошли на Петропавловскую крепость снимать, как я купаюсь в проруби. Сейчас я об этом жалею, но тогда все охотно демонстрировали киношникам свои любимые занятия. В этом был некоторый элемент шоу, что в принципе претит моей природе. На концерт пришел мой брат Андрей с Татьяной и дочерью Олей; их сын Вася был еще маленьким. Мне было очень важно мнение Андрея относительно того, что я делаю, но он всегда воздерживался и уходил от каких-либо оценок. Во время концерта я впал в отстраненное состояние. Впервые для нас был арендован специальный свет, какого мы раньше никогда не видели. Была очень эффектная картинка, которая до кучи создавала иллюзию праздника. Я сидел на сцене, смотрел в зал, смотрел в лица людей, которые были очень близко. Смотрел на толпу, которую мотало из стороны в сторону. Смотрел на безучастные трибуны, которые ждали, когда же что-нибудь произойдет, и у меня было странное ощущение того, что

на этом празднике я лишний. После концерта все поехали в гостиницу «Пулковская». Мы сидели в темном банкетном зале, но банкета не было. Все немного устали, и хотелось немного расслабиться. Кого-то послали за водкой, чуть ли не в такси. К этому времени все давно привыкли, что я уже несколько лет не пью, но Дюшина жена, Галя, подлила водки в мой стакан с пепси-колой. Я глотнул и тут же выплюнул прямо на пол. Шутка удалась — Галя была счастлива. На следующий день я улетал в Нью-Йорк. В этот раз я не делал никаких заявлений. Я не уходил из группы — группы не было, она была мертва.

Глава четвертая

Я летел через Ирландию, где должен был делать пересадку. В аэропорту Шэннон все пассажиры вышли, но, когда стали грузиться на самолет ирландской компании, вдруг выяснилось, что в нем не хватает мест и двенадцать человек должны на сутки остаться в Ирландии. Конечно же я попал в это число. Представитель «Аэрофлота» сказал, что это вина ирландской авиакомпании, и тут же свалил. Я остался в компании своих соотечественников, из которых никто не говорил по-английски. Все вцепились в меня, как в спасательный круг. Нас отвезли в гостиницу ближайшего городка Лимерик, и я должен был всех поселить и накормить. Оказавшись неожиданно на ирландской земле, я расценил это как подарок и пошел бродить по городу. Мои соотечественники боялись потеряться на ирландщине и остались в отеле. Это был день рождения Боба, и я пытался позвонить ему с ирландской земли. Я звонил к Ирке в Комарово, где они должны были собраться, но Боба там почему-то

не оказалось. Когда же на следующий день я прилетел в Нью-Йорк, где меня должен был встречать Ваня Бахурин, я с удивлением увидел его в компании Курехина.

Марина оставалась в России и дала мне ключи от своей квартиры. Сама же она должна была прилететь через неделю. Но оказалось, что Курехин уже живет у нее в квартире. Я очень люблю одиночество и предполагал самостоятельно начать изучать незнакомый мне мир. Но не тут-то было, мы сразу поехали к друзьям, где я наткнулся на Катю Заленскую. Я надеялся ее разыскать, но у меня не было ее телефона. Курехин был в Америке уже месяца два, один из которых он провел у Джоанны в Беверли-Хиллз. Он был ее персональным гостем и оказался ее персональным пленником. Как известно, в Беверли-Хиллз без автомобиля делать нечего, там даже нет тротуаров. И когда Джоанна уезжала по своим делам, Курехин вынужден был сидеть дома и смотреть телевизор. Через некоторое время от такого гостеприимства он полез на стенку и, воспользовавшись первой же okazji, сбежал в Нью-Йорк. Тут подоспел я, и мы вместе пустились исследовать пространство. Когда я уезжал, у меня было много телефонов интересных людей. Артем Троицкий дал мне телефон виолончелиста Тома Кору, но в тот момент меня совершенно не интересовала музыка и тем более виолончель, и я ничего не хотел слушать. Трудно себе представить более неподходящее сочетание, чем Курехин и я. Мы были знакомы сто лет, но никогда не общались вдвоем. Но, оказавшись в такой ситуации, мы вдруг обнаружили, что у нас очень много общего. Мы беспечно болтались по городу, ходили в гости, и Курехин оказался для этого идеальной компанией. На второй день моего пребывания в Нью-Йорке мы забрели в *Village Vanguard* на концерт Сан Ра. Меня рубил джет-лэг, и почти весь концерт я клевал носом, борясь со сном. Но я был восхи-

щен самим местом выступления: это был просто небольшой подвал, в котором не было даже гардероба, а на сцене с трудом помещались рояль и барабаны. Но при этом клуб был меккой джаза, где испокон веку играли все монстры. Наконец приехала Марина. По дороге она простудилась и была совершенно больна, и нам с Курехиным пришлось целую неделю за ней ухаживать. Потом он уехал во Флориду, и я оказался предоставлен самому себе. Еще с того времени в Монреале, когда Рене подарил мне велосипед, я постиг истину — оказываясь в новом городе, нужно непременно раздобыть велосипед. И я, одолжив таковой у своей старинной знакомой Клер Шипман, помчал по улицам Нью-Йорка. Велосипед для меня всегда был не просто способом передвижения, но еще и способом уединения, которое для меня постепенно стало способом существования. Иногда мне достаточно просто двигаться, чтобы приводить в порядок свои мысли, которые часто находятся в полном разброде. Находясь в движении в потоке машин, я начинаю чувствовать пульс города. В этот момент я не ощущаю себя туристом и иностранцем, я какое-то время живу в этом ритме. Валера Сорокин дал мне свой фотоаппарат, и впервые за долгие годы со времени армии я почувствовал вкус к фотографии. Я не мог насытиться и без особого разбора фотографировал все подряд. Мы часто виделись с Ваней, который уже давно скитался по Америке и был своего рода экспертом. В годовщину смерти Джона Леннона мы с Ваней пошли в Центральный парк прямо напротив Дакота-хауз, где он жил и где Йоко Оно разбила крошечный скверик «Strawberry Fields». Был морозный, но ясный декабрьский день, и я предполагал увидеть толпу. Но я был удивлен, обнаружив всего человек тридцать тусовщиков. Это было похоже на Васинский праздник, только никто не пил. Тинэйджеры сидели вокруг украшенного

цветами мозаичного круга с надписью «Imagine», символической могилы Джона, и играли на гитарах. Хотелось остаться и побыть подольше, но мы замерзли и вскоре ушли. Как-то я приехал туда на велосипеде в другой день и сел на скамейке поодаль. Люди шли по этой аллее, наступая прямо на это слово. Наверное, многие даже и не знали, что оно значит. Может быть, об этом знают и помнят только в России.

Потом мы с Ваней поехали в Нью-Хэйвен навестить наших друзей Андреа и Джима. Им было очень приятно после стольких лет дружбы пригласить нас в гости. И когда мы от них уезжали, Андреа с Ваней решили подарить мне фотоаппарат. Через две недели приехал Курехин из Майами, и оказалось, что за это время я успел по нему соскучиться. Он возвращался на родину раньше меня, и перед его отъездом мы еще несколько дней проболтались вместе, улаживая кое-какие дела, которые он отложил на последние дни. Мы встретились с Биллом Ласвеллом, и они, хотя Курехин почти не говорил по-английски, прекрасно поняли друг друга и мгновенно сговорились о совместном концерте в Японии. Наш дружок Коля Решетняк показал нам лучшие пластиночные магазины, и мы часами копались в старых пластинках на St. Mark's Place. Сам же Коля подвизался в цэрэушной конторе, которая занималась распространением литературы на русском языке. Туда можно было прийти и набрать кучу книжек, например, полные собрания сочинений Аксенова и Солженицына. Грех было не взять, когда дают. В это же время в Нью-Йорке оказался Алик Кан, но мы успели увидеться всего один раз на вечеринке, которую устроил Дэн Гроссман по случаю приезда такого числа друзей из России.

Один мой новый знакомый Дэвид Ширли пригласил меня сходить с ним в клуб «Knitting Factory», где вы-

ступал оркестр Питера Гордона. Место оказалось еще меньше, чем «Village Vanguard», а музыканты оркестра в количестве пятнадцати человек буквально сидели друг у друга на головах. Наш столик стоял прямо перед сценой, и я совершенно ошалел от звука живого оркестра. Я пытался сопоставить это с тем опытом, который я имел, но это было ни с чем не сопоставимо. Я вдруг вспомнил о том, что вся моя жизнь прошла около музыки и я всегда тяготел к такого рода музицированию. Мне захотелось позвонить Тому Коре. Но у меня уже был обратный билет, и я не успевал с ним встретиться. Но почти накануне отъезда мы с Мариной пошли на вечеринку, и первым человеком, которого я там встретил, был Питер Гордон. Мы разговорились о жизни и о том, что вот было бы здорово как-нибудь приехать в Россию. Я стал фантазировать, как это можно сделать и где такой оркестр мог бы сыграть, но ничего путного не придумал.

На Рождество мы с Мариной поехали к ее отцу в Бёрлингтон в штате Вермонт и навестили ее мать, которая была очень больна и находилась в доме престарелых. Я вспомнил, что оставил свою мать на попечение Андрея. Он работал водителем автобуса, и ему было непросто после работы ездить к матери. Я счел, что не могу оставаться в Америке более месяца, и, встретив Новый восемьдесят девятый год, поспешил домой. Когда я ехал в Америку, мама просила меня узнать о судьбе иконы Иверской Божьей Матери, о которой ходят легенды, что она мироточивая. Катя Заленская дала мне телефон некоего Николая Черткова, который мог бы мне в этом помочь. Он охотно согласился и прямо первого января предложил мне съездить в русский монастырь в Джорданвилль, километрах в четырехстах от Нью-Йорка. Я очень люблю путешествовать, поэтому с удовольствием согласился. Всю дорогу Николай рассказывал мне о судьбах русской аристократии

в Америке. В монастыре его все знали, и, коль скоро мы поспели к обеду, нас повели прямо в трапезную. Я чувствовал себя крайне неловко. Это был переход границы. Одно дело, когда приходишь в храм один, и совсем другое, когда тебя с кем-то спутали, почему-то кому-то представляют, но при этом ты ни к чему не имеешь никакого отношения. Однако каждый раз, оказываясь в храме, я не могу отделаться от ощущения, что попадаю в родное место, но что пока мое время еще не пришло и мне следует удалиться, не нарушая покой этого места. Мне надавали кучу православной литературы. Но самое главное, что я не просто выполнил поручение матери — узнал, что сама икона находится в Канаде, — мне к тому же дали огромное изображение этой иконы на картоне и пузырек с ватой, пропитанной миррой, которую эта икона действительно источает. Это было больше, чем я рассчитывал. А по дороге домой мы с Николаем заехали в русское поселение в городке Наяк, где он живет, чтобы я захватил передачу для его родственников. У меня уже было столько вещей, что я не знал, как я все это доведу до дома. Меня и так задали подарками. К тому же я накупил кучу пластинок, и напоследок Коля Решетняк сунул мне литровую бутылку соевого соуса. Когда мы приехали в аэропорт, я уронил рюкзак и соевый соус залил все мои вещи, у меня не было другого выбора, как при всем честном народе перетряхивать содержимое рюкзака, что оказалось бесполезно. Я сунул вещи в полиэтиленовый мешок, а рюкзак пришлось выбросить. Хорошенькое начало путешествия. Когда мы приземлились в Нью-Фаундленде, зайдя в туалет, я наткнулся на Иосифа Кобзона и очень развеселился. Я летел через Москву, где меня встречал Иван с Юрой Дышленко, для которого мне в последний момент передали огромный телевизор. Хотя уже всю шла перестройка, на таможне у меня отобрали все книги Солженицына и Аксенова.

По приезде я понес передачу родственникам Николая Черткова и познакомился с Машей Стеблин-Каменской. Время от времени она стала заходить ко мне в гости. Моя матушка прекрасно справилась во время моего отсутствия. Буквально на следующий день после моего возвращения ко мне пришел Курехин. Я сразу пожалел о том, что не остался еще недели на две-три, и мы стали звонить Маринке в Нью-Йорк. Почему-то время, проведенное в Нью-Йорке, нас с Курехиным очень сблизило, и мы стали видеться каждый день. Стояла зима, было темно и холодно. Но мы гуляли по городу, а потом шли ко мне пить чай. Мы рассуждали о том, что вот было бы здорово, если бы в Ленинграде был такой клуб, как «Knitting Factory», но понимали, что это нереально. Так прошла зима. Я ничего не делал и только два раза в неделю ходил играть в теннис.

Весной мне позвонил Володя Пинес и сказал, что один его знакомый из Вильнюса привез какую-то английскую группу и не знает, что с ней делать. Я тоже не знал, но поехал во Дворец молодежи. Там я встретился с Марюсом Кяршисом из литовского лэйбла «Зона», который метался по Дворцу в поисках кого-нибудь, кто за что-нибудь отвечал бы. Он познакомил меня с группой *World Domination Enterprises* и, поскольку был полный хаос с организацией, попросил меня с ними поболтать. Первый же вопрос, который мне задали музыканты, был «где можно достать травы?». Я никогда этим не промышлял и уже несколько лет не имел с травой близкого общения, но эту проблему было несложно решить. Когда дело было улажено, я позвонил Курехину, и мы пошли с ними гулять, а вечером зашли к Александре с Андреем, где и скоротали вечерок. Вечером приехал Марюс, который рассыпался в благодарностях — музыканты остались очень довольны проведенным днем. На следующий день состоялся концерт в Большом зале Дворца молодежи. Народу не было

вообще никого, а разогревали их *Мифы*. Я, в общем, ничего не имел против *Мифов*. Я их знал сто лет, но это была абсолютная стилистическая несовместимость. Я же был в полном восторге от выступления *World Domination Enterprises*. Это был стопроцентный английский панк-рок, и для меня это почему-то оказалось глотком свежего воздуха. Они привезли с собой стоваттные усилители, а у гитариста вместо порошка к корпусу гитары была привинчена дверная ручка. При этом он возил гитару без чехла, хотя у нас только-только наступала весна и было достаточно холодно. Но в зале не было ни одного панка, и получалось, что я, далеко не панк, был единственным человеком, который мог по достоинству оценить выступление. Я не понимал, как это вышло. Могу себе представить, какое столпотворение началось, если бы во времена моей юности в город приехала настоящая английская группа. Я проводил музыкантов на вокзал, и мы расстались друзьями. Через месяц мне позвонил Марюс и попросил встретиться американскую группу *Sonic Youth*. Я никогда о ней ничего не слышал, но с готовностью согласился. Я позвонил Алику Кану, и мы вместе поехали в гостиницу «Советская». Их была целая орава, они приехали со своими женами и детьми. Мы забрали их и, поскольку пойти было совершенно некуда, просто погуляли по городу. С ними приехал Витус Кубилюс из той же «Зоны», а организация концерта была примерно такой же. Я так и не знаю, кто были организаторы концерта, с которыми имели дело эти ребята из «Зоны». На следующее утро меня попросили съездить с музыкантами в Дом кино, куда должно было приехать телевидение, чтобы снять с ними интервью. Мы прождали часа четыре, сидя в ресторане. В это время дня там можно было заказать только столичный салат да бутерброды с колбасой, а половина гостей, как и я, были вегетарианцами. Я чувствовал себя крайне неловко, по-

скольку, исчерпав за это время все возможные темы разговоров, вынужден был оправдываться за всех русских. Музыканты не знали, что я не имею никакого отношения к организации их тура, и мне было трудно им это доказать. На следующий день был концерт в том же Дворце молодежи, и хотя народу в этот раз было человек двести, все равно для такого зала это мало. Гитаристы Тёрстон Мур и Ли Ренальдо привезли с собой по десять гитар, которые они меняли чуть ли не на каждой песне. Суть этого была в том, что эти гитары имели разный звук и были по-разному настроены. Но мощности аппарата явно не хватало. Музыканты остались очень недовольны, а Ким Гордон после концерта просто плакала. Но на меня концерт произвел ошеломляющее действие. Хоть мощности действительно не хватало, звучание группы было совершенно атомным. Звук был такой плотности и создавал такое напряжение, что меня просто вдавило в кресло, и эти люди могли управлять этим звуком и знали, что делают. На следующий день я звонил всем своим знакомым и зазывал их на концерт, но, приехав во Дворец, с досадой убедился, что концерт отменен. Мы с Аликом поехали в гостиницу узнать, в чем дело. Оказалось, что музыканты настолько обломались, что не захотели играть на таком звуке. Вечером они уезжали в Москву и все сидели в одном номере, куда им разрешили сложить вещи. Мы обменялись телефонами и проводили их на поезд.

Недели через две ранним вечером на Пасху я шел по Колокольной улице. Было абсолютно светло, как вдруг на меня налетела группа подростков. Они сбили меня с ног и стали бить. По счастью, кто-то из прохожих за меня вступился, и, схватив мою сумку, подростки разбежались. Это был разбой среди бела дня. Слава богу, я не получил сильных повреждений, а только вывалился в грязи. Когда я отряхнулся, из-за угла выехала милицейская машина.

Я в нее сел, и мы, обогнув квартал, поехали по улице Марата навстречу тому направлению, куда они убежали. Хулиганы не ожидали опасности с этой стороны и спокойно шли по Стремянной улице. Когда мы подъехали ближе, менты выпрыгнули из машины и тут же схватили троих из них. Весь вечер я просидел в отделении у Московского вокзала, пока их всех туда не привезли. Нападавших оказалось восемь человек. Но ни у кого из них не было моей сумки. Когда же все-таки к ночи привезли их главаря, меня попросили составить описание содержимого сумки, которую нашли у него дома. Там оказалось все, кроме пленки, на которую я фотографировал *Sonic Youth*. И ее уже было не найти. Я получил колоссальный стресс и какое-то время шарахался, когда видел компанию молодых людей.

Я не знал, чем заняться, и мой тренер по теннису, Ирина Варфоломеева, предложила мне работу на теннисном корте. За год до этого на эту должность я порекомендовал Родиона. Но коль скоро он не играл в теннис, ему эта работа была неинтересна. Итак, я устроился водолем на теннисный корт. Он принадлежал спортивной базе Академии наук, которая располагалась на Каменном острове в отдельной усадьбе. В свое время Сталин дал эту усадьбу какому-то академику, а потом по запарке его застрелил, наверное, после этого дача и досталась Академии. Корт был в средней степени запущенности. И с начала апреля я начал приводить в порядок вверенное мне хозяйство. Работа эта не очень простая и чем-то напоминает труд садовника — она не очень тяжелая, но нужно постоянно работать. За кортом надо ухаживать — просеивать и подсыпать песок, сметать крупную крошку, укатывать ручным катком, рисовать краской линии и вечером заливать водой. При этом работа зависит от погоды и интенсивности эксплуатации корта. Когда же я подго-

товил корт к началу сезона, меня больше всего интересовало, в каком режиме я сам смогу играть в теннис. Я проводил там несколько часов в день, все время что-то поделявая, а иногда просто играя у стенки. У меня не было постоянных партнеров, и я ждал, когда появится кто-нибудь, с кем я мог бы поиграть. Время на корте было распределено по учреждениям Академии наук. Своих часов, когда бы я мог располагать кортом, у меня не было, и мне приходилось ждать «окон», когда кто-то не придет. Рассчитывая провести там все лето, я стал потихоньку обзаводиться хозяйством. Я расчистил себе уголок за пределами площадки, поставил скамейку и протянул сетевой удлинитель из здания. Таким образом я мог всегда согреть чайник. А когда у тебя есть чайник, всегда найдется кто-то, кто зайдет на чашечку чая. Прямо за оградой нашей усадьбы находились корты «Ленфильма». Это был другой уровень бытия. Там была чисто спортивная тусовка, и ребята, которые уже несколько лет работали на кортах, содержали их в идеальном состоянии. Мы познакомились, мне было чему у них поучиться, и я всегда мог попросить каток или что-нибудь еще, но все равно я был соседом и немного другим, и теплой дружбы у нас не сложилось. У нас был сторож, дядя Миша, бывший теннисист, который тихо пил и выходил играть в теннис в шлепанцах, да и то если сильно выпьет. Он меня немного опекал, но все равно не чувствовал во мне своего и бурчал. С ним трудно было о чем-нибудь договориться. У меня было несколько знакомых из теннисной тусовки. Иногда приезжала Ирина, а чуть позже я познакомился с ее подругой Светой Рюминой, которая вела там группу. Они обе замечательно играли в теннис, и в свое время Светка была чемпионкой города, а Ирина второй ракеткой. При этом у них обеих был дар тренера. Я занимался несколько лет под руководством Ирины и был благода-

рен ей за то, чему она меня научила. И когда я тусовался на корте, Светка стала привлекать меня в качестве спарринг-партнера с ее учениками. Коль скоро я там находился почти целый день, то постепенно перезнакомился почти со всеми, кто приходил играть. Мне было очень интересно, это был совершенно другой мир, с которым мне не приходилось пересекаться. Иногда ко мне забредали дружки, приезжали Курехин, Алик Кан, Витька Сологуб и Джоанна с Юриком Каспаряном. И через некоторое время многие мои друзья узнали, что я работаю на Каменном острове, и все любопытствовали, чем я там занимаюсь.

В мае приехала Найоми Маркус, которая сожалела о том, что я не доехал до нее, когда был в Америке, и стала меня активно приглашать приехать снова, на сей раз на Западное побережье, в Сан-Франциско. У меня уже не было денег, тем более что летом я собирался на две недели поехать в Берлин. Но она сделала мне приглашение, и, поскольку в Америку меня тянуло, я стал искать способ снова туда поехать.

В начале лета приехали Генри Кайзер, гитарист, вместе с которым Курехин записал альбом *Popular Science*, и пианист Грег Гудман. Первый концерт был в кафе ДК пишевигов, куда переехал джазовый клуб «Квадрат», и Кайзер играл один, поскольку там не оказалось пианино. Народу почти не было. Второй концерт состоялся во Дворце молодежи, в нем принимали участие и сам Курехин, и Саша Ляпин. Концерт был по всем параметрам замечательный, но слишком камерный для такого гигантского зала. Дворец молодежи был вполне привычным местом, но уж больно громоздким и чуждым. Я представил себе, каким бы мог быть такой концерт в «Knitting Factory». После концерта мы поехали ко мне пить чай. И коль скоро у меня стала срастаться поездка в Сан-Франциско, мы договорились осенью встретиться.

Со своими старыми друзьями мы почти не виделись. Боб с Титовичем отправились в длительное турне по Америке продавать только что вышедший альбом. Их группа состояла из американцев, среди которых был перкуссионист, игравший с *Talking Heads*. Эта тема меня совершенно не интересовала. Хотя, может быть, из любопытства я послушал бы такой оркестр.

Я с удивлением узнал, что для въезда в Западный Берлин русскому гражданину не требуется въездная виза, только заграничный паспорт. И я решил на десять дней съездить в гости к старой знакомой Ангелике Шталь. В это время она ждала ребенка. Она меня давно приглашала, а после рождения ребенка остановиться у нее было бы крайне неудобно. Я сговорился с дядей Мишей, что он будет поливать корты во время моего отсутствия, и отправился в очередное путешествие на поезде. По приезде, конечно же, первым делом я нашел велосипед и пустился колесить по городу. Это было приятное время, когда я вдруг смог поехать в гости к друзьям, которые часто бывали у меня дома, и я был уверен, что не смогу нанести им ответный визит. И когда это оказалось возможным, я совершенно искренне радовался тому, сколько у меня друзей, с которыми меня связывают многолетние отношения. В этот раз меня уже пристально интересовали музыкальные клубы. Ходить туда каждый вечер я себе позволить не мог, но один раз мы с Бернардом Друбой пошли в клуб «Kvasimodo» на концерт Карен Мантлер. Помимо того, что Карен Мантлер дочь Майкла Мантлера и Карлы Блэй, вдобавок ко всему в ее группе пел сын Чарльза Мингуса. Она оказалась замечательна сама по себе, и единственное, о чем я жалею, что не смог на этом концерте купить ее пластинку. Оказываясь в клубах, я чувствовал, что попадаю в свою стихию.

Когда я вернулся, меня уже не покидала идея-фикс. Почему в городе, в котором я живу, до сих пор нет такого клуба? Я сговорился с Валерой Сорокиным, что мы будем вместе работать на корте, поскольку ездить туда два раза в день оказалось достаточно тяжело. Я приезжал утром или днем, он же приезжал вечером поливать. Мы попытались раскрутить начальство на то, чтобы нам дали материал для сарая, но, соорудив металлический каркас, мы так и не дождались досок, чтобы обшить его. Можно было купить доски самим, но вкладываться было жалко, так как не было никакой уверенности в том, что на следующий год мы там снова будем работать. Да и денег особенно не было.

В конце лета или уже осенью Тропилло устроил фестиваль журнала «Аврора» на Елагином острове. Находясь до вечера на корте на Каменном острове, я хорошо слышал знакомые звуки, и на третий день я все же сел на велосипед и из любопытства решил туда съездить. К своему удивлению, я узнал, что в этот вечер должен выступать Боб, хотя заранее это не было объявлено. Как выяснилось, Житинский вписал его туда уже в последний день. Боб совершенно выпадал из контекста фестиваля, и на его выступление почти никто не обратил внимания; я не понимаю, зачем он согласился. Когда он закончил, я загрузил велосипед в автобус и стал ждать, когда все сядут. Автобус по настоянию Боба подогнался почти к самой сцене, вероятно, предполагая, что его поклонники не дадут ему спокойно уехать. И я просто покатывался со смеху, когда Боб, прикрывая лицо гитарой, прошмыгнул в автобус и лег в проход, чтобы его никто не заметил, в то время как возле автобуса никого не было. Бедняжку настолько скрутила звездная болезнь, что ему уже мерещились толпы поклонниц, разрывающие его на части.

Мы поехали к нему домой, поскольку он обещал мне одолжить денег на мое путешествие по Америке. Дюша с Файнштейном тоже туда отбыли, и я предполагал их там застать, хотя мы не договаривались встретиться. Примерно в это же время в Америку собиралась Ольга Шульга, и ее я тоже надеялся там встретить. Я не знал, на какой срок я поеду, но рассчитывал найти там какую-нибудь поденную работу и на месте заработать средства к существованию. Я опять договорился с Андреем и Татьяной, что они будут ухаживать за матерью.

В начале октября вместе с Ливерпульцем я отправился в Москву. Как обычно, у меня была куча передач. Всегда оставалась вероятность, что на таможне что-то не пропустят, и если кто-то провожает, то у него можно было это оставить. У меня была куча пластинок производства Тропилло. Он выпустил огромное количество рок-ролльной классики, в самом невероятном оформлении. Так на двойном альбоме *Led Zeppelin*, который он составил из четвертого и пятого, что уже было смешно, он поместил портрет Мити Шагина в ватнике с вязанкой хвороста. Такие пластинки были замечательным сувениром, а иногда их можно было выгодно продать как коллекционные. Правда, мне это никогда не удавалось. Тем более что в этот раз на таможне в Шереметьево у меня отобрали две коробки, которые я и оставил Ливерпульцу. Среди них оказалась коробка пиратских пластинок *Sonic Youth* производства студии «АнТроп», которую я вез им в подарок.

В аэропорту Кеннеди меня, как обычно, встречал Ваня Бахурин с Мариной. Они только что проводили Файнштейна с Дюшей, которые улетали на том же самолете, на котором прилетел я, и мы разминулись в переходах аэропорта. Ваня тоже уже второй раз пребывал в Америке. Я остановился у Маринки, но в этот раз это было

не совсем удобно, поскольку она переехала и делила квартиру со своей подругой Мэгги. К тому же русские дружки не переводились. Незадолго до меня у нее гостил Сашка Липницкий, а во время турне с Бобом там всегда останавливался Сашка Титов, когда они с Бобом возвращались в Нью-Йорк. Воистину американское гостеприимство не знает границ. Наши путешествия попали на то время, когда только что открыли границы, и толпы русских повалили в Новый Свет. Я не был исключением и по-прежнему, вырываясь за пределы отчизны, пребывал в состоянии эйфории. Когда я зашел в «Tower Records», то просто налетел на две гигантские бронзовые буквы «VG», но что-то я не заметил, чтобы кто-нибудь эти пластинки покупал, наверное, я просто попал не вовремя. Но было немного обидно за державу. Потолкавшись несколько дней в Нью-Йорке и немного придя в себя после джет-лэга, что у меня обычно сопровождается сильной мигренью, я полетел на другое побережье в гости к Найоми Маркус. Сначала Сан-Франциско мне не понравился, после Нью-Йорка он мне показался каким-то кукольным. На следующий день мы встретились с Ольгой Шульгой и пошли в гости к Лиз Рознер, сестре Найоми, которая жила с мужем на торпедном катере в доке старого порта. Была замечательная погода, и мы расположились на палубе попить чайку. Но чаепитие было омрачено ужасным запахом сероводорода. Я никак не мог понять, откуда это пахнет, и не представлял себе, как можно постоянно жить при таком запахе. На воде время от времени появлялись пузыри. Вдруг торчавшие из воды бревна, напоминавшие опоры старого пирса, накренились и как будто задрожали, а потом нас сильно потрянуло, и мы чуть не попадали. Я посмотрел на берег: было такое ощущение, что пропала резкость изображения, и захотелось протереть глаза. Вдали что-то ухнуло, а стояв-

ший поблизости мотоцикл подпрыгнул и упал. Наши хозяева извинились и сказали, что, наверное, это было землетрясение, которые в этих широтах случаются достаточно часто. Из соседних посуды повывлезали люди. Лиз пыталась позвонить Найоми, но выяснилось, что оборвалась телефонная связь. Кто-то притащил приемник, и все стали слушать, что произошло. Но понять было невозможно, поскольку никто ничего не знал. Работали две радиостанции, но ведущие не располагали никакой информацией о силе землетрясения. Мы так и не попили чаю, поскольку электричества тоже не было. Мы сели в автомобиль и поехали в центр, пытаясь вычислить, где может быть Найоми. Все ехали очень медленно с включенными приемниками. Всюду были пробки, но никто не паниковал и все спокойно ждали своей очереди. Мы тоже были возбуждены происходящим. Когда мы добрались до Найоми, уже начинало темнеть. Слава богу, что сестры нашли друг дружку и можно было расслабиться. За Ольгой заехали ее друзья, а мы остались дома и при свечах слушали приемник. Всем советовали не выходить на улицу. Я порывался пойти, но хозяйки мне не позволили. Это был мой второй день в городе, на улицах не было света, и они боялись, что я могу заблудиться. Землетрясение оказалось 7,1 балла по шкале Рихтера. Население города спокойно готовилось к трудностям, организовывались дружины для охраны порядка, а сам же город являл совершенно психоделическую картину. Сан-Франциско расположен на холмах, и темноту прорезал лишь свет тысяч фар снующих вверх-вниз автомобилей, а над районом Марина было зарево — начались пожары. Последний раз при землетрясении такой же силы в 1910 году сгорел весь город. На следующий день я не мог встать с постели от сильной мигрени. Она и так меня часто мучает, но в этот раз я провалялся весь день. Я хотел пойти

гулять и пофотографировать город после разрушений, что, наверное, было бы не очень правильно. Через день, когда я уже был на ногах, все опасные районы оцепили и разрушений не было видно. Все эти дни я пытался дозвониться домой, но это было бесполезно. Больше всего я переживал, что в новостях скажут, будто в результате землетрясения весь Сан-Франциско стерло с лица земли. Но наконец на четвертый день связь была восстановлена, и мне удалось дозвониться.

Мы часто виделись с Ольгой. Мы с ней были старинными друзьями и, еще когда работали вместе, часто ходили гулять после работы, так что я был очень рад оказаться в ее компании. Сан-Франциско же идеальное место для того, чтобы бесцельно проводить время. Можно часами бродить по городу или просто пойти на залив или на океан. Особенно красиво во время тумана, когда усиливается запах эвкалиптов, а с океана доносятся гудки сирен, которые стоят на бакенах и указывают фарватер. У каждого гудка свой тон, и звучат они с разным периодом. Это совершенно невероятная какофония. Можно сидеть часами и пытаться просчитать период звучания каждого гудка, которое вдруг прерывается лаем морских львов. В какой-то день мы пошли на Haight-Ashbury и сели на газон. Но это место давно умерло, и кроме нас там никого не было. Оно напомнило мне хипповую горку в Таллинне. Ольга же была из другого времени, и ей эти места ничего не говорили. Точнее, она жила в это же время, но все эти вещи, которые притягивали меня всю жизнь, для нее не существовали или прошли мимо нее. Но у меня было такое ощущение, что я начинаю чувствовать этот город. Оказавшись в Калифорнии, я хотел встретиться со своими знакомцами *CSN*, и когда увидел рекламу их концерта, то позвонил Грэму Нэшу в Лос-Анджелес. Это был традиционный концерт, кото-

рый устраивал Нил Янг в поддержку Bridge School, школы для детей, больных церебральным параличом. К несчастью, оба его ребенка страдают этим врожденным недугом, и он прикладывает много усилий для развития программ, связанных с возможным лечением этой ужасной болезни. Грэм пригласил меня на концерт, который должен был состояться в «Shoreline Amphitheatre», километрах в пятидесяти от Сан-Франциско, и мне надо было только изобрести способ, как туда добраться. На мое имя было оставлено два пропуска, и я пригласил Ольгу составить мне компанию. Ее не очень интересовала такого рода музыка, но, первый раз оказавшись в Америке, люди обычно соглашаются идти во все места, куда их приглашают, поскольку все интересно. Туда нас отвез Том Дженкинс, который собирался заехать к родителям в Сан-Хосе, и это ему было почти по пути. В этом концерте также принимали участие Трэйси Чэпмен, Том Петти, и я предвкушал услышать *CSN* вместе с Янгом. Был прекрасный вечер, и все было замечательно, только меня удивило, что люди, которых мы обгоняли на машине, шли на концерт с одеялами и пуховыми спальниками. Через некоторое время я убедился в том, что они были абсолютно правы. Это был огромный амфитеатр на берегу океана; зал, оборудованный трибунами со скамьями, плавно перетекал в огромную лужайку, на которой размещалось еще тысяча двадцать человек. Концерт был отменный, и я весь трепетал от восторга — мои любимцы пели и *Wooden Ships*, и *Helpless*, и все те песни, что они когда-то пели вместе во времена оны. Но примерно через час задул легкий ветерок, и стало не так уютно. Вторую половину концерта мы уже не знали, куда деваться от пронизывающего холода. Слава богу, у нас был пропуск за кулисы, и мы постоянно бегали туда согреться горячим чаем, но этого хватало не надолго, а концерт все не кончался. Мне же было

интересно и потолкаться за кулисами, но при этом не пропустить собственно концерт. Я видел много знакомых постаревших лиц, но терялся в догадках, кто бы это мог быть. По-моему, там был кто-то из *Quicksilver Messenger Service* или *Moby Grape*, в общем, классическая калифорнийская тусовка. Грэм Нэш был очень любезен и высказал сожаления по поводу того, что группа, в которой я играл, больше не существует, хотя еще год назад все казалось таким радужным. Я думаю, что он слышал сольный опус нашего друга и предпочел по этому поводу не распространяться. Мне кажется, если Боб был бы менее самонадеянным и пригласил бы Нэша в качестве продюсера, результат получился бы куда более точным. Я хотел было подойти к Стиллзу, но мне показалось, что он смотрит на меня и не узнает, и я решил, что не стоит его тревожить понапрасну. Нил Янг вблизи оказался очень похож на Юрия Морозова, и это меня развеселило. Лица этих людей, которые ты столько лет изучал по пластинкам, становятся тебе родными. И мне кажется, что Нила Янга я знаю лучше, чем Юрия Морозова. Концерт, слава богу, закончился. Нас ждал пунктуальный Том в теплой машине. И теперь я очень хорошо знал, что такое Северная Калифорния, — согрелся я только дома, когда залез в горячую ванну.

Но любое гостеприимство имеет свои пределы, и я решил пробираться на Восточное побережье и попытаться найти работу. Перед отъездом мы с Лиз поехали в Монтерей к родителям Найоми, в семье которых Лиз воспитывалась с детства, и там я провел чудный уикенд на берегу океана. А потом на три дня слетал в Лос-Анджелес в гости к Джоанне Стингрэй и ее сестре Джуди. К сожалению, они так и не восстановили дружеские отношения. Джоанна прислала мне билет и, встретив меня в аэропорту, отвезла в свой легендарный домик в Беверли-Хиллз,

который представлял собой музей-квартиру русского рока. По всем стенам висели фотографии и атрибуты, которые она вывезла из России. Это было чрезвычайно трогательно и немного напоминало квартиру Коли Васина. (Кстати, в условленный день я позвонил Коле в Мемфис, где он сидел в плену у Сида Шоу, играя роль фана Элвиса Пресли. Но это его история, и о ней напишет он сам.) Хотелось бы увидеть эту квартиру по прошествии десяти лет, когда все русские дружки Джоанны ее бросили. Два дня я провел у Джуди, которая вышла замуж за Васю Шумова, они жили душа в душу. Интересно, что все мои американские друзья дома были немножко другими, чуть-чуть более отстраненными. Наверное, и я после стольких лет знакомства, оказавшись у них в гостях, тоже был странен.

Также, почти сразу после землетрясения, я съездил в Беркли в гости к Генри Кайзеру, и мы с ним и Грегом Гудменом совершили поход в горы. По дороге мы заехали в *redwoods* (секвойный лес), я пытался сфотографироваться на фоне ствола секвойи, но там было так темно, что ничего не получилось. Выглядит это так, как будто стоишь на фоне стены. Дерево было метров пятнадцать в обхвате, а если смотреть вверх, то не видно вершины. Не влюбиться в Сан-Франциско оказалось невозможно. Конечно же, это не одно и то же, когда живешь там и когда приезжаешь туда на каникулы, и когда у тебя столько друзей. Когда же я вернулся в Нью-Йорк, то рассчитывал, что смогу устроиться мессенджером на велосипеде. У меня не было ни копейки денег, а сидеть не шее у Марины уже было невозможно. Но для этого оказалась нужна страховка, которой у меня, естественно, не было. Не удалось мне устроиться и грузчиком. Я позвонил Тёрстону Муру, и он пригласил меня в гости домой, где они жили вместе с Ким Гордон. Он подарил мне полное собра-

ние сочинений пластинок группы на то время. Потом мы встретились со Стивом Шелли и пошли пообедать, после чего отправились в «Knitting Factory». Там играл какой-то достаточно типичный фри-джаз, так что я даже не запомнил имен музыкантов, но, оказавшись там в очередной раз, я был поражен тем, насколько нью-йоркские музыканты неприхотливы. *Sonic Youth* собирались писать новый альбом (который впоследствии получил название *Goo*) и могли нанять меня для перевозки аппаратуры в студию. Мне это было бы чрезвычайно интересно, к тому же я был не прочь подзаработать, но мои друзья Андреа с Джимом пригласили меня на День благодарения в Покипси. Этот праздник принято встречать с родителями и есть индейку. Индейку я не ем, но мне неудобно было отказаться, и вместо сессии с *Sonic Youth* я предпочел поездку к друзьям. На обратном пути из Покипси мы поехали к ним домой в Вашингтон. Насладившись туристическими красотами, я мечтал куда-нибудь сходить послушать музыку. Мы пошли в клуб «Вауоу», где играла еще одна легенда моей юности, Йорма Кауконен, со своей группой *Electric Hot Tuna*. Он один из самых почитаемых мною гитаристов, с которым, как выяснилось, до сих пор играл Джэк Кэссиди из классического состава *Airplane*. Ко всему прочему они делали настоящее лайт-шоу в духе первых кислотных тестов середины шестидесятых. Причем всё шоу было чисто механическим, безо всяких там лазеров. Десять кинопроекторов, в которые заправлены петли, одновременно проецируют изображение на экран позади музыкантов. Это было восхитительно, но в первую очередь меня поразило все тот же звук и само место. Клуб был вместительный, раз в пять больше «Knitting Factory», но очень компактный. Можно было сидеть наверху и слушать музыку, а внизу для тех, кто хочет танцевать или просто двигаться в такт музыке, имелось

свободное пространство. Когда мы возвращались домой, то едва избежали лобового столкновения на извилистой дороге парка, Андреа только успела вывернуть руль, как какой-то психопат на скорости километров сто в час прочесал нас по левому борту и даже не остановился. По счастью, у нас была тяжелая машина, и он только разбил нам фару.

Пора было подумывать о возвращении домой, и я отправился в Нью-Йорк. У меня был велосипед, и я особенно не нуждался в средствах, поскольку мог перемещаться по городу автономно. Но какие-то деньги все-таки были нужны, и Коля Решетняк помог мне устроиться на два дня поработать — считать машины на перекрестке. Это очень хорошая работа: нужно всего лишь нажимать на красную кнопку арифмометра, если машина идет слева, и на зеленую, если машина идет справа. Сложнее, когда стоишь на оживленном перекрестке, и машины едут с четырех сторон. Правда, тогда ставят двоих людей. Платят за это по \$ 70 в день, и любой русский продал бы Родину за такую работу, но, к сожалению, и на такую работу нужна грин-карта. И если два дня можно поработать вместо кого-то, то неделю уже опасно, потребуют документы.

Один раз Маринка принесла мне контрамарки на концерт Стива Рэй Воуэна в «Madison Square Garden». Ее приятель работал на Си-би-эс и иногда доставал ей бесплатные билеты. Так я успел послушать одного из величайших гитаристов современности. Такого класса игры в сочетании с прекрасной музыкой и безупречным звуком я никогда больше не слышал. В особенности по контрасту с Джефом Бекон, который играл в первом отделении. Я его очень любил и был разочарован тем, что он продемонстрировал бессмысленный бесконечный запил на гитаре, похожий на тяжелый металл без вокала.

Как-то Кенни Шеффер пригласил меня на концерт из произведений Джими Хендрикса, играемый оркестром, в котором даже не было электрической гитары. Я, к сожалению, не помню название этого оркестра и имен музыкантов. Но это был потрясающий концерт, в котором красками акустических инструментов передавалась вся палитра звучания одной гитары Джими Хендрикса. Кенни в свое время работал с самим Хендриком и дал игре этого оркестра очень высокую оценку. У меня, к сожалению, не сохранилась программка, надо будет спросить у Кенни.

Марина в очередной раз достала билеты на Боба Дилана в «Beacon Theatre», и мы снова пошли с Кенни. Это был большой театральный зал, похожий на ДК Крупской, тысячи на полторы-две зрителей. Была очень умеренная пожилая аудитория, никаких тинэйджеров и тусовни. Кенни был раздосадован, ему что-то не понравилось — он видел лучшие концерты и вскоре ушел. Это был электрический концерт с гитаристом Эрлом Сликком. Боб Дилан был абсолютно некоммуникабелен, нисколько не заигрывал и не хотел угодить зрителям, и тем самым очень понравился мне. В конце люди все-таки устроили ему овацию, но он даже не вышел на бис. И конечно же мы все вместе сходили в «Radio City Hall» на концерт *Eurythmics* без Гребенщикова. И надо сказать, что это оказалось не хуже, чем с оным.

Перед отъездом мы встретились с Мэри Рёдер, у которой жил Иван. Мы разговорились, и она предложила мне партнерское сотрудничество. Она основала компанию «Sounds Of The Planet», и уже один раз организовала приезд в Америку какого-то детского хора. Теперь она хотела попробовать что-нибудь с современной музыкой. Она предложила мне выступить в роли антрепренера. Осталось понять, кого можно было привезти? Из тех

людей, которые что-то делали, многие так или иначе обратили на себя внимание, но мне были не особенно интересны. И наверняка были интересные вещи, которые не попали в поле моего зрения. Это предстояло выяснить. Я вернулся с твердым намерением начать что-то делать.

Сразу после наступления девяностого года приехал Кенни, и мы с Сашкой Титовым поехали в Москву встретиться с ним. Я рассказал ему о своей идее создания музыкального клуба. Он вселил в меня надежду, пообещав, что если я найду подходящее помещение, то он попытается изобрести возможность финансирования такого предприятия. Я начал рекогносцировку и по совету Ивана пошел к Захару Коловскому, который основал ленинградский филиал Общества поощрения современного искусства «А—Я». Звучит это немного замысловато, но идея была просто замечательная. Он основал организацию, которая выполняла функцию посредника в регулировании отношений с государством. При ней можно было зарегистрировать любое творческое объединение. И в том случае, если понадобится хождение по инстанциям, можно было писать письмо на бланке «А—Я» и ставить свою подпись, которую они скрепляли своей печатью. Это было очень важно. Я решил создать и зарегистрировать организацию и стал искать кого-нибудь на должность директора, поскольку занимать таковую сам не хотел. Я не умею вести дела и управлять. Случайно встретив Мишу Мончадского, я предложил ему возглавить это объединение. Он был деловым человеком, закончил торговый институт и был идеальной кандидатурой, к тому же он нигде не работал и находился в свободном полете. Он был в восторге и загорелся этой идеей. Итак, весной девяностого года мы зарегистрировали Музыкальное творческое объединение. Перебирая подходящие названия, мы слу-

чайно натолкнулись на слово «TaMtAm», которое за ним и закрепили.

Мы вместе продолжили поиск помещения, но ничего подходящего так и не нашли. К тому же предстояло понять, как, найдя таковое, можно вступить в его владение. Вероятно, его можно было арендовать, но как это осуществить, имея в виду финансирование, предложенное Кенни? Мы продолжали переписку с Мэри Рёдер. Она писала абстрактные письма, рассчитывая на поддержку американских фондов, и каким то образом заручилась поддержкой Стинга. В общем, в перспективе вырисовывалась очень внушительная картина.

Мы по-прежнему часто виделись с Курехиным. В это время актриса Вера Глаголева, которая в качестве режиссера снимала свой первый фильм, или, как говорят киношники, картину, пригласила его написать музыку. Он колебался, но, как-то познаколив меня с нею, начал подстрекать меня сняться в этом кино. По сценарию там была роль музыканта-тусовщика, и я по всем параметрам на нее подходил. И вот они оба начали меня уговаривать. Я прочел сценарий, написанный Светой Грудович, старинной знакомой Курехина. Это была наивная романтическая история из будней студентов театрального института в семидесятые годы. Это была совсем чуждая мне среда, к тому же у меня нет никаких актерских способностей, я не могу входить в образ и категорически не могу говорить на чужом языке, мне не свойственном. Я приводил в свою защиту все эти аргументы. Но меня обложили со всех сторон, и я сдался. В одном эпизоде я должен был воссоздать атмосферу подпольного сейшена. Для этого мы выбрали место в мансарде у Горошевского, в той самой, где нас винтили с *Поп-механикой*. Она мало изменилась с тех пор. Мы привезли пару комбиков и ударную установку. Я свистнул своих дружков, и те в свою очередь

свистнули своих. Так пришло человек пятьдесят, совсем немного, но вполне достаточно для такого места. Перед этим мы собрались в ДК связи со Славкой Егоровым, Сережей Березовым и Андреем Горобцом, чтобы отрепетировать пару пьес, поскольку мне не хотелось, чтобы это был чистый джем. На съемку пришли Саша Ляпин, Андрей Отряскин, Саша Емельянов и Димка Гусев со своей группой *Кингстон Черная Мама Дхарма Бэнд*. Курехин тоже присутствовал, но категорически отказался играть, хотя там было пианино. Собственно, снять нужно было всего один эпизод, но постепенно это переросло в настоящий джем-сейшен, когда по очереди играли все. Я не знаю, как там с точки зрения фильма, но меня вдохновило то, что музыканты, которых я давно знал и которые уже привыкли к большим аудиториям, на самом деле соскучились по малому пространству. Я неожиданно нашел ключ к тому, что я подглядел в «Knitting Factory», — клуб оказался возможен. Для этого была почва. По ходу съемок было еще несколько эпизодов при моем участии, в частности подпольная выставка, которую мы специально организовали на Пушкинской, 10. Это было симпатично, но в то время достаточно обычно.

Весной приехал Боб. Он уже несколько месяцев жил то в Лондоне, то в Нью-Йорке, что стало само собою разумеющимся. Нас ничего не связывало, кроме старой дружбы, и мы достаточно часто виделись. У него возникла идея выпуска собственной газеты под маркой *Аквариум*, и он призывал всех писать статьи. Меня не очень интересовала эта тема, но редколлегия пару раз собиралась у меня дома. Впоследствии Джордж взял инициативу в свои руки, и они с Файнштейном выпустили первый и единственный номер газеты «Арокс и Штёр», но потом эта идея сама собой заглохла. Как-то Боб заехал с предложением выпуска фотоальбома и предложил мне заняться поиском

пропавших фотографов и редких фотографий группы. Судя по всему, тогда у нас было общее прошлое, и мы примерно одинаково к нему относились. То есть оно прошло, но о нем иногда приятно вспоминать и иногда его можно вытаскивать. Тогда же у него возникла идея создания фан-клуба, и он предложил нашему старому дружку Вовке Дьяконову возглавить его. Тот очень серьезно к этому отнесся и зарегистрировал организацию под идиотским названием «Общество любителей „Аквариума“». Объявление о его создании дали в той же газете, и Вовку сразу завалили письмами. Он перепугался и сразу бросил это занятие. Прошло несколько лет, у него осталась зарегистрированная организация с уставом и печатью, и он до сих пор мечтает ее кому-нибудь продать.

Летом Боб вместе со всей семьей собирался в Лондон и пригласил меня приехать к нему в гости. Я ничего не имел против, Лондон меня манил, как любого человека, выросшего на *Beatles*, да и вообще. Но в апреле я снова устроился на теннисный корт. Валера Сорокин тоже метнулся в заморские странствия, и себе в компаньоны я пригласил Сережу Сараджева, с которым познакомился на этом же корте за год до этого. Мы распределили обязанности, но, поскольку Сережа тоже играет в теннис, мы с ним виделись чаще. Также туда стал приезжать Миша Мончадский, и мы фантазировали на тему клуба. Каждый день приходил Родион, который жил неподалеку и заглядывал просто посидеть и поговорить, он не пил даже чай, только дистиллированную воду. Я был чрезвычайно рад тому, что своих многочисленных гостей я теперь мог приглашать на Каменный остров. При этом я мог их дифференцировать на тех, кого я действительно хотел видеть, и тех, кто напрашивался в гости. У меня теперь был предлог, я мог говорить, что я на работе, а если я кого и приглашал из вежливости, то знал, что они отка-

жутся и туда не поедут. Уж больно диким казалось пойти в гости в спортивный клуб. Вообще спорт почему-то отпугивает многих людей. Когда я кому-то говорил, что работаю на теннисных кортах, они никак не могли взять в толк, что я имею в виду. Меня же это очень забавляло. Так я доработал до середины июля и укатил в Лондон. Свои функции я сложил на Мишу Мончадского, к этому времени они с Серегой спелись и отлично поладили.

Боб встречал меня в аэропорту Хитроу, и по дороге я узнал, что прямо в этот день на Уэмбли играют *Rolling Stones*. Я не мог поверить в такое везение. Конечно же, они часто играют в Лондоне, но не так чтобы уж каждый месяц. У них как раз был тур *Steel Wheels*. Я попросил у Боба денег на билет и помчал на Уэмбли. По дороге меня смутило то, что я еду в метро на концерт *Rolling Stones*, но в поезде никого нет. Так я в недоумении проехал через весь город. Когда же на станции «Уэмбли-парк» я вышел наверх, то наткнулся на огромное объявление о том, что концерт отменяется в связи с болезнью Кита Ричардса. Я был ужасно раздосадован. Выступление перенесли на конец тура, месяца через два, а я не был уверен, что останусь в Лондоне так надолго, хотя в итоге прожил почти три месяца. Мы жили на Альбион-стрит прямо напротив Гайд-парка, там, где он граничит с Кенсингтонским, куда я каждый день ходил гулять с Василисой и Марком. Я отдыхал, Боб давал мне деньги на карманные расходы, и я болтался по городу. Вечерами мы брали какие-нибудь фильмы в прокате и прекрасно проводили время. Я просто жил в их семье, но при этом не было самого главного элемента — соучастия. Я был в состоянии легкого недоумения по поводу того, зачем он меня пригласил. Боб предложил мне взять с собой виолончель, и я думал, что, может быть, если у него будет настроение, мы что-нибудь поиграем вместе, но этого настроения у него не возникло.

Он сочинял песни для второго альбома, живя в Лондоне, но при этом совершенно не питаясь его музыкальной жизнью. Он считал себя звездой, сразу воссиявшей на тамошнем небосклоне, но только там пока этого никто не заметил, и жизнь продолжалась где-то рядом. Можно было выходить в свет, общаться с Дэйвом Стюартом и его женой, но при этом совершенно не вписываться в контекст музыкальной тусовки, а без этого ничего невозможно. Точнее, возможно, но только в этом нет никакого смысла. Ведь и здесь, и там все происходит только на уровне тусовки, и если ты в нее не попадаешь, то уж лучше быть здесь.

Я жил в спальном мешке на подогреваемом полу в проходной комнате. Ранним утром со второго этажа ко мне сбегали Марк и Василиса и начинали колбаситься, смотреть мультики, и мне приходилось вставать и начинать хозяйничать, от чего я через некоторое время немного устал. Дэйв Стюарт любезно предложил мне пожить на его лодке, которая стояла на Канале, и я охотно согласился. Я не знаю, как точно называется это плавучее средство — типичная лондонская посудина, похожая на длинную квартиру на воде. Весь день мы по-прежнему проводили вместе с Бобом, и я ездил туда только ночевать, что оказалось не так романтично. Я приезжал туда на велосипеде, сдвигал кожух с раскаленной за день посуды и открывал все окна. Там, вероятно, было что-то не в порядке с двигателем, и стоял такой запах солянки, что у меня было полное ощущение, что я живу на бензоколонке или в гараже. Только под утро, когда посудина остывала, я наконец засыпал. Зато очень приятно было просыпаться, тихо покачиваясь на волнах от проходящих катеров. Так я безмятежно прожил целый месяц.

Незадолго до этого я поехал на концерт Дэвида Боуи в «Milton Keynes Bowl». Это огромная чаша, тысяч на

пятьдесят человек, километрах в ста от Лондона. Билет на концерт продавали прямо с билетом на автобус, и я сдуру купил на самый ранний. Приехал я часов за шесть до начала концерта и занял удачную позицию прямо посередине между пультом и сценой. Было тридцать градусов жары. Слава богу, я взял с собой что-то почитать и какое-то время просто лежал и загорал, как на пляже. Постепенно пространство начало уплотняться, и через некоторое время можно было уже только сидеть. Часа через три начали играть разогревающие группы *Jean Loves Jezabel*, *The Man They Couldn't Hang* и *Four Way Street*, каждая из них играла по часу. Это было любопытно, но я пришел ради другого. Все уже стояли, и мне хотелось в туалет, но я знал, что если я выйду, то уже никогда не доберусь до такого удобного места. Пришлось терпеть. После того как отыграла последняя группа, прошел еще час. Это была изощренная пытка, я уже был сдавлен в толпе, причем она состояла в основном из людей моего возраста, почти не было тинэйджеров. Когда же мой герой вышел на сцену и запел *Space Oddity*, все запели вместе с ним, и через некоторое время я заметил, что тоже стал подвывать. Я был так сдавлен, что не было и речи о том, чтобы извлечь фотоаппарат из рюкзака. И вдруг со второй песни толпа начала колыхаться и меня начало так мотать, что я думал только о том, как бы мне удержаться на ногах. Минут двадцать я просто боролся за жизнь, это было похоже на отдельное кино с саундтреком Дэвида Боуи. Концерт был составлен по заявкам из его самых главных песен, но я вообще не мог сконцентрироваться на том, какую песню он поет. Я начал потихоньку пробираться в сторону; не было и речи о том, чтобы двинуться вперед или назад. Я просочился на несколько метров и оказался прямо напротив левого портала, попал в зону акустического пика. Мочило так, что у меня сдавило грудь и начались какие-то спазмы,

хотелось поскорее куда-нибудь выбраться, и я пошел дальше, пока не понял, что просто иду в туалет. Когда стало легче, я удивился, что вокруг собственно поля огромные толпы людей пьют, едят и просто отдыхают, как на ярмарке, а Дэвид Боуи — всего лишь предлог для прогулки. Я подумал, что я их очень хорошо понимаю. Я вернулся на поле. Сзади можно было перемещаться как угодно. С обоих краев от сцены, как обычно, висели гигантские экраны, на которые проецировалось изображение какого-то загадочного танца, который, казалось, не имеет никакого отношения к происходящему на сцене. Весь тур так и назывался *Sound and Vision*, то есть звук и изображение отдельно. С Дэвидом Боуи на гитаре играл Адриан Бэлью, но я никак не мог сконцентрироваться на его игре. Я поболтался еще полчаса и понял, что смотреть видео я не хочу, и мне стало невообразимо скучно. Становилось свежо, я пошел, что-то съел, купил для отчетности гигантский буклет с программой и пошел искать свой автобус. Я забрался в него и просто заснул, и так и проспал почти до самого Лондона. Я зарекся, что больше никогда не пойду на такой масштабный концерт один. Да, собственно, дело и не в масштабе — я просто никуда не пойду один. Когда мы встретились с Дэйвом Стюартом, он пожалел, что я не сказал ему, что еду на этот концерт. Они ездили на машине веселой компанией и охотно взяли бы меня с собой, причем я подозреваю, что они смотрели концерт с другой стороны, находясь в буфете за кулисами. Ну да ладно.

Приехал Сашка Липницкий с Инной. Я был ужасно рад, они сразу потащили меня по музеям, до которых один я, может быть, и не добрался бы. А в завершение их пребывания нам таки удалось пойти на концерт *Rolling Stones* на Уэмбли. Боб достал на Си-би-эс бесплатные проходки, но сам не пошел, поскольку уже ходил еще до моего приезда. Билеты оказались в привилегированную

зону достаточно близко к сцене, и к ним прилагалась нашлепка с надписью *Rolling Stones*, которую надо было наклеить на футболку. Когда мы с такими нашлепками пробирались к своей трибуне, люди на нас озирались. Что такое *Rolling Stones*, рассказывать бессмысленно, кроме того, что это было очень-очень важно. Это не было потрясением, я не получил эстетического удовольствия, но это было одним из самых важных событий в моей жизни. Я пытался фотографировать, чтобы зафиксировать этот факт — вдруг мне никто не поверит. У Сашки такое доказательство было, поскольку через пару дней ему удалось взять интервью у Билла Уаймана. Пока же Сашка был в Лондоне, опять же через Си-би-эс нам удалось сходить на *Dread Zeppelin* в «Marquee», в котором лет за двадцать до этого играли их прототипы. Они считались самым модным событием этого сезона, и был аншлаг. Утром этого же дня нам удалось сходить на их презентацию в «Ronny Scott». Вокалист был одет как Элвис Пресли и похожим голосом пел песни *Led Zeppelin* в стиле реггей, а гитаристы с глумливыми улыбками легко выигрывали гениальные соло Джимми Пэйджа. При этом они играли через двадцативаттные комбики, басист в одних плавках и с хайром по пояс стоял на таком же маленьком комбике, а барабанщик играл на ударной мини-установке. Это выглядело как карикатура на рок-группу. Я думал, что они специально выпендрились, чтобы поместиться на маленькой сцене джазового кафе. Публика была довольно специальная, в основном пресса, и это как-то не очень покатило. Однако вечером на огромной сцене в «Marquee» они выглядели точно так же, только концерт был веселый и смешно было до колик. Первый раз оказавшись в таком клубе, который, как говорят, за двадцать пять лет совсем не изменился, я пытался представить себе, как это было во времена *Rolling Stones* и иже с ними. Я носталь-

гировал по временам, которые не застал, и черной завистью завидовал музыкантам, которые еще в юности имели возможность играть в таких местах и тем самым установить эти традиции. Меня интересовало абсолютно все, вплоть до того, какой в клубе персонал, сколько человек работает и, наконец, какой там туалет. Мы стояли на балконе и наблюдали, как публика циркулирует туда-сюда. Первый раз я видел *stage diving* и наблюдал, как какой-то психопат все время выпрыгивал очень высоко и норовил вырвать шнур у гитариста. Я ничего не понимал, но меня это забавляло, казалось, что музыкантам это нисколько не мешает. Незадолго до этого Бобу с Титовичем удалось выступить здесь во время их тура, но я не стал его спрашивать о том, как это было. Кстати, сейчас я не понимаю, почему они уже тогда не назвали свою группу *Аквариумом*. Ведь мы уже были списаны на берег. А чуть позже, когда они с Титовичем снова стали играть вместе, это послужило основанием для того, чтобы переименовать *БГ Бэнд* в *Аквариум*.

Тогда же с Сашкой Липницким и его знакомой по имени Соколов Ратиу (ее дед был русским, а отец, который уже родился в Англии и русский язык знал не очень хорошо, назвал ее этой красивой русской фамилией) мы сходили на концерт *Los Lobos* в «Town & Country Club». Меня поразило, что клубом оказался большой Дом культуры, где просто убран партер и можно танцевать, а на балконе размещается кафе со столиками и официантами. Но в таком кафе разговаривать все равно было невозможно, поскольку *Los Lobos* так мочили свой тэк-мэкс, что у меня еще три дня после этого звенело в ушах.

А через пару дней Соколов организовала нам поездку в город Бат к Питеру Габриэлю. Сашка познакомился с ним еще тогда, когда тот приезжал в Россию с гринписовской акцией и они ездили к Сашке на дачу. У Питера

оказалось мало времени, поскольку он работал над альбомом (судя по всему, саундтреком к фильму «The Last Temptation»), и он наказал, чтобы мы приехали точно к ланчу. За большим столом в столовой сидели Тони Левин и Даниэль Лануа. Они из вежливости поинтересовались, как там в России, мы сказали, что ничего, только мы там давно не были, они понимающе кивнули. Мы походили по студии, Питер Габриэль показал нам все помещения. Вероятно, они просто сочиняли и репетировали, поскольку пульт, аппарат и барабаны стояли в одной большой комнате. Хотя кто их знает, они могли и записываться так же. Дом Питера находится прямо возле скоростной железной дороги, по которой с диким грохотом проносятся поезда, но у него сделана такая звукоизоляция, что это не мешает записи. Он хотел нам это продемонстрировать, но нам не повезло, ближайший поезд должен был пройти только через час. Мы сфотографировались на память и еще просто походили по его усадьбе и повалялись на газоне. Левин и Лануа играли в какую-то игру вроде гольфа, только вместо мяча было небольшое ядро, которое надо было кидать руками и закатывать в лунки. Судя по всему, где-то неподалеку должен был обитать Питер Хэммилл.

На обратном пути мы заехали в таинственное местечко Айвсбери, где концентрическими кругами расположено несколько сотен гигантских камней непонятного происхождения. По преданию, это место построено друидами и по величине превосходит Стоунхендж. Такие места завлекают, и хотелось побыть там подольше, но уже смеркалось, а нам еще предстояла долгая дорога. На обратном пути все молчали. Когда мы вернулись, нас сразило известие о гибели Цоя. Мы пытались звонить Марьяне, но не дозвонились. Хотелось сорваться и поехать в Ленинград, но, к сожалению, это было физически невозможно. Сева Нов-

городцев пригласил нас с Бобом и Сашкой в студию, после чего не хотелось разъезжаться, и все поехали к Севе домой. Мы часто виделись с Севой и его женой Карин. Как-то случайно разговор зашел о русском проповеднике протоиерее Сергее Гаккеле, который на Би-би-си вел религиозную программу. Моя матушка часто его слушала. Будучи почти слепой, она много времени проводила у радиоприемника, который на долгие годы стал для нее почти единственной связью с внешним миром. Мне интересно было с ним повстречаться, но мы выяснили, что корни у нас разные, хотя его предки — выходцы из России.

Сашка уехал, а через несколько дней, по дороге в Америку, к нам заглянул наш старый дружок Пол Ашин. Он стал большим ученым и состоял на государственной службе. Он приехал на какой-то симпозиум в Кембридж или Оксфорд. Находясь там, бедняга поехал кататься на велосипеде, запутался в левостороннем движении и был сбит машиной. Он сломал ногу и просил меня встретить его на вокзале и проводить в аэропорт. По счастью, перелом был не сложный, и он быстро поправился.

Также мы часто виделись с Ольгой Перри. После отъезда из России она не рассчитывала сделать карьеру певицы. Но через несколько лет у нее открылось второе дыхание, она купила гитару и микрофон и снова стала писать песни. Естественно, живя в Англии, она стала петь по-английски. У нее природный красивый голос, и она пела лирические чисто женские песни. Естественно, мы попробовали поиграть вместе. Получилось славно, но я не предполагал вписываться ни в какой постоянный проект, поэтому после моего отъезда наше сотрудничество прекратилось. Мне хотелось повидать Юрку Степанова, но Ольга потеряла его след уже несколько лет назад. Где-то в Лондоне бродил Ливерпулец, которого мне тоже очень хотелось видеть. Он уже давно скитался по Европе, и я

тщетно разговаривал с автоответчиком его хозяина. Когда же он все-таки проявился, то Боб почему-то не захотел приглашать его домой. И хотя этот дом в то время был и моим домом, я встретился с Ливерпульцем в каком-то кафе, а потом мы пошли в Гайд-парк и весь день провели вместе. Ливерпулец принял решение не возвращаться в Россию и решил двинуть в Америку. Это было не такое простое решение, поскольку его семья оставалась в России, и он не был уверен, что когда-нибудь увидит родных. Мы встретились снова только перед его отъездом, и я уговорил Боба пойти со мной. Я был рад тому, что мне удалось-таки их помирить, хотя помирить — это не то слово, они не ссорились, просто Боб вырос из своих старых друзей. Он вырос и из группы, но сохранялась иллюзия того, что мы навеки сможем остаться друзьями. Но, наверное, уже тогда можно было увидеть, что он вырастет из всех нас, и из меня в том числе.

Боб продолжал работу над демо-материалом для второго альбома. Время от времени ему звонили из местного отделения Си-би-эс и, судя по интонации его голоса, подгоняли. По этому же поводу звонили Маринка и Кенни из Америки. Почти каждый день он уезжал в студию к Чучо, басисту из *Eurythmics*. Я думал, что он хотя бы раз возьмет меня с собой, мне было бы любопытно понаблюдать за их работой, но этого не случилось. Он приезжал усталый, и мы слушали то, что они там поназаписали. Иногда, когда Василиса спала, мы выходили в сад нашего дома с гитарами просто поиграть разные комбинации аккордов и поискать созвучия. Я не так хорошо играю на гитаре и тем более не могу это делать прилюдно, и вообще подобными экспериментами предпочел бы заниматься дома и на виолончели, но Боб слушал только себя, и надо было подождать, когда этот порыв у него пройдет. В любом случае из этого

ничего не получилось. Мы знали друг друга много лет, и я очень хорошо изучил его процесс написания песен: многие были написаны у меня на глазах. Как правило, они просто выпрыгивали, и я при этом не был простым наблюдателем. Здесь же они вымучивались, поскольку этого требовал контракт. Так я впервые соприкоснулся с дыханием капитализма, когда кончается лучезарная сказка и он показывает свое истинное лицо. Уж больно идиллической была картинка, которую ему нарисовали: всего восемь альбомов за двенадцать лет в обмен на реальные деньги. Но в этот раз Боба подвела интуиция. Он был абсолютно уверен в том, что может продолжать с ними игру, сам устанавливая правила. Но кто-то эти деньги давал, и, вероятно, он же их и считал. В итоге его пригласили приехать в Америку, чтобы представить материал на «художественный совет». Они с Ириной отправились вдвоем, оставив детей на мое попечение. Днем приходила Катя Михайловская, готовила обед и укладывала детей спать. Катя и Никита Михайловские, старые друзья Ирины, уже давно жили в Лондоне, где Никита находился на лечении, и мы часто виделись и ходили друг к другу в гости.

Чуть позже я позвонил нашей знакомой Анни Найтингейл, с которой мы познакомились еще в России. Она тогда работала на Би-би-си и тайно приезжала, чтобы сделать репортаж о русских тусовщиках. Помню, что тогда мы сидели всю ночь у Боба и сильно напились. Она была очень рада меня видеть и пригласила меня на концерт *Cure* в «Crystal Palace». Концертный зал находился в очень красивом пригороде вроде нашего Павловска. Был замечательный теплый день, впрочем, все лето было прекрасное. У нас были пропуски *backstage*, и мы слушали концерт, сидя в шезлонгах на берегу пруда, между сценой и зрителями. Вспоминая концерт Дэвида Боуи, я про себя цинично

отметил, что иногда приятно быть белым. Концерт был безумно скучным. Играли *Lush*, *James* и *Cure*. Сцена была метрах в пятидесяти от зрителей, и музыканты играли совершенно отстраненно. Мне было интереснее смотреть на толпу, вдавленную в ограждение, откуда время от времени выдергивали несчастных девушек без сознания. А секьюрити ходили и поили всех водой, потому что публика уже несколько часов провела в давке в ожидании своих кумиров. У Анни было множество знакомых, и она постепенно напилась. Мне стало скучно, и я спокойно поехал домой на электричке.

Мы очень редко ходили куда-нибудь вместе с Бобом. Только в сентябре, когда Марку было пора возвращаться в школу и Ирина с ним и Василисой уехала домой, мы остались вдвоем. Мы пошли на концерт *Steeleye Span*. Группа по-прежнему так называлась, хотя из прежнего состава там остались лишь Мэдди Прайор и гитарист Рик Кемп. Играл очень молодой талантливый скрипач и басист. Барабанщик был хоть и в возрасте, но новый. Естественно, я не мог видеть эту группу раньше, но ополовиненный вариант очень чувствовался. Все было на месте, но при этом чего-то не было. Но Бобу, видимо, такая модель группы настолько понравилась, что он использует ее по сей день. Потом мы сходили на Джимми Клиффа в тот же «Town & Country Club».

Время от времени я звонил домой. Мама говорила, что все хорошо, что я могу еще остаться, вот только ее беспокоит, что Андрей кашляет. У Боба тоже не было никаких особенных дел в России, и мы решили остаться до первого октября. В Лондон приехали Сережа Дебижев со своей женой Зиной. Кроме того, гуляя по Сохо, я неожиданно натолкнулся на Юрку Степанова. На следующий же день он пришел в гости со старым московским музыкантом Мехрдадом Бади и его персидским братом, и

веселье продлилось несколько дней, так что даже соседи приходили, что в этом тихом респектабельном доме было из ряда вон. Я очень люблю компанию, но коль скоро я не разделял с ними их способ веселья, то, когда начинались ночные песнопения, я уходил спать на второй этаж в детскую комнату, которую захватил после отъезда Марка и Василисы. Так безмятежно мы скоротали последние дни в Лондоне.

Глава пятая

Когда я вернулся, меня ждал удар. Почему-то, звоня домой матери, я ни разу не догадался позвонить Андрею. Когда же на следующий после возвращения день я приехал к нему домой, то просто его не узнал. Он очень плохо выглядел и страшно похудел. Я отругал его и Татьяну за то, что меня держали в неведении. Я очень разволновался и, переполошив всех своих знакомых, уговорил его лечь в больницу на обследование. Но оно только подтвердило самые страшные предчувствия. К сожалению, было слишком поздно что-либо предпринимать, и его просто выписали домой. Я не хотел посвящать в это мать и старшего брата Алексея. Вспомнив о том, что, уезжая, сестра Нонна показала мне наш семейный склеп на Волковском лютеранском кладбище, я поехал туда. Мне надо было успеть решить все бумажные дела и получить разрешение на похороны моего любимого брата, который еще был жив. Он таял на глазах, и даже его малые дети чувствовали, что приближается конец. Он умер в середине ноября. Прошло девять лет, и мне даже не верится, что сейчас я могу об этом писать. Это был самый тяжелый период в моей жизни.

Все, что я после этого хотел делать, это по возможности помочь Татьяне и ее детям. Мне хотелось быть с ними. Меня все время тянуло туда, и, когда я там оказывался, это как-то выравнивало мое состояние. Я завел правило ездить к ним каждую неделю, а когда удавалось, то и чаще. Наверное, в этом был какой-то перебор, и Татьяне было очень тяжело, но я ничего не мог поделать. Я прекрасно понимал, что я никогда не смогу заменить детям отца и в самом лучшем случае смогу стать их другом. Ко всему прочему, они были моими крестниками, и я должен был расплачиваться за то, что соглашался быть крестным отцом детей со всей округи.

Наступила зима. У меня не было работы, и я подумывал о том, чем мне теперь заниматься. Надо было что-то изобретать. Мы встречались с Мишей Мончадским и его подругой Леной и болтали по поводу клуба. Лена работала в какой-то проектной конторе и время от времени узнавала адреса помещений, которые можно было бы использовать для осуществления этой идеи. Но Мишка намыливался в Америку, и эти разговоры откладывались до его возвращения. Он поехал вместе с Майклом Кордюковым, и я дал им телефон Мэри Рёдер, с которой я по-прежнему переписывался. По доброте душевной она приютила их у себя в загородном доме.

Наверное, в это же время пришло известие о том, что Си-би-эс расторгло контракт с Бобом. И вскоре он снова собрал *Аквариум*, который, судя по всему, состоял из Дюши, Михаила, Пети, Рюши и Сережи Березового. Они стали активно концерттировать, но до меня доносились только слухи.

Неожиданно мне позвонил Саша Ляпин и пригласил принять участие в его сольном проекте. Он предполагал играть инструментальную музыку с барабанщиком Сашей Емельяновым, и они уже какое-то время репетиро-

вали на точке *Аквариума* в ДК связи. Я ни с кем и ни во что не хотел играть, но они вдвоем так зацепились за эту идею, что в один прекрасный день я согласился попробовать. Как в то время было принято, сразу строились грандиозные планы на поездку в Америку, откуда Ляпин только что вернулся. Там он встретил каких-то людей, которые внушили ему эту идею. В качестве директора они пригласили Ваню Бахурина, и он стал искать способ сделать приглашение и получить американские визы. Мы начали репетировать втроем. Как ни странно, это всем показалось интересным. Мы играли без баса, и басовые функции ложились на виолончель. Получилось, что я впервые играл в группе с музыкантами, которые слушают друг друга, и сам начал учиться тому, что такое есть игра с барабанами. Ляпин сам выстраивал звук гитары и виолончели так, что мы с ним играли на одной громкости и при этом звучали членораздельно. Я впервые почувствовал, что значит культура звука виолончели в контексте электрической группы. Там была кое-какая обработка, и на «SPX-90» мы обнаружили эффект, который оптимальным образом окрашивал звук моего инструмента. Что-то начинало получаться, но неожиданным препятствием оказалось то, что Ляпин с Емельяновым категорически не понимали друг друга, и через какое-то время репетиции стали превращаться в перманентную разборку. Причем мне выпала роль связующего звена. Плохо зная психологию человека, я не понимал, как такие люди находят друг друга, но оказалось, что это очень распространенный синдром, который встречается достаточно часто, и мне по жизни не раз придется с этим соприкоснуться, но об этом позже. Я много времени проводил с ними обоими, пытаюсь для себя выяснить, как мне нужно себя вести, но мои попытки примирить их были тщетными. Потом совершенно неожиданно возникло

еще одно препятствие — Саша Ляпин решил петь. Его друг американец сказал ему, что он классно поет, и он совершенно искренне в это поверил. Он действительно мог мастерски исполнить пару рок-н-рольных стандартов, но петь свои песни и к тому же на русском языке — это совсем другое дело. Мы оба прошли школу *Аквариума*, и, по крайней мере, я приобрел понимание того, какой может быть песня и как ее может петь человек, который ее сочинил.

Тут, наверное, придется заглянуть в прошлое и попытаться понять, чем же для меня были песни Боба и его голос. Дело в том, что всю жизнь, слушая западную музыку, я почему-то реагировал только на самобытные голоса. Каждый голос — это характер. И если человек имеет характерный голос и при этом еще и сочиняет талантливые песни — это пятьдесят процентов успеха. А если, обладая всем этим, человек еще может этим пользоваться и правильно петь свою песню, это еще двадцать процентов. Если к этому приложить еще и владение инструментом, то получаются все сто. В лице Боба я встретил как раз такого человека, который, за исключением игры на гитаре, имел девяносто процентов и на которого я мгновенно среагировал. Его голос абсолютно сочетался с тем, что он поет, и долгое время он меня совершенно завораживал. И Боб мог так пользоваться своим голосом, что приобретали значение, как казалось, самые незначущие слова. Если прочесть отдельно практически любой текст его песен, он может ничего не значить, и значение приобретает только в сочетании с голосом Боба. Вот почему бывает, что так называемые кавер-версии песен не звучат в том случае, когда человек просто копирует песню, но при этом не владеет искусством правильной интонации. К тому же Боб был цельной натурой. Но сейчас не об этом.

Обратный эффект я наблюдал у Дюши. У него очень сильный и красивый по тембру голос. Но мы с ним много спорили и иногда даже ссорились, если в какой-то момент он переставал контролировать динамику своего голоса и на концертах так заходил, что не просто подпевал Бобу, оттеняя его голос, а его перекрывал. Я никак не мог этого понять. Мы все вместе воспитывались на одной музыке. Мы вместе слушали *Beatles*, *Hollies* и *Byrds*. А в Монреале сбился сон, и мы слышали, как звучали три голоса Кросби, Стиллза и Нэша. Три абсолютно разных по фактуре голоса сливались воедино и давали неповторимую краску. Когда мы пытались дома на репетициях петь на три голоса, как мне казалось, мы стремились достичь именно этого эффекта. Но на концерте Дюша срывался с петель и начинал солировать.

Саша Ляпин, при всей моей любви к нему как к гитаристу, таким характерным голосом не обладает. Когда он поет, то интонирует неправильно — не в том смысле, что нестройно поет, а в том, что эмоционально его голос звучит неадекватно тексту. А если учесть, что и тексты песен немного хромали, то получалась грустная картинка. Но он, к сожалению, этого не замечал. Мне же сразу стало понятно, что с такой концепцией группа состояться не может. И если они все-таки решат идти дальше, то я в такой группе играть не смогу. В лучшем случае это может быть разовое выступление. С Емельяновым они все-таки разлетелись, и Сашка пригласил Юру Николаева, а заодно и Сашу Титова. Сразу все зазвучало прочно, хорошо и стандартно. И я утратил всякий интерес.

Весной девяносто первого года объявили фестиваль по случаю десятилетия Рок-клуба, который должен был проходить в «Юбилейном» и в Рок-клубе. Нужно было дать какое-то название группе, и я придумал *Турецкий*

чай. Нам выпало играть на площадке Рок-клуба, и мы продолжали репетировать на точке *Аквариума*. И иногда мы с ними пересекались. Если Боб приходил раньше, то ждал в коридоре. Это была какая-то глупость. Мы не поссорились, мы просто не играли вместе. Но он вел себя так, будто мы были чужими людьми. И вот в один момент нас расклинило, и он предложил по случаю юбилея выступить вместе на этом фестивале. Понятно, что это была разовая акция, и на репетиции всех тащило. Сережа Березовой, который в это время играл на басу, чувствовал себя не очень уверенно. Над ним нависла угроза в лице Титовича. Выступление *Турецкого чая* в Рок-клубе осталось никем не замеченным, *Аквариуму* же выпало выступать в «Юбилейном» и закрывать фестиваль. Звук был чудовищный, и выступление совершенно не прокаатило. Единственным радостным моментом было появление Майка, который вместе с Бобом и в нашем сопровождении спел *Пригородный блюз*. В конце Боб хотел спеть *Wild Thing*, что иногда бывало очень эффектно, и хотел разбить специально подготовленный для этого напольный том. Но выступление было помпезное и хилое, и этот элемент шоу совершенно не сработал, было похоже на бессмысленный акт вандализма. Звукорежиссером группы в это время был Олег Гончаров, которого Боб переманил у Дюши из его группы *Трилистник*. Тропилло записывал весь фестиваль, после чего гигантским тиражом выпустил пятерной альбом. Я, правда, слушал его всего один раз, но помню, что *Аквариум* звучит безобразнее всех. Ни виолончели, ни скрипки не слышно. Хотя на этом же альбоме есть запись выступления *Турецкого чая*, где виолончель прекрасно прослушивается. Я сейчас говорю не о художественной стороне этих записей. И вообще, я стараюсь не говорить о музыке, поскольку не очень

хорошо в ней разбираюсь и тем более не возьму на себя смелость ее описывать.

К этому фестивалю готовилась огромная фотовыставка в Гавани. У каждой группы был свой стенд. За долгие годы у меня скопился небольшой архив — масса фотографий, тексты песен, написанные Бобом у меня дома, и разные смешные артефакты. Перед фестивалем ко мне зашла Юлия Глухова из Рок-клуба, которая взяла у меня сотни фотографий и других материалов для выставки. Взамен она мне оставила опись и бумагу с печатью и подписью, обещая вернуть все в целости и сохранности. Когда я с племянниками пришел на выставку, то на стенде *Аквариума* не обнаружил ничего из того, что я давал. И стенд был самым блеклым, то есть просто никаким. Когда выставку разобрали, я долгое время пытался добиться того, чтобы мне все вернули. Володя Терещенко, который заведовал этим, сказал, что под сценой Большого зала Театра народного творчества свалена куча коробок, привезенных с выставки, и если мне больше всех надо, то я могу прийти и сам там копать. Мне было противно, но в принципе я был готов все перерыть — некоторые вещи мне были очень дороги. Я несколько раз звонил, чтобы договориться, как это можно сделать, но у него находились другие дела, и это так и не получилось, я все утратил.

В *Турецком чае* я больше не играл и не знаю, продолжил ли Саша эту группу. Судя по всему, нет, но я в этом не уверен. Время от времени я пересекался с Димкой Гусевым, который был обуреваем блюзовой идеей и подбирал подходящий состав. Мне очень нравится блюз, но играть его я совсем не умею. Но Димка меня все время вовлекал в свои выступления. Его группа называлась *Кингстон Черная Мама Дхарма Бэнд*. Черной Мамой была его

жена Гуля, которая к этому времени уже родила двоих детей и выглядела очень импозантно. Она очень эффектно играла на трубе, при этом в «кенгуренке» за спиной у нее сидело малое дитё. Я не знаю, насколько это можно было назвать блюзом, хотя там и играл Володя, прекрасный блюзовый гитарист из Москвы. В целом это было просто шаманство. Как правило, все игралось на одной функции и очень раскачивалось по динамике. Такую музыку интересно играть, но иногда бывает невозможно слушать. Так вот, Димка все время меня увлекал за собой и строил самые фантастические проекты поездки в Америку на парусном судне. Потом парусное судно оказалось сухогрузом, а в итоге Гуля улетела в Америку на самолете с двумя детьми и третьим ребенком, который готов был появиться на свет уже в Новом Свете. По неосторожности я дал ей телефон своих друзей Гали и Коли Решетняк. Попросившись переночевать, она с детьми въехала к ним на несколько месяцев и превратила их жизнь в сущий кошмар. Судя по всему, примерно так же поступили мои дружки Михаил и Майкл, которые к этому времени уже несколько месяцев жили у моей знакомой Мэри Рёдер. Когда они все-таки от нее съехали, я больше никогда ничего от нее не слышал. Позже они все встретились с Гулей, и все вместе поселились в каком-то сквоте на Lower East Side. Тогда же в Доме кино состоялась премьера фильма Веры Глаголевой с моим участием, о чем по счастью никто, кроме Курехина и Димки, не знал. Тот эпизод, который отсняли вместе с *Черной Мамой*, оказался вполне уместным.

Как-то на улице я случайно столкнулся с Леной Гудковой, с которой не виделся со времени отъезда Михаила. Она, оказывается, тоже путешествовала и только что вернулась с острова Мартиники. Я был ужасно рад ее

видеть, и мы стоворились как-нибудь встретиться. В это же время мне позвонил Саша Емельянов; он присмотрел старую ударную установку, на которой играли еще *Поющие гитары*, и договорился с Захаром Коловским, что Общество «А—Я» купит эту барабанную установку для предполагаемого клуба «ТaMtAm». Я, естественно, ничего не имел против.

Я по-прежнему по возможности пытался проводить время с семьей брата и иногда таскал своих племянников на концерты. Ольге было четырнадцать лет, и она уже немало врубалась, Васе же было всего девять лет, и он еще был совсем маленьким. Татьяна иногда протестовала против того, что я сбиваю детей с пути истинного. Как-то в город приехал французский театр «Radix», который в течение месяца давал представление в «Юбилейном». Грех было не пойти, и я решил сходить с племянниками. Я плохо разбираюсь в театре и боюсь дать неправильное определение стиля «Radix». Это был фантастический минималистский спектакль с прекрасной музыкой и танцем. Я не знаю, на какие деньги они это осуществили и на какую аудиторию они рассчитывали, но народу не было вообще никого. То есть на весь концертный зал оказалось человек пятьдесят. Мы стояли, облокотившись прямо на сцену. Дети немного устали, но были в восторге от человека, который в течение двух часов бежал по механической беговой дорожке. Я же был в полном восторге от всего. Андрею Отряскину удалось познакомиться с музыкантами, среди которых было несколько африканцев, и он пригласил их в свой Молодежный центр на джем. Паша Литвинов мне уже давно говорил, что на Васильевском острове есть любопытное место, где он иногда играет, и я решил туда сходить. Мне не очень понравился сам джем, но я был совершенно потрясен этим местом. Все

происходило в маленьком зале на втором этаже, который имел параметры «Knitting Factory»; при этом там было большое фойе, а на первом этаже работало маленькое кафе. Я не мог поверить своим глазам — оказывается, в городе уже есть такое место, но об этом мало кто знает. Я поинтересовался, как часто там проходят концерты. Выяснилось, что они вообще не проходят по расписанию, а так, время от времени, если кто-нибудь что-нибудь придумает. Например, на день рождения Боба Марли была *reggae party*. Я вышел в состоянии полной прострации и очутился прямо возле Дюшиного дома. Я зашел к нему, но попал явно не вовремя и поспешил уйти.

Вообще из своих старых дружков я виделся только с Курехиным и Титовичем. Они стали играть вместе, и постепенно Курехин остановился на минимальном мобильном составе *Поп-механики*, который включал Титовича, Ляпина и Мишу Костюшкина. С большим составом у них всегда была масса приключений, от чего он устал. Это оказалось более практично: путешествуя по разным странам, всех необходимых музыкантов они набирали на месте из тамошних топовых групп. Из очередного турне Титович приехал на новом автомобиле. Но во время поездки в свою деревню в Псковскую область он попал в ужасную аварию, в результате которой погибла его мать, а сын Марк чудом уцелел. Титович очень сильно переживал, и интенсивные гастроли были для него спасением. Его подруга Настя Бродская была родом из Москвы, и для того, чтобы перевестись учиться в Ленинград, ей нужна была какая-то зацепка. Жениться на ней сам Титович не мог, поскольку еще не был разведен, поэтому он попросил о любезности старого друга. Жениться на девушке своего друга было в лучших традициях *Аквариума*, и я не мог ему в этом отказать. В июне мы сыграли свадьбу. Нам

дали талоны на праздничный продуктовый набор, и мы решили устроить пышную вечеринку. Мы накупили всякой дефицитной еды, из которой я мало чего мог есть, но, как виновник торжества, радовался за друзей. Как всегда, когда все напились, я собирался уйти, но неожиданно пришел Юра Ильченко с Женькой Губерманом, который только что приехал из Голландии. Я немного задержался, и мне в голову пришла бредовая идея — почему бы не устроить джем-сейшен, коих не было в этом городе уже сто лет? Я сказал, что знаю местечко и попробую что-нибудь организовать. Я позвонил Лене, изложил ей эту идею, мы встретились с Пашей Литвиновым и пошли в Молодежный центр.

Часть третья

Глава первая

Председатель Молодежного центра Саша Кострикин оказался милым интеллигентным человеком. Я предполагал, что надо будет платить за аренду зала. Но он очень быстро согласился на наше предложение; не поставив никаких условий. Это было удивительно и приятно. Мы решили, что устроим все в первую же субботу. Я сговорился с Володей Атаманенко, что он привезет минимальный аппарат, и с Емельяновым, что он обеспечит барабаны. Мы стали обзванивать старых дружков-музыкантов. Я пригласил *Красный хлеб* и Димку Гусева со товарищи; естественно, пришли Ляпин, Ильченко, Никита Зайцев, Женька и Титович. В означенный день начал подтягиваться народ. Разумеется, все было бесплатно. Пришло человек пятьдесят-шестьдесят; в основном это были ближайшие дружки и родственники музыкантов. Пока народ подтягивался, мы стали играть с *Черной Мамой*. На сцене было несколько комбиков, и по мере появления музыканты по очереди забирались на сцену. Постепенно собрался оркестр человек восемь, и все само собой покатило. Не надо было ничего придумывать — музыканты играли для себя. Все находилось в прекрасном расположении духа, не приходилось никого заставлять. Получилось все само собой, и так продолжалось часа три. Внизу работало кафе, и я сговорился с Сашей, что

пиво и прохладительные напитки можно заказать наверх. Все напились и остались довольны, а музыкантов пришлось просто уговаривать остановиться. Я предложил собраться еще раз перед Женькиным отъездом, и все были в восторге от этой идеи. Мы поговорили с Сашей Кострикиным, он ничего не имел против. Я еще раз был приятно удивлен.

Володя Атаманенко сказал, что он уезжает и аппарат выкатить не сможет. Надо было что-то изобретать. Димка предложил, используя Женькино пребывание в городе, сыграть блюзовый джем на Дворцовой площади. Сначала я категорически отказался, но Димке очень трудно сопротивляться. Он свистнул своего друга Женю Поротова с телевидения, и тот каким-то образом прикатил автобус с телевизионной аппаратурой, который они поставили прямо у Эрмитажа, там, где обычно стоят трибуны. Привезли барабаны и небольшой аппарат с микрофонами. Все включились, и мы с Ляпиным пытались вспомнить несколько тем, что мы играли в период *Турецкого чая*. Собралась небольшая толпа, откуда-то подошел черный американец и запел блюз. Когда все стало крутиться вокруг блюза и рок-н-рольных стандартов, я захеллил инструмент и ретировался. Я не чувствовал себя настолько раскованно, чтобы пару часов играть блюз. Как я уже говорил, я не настолько мобильный музыкант. Когда все закончилось, я спросил телевизионщиков, нельзя ли у них арендовать такой же комплект аппаратуры, и мы быстро сговорились. Аппаратчика звали Паша Марюхта, и в означенный день он без предварительного прозвона привез аппаратуру. Получилось примерно то же самое, что и в первый раз, только народу пришлось человек сто. И мне взбрела в голову шальная идея устраивать подобные концерты каждую субботу. Саша сказал, что летом, пока еще не съехались все театральные коллективы Мо-

лодежного центра, зал пустует и это вполне возможно. Единственное условие — чтобы концерты заканчивались не позднее одиннадцати часов, после чего мы должны убрать все помещения. Так совершенно случайно образовался клуб.

Надо было подумать о том, кого пригласить в следующий раз. Как-то незадолго до этого я встретил Женю Пусснера из *Клуба кавалера Глюка*, и он пригласил меня в «Бродячую собаку» на площади Искусств, где играли его дружки Рашид Фанин и Игорь Каим. Мы пошли на концерт с Ольгой Кеттунен. Это был крохотный уголок, маленькая комната, но было прекрасное настроение и нас совершенно восхитили эти музыканты — это был предельный уровень мастерства, которого я в этой стране не видывал. Когда я подошел к ним поблагодарить за концерт, выяснилось, что они меня хорошо знают и рады знакомству. И конечно же, когда у меня появилась возможность, я решил их пригласить выступить в нашем клубе. И сказал им, чтобы они свистнули всех своих знакомых. Я написал фломастером объявление, что такого-то числа в клубе «TaMtAm» состоится концерт Рашида Фанина и Игоря Каима, и повесил его на дверь «Сайгона», который к этому времени уже давно был закрыт. При этом я не указывал адрес. Я рассчитывал на то, что пытливые и любознательные сами найдут туда дорогу. «Сайгон» тоже был местом, куда меня никто не звал, и я сам ходил туда десять лет. В нем не было ни удобств, ни интерьера, и нигде не было написано, что это «Сайгон». Я решил в своем клубе следовать этим традициям и использовать тот же принцип. Надо было просто подождать, когда люди сами станут ходить в то место, которое по каким-то параметрам станет им родным.

На означенный концерт пришло человек тридцать, причем одним из гостей был Джо Бойд — продюсер

Incredible String Band и *Fairport Convention*, которого я накануне встретил у Боба. Пока это место не производило впечатления клуба, это было больше похоже на разовый концерт. Мне очень понравилось выступление этого дуэта, но Джо Бойд вежливо поблагодарил и откланялся, ничего не сказав. На концерт пришла также Маша Стеблин-Каменская, которая предложила свою помощь и осталась вместе с Леной убирать зал. Само помещение Молодежного центра было захламлено — половина фойе была завалена сломанной мебелью, а на сцене валялся театральный реквизит, среди которого были корзины с листьями и гроб. В Центре репетировали три театральных коллектива, и одним из них был Театр абсурда. Это было символично, поскольку во многом предопределило и стиль клуба, и многие события, в нем происшедшие.

На следующей неделе, когда я зашел в Центр и думал, кого бы пригласить, появился молодой человек, который представился Витей Ивановым и спросил, могут ли они выступить двумя группами *Solus Rex* и *Нож для фрау Мюллер*. Я не имел ни малейшего представления о том, что это такое, но согласился. Я снова сговорился с Пашей Марюхтой по поводу аппарата, и он любезно согласился предоставить его за чисто символические деньги. Я предложил Саше договориться с кафе, чтобы во время концерта продавать пиво на втором этаже в фойе зала. Но выяснилось, что кафе не имеет лицензии на продажу алкоголя. Саша обещал, что позже он что-нибудь придумает, а пока мы сами можем купить пиво в магазине и продавать его с небольшой наценкой. Так стала вырисовываться какая-то схема.

Днем я по-прежнему работал на корте, а вечером на каждый из концертов приходил кто-нибудь из моих знакомых. Как-то пришел Сережа Сараджев и стал помогать нам с подготовкой концерта. Мы стали приходиться по-

раньше и думать, что можно сделать. Мы пытались рассредоточить барахло, так как выкидывать его не имели права. В зале оставалось много театральные сидений, обитых красной тканью, и, пока не приходила публика, это было похоже на зал в каком-нибудь лектории. Но ничего поделаться было невозможно, приходилось исходить из того, что есть. Поскольку сцена была очень низкая, первые несколько рядов мы выкладывали прямо на пол из сидений от раздолбанных кресел. Потом ставили несколько рядов кресел, а если приходило больше народу, то люди стояли сзади. Таким образом у нас получалось три уровня, прямо как в театре.

Я не знал, сколько народу может прийти, и к следующему концерту мы с Леной купили три ящика пива. Пришло около ста странных молодых людей. Группа *Solus Rex* оказалась очень изящной, играющей нечто напоминавшее по стилю *Cocteau Twins*, но с более приджазованным вокалом. Их солистка Аня Добровлянская пела на английском языке, что меня страшно порадовало. Все музыканты играли прямым звуком, даже барабаны не были подзвучены, и в этом была определенная прелесть. Хотя, пожалуй, такая музыка требовала другого звука, которого мы пока добиться не могли. Но то, что ждало впереди, меня совершенно сразило наповал. *Нож для фрау Мюллер* абсолютно не укладывались в мою классификацию. Ничего подобного я раньше не слышал. Это была мощнейшая и настолько причудливая по форме музыка, что я просто остолбенел. Интересно было абсолютно все — как музыканты играли, как они держались на сцене и как сдержанно их принимала публика. Их вокалист, который включил микрофон через примочку, висевшую у него на поясе, манипулировал своим голосом, сидя на корточках спиной к залу и совершенно не обращая внимания на публику. Было такое ощущение, что

эти люди играют для себя. Не имело никакого значения, слушают ли их и реагируют ли вообще. Надо сказать, что они привели с собой совершенно адекватную публику, которая вела себя абсолютно таким же образом. Создавалось впечатление, что они обладают определенного рода кодом, который мне недоступен. Меня это заинтриговало и восхитило. Они были абсолютно некоммуникабельны и не обращали на меня никакого внимания. После концерта с моей стороны требовалось как-то выразить свое ощущение и завязать знакомство, чтобы договориться о последующих концертах, но я не нашел подходящих слов. Мы договорились, что они снова смогут сыграть через месяц. После концерта мы остались убирать зал. В зале остался барабанщик *Ножей* Леша Микшер, который неожиданно оказался очень открытым человеком, что совершенно не вязалось с тем образом, который сложился у меня от его поведения на сцене. Мы быстро все убрали и, включив музыку, расположились прямо в зале попить чаю. Леша остался с нами, и мы долго говорили за жизнь. Это был первый контакт с людьми, с которыми, как выяснилось, я связал себя на долгие годы.

На следующей неделе мы сговорились с *Восточным синдромом*, который уже давно пустил корни в этом городе. Кстати, незадолго до этого я познакомился с музыкантом из этой группы Андреем Неустроевым. Он приехал из Магадана и, как многие люди, приезжающие в этот город, забрел ко мне на чашечку чая. Он только что расстался с этой группой и был в состоянии смятения духа. К сожалению, я ничем не мог ему помочь и только выказал свою симпатию и расположение. Он еще долго писал мне, а иногда вдруг звонил ночью, вероятно забывая о разнице во времени. Но, к сожалению, год от года в его письмах становилось трудно усмотреть связь, и наше знакомство постепенно оборвалось.

У меня в паспорте оставалась американская виза, которую я получил еще во время фантазий *Турецкого чая*, и Ваня Бахурин предложил мне использовать ее для поездки на три дня в Будапешт. Он попросил меня выполнить его поручение; при этом он оплачивал все дорожные расходы и давал деньги на карманные расходы. Грех было отказываться. Мы уже сговорились, что в первую неделю после моего возвращения будут играть *Пупсы* и немецкая группа *Hordy-Tordy*. Я уехал, оставив дела на попечение Лены и Сережи Сараджева с полным ощущением того, что клуб уже начинает приобретать конкретные очертания.

Будапешт поразил меня своей красотой, резко контрастирующей с цветом Дуная, который оказался вовсе не голубым, а мутным, как «титанический» кофе. У меня там совсем не было знакомых, и, к сожалению, я не смог найти велосипед и не получил никакого представления о тамошней клубной тусовке. Поезд, на котором я возвращался, опоздал часа на три, остановившись в нескольких километрах от города. Было странное предчувствие, которое тут же подтвердилось, когда я добрался до дому, — в стране произошел военный переворот.

Это было совершенно некстати. Не хотелось верить, что только начатое дело придется сворачивать. Но, по счастью, все обошлось малой кровью. Ближайший концерт пришлось перенести из-за траура. *Восточный синдром* отыграл при таком скоплении народа, что Сережа Сараджев отказался дальше помогать нам на этом поприще. Я еще не имел никакого представления о том, что мы делаем. Не было никакой концепции. Основная идея заключалась в том, что надо идти дальше. Мой опыт участия в группе в целом я расценивал как негативный. И единственное, что я делал, это старался его не повторить. Не повторить те ошибки, которые совершил я и которые мы

совершили вместе как группа. При всем том я был благодарен, что у меня был этот опыт. Я очень много приобрел, и в памяти осталось много позитивных моментов. Но этот период кончился ничем — я потерял друзей, и все завоевания и приобретения того не стоили. У меня выработалась стойкая аллергия на все то, что стало называться русским роком. Я четко видел закраившуюся ошибку. И чтобы исправить ее, я должен был начинать с самого начала. Я состоял в членах Рок-клуба, но к этому моменту уже не считал себя таковым, да и был ли Рок-клуб в это время? В городе не было концертов, а если таковые кто-то и организовывал, то, как правило, для одних и тех же групп. У меня вызывало недоумение, что любой концерт превращался в акцию. Меня тошнило от «протеста» и от позы, которую приняли рок-музыканты, серьезно включившись эту игру и не заметив, что уже ее проиграли и стали частью системы. Для меня же не имело никакого значения, какая система. Не бывает плохой или хорошей системы — она одна. На поверку оказалось, что весь андеграунд предыдущей эпохи носил чисто экономический характер. Как только рухнула стена, в андеграунде отпала необходимость, и настало благоденствие, когда все музыканты превратились в «профессионалов». Для каких-то групп обстоятельства сложились «благоприятно», и они автоматически перешли в разряд супергрупп, другие вынуждены были довольствоваться случайными заработками и сетовать на то, что гонорары не так велики. Но из чего могли сложиться подобные схемы? Только из того, что по-прежнему работали механизмы разрушенной системы. Существовали концертные организации и областные филармонии, которые мгновенно перестроились и стали рубить деньги на новом материале. Вместо разборчивой аудитории появилась толпа. Меня это категорически не устраивало.

Концерт *Путсов* чуть было не стал последним. Пришла тьма народу. Получился настоящий панк-концерт. Публика была настолько своеобразной, что сначала я опешил. Я никогда не видел столько панков в одном пространстве и до этого времени не питал к ним особой симпатии. Они в свою очередь тоже. Мы не могли пересекаться, для этого не было почвы. Невозможно было поверить, что кто-то станет специально что-то для них делать, поэтому у них существовала сильнейшая жажда разрушения и отсутствовали всякие сдерживающие центры. Для них каждый концерт в новом месте становился последним. Все это было созвучно тому, что мне довелось постичь во времена моей юности. У нас было уродливое время, они же оказались в еще более жестких условиях, когда рушилось все вокруг, и их поведение было своего рода формой защиты. Меня это пугало и одновременно приводило в восторг. Я чувствовал, что если бы мне было сейчас двадцать лет, то скорее всего я был бы таким же. Все приготовления, которые мы сделали перед концертом, пошли насмарку. Народу было столько, что кресла не понадобились. А подушки, которые мы положили на пол, всем мешали, и их просто растоптали. В туалете оторвали раковину, и все было закидано бутылками и осколками. Но при этом было ощущение жизни, какой-то другой, ранее не знакомой, но почему-то притягательной. Это невозможно было предотвратить или остановить, можно было только надеяться, что все кончится благополучно, и потом уже думать, что делать дальше. Я опасался, что Саша предъявит претензии и на этом клуб прекратит свое существование, не успев толком начаться. Но Саша отнесся к беспорядку спокойно и сказал, что просто следует починить раковину и можно продолжать. Постепенно концерты такого рода стали привычными, и мы сами немного освоились с происходящим. Хотя рационального объяснения, почему мы

продолжали заниматься клубом, никто дать не мог. Я не знал, чего ожидать от других концертов. У нас не было ни достаточного опыта, ни команды, которая могла бы держать всё в руках. Мы с Леной и Машей с этим справиться явно не могли. На этом концерте появился совсем юный Андрюша Алякринский, которого Паша Марюхта позвал себе в ассистенты. Паша предложил, если я смогу договориться с Сашей о какой-нибудь комнате, оставлять аппаратуру в клубе, а не возить ее каждый раз. Саша любезно предоставил угол в бухгалтерии. Это было не так удобно, однако лучше, чем ничего. На большее мы не претендовали.

Группы просто записывались на выступления, и я не имел представления о том, что они играют. Но надо было как-то определиться со стилем. Я не хотел повторять опыт Рок-клуба с «авторитетными» комиссиями и прослушиваниями. Но несколько групп были абсолютно бездарными, и на их выступление приходила вялая кучка родственников музыкантов и одноклассников, я понял, что так продолжаться не может — надо требовать демо-записи. При прослушивании записей основным критерием была оригинальность. Это не должно было походить ни на одну группу из тех, что определяли основные направления русского рока. Пусть они поют на любом языке, лишь бы не было умных текстов под вялый аккомпанемент и не было признаков тяжелого металла с бессмысленными гитарными запилами. Музыка не обязательно должна непременно понравиться мне, лишь бы она была интересна по форме. Она могла быть странной, энергичной, нарочито «примитивной», но с юмором. Для меня очень важным было ощущение от трехминутного разговора с ребятами, которые приносили кассеты. Первое впечатление, как правило, оказывалось правильным. И ощущение от прослушивания кассеты часто совпадало с ощущением

от выступления. Когда же я прислушивался к чьей-то рекомендации, то вероятность ошибки увеличивалась. И так в ходе опыта я заметил, что именно то, что можно условно отнести к панк-року, в основном оказывается самым интересным. Мне кажется, что панк-рок, возникший чуть раньше русского рока, не имел под собой достаточной почвы. И те, и другие музыканты были в андеграунде. И только с появлением монстров отечественного рока панк приобрел смысл. Он содержал протест против того, чем эта музыка стала. Русские музыканты первого поколения проделали тот же путь, что и западные: к моменту появления панк-рока в конце семидесятых выросло другое поколение, для которого музыкальный язык и образ жизни музыкантов первого поколения устарел.

Рокабилльные концерты были самыми многолюдными. На них слетались мотоциклисты, которые под окнами устраивали показательные разезды, и половина народу тусовалась на улице. Все окна были открыты, на улицу летели бутылки, и стоял такой шум, что я не верил в то, что это не просто происходит на моих глазах, а что именно я все это затеял. Рокабилльных групп оказалось очень много. Они были довольно стильными и, как правило, более искусными музыкантами, но при этом самыми капризными — у нас почти всегда возникали проблемы с озвучиванием контрабаса. Я не имел представления, что и среди них есть разные тусовки, и пока не научился отличать одну от другой. Иногда случались и ошибки, когда в одном концерте участвовали разные по принадлежности группы. Приходила разная аудитория, хотя она всегда была смешанная, но иногда приходило больше «ковбоев» и возникала угроза столкновения. Особенно меня напугало первое выступление *Meanttraitors*, когда драка возникла, едва группа начала играть. Даже если в один вечер играли группы рокабилли и сайкобилли,

могло возникнуть некоторое биение. Но, конечно же, не такое сильное, как с панками. Как-то играла рокабилевая группа *Attrackars* (я не знал, что означает это слово, и никак не мог запомнить, как оно правильно пишется), и в этот же день меня уломала выступить группа с таким же непроизносимым названием *Incest Kukls*, определения стиля которой я дать не могу — это было нечто. В результате они весь вечер разбирались, а когда мне удалось их уговорить выйти на улицу и там продолжить разборки, они выдвинули двух бойцов — Харлея и Джеймса, и эти два представителя «ковбоев» и панков стали биться во дворе. Их окружила толпа человек в сто. Не знаю, кто из них победил; больше всего я боялся, что после этого начнется массовая драка. Но, «по счастью», они надавали друг другу по морде и разошлись. Оказалось, что агрессия — это специфика жанра. Постепенно я стал терпимее, но все равно привыкнуть к этому так и не смог. Но правильному отношению мне еще предстояло научиться, а пока мы просто приспособлялись к обстоятельствам.

Как мне удалось подсмотреть во время моих путешествий, все музыкальные клубы живут исключительно от продажи алкоголя. И хотя я сам не пью, мне пришлось использовать этот принцип. Надо было на свой страх и риск продавать пиво. Осенью, в один из концертов, когда мы покупали только пять ящиков пива, ко мне подошел какой-то человек и спросил, на каком основании мы торгуем пивом. По физиономии было видно, что это мент в штатском. У нас не было лицензии, и я напрямую задал вопрос, как можно уладить ситуацию. Он сказал, что очень просто — один ящик пива. Тогда я понял, что это был один из соседей сверху. Молодежный центр был очень своеобразно расположен. Прямо над ним находилось милицейское общежитие, о чем я узнал уже постфактум. Более нелепого соседства представить себе невозможно.

Мы были сильным раздражающим фактором, и, естественно, во время наших концертов спать было невозможно, и обитатели общежития сидели в кафе. Само кафе Молодежного центра было местом специальным. Естественно, там имелась своя тусовка тех, кто держал это кафе. Также там постоянно сидел Саша Кострикин и его гости. И за одним из столиков обязательно торчали менты из общежития. Компания получалась очень разношерстная. Я вообще никогда не ходил в подобные заведения и заходил в кафе, только если мне надо было найти Сашу или обсудить с кафешниками какое-нибудь дело. Я им был не очень симпатичен и не собирался перед ними заискивать и выстраивать отношения. Однако это было соседство, с которым так или иначе приходилось считаться, коль скоро мы оказались под одной крышей. Им не очень нравилось то, что я затеял, и в особенности та категория людей, которая стала появляться в кафе. Конфликт был неизбежен. Они шли на разные меры, пытались то закрывать кафе во время наших концертов, то еще каким-нибудь образом портить нам жизнь. Они не увидели золотую жилу, которую мы вскрыли прямо перед их носом. С моей точки зрения, любой предприниматель, увидев, что в его маленькое кафе вдруг стали приходить сотни людей, непременно использовал бы эту ситуацию и заработал кучу денег.

В тот вечер, когда менты выпили свой ящик пива и пришли за вторым, я не выдержал и сказал, что так не пойдет — я не прав, что нелегально торгую, они же не правы, что потребовали у меня взятку, чему есть свидетели. Я понимал, что рано или поздно может появиться внешняя сила, которая предложит опеку и которой обычно платят мзду. Но отдавать два ящика из пяти просто так, это было чересчур. Менты пытались мне угрожать, но уже были настолько пьяны, что я просто не стал

с ними разговаривать, и они ушли. На следующей неделе они заявили снова, но я уже не пошел у них на поводу и дал им всего две бутылки пива. Они почувствовали, что перегнули палку, и отстали.

Первые три месяца концерты были бесплатные, и туда ходили все кому не лень. Больше всего меня беспокоили случайные люди, которые пили в кафе, а потом поднимались наверх и нарывались на драку. В таких ситуациях надо было что-то делать, разнимать драки у меня не было никакого желания. Когда случались подобные эксцессы, милиция вовлекалась автоматически, и после особенно крупной драки я пошел наверх в общежитие и поговорил с первым попавшимся милиционером о том, не согласится ли он за умеренную плату выполнять у нас функции секьюрити. Мы поговорили и решили, что получится даже лучше, если он будет в форме. Дело в том, что на многих милицейская форма действует отрезвляюще. Это оказалось удобно и в тех случаях, когда возникала внутренняя драка или когда кто-то специально приходил подраться. Милицейская форма служила защитой от внешних наездов. К этому времени пару раз появлялись какие-то гопники, которые интересовались, кому мы платим, а присутствие милиции в форме создавало иллюзию «крыши». Нашими постоянными защитниками стали Вася Курочкин и Андрей Пермяков. Они относились лояльно ко всему тому, что мы делаем, а когда приезжала внешняя милиция, растворялись через заднюю дверь. Года через три Вася Курочкин чуть не заплатил за это погонами. А Андрей Пермяков позже уволился из милиции и занялся бизнесом, но сохранил форму и приезжал к нам работать.

Андрюша Алякринский был совсем юным и, естественно, не имел никакого опыта, но он оказался настолько талантливым звукорежиссером, что стал «рулить» все

концерты, и Паша Марюхта отошел в сторону. У нас не хватало рук, и постепенно появлялись помощники, которые стали выполнять все виды работ. Помимо милиции, нужно было организовать систему контроля на входе, поскольку мы решили начать взимать входную плату. Так появился Леша Михеев, который стал выполнять функции контролера и «вышибалы». Мы особенно никого не вышибали, но иногда приходилось давать отпор. Один раз, ранним вечером, когда на контроле стоял Кубик, вошли какие-то посторонние люди, явно не завсегдатаи нашего клуба, и выбили ему зуб. Кубик получил сильнейший стресс и через некоторое время нас покинул. Начав взимать входную плату, что тоже было нелегально, мы увеличили продажу пива и каждой выступающей группе стали выкатывать ящик пива. Кому-то надо было заниматься покупкой, доставкой и продажей. Лена все организовала и первое время делала это сама, но позже мы прибегли к услугам Паши Косенка. Когда Паша уехал в свой родной Донецк, то его место занял Витя Волков, о котором речь пойдет отдельно.

Когда наметилась какая-то стабильность, Паша Марюхта отказался от арендной платы за аппарат, и мы стали партнерами по одному делу, а постепенно и просто друзьями. Андрюша Алякринский пригласил себе в помощники Лешу Чуева и Андрея Степаненко, которые стали неизменными техниками сцены. Так постепенно у нас образовалась команда. Саша предложил нам с аппаратурой переместиться на первый этаж на репетиционную точку *НОМа*. Но это был не лучший вариант, поскольку с *НОМом* отношения у нас категорически не сложились с самого начала. Их друг Петя Сытенков уже давно носился с идеей клуба, который уже существовал на страницах журнала «Аврора». И получалось, что мы его обогнали и перебежали ему дорогу. Сначала он пред-

ложил мне сотрудничество, дескать, он имеет опыт, и мы могли бы объединить усилия. Это выглядело очень странно, так как к этому времени концепция нашего клуба уже сформировалась, и я прекрасно отдавал себе отчет в том, что мы делаем и как это следует делать. Однако он стал уговаривать Сашу Кострикина пододвинуть нас и открыть «Indie club». Кострикин, как человек мягкий, уверял меня в том, что все должны жить дружно и места хватит на два клуба: в субботу один, а в воскресенье другой. Я до сих пор не могу понять, как такие абсолютно разные вещи могут существовать под одной крышей. Разные люди, разная музыка, разная аудитория, разная команда и, наконец, разная аппаратура, которую после каждого концерта нужно куда-то девать. Но он согласился на их предложение, и в феврале они устроили пышную презентацию «Indie club», пригласили прессу, телевидение и позвали *Странные игры* и *АВИА*. То есть это шло вразрез с нашей деятельностью и отменяло все, что за это время сделали мы. Как только они провели эту акцию, я сразу заявил, что мы сворачиваемся. Бедный Кострикин попал между двух огней и в итоге скрепя сердце отказал Сытенкову. Они же с Аликом Гусевым вскоре нашли новое помещение, сделали «Indie club», и вместе с ними съехал *НОМ*. Так в городе стало два клуба.

Мы по-прежнему отказывались от афиширования нашей деятельности. Все шло по моему сценарию, и меня это абсолютно устраивало. Я охотно говорил на эту тему и делился своими соображениями, но никогда не давал интервью, только по старинному обычаю зарубежным журналистам. Это было еще одним элементом опыта, который я почерпнул из моего прошлого, и этот способ по-прежнему работал. Внимание западных средств информации давало правильный ракурс. Вести о происходящем

в России носили характер слухов. А слухи, как правило, точнее действительности. Какие-то слухи дошли до Джона Пила, и, находясь в России по приглашению Севы Новгородцева, он не преминул заехать к нам. Он попал на концерт *Пулсов* и *The Oba*, но не дал никакой оценки увиденному и услышанному. У нас не было никакой аудиоинформации, которой мы могли бы его снабдить, и он уехал ни с чем. Правда кто-то все-таки всучил ему какую-то кассету, и он упомянул эту группу в одной из своих передач. Как-то я беседовал с журналистом из газеты «Rock Fuzz» и специально сделал акцент на том, что это не интервью и информация, которую я даю в частном порядке, не может быть опубликована. И что же вы думаете — выходит очередной номер, в котором напечатаны интервью со мной и моя фотография пятнадцатилетней давности времен *Аквариума*, да еще и с виолончелью, со ссылками на мое прошлое и прочее. Я высказал им все, что я думаю по поводу этой статьи и их газеты в целом, и на несколько лет прекратил с ними все дела.

Миша Шишков, от которого ничего нельзя было утаить, звонил мне по-прежнему каждый день и раза два в неделю спрашивал о том, кто у нас играет. Каждый раз я просил не использовать эту информацию, и каждый раз он вступал со мной в спор, дескать, мы без них, то есть без журналистов, не выживем, и давал эту информацию в журнал «Турне». И точно так же он опубликовал в газете «Энск» или еще где-то интервью со мной, которого я ему не давал. Но рвать с ним отношения было бесполезно, он все равно продолжал звонить.

Слава богу, я наконец был избавлен от того, что люди приходили ко мне домой, — теперь все они в любом количестве могли приходиться в клуб. Бедные жильцы дома, в котором помещался клуб, а может быть, и всего квартала стали писать во все возможные инстанции —

в отдел культуры исполкома, Комиссию по делам молодежи и прочие. Сашу Кострикина вызывали на ковер в исполком, и он приглашал меня с собой. Коль скоро я все это затеял, то, естественно, мне надо было отвечать. Понятно, что клуб в том виде, в каком он складывался, давал повод для всех этих разговоров, но я был абсолютно уверен в собственной правоте и готов был отстаивать интересы той категории «молодежи», с которой соприкоснулся. Дело в том, что я не люблю слово «молодежь» и никогда им не пользуюсь. Я и не предполагал, что стану заниматься подобными вещами, к тому же мою деятельность уж никак нельзя было назвать работой с молодежью — я с ней не работал. Просто я ставил себя на место молодых людей и строил конструкцию, которая удовлетворяла бы меня, если бы я был в таком возрасте. Я хотел изобрести место, куда я сам стал бы ходить и как тусовщик, и в первую очередь как музыкант. Самым главным для меня было создать благоприятную среду для развития музыкантов. И коль скоро я списал со счетов музыкантов своего поколения, то получалось, что все создавалось для молодых. Я готов был учиться всему, чему я у них мог научиться. А именно — они лучше меня знали, какую музыку они сейчас хотят играть и какую слушать. Почему это так? Потому что они молоды, а стало быть, живут сейчас. Это их очередь жить. Мой возраст, мой опыт и мой вкус не имели никакого значения. Я достиг такого возраста, когда мне ничего не было нужно. У меня не было потребности ходить в такое место и слушать такую музыку. Может быть, если бы до меня дошла волна слухов, я и сходил бы из любопытства, но скорее всего нет. Почти все мои старые знакомые и друзья разок-другой зашли в это место, но его постоянными посетителями не стали. Меня же они сочли за чудака, который на старости лет сбрендил. Мне очень нравилось, что я смог совершенно уничтожить об-

раз, сложившийся за годы моего участия в прославленном коллективе. И в свою очередь мне было чрезвычайно любопытно узнать, что все те люди, с которыми я соприкоснулся, конечно же, слышали про *Аквариум*, но никто его не слушал. Я и сам никогда не слушал записи *Аквариума*, у меня дома нет ни одной кассеты, только альбомы *Red Wave* и *Radio Silence* на виниле и несколько компакт-дисков, изданных уже в последнее время. Это была та часть моей биографии, которую я воспринимал как курьез. Я более никак не мог сопоставить себя с персонажем этого анекдота, который многие считали легендой.

К лету следующего девяносто второго года у нас уже сформировалась прочная команда. Непонятно как возник Виктор Волков. Он приехал из Азова, сыграл у нас в клубе со своей группой *Тамплиер* и почему-то остался в Петербурге. У него был ярко выраженный синдром Джими Хендрикса. Им страдает половина гитаристов из провинции, которые на самом деле не дотягивают и до Ричи Блэкмора (я ничего не хочу сказать о Ричи Блэкморе, он прекрасный музыкант, но он повлиял на огромное число музыкантов в России, которые остановились в своем развитии на *Smoke On The Water*). Естественно, у Вити были сильные амбиции, и он приехал самоутверждаться и покорять Северную столицу. Он попал явно не туда, но каким-то образом застрял в нашем клубе и стал к нам приходить и донимать разговорами. Я не знал, чем ему помочь, и, поскольку к этому времени Паша Косенок уехал в Донецк, я предложил Вите торговать пивом. Взявшись за это, он настолько прочно занял свое место, что через некоторое время стал просто незаменим, и сейчас я даже не представляю, как бы мы выжили все эти годы без него. Он стал сторожем и комендантом, который следит за порядком и которому можно поручить абсолютно всё. Он захватил самую удобную

комнату и через какое-то время привез из Азова необычайно одаренного сына Жору, который удивлял всех своей игрой на скрипке. Педагоги в нем души не чаяли, но никто и представить себе не мог, в каких условиях жил этот гениальный ребенок. Они так и прожили вдвоем с отцом в этой комнате до последнего дня существования клуба.

Летом, как обычно, я устроился на теннисный корт. Денег там уже не платили, да это и не имело никакого значения. Прямо за оградой нашей усадьбы располагались теннисные корты «Ленфильма», управляющим которых был очень энергичный молодой человек Костя Алтынбаев. Также там работал замечательный тренер Саша Караваев. У них была чисто спортивная тусовка. Но теннисный бум начал стихать, и постепенно теннис стал считаться аристократическим отдыхом. Все больше и больше вещей основывались на понтах — дорогие ракетки и прочие «адидасы». После игры богатые люди парились в бане, и мне было грустно наблюдать, как мои соседи-спортсмены постепенно превращались в лакеев. Они пахали с утра до вечера, благоустраивая свою территорию, и Костя облизывался, глядя на нашу усадьбу. Было понятно, что рано или поздно ее кто-нибудь хапнет. И вероятно, вопрос был только в размере взятки. Но все-таки Косте это было явно не по плечу, и «Ленфильм» расширился в другую сторону. Так они построили еще три корта. Чтобы правильно ухаживать за поверхностью, мне было интересно понять, как устроен весь «пирог» корта, и я внимательно следил за тем, как они строят дренаж и кладут несколько слоев покрытия. Это очень кропотливая работа. Наш корт был построен явно халтурно, и довести его до того состояния, в котором содержались соседние площадки, было практически невозможно. Однако я достаточно много времени уделял своей работе и, насколько это было в моих силах, содержал корт в приличном со-

стоянии. Костя иногда склонял меня к тому, что я могу перейти на работу к нему и получать приличные деньги. Но меня не интересовала работа как таковая. И коль скоро стремление к буржуазности вызывает у меня аллергию, меня больше занимало то, как складывается ситуация на нашей территории. Она была абсолютно иррациональной и тем самым все больше и больше меня захватывала. Я увидел некоторую закономерность в том, что происходит на корте и в клубе. Наверное, можно было вывести формулу закона, который я наблюдал в действии. Но я знал, что, как только я выведу эту формулу, все исчезнет, поэтому я занял позицию наблюдателя и ждал развития событий. Понятно было, что долго так продолжаться не может, но в этом безвременье была вся сила. И на Каменном, и на Васильевском острове мы попали в расщелину, когда старая система еще не рухнула, а новая не настолько сильна, чтобы все поглотить. Как выяснилось, это было самое благодарное время, которое не так часто встречается в ходе истории, и нам всем очень повезло, что мы стали свидетелями этих перемен и жили в пограничное время. Как показывает практика, едва только система становится жесткой, она уничтожает все живое. И нет никакой разницы между умершим социализмом и строящимся капитализмом — и то, и другое уродливо. Примерно такая же картина складывалась с рок-н-ролом середины шестидесятых. Человечество еще не имело подобного опыта, каждая песня была откровением. Но когда система приспособилась и появился шоу-бизнес, он все поглотил и обезличил.

С «Ленфильмом» нас разделяла металлическая сетка корта. И хоть это и была граница, она была абсолютно прозрачная. С обеих сторон было видно, что происходит на соседней площадке. И раз уж я мог наблюдать за тем, как живут соседи, то и они не могли не обращать внимания на то, как живем мы. Каждое утро я приезжал

на велосипеде на Каменный остров, убирал корт, а днем слетались все остальные. Первой приезжала Маша; и на корте, и в клубе она возложила на себя обязанности хозяйки. Она следовала за мной по пятам и делала абсолютно все то, что делал я. Это немного напрягало, но до тех пор, пока это не стало касаться моей личной жизни, я был не против ее компании. Если площадка была свободна, мы немного играли в расслабленный теннис. Элементарным вещам моих друзей мог научить я сам, но, когда все понемногу почувствовали вкус к игре, я договорился со Светкой Рюминой, которая дала им несколько квалифицированных уроков. Как правило, мы разыгрывали «пары», что всегда весело. Естественно, с приходом каждого нового гостя ставился чайник, и мы накрывали на стол, которым служил огромный пень. Этот пень мы с Микшером и Пашей Литвиновым катили целый день и врыли его в землю, так что за ним легко усаживалось человек десять. На двух грядках мы посадили зелень и цветы. И по возможности захватили максимум территории, соблюдая дистанцию с дядей Мишей. Дядя Миша иногда протестовал, ведь до нашего появления он был полновластным хозяином. Он жил в отдельной избушке со своей пожилой женой, которая работала там же уборщицей. У них было полностью автономное хозяйство. Наверное, им тоже уже не платили, но это был их дом, и они там просто жили на свою пенсию. И тут появились мы и нарушили их покой. Я помню прекрасный фильм Лукино Висконти «Семейный портрет в интерьере» с Бертом Ланкастером. Я смотрел его несколько раз, и всегда он на меня действовал. Верхний этаж дома, где живет одинокий пожилой человек, покой которого никто не нарушал много лет, вдруг захватывают какие-то молодые люди. Сначала он всему этому сопротивляется, но постепенно начинает жить жизнью своих постояльцев, и, когда они исчезают, он заболе-

вает и умирает. Я надеюсь, дядя Миша жив и здоров. За годы параллельного существования мы по-своему привязались друг к другу. Он был хроническим алкоголиком и все время хихикал, но иногда производил впечатление просветленного старца и поражал своей житейской мудростью. Когда через несколько лет появились новые хозяева, его просто выгнали.

В день концерта мы сворачивались пораньше и часам к пяти садились на велики и кавалькадой катили в клуб. Когда мы ехали вместе, возникало поразительное ощущение единства. Я понял одну очень странную вещь: для меня перестало иметь какое-либо значение, что я делаю. Лишь бы была радость от общения с людьми, с которыми я оказался вместе. Миф о том, что раньше это называлось образом жизни *Аквариума*, для меня был развеян. Я был совершенно счастлив с другими людьми.

Глава вторая

С клубом была абсолютно симметричная схема. Саше Кострикину предложили место в мэрии, где он стал начальником какого-то отдела, и он постепенно загасил фитилек, еще теплившийся в тот момент, когда мы появились, и всю работу Молодежного центра свел на нет. Постепенно разбежались все службы, а потом и все творческие коллективы, которые там находились. Под него рыли какие-то внешние враги, которые пытались завладеть помещением, а также владельцы кафе, которые являлись субарендаторами. Потом они вовсе перешли в наступление, предлагая Кострикину убраться самому, поскольку рано или поздно они завладеют всем помещением. Все усугублялось тем, что Кострикину не

продлили договор аренды. И это была реальная опасность. Начав атаку, кафешники захватили одну большую комнату на первом этаже, прямо напротив репетиционной точки, что было им, вероятно, очень неудобно, поскольку на точке все время кто-нибудь репетировал на полной громкости, так что в этой комнате невозможно было разговаривать. Они же поставили кожаные диваны и стали собираться там на тайные собрания. Если они сами не были бандитами, то по крайней мере каким-то образом были сопряжены с властными структурами. Все у них было на понтах, которые они и нам начали демонстрировать. Изначально владельцам кафе не нравилось то, что мы делаем, но в то же время они понимали, что в принципе в музыкальном клубе есть рациональное зерно. Они стали вести с нами переговоры, предлагая покровительство и «крышу». Они видели, что хоть мы и делаем неправильное с их точки зрения дело, однако оно работает. Вот если бы сменить музыкальную ориентацию и аудиторию, то туда могли бы ходить «приличные» люди, и все было бы хорошо. Мы, естественно, не шли ни на какие уступки, и разговоры закончились тем, что они все-таки решили сами продавать пиво наверху и платить нам фиксированную сумму денег. Нас это устраивало, поскольку было ясно, что рано или поздно нелегальную торговлю прикроют. Хотя когда мы торговали сами, то Витя делал это весело и непринужденно, и ему всегда помогали девушки. Всему персоналу вменялось в обязанность подбирать пустые бутылки, которые всюду валялись под ногами. Правда, зачастую мне приходилось делать это самому. Кафешники же посадили своего человека, который просто отпугивал наших посетителей. Но это продолжалось недолго, они прекратили продажу пива, вероятно, не получив достаточно барыша, и мы постепенно вернулись к прежней схеме и к прежнему обороту. Конфликтная ситуация усугуби-

лась тем, что в фойе второго этажа случился пожар. Загорелись старый театральный реквизит и разломанная мебель, которые мы уже год перекладывали с места на место. Когда я туда приехал, то не поверил своим глазам. Это было очень похоже на конец. Все было черно от копоти и залито водой. Привести помещение в порядок не представлялось возможным. Однако делать было нечего, и пришлось все разгребать. К счастью, проводка не пострадала, а зал и вовсе оказался в порядке. По городу пронесся слух о кончине «ТамТата», но с ликвидацией последствий пожара нам удалось справиться достаточно быстро, и через неделю мы уже объявили следующий концерт. Потолки были абсолютно черными, а стены были грязно-серого цвета в потеках, но Лена покрасила батареи в красный цвет, положив начало будущему фантастическому интерьеру, и все показалось не таким уж страшным. Саша настаивал на ремонте, и я с ним был согласен, однако черный потолок хотелось оставить. Впрочем, денег все равно не было, и на ремонт мы так и не разогнались. Мы почистили и покрасили окна, и Леша Михеев по собственной инициативе стал покрывать стены причудливыми фресками. Это было именно то, что давно было необходимо. Меня несколько не смущало, что до пожара клуб не отличался продуманным интерьером. Большинство людей, приходящих туда, ни на что не обращали внимания, как и в «Сайгоне». Я вообще не люблю места с современными интерьерами, все это в общем-то вариации на тему «Макдоналдса». И вдруг, с появлением этих фресок, место стало насыщаться смыслом и оживать. У людей, которые попадали туда в первый раз, просто сносило башню.

В особенности это было интересно по контрасту с первым этажом. Кафешники затеяли ремонт и начали с того, что выложили вестибюль мрамором и отделали стены деревом. Они поставили нам условие, что мы будем отве-

чать головой за каждую надпись, которая появится на стенках. Это был достаточно опрометчивый ход с их стороны, поскольку они еще не были нашими хозяевами, и мы ничего не были им должны, хотя они каждый раз пытались говорить с позиции силы. В нашей команде появилось много новых ребят, которые выполняли все виды работ, а некоторых мы просто обеспечивали работой, изобретая для них какое-нибудь занятие, чтобы дать возможность немного подзаработать. Так для обеспечения порядка в вестибюле был специально нанят Альберт Мовсюков. Он поставил кресло на стол и сидел там в течение всего концерта. Даже завсегдатаи, привыкшие к странностям этого места, шарахались, когда под потолком замечали человека в синем пиджаке и с бородой, который неподвижно сидел три часа кряду. На такое был способен только этот человек, это стало его призванием. Но все же в какой-то момент на стенах появились какие-то каракули, и кафешники грозились, что мы будем все переделывать. Они бесились от собственной злобы и в один прекрасный момент так взбесились, что забрали все свое имущество и ущипали.

Мы долго не могли поверить в то, что все кончилось. Но Кострикин говорил, что скоро появятся новые хозяева кафе. Через некоторое время действительно появились какие-то люди. Во главе у них стоял благообразный человек с бородой и военной выправкой. Он был беглым валторнистом из филармонического оркестра и производил самое благоприятное впечатление. Они несколько дней пили с Сашей Кострикиным, а потом он как-то пришел, взял нашу тележку, погрузил на нее кострикинский кассовый аппарат и был таков. После него так больше никто и не появился, и постепенно мы завладели всем пространством кафе. Собственно кафе нам было не нужно, хотя мы думали о том, чтобы запустить его своими си-

лами, но ограничились использованием кухни. Так, чисто механически, мы вывели еще одну формулу, которая заключалась в том, что перед работой людей надо покормить. Мы покупали овощи, и девушки стали готовить салаты, упражняясь в кулинарном мастерстве. В пять часов вечера все слетались на работу, усаживались за длинный стол, обильно ели и разбредались готовиться к концерту. Поскольку концерты кончались поздно, мы успевали только подмести все помещение, а мыть приходилось на следующий день перед концертом. В это же время аппаратчики налаживали аппарат и начинали саундчек. В течение всего вечера можно было спуститься вниз и выпить чашечку чаю, а после концерта чаепитие было неизменным. Всегда оставались какие-то гости, и за стол усаживалось не меньше человек двадцати пяти. Еду вечером готовили очень редко, обычно девушки делали несколько подносов с бутербродами, и всегда были корзинки с пряниками или печеньем. К нам постоянно приезжали иногородние и заморские группы. Мы не могли покрывать дорожные расходы, зато помогали им с ночлегом и кормили в клубе. Частым гостем был Сашка Липницкий, который в это время стал менеджером женской группы *Амас*. Группа постепенно трансформировалась в полноценную мужскую группу, в которой осталась лишь одна девушка Лёля, автор всех песен. Один раз в составе этой группы приехали Леша Бортничук и Андрей Надольский, барабанщик нового состава *Звуков Му*, который, правда, напился и не нашел дорогу в клуб. Леша же забыл, в какой группе играет, и концерт этой группы превратил в свое сольное выступление. К сожалению, и *Звуки Му*, самая чтимая мною группа, не избежала перестановок в составе, и время от времени Петя с братом всплывают под этим именем. Мне всегда интересно, что делает Петя, будь то его концерт, кино или спектакль, но в моей

памяти навсегда сохранится та группа *Звуки Му*, которую я видел и слышал в первые годы ее существования.

Вообще о музыке говорить очень трудно. Любые оценки субъективны, и тот стиль, который сложился в ходе нашего опыта и определил концепцию клуба, довольно трудно определить. Мне кажется, постепенно я научился разбираться в нюансах этой музыки. Как я уже говорил, важным критерием отбора была актуальность музыки. Хотя панк-рок меня вполне устраивал, мне больше импонировал пост-панк. А именно — то, что этот самый панк-рок переросло. То есть то, что в начале восьмидесятых годов получило ярлык новой волны. Можно как угодно называть этот стиль, но важна суть. В некотором роде это была интеллигентная музыка. При всей простоте формы присутствовала глубина мысли и незаурядное чувство юмора. Хотя, конечно, были и упертые дворовые панки. В целом, почти все эти люди восхищали меня чувством собственного достоинства. Все были очень натуральны, никто не заискивал и не хотел понравиться. Некоторые были прирожденными артистами. Все оставались самими собой, и это меня подкупало. Я очень привязался ко многим группам. Мне очень нравились *The Оба*, пивноголовые *Бироцефалы*, а также *Звонки* и вообще все инкарнации *Пунсов*, самой известной из которых стала *Tequila-jazz*. Самыми бесшабашными были *Хулиганы*, с которыми поначалу у нас сложились не очень дружелюбные отношения. Но прошло время, и мы прониклись взаимной симпатией и уважением. Они неожиданно трансформировались в *Nord Folk* и с фантастическим драйвом заиграли шотландские жиги. Каждое их выступление сопровождалось невероятно зажигательными танцами. Я никогда не видел, чтобы люди так самозабвенно танцевали. Но особенное место среди любимых групп заняла *Химера*. Я не могу объяснить почему, но она действовала на меня без-

отказно. Это было что-то личное. И когда так случается, то, как правило, потом тебя больно бьет. Но что делать — так устроен этот мир. Еще когда они назывались *Депутатом Балтики*, они произвели на меня впечатление своей законченностью, как это было с *Ножками*. Только *Ножи* были строгими, готическими и абсолютно абстрактными. *Химера* же была конкретна, при этом очень подвижна. Эдик Старков был настоящей звездой. Я смело могу поставить его в один ряд с Джимом Моррисоном, Игги Попом, Петей Мамоновым и Сашей Башлачевым. Это был очень красивый человек атлетического сложения, в котором сочетались невероятная сила, незаурядный ум, самобытный голос и совершенно бешеная энергия, но при этом в нем не было никакой агрессии. Он был прирожденным шоуменом, основными атрибутами которого являлись его естественность и невероятная мягкость, если не сказать кротость. В нем не было никакой позы, на концертах он просто надевал кузнечный фартук и выступал, как правило, босиком. Эдик сочинял безупречные песни и так владел своим голосом, что через некоторое время стал для меня абсолютом. Его игру на гитаре, в особенности звукоизвлечение, я ни с чем не могу сопоставить. Сама же группа, казалось, представляла собой собрание людей, которых ничто не связывает. Они совершенно не общались вне репетиций и концертов, и при этом каждый из музыкантов был незаменим. Они добивались такого звука и такой силы психологического воздействия, что на каждой песне я находился в напряжении, которое не отпускало до конца выступления. Конечно же, это мое индивидуальное восприятие, но все было по-настоящему. Наверное, я еще долго мог бы упражняться в эпитетах, но сейчас это уже не имеет смысла. Эдик был моим фаворитом, и мне очень хотелось его баловать, но, конечно же, я себе не мог такого позволить. Все льготы, которые ему

предоставлялись, заключались в том, что *Химера* могла играть, когда хотела и когда им это было удобно. Эдик поселился в клубе со своей молодой женой Тосей, и они заняли самую неудобную комнату на кухне, поскольку к этому времени в клубе уже жило несколько человек и лучшие места были захвачены. Саша Кострикин не особенно этому сопротивлялся. Клуб походил на очень странную коммуны, когда люди вроде бы живут в одном пространстве, но не очень хорошо ладят друг с другом. Единственным объединительным началом был сам клуб, который действовал три дня в неделю. По ночам же и в остальные дни в силу вступал другой закон, изменить который я был не в силах. Да это было и ни к чему: люди жили так, как они сами выбрали. Тося являлась поклонницей Гребенщикова и почему-то меня не любила, и я постоянно чувствовал агрессию с ее стороны. Меня это немного обижало, но я смирился. Слишком много людей меня окружало, и мне хотелось иметь равные отношения со всеми. В клубе обычно репетировало групп десять, которые сами договаривались между собой. Я на первых порах пытался было это контролировать, но из этого ничего не получилось. Мне хотелось обеспечить их адекватной аппаратурой для репетиций, я специально купил еще одну ударную установку, но никто ни за что не отвечал и все время что-то ломалось или пропадало. Иногда музыканты взаимодействовали — и рождались новые проекты. Так появилась *Авдогеса*. Это был самый бредовый «проект», в котором участвовал Тима Земляникин, Эдик и некто Дима Желонкин из Йошкар-Олы. Я не знаю, что означает название группы, но оно абсолютно соответствовало тому месту, в котором жили эти персонажи. И Тиму тоже стали звать Авдогесом. В комнате, где они жили, потреблялось все, что течет и дымится, а грибы, по-моему, росли прямо там. Однако то, что они делали, было необычайно

интересно. К тому времени убили Кузика — басиста группы *Нож для фрау Мюллер*, и группа прекратила свое существование. И *Авдогеса* стала оптимальным местом применения таланта Тимы Земляникина. К каждому концерту он мастерил фонограмму, которую делал чисто механически, привязывая тонаrm проигрывателя резинкой. Пластинка прыгала в тщательно найденном месте и давала интересные несимметричные петли, поверх которых они уже на концерте играли вживую, а Тима пел. Одно время они играли каждый четверг, пока Тиме не стало скучно. После он просто ставил пластинку *Ласкового мая* и пел сверху. То есть получался, как это теперь называют, римейк. В свободное время они стригли друг друга, а Леша Михеев всем делал татуировочки. Эдик же делал их себе сам и покрыл татуировкой все тело, только на спине, где ему самому было не дотянуться, Леша выбил ему четыре четверки.

Другая группа, с которой мы стали друзьями на долгие годы, — *Markscheider Kunst*. Они были в числе тех групп, которые выступали и репетировали в нашем клубе. В то же время вокруг Паши Литвинова и еще одного перкуссиониста Киры Ипатова стала формироваться интересная питательная среда. Музыканты этой группы оказались наиболее подвижными, и они стали вместе заниматься, учиться друг у друга и перенимать опыт. Так постепенно состав группы расширился, и все они стали играть вместе. А чуть позже к ним присоединился Вова Матушкин и африканский вождь Макангила. Стиль группы невозможно определить, это смесь реггей, ска, диско, африканской музыки сукус и еще бог знает чего, что рождает новый удивительный, ни на что не похожий стиль — *Markscheider Kunst*.

Мы часто устраивали блюзовые джемы. Поначалу получалось интересно, приходили мои старые дружки

Саша Ляпин, Юра Ильченко, Никита Зайцев и Володя Ермолин. Они все давно уже стали «монстрами», и всегда приятно было увидеть высокий класс игры. Но иногда, когда музыканты начинали играть для себя, вспоминая старинные хард-роковые стандарты, становилось смертельно скучно. А порой они просто напивались так, что мне становилось стыдно и приходилось их просто сгонять со сцены. Так я постепенно оставил эту затею. Традиции джема в этом городе, судя по всему, не пустили корни, и молодые блюзмены особенно не проявились. А ко всему прочему я еще разорвал отношения с Юрой Ильченко и Никитой Зайцевым.

Reggae party всегда были очень веселыми. В городе жили несколько африканских студентов, которые оказались не очень искусными музыкантами, зато привносили свежую струю в этот северный болотистый город. Иногда реггей перетекал в чисто африканские, а то и в русские хоровые пения. Часто на сцене собирался подвыпивший смешанный оркестр и все хором пели:

Get up, stand up,
Stand up for your rights!

Особенно смешно, когда это поют русские, получается что-то вроде «Вставай, проклятьем заклеименный...».

Но самым корневым, как всегда, был неизменный Растаман — Андрей Куницын, который в течение нескольких лет тщетно пытался собрать постоянный оркестр. Он прекрасно пел, но иногда забывал, что он на сцене. Иногда сопровождавший его оркестр уже уходил со сцены и в зале не оставалось ни одного человека, а он продолжал петь. Иногда он выходил во время выступления какой-нибудь группы и «давал» рага-маффин. Правда, случалось, что он пел в стойку, забывая, что микрофон у него в руке.

Время от времени я сам играл с какой-нибудь группой. Хотя я и порвал со своим прошлым и не хотел возвращаться к музыке, но иногда меня затаскивало. В самом начале я согласился играть в группе *Никогда не верь хиппи*. Она мне нравилась по стилю и по противоречию, заложенному в ее названии, — мне польстило их приглашение, поскольку я как раз принадлежу к поколению хиппи и до сих пор ношу длинные волосы, правда не придавая этому факту никакого значения. Я принял участие в нескольких концертах, но вскоре отказался, почувствовав некоторое несоответствие, ведь я был на двадцать лет старше их. Их же проект оказался недолговечным, но я по-прежнему с вниманием слежу за тем, что они делают в других сочетаниях. Также вместе с Микшером и Витькой Солюгобом я принял участие в сводном оркестре, когда в наш клуб приехал Дэвид Томас из легендарной группы *Pere Ubu*.

Еще одна группа, в которой я играл, — *Wine*. С ней у меня был более длительный «роман», но, к сожалению, в итоге и с ней нас разнесло в разные стороны. Леша Федяков — прекрасный гитарист, и его песни были безупречно стилизованы под британскую музыку шестидесятых годов, что мне очень близко по духу. Это даже не стилизация, просто он так живет и мыслит, он явно родился не в то время и не в том месте. Как мне кажется, я приспособлен играть такую музыку и был абсолютно уместен в этой группе. Мне доставлял огромное удовольствие сам процесс репетиций, когда мы по привычке репетировали у меня дома. Леша настолько лаконично играл на гитаре, что мне очень легко было выстраивать свою партию виолончели. И он к тому же обладал тем самым характерным голосом, который меня завораживал. И хотя он пел по-английски, меня это абсолютно устраивало. С моей легкой руки в группе также играла на флейте

наша старинная подруга Каролина Друен из Канады, у которой мы гостили во время нашей поездки в Монреаль. Но вскоре Каролина уехала на родину, а я не мог посвятить все свое время служению этой группе и, не имея возможности часто репетировать, вынужден вскоре был от них уйти.

Еще до этого Кирстен, очаровательная немка, которая появилась на нашем горизонте, предложила организовать культурный обмен с Гамбургом. Благодаря этому каждый год одна из наших групп могла принять участие в местном фестивале «Wutzrock», вероятно, названном по аналогии с Вудстоком. Мы с *Wine* приняли участие в одном из таких фестивалей. Перед поездкой я решил внести элемент психоделии и покрасил обечайки виолончели в яркий зеленый цвет. Этот инструмент получил название *гринчелло*. На этот концерт Каролина специально приехала из Монреаля, но все сложилось не очень удачно, и она пожалела о своем приезде. Уже по ходу пьесы нам устроили выступление на фестивале в пригороде Гёттингена. Но, к сожалению, накануне там убили какого-то курда, и весь город пошел на манифестацию. Так что мы, среди немецких групп, играли в совершенно пустом амфитеатре, который был построен еще во времена Гитлера.

С *Wine* остались друзьями, и, когда дело дошло до записи, я с удовольствием принял в ней участие. К сожалению некоторые песни так и не были записаны, но скажу без ложной скромности, что в тот момент, когда они игрались, они были необычайно интересны. А песня *First Girl* была просто хитом. Наверное, самым сложным фактором моего участия в любой группе является то, что я больше ничего не хочу достичь. Меня абсолютно устраивает сам процесс музицирования. В то время как более молодые музыканты непременно к чему-то стремятся, и мое учас-

тие в группе тормозит их карьеру. В случае с *Wine* стремление заключалось в том, чтобы выйти на московскую аудиторию. В это время в Москве появилось много клубов с дорогим входом, ориентированных на музыку *easylistening*, и там платили приличные деньги. Меня же вполне устраивала ниша «ТaMтАmа», и я четко представлял, почему я хотел видеть клуб именно таким. Но в итоге Леша добился своего, и теперь он стабильно играет в московских клубах. Правда, состав группы совершенно сменился. Самым поразительным был разрыв с Кэт, Лешиной спутницей и неизменной барабанщицей группы. Казалось, Леша и Катя созданы друг для друга и без нее группа существовать не сможет, но время показало обратное.

Глава третья

Мы стали проводить три концерта в неделю, четверг был экспериментальным днем, когда могла звучать самая неожиданная музыка. В это время усилиями Алика Кана в городе проходил ежегодный фестиваль «Открытая музыка». Но с каждым годом становилось все труднее искать средства на его проведение и приглашение заморских музыкантов. К сожалению, этот фестиваль сначала перешел в фазу «Приоткрытой музыки», когда он проводился одновременно на нескольких площадках маленьких клубов, а постепенно и вообще затих. Так мы приютили всех тех, кому в этом городе играть больше было негде. И к этому времени у нас уже сформировалась определенная музыкальная тусовка. Когда я не знал, кого пригласить в следующий раз, или кто-то в последний момент не приезжал, то всегда подбирался какой-нибудь «дежурный» состав. Так на базе

«ТaMtАmа» существовал оркестр *Аддис-Аббеба*, состав которого часто варьировался, но неизменным был костяк в лице Микшера, Паши Литвинова и Киры Ипатова. Часто присоединялся Коля Рубанов и кто-нибудь из *Маркшейдеров*.

Иногда в клуб забредали Дюша с Галей, которые жили через дорогу. Но они находились на своей орбите, и она никак не пересекалась с моей. Время от времени появлялся Михаил Файнштейн, но он приходил не послушать музыку, а просто заглянуть в гости. Курехин ходил первые месяца два-три, но потом исчез и появлялся только тогда, когда выступали заморские артисты. Самым частым гостем был Алик Канн. Он всегда был в курсе того, что происходит в городе, и не пропускал ни одного концерта, который мог оказаться интересным. Боб заходил два раза: когда приезжали *British Summertime Ends* и второй раз через год на Дэвида Томаса. Я совсем не виделся с Бобом; у нас не было разрыва, наверное, мы могли еще считать себя старыми друзьями, но связывало нас только прошлое. Он успешно развивал свою сольную карьеру и колесил по всей России с оркестром под названием *БГ Бэнд*, директором которого стал Вовка Дьяконов. Там же стал играть мой старый друг Сережа Щураков, которого я по неосторожности как-то привел на запись. Боб, как обычно, поглощал все, что попадало в поле его зрения, и использовал в своих целях. Так Сережа и звукорежиссер Олег Гончаров, которые участвовали в *Трилистнике*, собранном Дюшей, постепенно оказались втянуты в *БГ Бэнд* и, когда настало время выбирать, сделали свой выбор в пользу Боба. Удельный вес Боба был по-прежнему гораздо больше, и я не стал бы с ним тягаться. Я слышал *Русский альбом*, но не могу ему дать никакой оценки. Наверное, именно это Боб и хотел делать тогда. Я же по-прежнему не могу слушать эту музыку в записи. Мне до-

статочно послушать один раз, просто чтобы иметь представление.

С Титовичем к тому времени у Боба были натянутые отношения, и они не общались. Но город маленький, и люди так или иначе где-то пересекаются. Встретились и Боб с Титом. Результатом этой встречи стала немедленная отставка Сережи Березового, и Титович снова занял место басиста в группе. Я не буду комментировать это действие Титовича, но за ним последовало другое, которое касалось лично меня. Руководствуясь какими-то соображениями, скорее всего коммерческими — хотя Боб всегда называл это другими словами, — он решил переименовать свой оркестр в *Аквариум*. Естественно, нас никто даже не спросил об этом. Боб считает, что *Аквариум* — его детище и он может распоряжаться им как ему заблагорассудится. Но он не обратил внимания на то, что за долгие годы эта группа стала еще и нашей. И Дюша, и Миша, и Ляпин, и Петя, и Рюша, и я сделали эту группу тем, чем в итоге она стала. С моей точки зрения, группа — это в первую очередь люди, которые в эту группу собираются. Иначе это называется оркестром, ансамблем или чем угодно. Каждая группа имеет срок жизни, и, когда этот срок подходит к концу и люди расходятся, вместе с ними умирает и имя. Мне это кажется очевидным. Когда же Боб вдруг назвал свою новую группу этим именем, он лишил нас прошлого. Оно перестало существовать. Группа много выступает, и те люди, которые сейчас ходят на ее концерты, принимают ее в том виде, в котором она существует сейчас. А если учесть, что за это время аудитория омолодилась и группа играет в тех городах, где раньше ее предшественники не бывали, то матрица стирается окончательно. Люди приходят на концерт и видят ту группу, которая играет сейчас; они не знают, что раньше это имя объединяло других людей. Зрителей не

интересует история, и она очень быстро переписывается. И таким образом остаются непропорционально большой Боб — и безымянные музыканты. Личность каждого отдельного музыканта не принимается в расчет. Почему Боб выбрал именно такой способ рассчитаться с нами, остается загадкой.

В это время он заключил контракт с «Триарием» на выпуск на CD всех альбомов *Аквариума* первого периода, что было названо архивом *Аквариума*. Еще один реверанс в нашу сторону — нас, самостоятельный *Аквариум*, сдали в архив. «Настоящий» *Аквариум* начинает профессиональную работу в профессиональных студиях, преимущественно в Англии с музыкантами, которые нанимаются по профессиональным признакам. Естественно, к записи этих альбомов приглашаются заморские музыканты, усиливающие звучание группы, и конечно же это трудно сопоставить с тем уровнем записи, на котором в древние времена были записаны все те любительские альбомы. Но как бы это сейчас ни называлось, я рад, что мы хотя бы получили деньги за то, что в течение стольких лет делали за так. Хотя Боб считает, что эти деньги заплатил нам он, мне кажется, что мы их заработали.

Получив часть этих денег, я купил электрическую гитару и велосипед своему племяннику Василию, а остальное вложил в развитие клуба. Титович уговорил меня купить у него восьмиканальный магнитофон «Tascam», который уже несколько лет служил стулом в студии на Фонтанке. Я по-прежнему мечтал о том, что нам удастся построить свою студию. Но магнитофон не дожил до этого дня и почти сразу умер. Мы только успели записать альбом *Markscheider Kunst Кем быть?*, который за неимением студии записали прямо в фойе, и их же концерт, который так и остался не сведенным. Также я купил несколько ламповых усилителей, всю фирменную армату-

ру для нашей обветшалой ударной установки и фирменное железо, что сразу качественно изменило и без того приличный звук. В силу моего непрагматичного характера, хотя ситуация была настолько неопределенной, что ни один здравомыслящий человек никогда не начал бы делать вложения, мы решили сделать ремонт. Мы укрепили и подняли сцену и намеревались отреставрировать пол в зале, который также служил танцевальной ареной для театра «До» и который за время существования клуба мы совершенно уничтожили. Мой старый друг Гена Степаненко, которого я пригласил для консультации, посоветовал залить пол жидкой пластмассой по какой-то современной технологии, что-то вроде эпоксидной смолы. Я загорелся этой идеей и вбухал туда невероятные деньги. И нисколько об этом не пожалел бы — клуб просуществовал еще два года, — но через полгода покрытие разлетелось вдребезги. Оставлять его в таком виде было невозможно, и пришлось два раза реставрировать пол, снова вкладывая деньги. Таким образом я поставил памятник самому себе.

Поскольку в летнее время бутылки продолжали бросать на улицу, на окна пришлось поставить сетки. Мебели в клубе не было никакой, остатки красных кресел мы выкинули, и сидеть посетителям было негде. Лена поехала в ЦПКиО и по остаточной стоимости купила старые садовые скамейки, а на кладбище памятников она нашла железобетонные ноги от статуй Матроса и Комсомолки. Они были совершенно неподъемными, но отказываться от таких вещей нельзя. По приезде оказалось, что затащить их вовнутрь не представлялось возможным. Нам насилу удалось впрячься и поднять ноги Комсомолки на второй этаж, но ноги Матроса мы смогли перетащить только через порог, и их пришлось оставить прямо у входа.

Чуть позже в одном баптистском магазине мы наткнулись на старую датскую военную униформу. Это были прекрасно скроенные кители мышинового цвета образца шестидесятых годов, и мы одели в них всю нашу команду. А также купили еще несколько штук и повесили их продавать, как в некоторых местах продают футболки. Так неожиданно появился и сформировался «TaMtAm»-стиль.

За это время вырос авторитет клуба. Мы уже ко всему привыкли и спокойно и расслабленно делали свое дело. В городе появились первые альтернативные радиостанции. Самой мощной стало радио «Катюша». Это было здорово: радиостанция была очень живой, все диджеи были музыкантами и крутили интересную некоммерческую музыку. Естественно, они освещали все происходящее в клубах, включая «TaMtAm». Как ни странно, для нас это имело обратный эффект. Как я уже говорил, я сторонился рекламы нашей деятельности и видел опасность в лишней информации. Мы имели постоянную аудиторию, и у нас всегда был аншлаг. И вдруг, когда по радио стали передавать клубную афишу, у нас образовался некоторый спад аудитории. Вообще слово «клуб» становилось модным. Его стали трепать, каждая газетенка хотела печатать клубную афишу. Появились ночные клубы и казино. Обыватель не видел разницы между музыкальным клубом и ночным клубом со стриптизом. Мне стали звонить какие-то люди, требуя продиктовать репертуар нашего клуба. Я не хотел этого делать, но они все равно как-то узнавали даты концертов и печатали их во всех бульварных изданиях. Неожиданный удар ожидал нас в лице нашего сотрудника Альберта, который стал издавать фэнзин под названием «TaMtAm». Он помещал фотографии с концертов и печатал какую-то ахинею. Увидев сей опус, я по-хорошему пытался убедить его в том, что имею право самостоятельно распоряжаться своими

делами и что если бы я хотел издавать свой журнал, то давно это сделал бы. Он же считал, что клуб давно мне не принадлежит, джинн выпущен из бутылки, — и продолжал свою деятельность. Я начал терять самообладание, и Альберт был изгнан. Ситуация складывалась абсурдная. Все время появлялись какие-то люди, которые лучше меня знали, как следует делать то, что мы уже давным-давно делаем. Мы значительно потеряли аудиторию и вынуждены были прибегнуть к тому, чтобы печатать свои флайеры и маленькие афиши, чтобы расклеивать их на Пушкинской, 10 и в других тусовочных местах.

Когда весной следующего года я поехал на Каменный остров, чтобы разведать ситуацию на корте, то оказалось, что там уже новые хозяева, которые начали ремонт усадьбы. Я зашел к соседям и поговорил с Сашей Караваевым. Они пока не знали нового хозяина, но, по слухам, это какой-то крупный предприниматель. Саша посоветовал приехать попозже и поговорить с хозяином, поскольку все равно кому-то надо будет ухаживать за кортом. Судя по всему, его решили сохранить. Первым делом новые владельцы спилили вековые деревья и поставили военизированную охрану. К такому хозяину, конечно же, наниматься было запахло. Это был конец, завершилась целая эпоха.

Глава четвертая

Я предполагал, что закрытие одного места непременно отразится на другом. «TaMtAm» лишился своей значительной составляющей. Начиналось лето, и мы думали, куда бы переметнуться с летней тусовкой, но такие места сразу не появляются, надо было ждать. И в этот момент нам поставили еще одну подножку. Конечно же,

как и в любом другом бойком месте, у нас существовала проблема наркотиков или, как это теперь называется, производился незаконный оборот наркотиков (что люди подразумевают под законным оборотом, я до сих пор не понимаю). То есть люди курили траву и угощали друг друга; вероятно, кто-то и приторговывал. Я ничего не имею против травы: среди моих друзей очень много людей, которые курят, я и сам в юности проходил через это. Но после каждого концерта, убирая туалет, мы обнаруживали несколько шприцов. Это было крайне неприятно. Иногда рядом со шприцами мы находили бездыханные тела. По счастью, нам всегда удавалось вовремя оказать помощь, правда, некоторые посетители покидали клуб в карете «скорой». Но я понимал, что с этим ничего нельзя поделать; проблема заключалась не в этом месте, а в этом времени. Я не знал тех, кто торгует, но периодически замечал какую-то возню в районе туалета. Иногда заходили подозрительные личности, кого-то искали, с кем-то разбирались. Вероятно, существовала своя система контроля над продавцами, и они, скорее всего, кому-то платили. Я не имел никакого желания влезать во все это. Но как-то нагрянул Комитет по незаконному обороту наркотиков в сопровождении отряда ОМОН в количестве пятидесяти человек. Это была запланированная операция — они ворвались, всех положили на пол и начали обыск. У кого-то что-то находили, кого-то били, кого-то куда-то тащили, но меня почему-то не трогали. Вероятно, им было дано указание меня не трогать, и мне позволили безнаказанно ходить и орать на них. Наверное, их это забавляло. Ни один офицер не реагировал на меня, просто просили отойти в сторону и не мешать. Я чувствовал полную беспомощность. Они арестовали сто двадцать человек и увезли их в отделение. Концерт, естественно, прекратился. Половину народу отпустили сразу,

остальные просидели до утра, но лишь нескольким ребятам предъявили обвинение. На лицо была эффективность акции. Можно арестовать сто любых человек в метро, и результат был бы такой же. Но опротестовывать подобные акции было невозможно. На следующий день на концерт пришло еще больше народу, и все были возбуждены происшедшим. Но через неделю операция повторилась. На сей раз они приехали со съемочной группой и отсняли репортаж, который показали в передаче «Криминальное досье». Это нам сделало еще большую рекламу. Через какое-то время налеты ОМОНа стали нормой, и уже было совсем не смешно. В нашей игре появилась еще одна острая грань. А примерно через месяц, во время очередного рейда, нас арестовали за нелегальную продажу пива, что и вовсе было грустно. Положение оказалось действительно серьезным. Лену судили, поскольку она взяла всю ответственность на себя. Мы заплатили крупный штраф и оказались в финансовой яме. Правда, через некоторое время мы на свой страх и риск все-таки возобновили торговлю пивом, но в меньших количествах, причем делали это аккуратно, соблюдая меры предосторожности. Без этого нам было не выжить. Но все равно такой прибыли, какую мы имели раньше, у нас теперь не было. Кончилась безмятежность, и начался период выживания.

Тем не менее концерты продолжались, и музыканты по-прежнему были рады выступать в клубе. К этому времени в городе уже появились другие площадки, что было хорошо. Я и собирался всего лишь оживить ситуацию в городе, создать питательную среду, которая даст плоды через некоторое время. И мне показалось, что мы свою задачу выполнили. Я начал понемногу уставать, и некоторые ребята тоже. Мы уже не могли гарантировать стабильную заработную плату, поэтому те, кто прибился исклю-

чительно ради работы, откололись. Наше предприятие становилось убыточным. Было видно, что с таким доходом мы долго не продержимся. Кострикину не продлевали аренду, уже несколько раз отключали электричество. Нам не хватало денег, чтобы покрывать все расходы, и мы залезли в долги, которые в итоге остались моими персональными. Но я не роптал и готов был к тому, что потеряю деньги. Я знал, ради чего я все это затеял, и меня удовлетворил бы любой результат, поскольку интересен был собственно процесс делания и то, каким образом нам это делать удавалось.

Мой дом приходил в упадок. В клубе я морально отдыхал, хотя временами и там бывало не сладко. Но ничто не могло сравниться с тем адом, что был у меня дома. Брат Алексей опустился до последней ступени деградации. У него в комнате постоянно кто-то жил. Как правило, это были люди, только что вышедшие из тюрьмы. Они всю ночь колобродили, но самое страшное начиналось, когда они готовили еду. Они притаскивали совершенно несъедобное мясо или какие-то потроха и часами вываривали их до состояния «съедобности» (можно еще сделать поправку на то, что я вообще не ем мясо, и меня удручает запах даже «свежего» бульона). Я задыхался от вони, но деваться было некуда. Каждый день я мыл ванну, но все равно мне было противно принимать душ. Они с друзьями ходили по помойкам и сортировали найденное. Что-то, вероятно, удавалось продать, остальное просто валялось в комнате и по всей квартире. Каждый день, натываясь на какую-нибудь дрянь в ванной, я закидывал ее к Алексею в комнату. Мать физически страдала, так как совершенно не имела покоя. На всех спальных местах кто-то ночевал, и Алексей пристраивался у нее в комнате на полу либо умудрялся залезть к ней за спину. У него началось рожистое воспаление ног, которое пре-

вратилось в незаживающие язвы. Алексей был счастлив — теперь он мог выставлять свои ноги напоказ и просить милостыню по поездкам. Ему дали инвалидность и какую-то пенсию, и он все время выкручивал в собесе какие-то талоны на еду в столовой. В результате он находил каких-нибудь собутыльников, которых кормил в столовой, а они за это ему наливали. Выпивку Алексей находил каждый день, в его арсенале имелось бесчисленное количество комбинаций, которые можно было тасовать в любой последовательности, и какая-нибудь всегда давала результат. У него были припадки агрессии, один из которых кончился тем, что он с палкой напал на женщину-дворника, когда та мыла лестницу, и разбил ей очки. Она стала заикаться от шока, ему же дали полтора года условно и он очень гордился — теперь он имел судимость и мог быть на равных со своей гопотой. Приходил участковый, который ничего не мог сделать. Если Алексея забирали за какой-нибудь беспредел, то тут же отпускали, так как в местном отделении милиции его все знали и никто не хотел с ним связываться — пусть лучше идет домой, лишь бы не доставал. Он занимал деньги у всех соседей по лестнице, всё про всех знал и всем всё рассказывал про меня. Положение было безвыходное, мне некуда было деваться, так как я не мог оставить мать. Алексей же отказывался менять квартиру и парализовал меня по всем статьям. Он уже двадцать лет не платил за квартиру, и все эти годы расходы по дому целиком ложились на меня, поскольку мне приходилось вести все хозяйство.

В это время мне позвонили родственники и сказали, что умерла сестра Нонна. У нее был такой же диагноз, как и у нашего отца, и у брата Андрея. Я решил не говорить об этом матери. Хотя перед отъездом в Израиль они и восстановили дипломатические отношения, но душевного тепла не возникло, и для матери эта смерть не имела

никакого значения. Она всегда была склонна давать неадекватную оценку отношениям, даже в самой обычной ситуации. Так, пребывание Людмилы в нашем доме, которое закончилось лет пятнадцать назад, частенько всплывало при каждом удобном и неудобном случае. С Алексеем же я и вовсе никогда ни о чем не говорил. Мне же было жаль Нонну: не успев обрести сестру, я ее уже потерял.

Наш клуб по-прежнему был достопримечательностью, и когда в город кто-нибудь приезжал, его непременно приводили к нам. Как-то мне позвонил из Москвы Аркаша Волк, который в то время был директором *Двух Самолетов*, и сказал, что на следующий день в Петербург должен приехать Дэвид Бирн, которому он порекомендовал посетить наш клуб. Дэвид позвонил мне по приезду, и мы договорились встретиться прямо в клубе. Был очень удачный вечер. *Химера* собиралась играть *unplugged*, и должна была выступать московская группа *НАИВ*. Я никому не сказал об ожидаемом визите, чтобы музыканты не выпендривались. Дэвид пришел вместе с известной американской тусовщицей и фотографом Хайди Холлинджер, которая уже давно жила в Москве. Выступление *Химеры* уже началось, и я провел их за пультом на гостевое место. Дэвида почти никто не заметил, но в перерыве его все же кто-то опознал, и по клубу пробежал слух. Когда этот слух дошел до музыкантов *НАИВа*, которые были на сцене, он претерпел некоторые изменения, и солист группы сказал, что они рады приветствовать находящегося в зале Дэвида *Гилмора*. После концерта мы пригласили наших гостей на традиционное чаепитие и нарядили их в наши национальные кители. Они были чрезвычайно признательны и долго крутились перед зеркалом, примеряя подходящие по размеру экземпляры, благо их у нас было много. На следующий день мы с Со-

логубом встретили Дэвида и Хайди и повели их на Пушкинскую, 10, знакомить с местными достопримечательностями. Мы шли по улице Марата и встретили Рыбу, который вышел за пивом. Он долго смотрел на Дэвида и ничего не понял, думая, что это галлюцинация, — они с друзьями как раз пили и смотрели *Stop Making Sense*. Вечером мы пошли в «Десятку». Недели через две Бирн снова приехал в город на собственную фотовыставку в галерее «Борей». А на следующий день после выставки мы в клубе устроили закрытую вечеринку по случаю его приезда. Это совпало с Масленицей, и девушки целый день пекли блины и томили их в огромных кастрюлях, чтобы сохранить теплыми до вечера. Я очень растрогался, когда Дэвид с Хайди появились в наших кителях, и Дэвид признался, что все это время они их не снимали. Гостей пришло человек сто, и все объелись блинами до такой степени, что угощение даже осталось. Играли *Revolver*, *Markscheider Kunst* и *Wine*, но Дэвид не проявил интереса к музыке.

Мы уже давно упражнялись в гостеприимстве и устраивали грандиозные массовые празднества. Справляли все дни рождения и Новый год, готовили массу разнообразной еды, и всегда это было очень весело. Наш друг, американец Джон Фред Байлин, который часто приезжал в город, каждый раз готовил так называемый рататуй или какое-нибудь блюдо американских индейцев, чьи рецепты он специально выискивал в Америке. Осенью мы ездили в лес, привозили несколько корзин грибов и ели весь уикенд. К нашей компании всегда прибивались страждущие. В клубе уже давно жили какие-то люди, которые откуда-то приехали, да и остались. Это было нормально, но некоторые паразитировали, просто пристраивались на халву, ничего не делая. Меня это возмущало, и я настаивал на том, чтобы они хотя бы мыли посуду за собой. Но, при-

езжая в четверг перед концертом после недельного перерыва, мы всегда обнаруживали гору грязной посуды. С этим ничего нельзя было поделать, свинство есть свинство — проще было самому вымыть, нежели искать того, кто не вымыл. Иногда кто-то подворовывал. Воровали ящики с пустыми бутылками и сдавали их (пиво можно было купить только в обмен на пустую посуду с ящиками, и мы их копили). Это было неприятно, но не так страшно. В этой стране принято воровать казенное, хотя в этом случае казенное зачастую было куплено на мои деньги. Но когда кто-то проходил по карманам, исчезали личные вещи. Наконец мне стало противно, и мы отказались от коллективного питания. Мне не хотелось садиться с ворами за один стол. Постепенно эта шелуха отлетела, и через некоторое время мы возобновили приготовление пищи, правда, стали более замкнутыми.

Глава пятая

Постепенно у нас развивались внешние связи. Возникали какие-то партнерские проекты, и меня постоянно приглашали на какие-нибудь конференции и симпозиумы. Один раз Сережа Курехин предложил поехать с ним на фестиваль «Berlin Independence Days» для участия в конференции по вопросам независимой музыки; туда также поехали Алик Кан и Андрей Бурлака. Кроме того, вместе с Сашей Ляпиным и Мишей Костюшкиным мы должны были составить *Heavy Metal Klezmer Orchestra*. Также с нами ехал дуэт *Zickr*, который Курехин предполагал задействовать в выступлении. Я имел слабое представление о клезмере. Курехин на пальцах объяснил нам, что это такое, и, поскольку

ку нам предстояла длинная дорога на поезде, он предполагал отрепетировать всю программу. Но по дороге случился казус: Миша Костюшкин, который не пил несколько лет, неожиданно «развязался» и наше нескончаемое путешествие превратилось в ад. Начал он с того, что сорвал стоп-кран. Пришел бригадир поезда и требовал ссадить Мишу; нам с трудом удалось все уладить. Потом Миша скандалил со всеми пограничниками и таможенниками. Один немецкий таможенник на нас обиделся и заставил Курехина заплатить пошлину за провоз товарной партии CD — у него с собой была коробочка с собственным альбомом *Воробьиная оратория*. Но на этом история не кончилась, самое интересное ждало нас впереди. По приезде в Берлин Миша просто убежал и заблудился. Мы несколько дней не могли его поймать. Мы с Курехиным жили у нашего друга Бернарда Друбса, а Ляпин с Костюшкиным — у каких-то местных музыкантов. Днем мы участвовали в конференции, где наши доклады были намечены на один день. В конференции участвовало много музыкантов и людей, сопряженных с музыкальным бизнесом, среди которых был даже Малькольм Макларен. Фестиваль же проходил одновременно в нескольких клубах, и по вечерам участники фестиваля могли ходить на все концерты. Но всюду поспеть было невозможно, и мы сходили только на концерты Скриминг Джея Хокинса и Лютера Элисона. Через несколько дней Костюшкин все-таки материализовался в галерее Натана Федоровского, и его на короткое время удалось привести в чувство. Он даже принял участие в единственной репетиции. Правда, Ляпин от него сбежал и перебрался к нам, потому что тот не давал ему спать. Но перед концертом Костюшкин опять исчез и так больше и не появлялся. Концепция выступления была такова, что мы с Ляпиным должны были олице-

творять хэви-метал, а Костюшкин должен был давать тот самый клезмер. Но в связи с отсутствием главного ингредиента все рушилось, и мы не могли играть то, что только-только успели собрать. По счастью, поблизости оказался американский трубач Фрэнк Лондон из группы *Klezomatics*, который спас положение. Но все равно концерт получился вялый и бессмысленный. Мы с Ляпиным отыграли весь набор рифов, которые были запланированы, дуэт *Зикр* беспрестанно выл на авансцене, и Курехин был вынужден прибегнуть к набору своих приемов и просто вытягивать концерт, который вырвался из-под его контроля, — он бросил дирижировать и без того малым оркестром и просто заиграл на рояле. Мы не знали, что делать, и в какие-то моменты пытались подхватить его, но это едва получалось. После концерта Курехин впал в депрессию, из которой не выходил до самого возвращения. Мне повезло, мы первый раз ездили вместе, и Курехин рассказывал, что и в других поездках бывали приключения и курьезы, но такого ужаса никогда не случалось. Костюшкин появился за день до отъезда. Он потерял свой обратный билет, и, поскольку, уговорить его ехать на поезде было невозможно, Курехин был вынужден занять деньги и купить ему билет на самолет в одну сторону в день отправления, что обошлось в гигантскую сумму. После чего Курехин совсем расстроился, сам отказался ехать на поезде и купил себе такой же билет на следующий рейс. Он заявил, что отныне он никогда ни с кем никуда не поедет и будет играть один. Поездка определенно удалась.

На наш концерт приехала Кирстен из Гамбурга, и я решил немного задержаться и съездить с ней в Гамбург. Там я встречался с руководителями молодежного центра «Lola» в Бергедорфе, и мы составили план молодежного обмена. Меня реально волновала проблема нарко-

мании и возможные способы ее решения. И мне было очень интересно пойти в центр помощи наркоманам, где им раздавали одноразовые шприцы. На меня это произвело сильнейшее впечатление. Потом мы пошли в колонию с трудотерапией. Я не терплю никакого насилия и не приемлю подобные методы: хотя там уютно и чисто, все равно остается ощущение, что ты попал в тюрьму. Больше всего мне понравилось кафе, где молодые люди, у которых образовался просвет, добровольно работают. На обратном пути, когда я ехал с друзьями Кирстен на машине, началась метель, всю дорогу замело, и путь до Берлина у нас занял десять часов. У меня оставался один день на покупки, и мне удалось купить DAT-магнитофон для клуба. Правда, аппарат не захотел работать, и его два раза пришлось отправлять в Германию лечиться.

Чуть позже Кирстен пригласила меня в Дублин на конгресс «European Playwork Association», организации, занимающейся проблемами молодежи в странах третьего мира. Нас поселили в старинном католическом колледже на окраине города, где все было пронизано покоем и вековыми традициями. Сам конгресс был скучным, и меня просто придушили разговорами, которые растягивались на весь день. Но «назвался груздем...» Вечерами я пытался вырваться в центр, чтобы побродить и проникнуться ирландским духом. А один раз мы с Кирстен сходили на *Bad Manners* (названия клуба я не помню). Я был удивлен, что на их концерт пришла толпа скинхедов. Эта группа необычайно веселая, они играли много старых песен, но в зале был некоторый стремак. Скинхеды были агрессивны, и пару раз возникала драка. Я был раздосадован — мне казалось, что это чисто русское жлобство, но теперь я видел, откуда мои соотечественники почерпнули подобный стиль развлечения. Временами у меня было ощущение, что я в родном клубе.

Нас возили на экскурсии по местам древних поселений друидов в местечко Glendaloh и на океан. Но я терпеть не могу экскурсии и коллективный способ путешествия, предпочитая остаться одному. Я подговорил Кирстен взобраться на ближайшую гору, что оказалось не так просто. Когда мы спохватились, что пора возвращаться, до вершины было еще далеко, но было уже поздно идти тем же путем. Пришлось спускаться напрямик, что оказалось весело только тогда, когда, перепачканные с ног до головы, мы наконец оказались внизу, где в автобусе нас ждали наши коллеги. На прощальную вечеринку конгресса пришли настоящие *travellers* — кочевники, то есть люди, которые испокон веку живут в дороге. Они европейцы и считают себя настоящими кельтами, хотя живут как цыгане, но только в коттеджах на колесах. Это их выбор, они не могут жить в городах и вести оседлый образ жизни. Также пришли музыканты с волынками и устроили танцы. Потом все сели в кружок, и представители всех стран должны были что-нибудь спеть. Я пришел в ужас — как единственный русский, я был обязан что-нибудь спеть а *capella*. Но поскольку выбора не было, я встал и бодро спел народную песню про двух трактористов. Таких оваций я в жизни не слышал. А один кельт меня очень зауважал, он выпил виски и начал клясться в любви.

На следующий год через Общество «А—Я» по линии Форума лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского направило меня на стажировку в Великобританию. За день до отъезда я узнал о смерти Дюшиной жены Гали Самсоновой-Роговицкой, но, к сожалению, не смог оказаться рядом с Дюшей в день похорон. Я прослушал курс лекций в тихой деревушке Тремадог в Северном Уэльсе. Все проходило по тому же сценарию: мы сутками слушали лекции о том, как общественные организации

могут привлекать капитал для развития своей деятельности. По вечерам местный поэт Чарльз Лоури читал нам стихи. А на прощальной вечеринке, на которую был приглашен арфист, я уже был готов к тому, что мне опять придется петь про трактористов. С принцем Чарльзом я не познакомился, но зато оттуда меня направили в Манчестер по профилю моей деятельности. В проводники мне определили Джона Роба, гитариста местной панк-группы *Membranes*. Мне организовали встречу с продюсером Тони Уилсоном из «Factory Records», и каждый вечер мне были обеспечены билеты в музыкальные клубы. Я был счастлив, поскольку надеялся пойти в «Hacienda» и услышать хотя бы одну группу классической манчестерской волны. Но с прискорбием обнаружил, что волна прокатилась, и все клубы перепрофилировались на диджеев. Оказывается, это во всех отношениях выгодно: одному диджею можно заплатить в три раза меньше, чем трем группам, а народу придет в пять раз больше. В той же «Hacienda» была *jungle party*, что было чрезвычайно любопытно, абсолютно современно, но весьма далеко от того, что я предполагал увидеть. В один день меня пригласили на заседание местного «Pub & Club Watch», совета, объединяющего владельцев всех клубов и пабов, которые собираются раз в месяц решать какие-то общие проблемы. Они все говорили с диким шотландским акцентом, поэтому я ничего не понял. Ко всему прочему, в повестке дня говорилось, что на этом заседании присутствует наблюдатель от принца Уэльского. Ничего более бредового я представить себе не мог. Я не понимал, почему я там оказался; они не понимали, какого хрена мне там надо; и вообще, наблюдатель от принца должен выглядеть немного иначе. На обратном пути все участники форума встретились в городе Ковентри, и нас отвезли на завод

«Jaguar», где делают одноименные автомобили, чтобы на примере этого завода показать, как при определенном усердии можно заработать деньги. Это был особенно хороший пример для моей деятельности. Я привез проспекты автомобилей и хотел их подарить Файнштейну, да так и забыл.

Незадолго до этого Ник Хоббс предложил мне устроить концерт Питера Хэммила. Мы с Ником уже давно сотрудничали, но это касалось приезда групп клубного уровня. Перед этим ко мне приехал мой давний знакомый Боря Евзиков, который предложил мне взяться за организацию гастролей больших западных артистов. Мы с ним поехали на концерт группы *Laibah* в Москву, встретились с Ником Хоббсом, который их привез, и поговорили о том, что было бы неплохо такие группы привозить и в Петербург. Я знал, что это сопряжено с большим финансовым риском, но Боря уверил меня в том, что при грамотной организации дела можно, по крайней мере, избежать убытков и постепенно размотать дело до соответствующего уровня. Итак, мы решили попробовать свои силы в шоу-бизнесе. Концерт надо было организовать на самом высоком уровне, предполагался значительный гонорар. Так или иначе это невозможно было сделать вдвоем, и получилось, что мы это затеяли на базе клуба. Таким образом у нас образовался оргкомитет. Поскольку никто не имел опыта в ведении бизнеса, все решения принимались коллегиально. Мы остановили свой выбор на «Балтийском доме», сделали рекламу, но не нашли никаких спонсоров, кроме маленькой полиграфической конторы под странным названием «Сайгон», которая бесплатно сделала прекрасный плакат с красным муравьем и флайер, автором которого была Ия Тамарова. Пока было неясно, как пойдет с продажей билетов, я решил подстраховаться и занял деньги, соответствующие размеру гонорара, чтобы

по условиям договора заплатить Хэммиллу перед концертом. Мы встретились с Ником Хоббсом, когда я был в Лондоне. Он пригласил меня в гости к Дэвиду Томасу, менеджером которого он за это время стал, и мы подписали контракт. Дэвид посмеивался надо мной, уговаривая вместо вовлечения в шоу-бизнес играть на виолончели. Но у меня уже не было выбора. Когда я приехал, то узнал, что Боря поссорился с Леной и вышел из дела. Я был «приятно» удивлен: весь финансовый риск ложился на меня одного. Билеты продавались не очень хорошо, и Лена предложила сделать растяжку между колоннами «Балтийского дома». Мы взяли в театре гигантскую тряпку, купили краску и попросили Лешу Михеева нарисовать в большом масштабе красивую картинку с муравьем на шахматной доске. Получилось ничего, но, когда это панно повесили, начались дожди, и это произведение потекло. Мне пришлось ездить в «Балтийский дом» и мыть крыльцо, на которое натекли огромные черные лужи. Когда же панно высохло, получилось нечто ужасное: муравей превратился в страшное чудовище, а общая картина походила на коррозию каких-то страшных металлистов. И ко дню приезда самого Хэммилла мы поспешили снять растяжку, дабы он не перепугался.

Перед концертом я передал деньги Нику Хоббсу, что для меня было делом чести. Концерт прошел блестяще при полном зале, обеспечившем видимость аншлага. Я знал, что русский человек никогда не покупает билеты, и мы специально наняли милицию и секьюрити. Кажется, ни один человек не сможет пройти без билета. И я был искренне восхищен — при полном зале на восемьсот мест билетов было продано двести пятьдесят. После концерта мы поехали в тихий ресторанчик и пообедали. Музыканты остались очень довольны хорошей кухней и отсутствием музыки. Мы провели вместе весь следующий

день и, после прогулки по городу, поехали в «TaMtAm», где по традиции девушки приготовили обед для всей нашей команды и гостей. Как обычно, мы накрыли столы прямо в фойе, и за стол уселось человек сорок. После их отъезда мы подсчитали убытки. Я отлично повеселился: в то время как пятьсот человек сходило на концерт бесплатно, я позволил себе роскошь купить билет на концерт за сумму, в пятьсот раз превышающую его номинальную стоимость. Я и по сей день не вылез из той ямы, которую тогда выкопал.

В этот же год я выиграл грант от Фонда Сороса на двухмесячную стажировку в Нью-Йорке, где мне подобрали партнерскую организацию «Harvestworks». Сложилось это самым иррациональным образом. Алик Кан, в то время работавший в Американском информационном центре (USIS), предложил мне заполнить бумаги и подать заявку на участие в конкурсе на грант, в котором среди прочих питерских организаций были галерея «Борей» и Пушкинская, 10. Решать должна была авторитетная американская комиссия. Через несколько дней мне позвонила Андреа Харрис из Вашингтона и заявила, что ее посылают в Россию выбрать организацию для культурного обмена и что в списке она встретила мое имя. Она сказала, что будет рада встретиться со мной, но ей очень трудно будет скрыть факт нашего знакомства и профессиональная этика не позволит ей отдать мне предпочтение: у них так не принято, и она очень сожалеет об этом. Комиссия приехала и посетила наш клуб, а через некоторое время выяснилось, что хоть Андреа и не голосовала за меня, однако грант все равно присужден мне.

Отбывая в Америку, я надеялся, что Маша останется ухаживать за мамой. Она часто бывала у нас дома, и мама очень к ней привязалась. Но Маша, которая и так

очень меня опекала и с которой мы виделись практически каждый день, вдруг тоже решила поехать в Вашингтон навестить своего брата. Я очень уважал Машу, но немного тяготился ее привязанностью ко мне и был раздразован ее прихотью. Подозреваю, что она специально подгадала по срокам так, чтобы непременно найти меня в Америке. За матушкой в результате осталась ухаживать моя невестка Татьяна.

Руководитель «Harvestworks» Брайан Карл был очень заинтересован в сотрудничестве с нами и даже на две недели приехал в Петербург. Но за полгода, пока складывался этот проект, он получил место в Лос-Анджелесе, и отматывать назад было уже поздно. Андреа Харрис, которая все это организовала, предложила мне прилететь в Вашингтон, а оттуда уже ехать в Нью-Йорк. И конечно же, когда я прилетел, в аэропорту меня уже встречали Маша и Алла, жена Вани Бахурина. Я погостил у Андреа с Джимом пару дней и отправился в Нью-Йорк, поставив жесткие условия Маше, что она сможет провести там со мной не более трех дней. Когда я приехал в Нью-Йорк, Брайан Карл привел меня в «Harvestworks», рассказал мне о специфике их работы и познакомил меня с сотрудниками, к которым в случае надобности я мог обратиться. Также он дал мне несколько контактных телефонов музыкантов, с которыми мне могло быть интересно познакомиться и которые были предупреждены о моем возможном звонке. И на этом наш культурный обмен закончился. Но самое главное — он оставил мне свой велосипед. В первый же день мы пошли в клуб «Cooler» на Зину Паркинс и Шелли Хёрш, и Брайан был искренне удивлен тем, что я тут же встретил знакомых — ими оказались Женя и Анджей из *Оберманкена*. На следующий день мы с ним пошли в гости к Шелли Хёрш. Я был настолько потрясен ее выступлением, что решил непременно

как-нибудь пригласить ее в Россию. Через несколько дней Брайан отбыл в Лос-Анджелес, а через две недели мы с ним должны были встретиться в Сан-Франциско на конференции NAAO (National Association of Artists Organizations). У меня был оплаченный номер в отеле на Одиннадцатой улице между Пятой и Шестой авеню, мне платили суточные, и я был предоставлен самому себе. Нью-Йорк я уже достаточно хорошо знал, поэтому пустился исследовать его независимую сцену. Помимо старых дружков, живущих в Нью-Йорке и его окрестностях, ко мне приехал Ливерпулец из Западной Вирджинии. Я договорился встретиться с ним возле моего отеля и, подъезжая к нему на велосипеде, увидел целую хунту. Вместе с Ливерпульцем меня ждали Майкл Кордюков и Коля Решетяняк, а также Димка Гусев, его жена Гуля, пятеро их детей и собака — они случайно проезжали по этой улице на своем мини-вэне. Нью-Йорк маленький город, и в нем невозможно не встретиться. Я был очень рад видеть своих друзей и соотечественников, но в то же время, оказавшись в Америке, хотел оторваться от России. Этим же вечером мы с Ливерпульцем сходили в новую «Knitting Factory» на сольный концерт Тёрстона Мура с барабанщиком Томом Сёргалом. В фойе я встретил Ли Ренальдо и Ким Гордон, а позже позвонил Муру, и он пригласил меня на концерт *Sonic Youth*. Концерт был восхитительным, поскольку они играли на правильном звуке. К сожалению, в это время у них был тур по случаю выхода нового альбома *Washing Machines*, и они почти не бывали в Нью-Йорке. Приехала Каролина из Монреала. Я надеялся увидеть Славку и думал, что он тоже сможет приехать ко мне. Но Славка позвонил Мартину Дақверту, режиссеру, который приезжал в «TaMtAm», и тот, узнав, что я на этом побережье, решил пригласить меня в Монреаль и обещал прислать билет. Он давно вы-

нашивал идею съемки документального фильма обо мне. Находясь в свободном полете, я решил, что по окончании своего пребывания в Нью-Йорке смогу съездить в Монреаль.

Конечно же, я не мог не пойти в «CBGB». Шесть раз в неделю там играли по семь групп, имена которых мне ничего не говорили. Меня восхитило, что в мекке американского панк-рока прямо в дверях находится офис клуба: стоят компьютер и стеллажи с сотнями компакт-дисков и сидит одна девушка, которая спокойно продает билеты и ставит печать на руки входящих. И никакого тебе секьюрити и полиции. Рядом они открыли «CBGB Gallery», в которой обычно выступают более авангардные проекты. Как-то я сходил туда на фестиваль гитарного джаза, где все выступавшие гитаристы играли электронными смычками (*e-bow*). Это фантастическое изобретение, которое вызывает у гитары фидбэк. Им можно управлять, и при определенной технике игры на расстоянии от струн электронный смычок позволяет играть вполне конкретную музыку. Получается что-то похожее на терменвокс. Назавтра я зашел туда днем; в дверях сидел Хилли Кристелл, человек, который основал этот клуб и, по моим подсчетам, просидел там двадцать лет, предаваясь грезам о своих *Talking Heads*. Я живо представил себе картинку, каким я мог бы стать через несколько лет, но мы с ним были примерно одного возраста, и «TaMtAm» столько явно не протянул бы. Я дал Хилли несколько демо-кассет. Слушать их из любопытства у него не было времени, поэтому он спросил меня, что из этих записей стоит послушать. Он ткнул кассету *Химеры* в середине и, послушав полминуты, заявил, что если бы эта группа была в Нью-Йорке, то она могла бы у них выступить.

Я позвонил Дэвиду Бирну, и он пригласил меня сходить с ним в «Knitting Factory» на Джона Лури и его

группу *Lounge Lizards*. Мы договорились встретиться в офисе его лейбла «*Todo Mundo*», который находился на Двенадцатой улице в этом же квартале, что и мой отель, только с противоположной стороны. Он подарил мне несколько новых релизов, и мы пешком пошли в клуб. Несмотря на то что его там, конечно же, все знали, мы встали в очередь, и он купил билеты мне и себе. Концерт был потрясающий, едва ли не самый лучший за то время, что я был в Нью-Йорке. Пожалуй, я не буду расставлять по местам свои впечатления — почти каждый день я ходил в какой-нибудь клуб, и мне нравилось абсолютно все или почти все. Но моим любимым местом стал «*Cooler*», который открылся совсем недавно и располагался в бывшем холодильнике, в мясных рядах на Четырнадцатой улице. По моей классификации, там игралась самая интересная и самая свежая музыка. А «*Knitting Factory*», переехав в новое место, стала немного чопорной и дороговатой.

Приехала Маша, и я хотел показать ей свой Нью-Йорк, который уже стал родным для меня городом. Большую часть времени мы провели в Lower East Side, куда постепенно сместился центр альтернативной жизни. Хотя не буду лукавить, все-таки мне нравится весь Нью-Йорк. Мы наугад сходили в «*CBGB*» на *Voluptuous Story of Karen Black*. Это было симпатичное панк-кабаре, насколько я могу себе представить, что-то вроде Нины Хаген во времена оны. И выступление на самом деле была хорошее, но я немного устал, слушая предыдущие группы, которые мало чем отличались друг от друга. Когда же мы встретились с Джоном-Фредом и пошли в «*Mercury Lounge*» на Робина Хичкока, то Машу не пустили, так как она слишком молодо выглядела, а удостоверения личности у нее не было. Также мы с ней сходили в гости к композитору Гленну Бранке, который был так искренне рад

появлению русских, что подарил мне полное собрание своих сочинений и готов был прямо тут же поехать с нами в Россию. Кстати, я по сей день не оставил идею пригласить его. Потом мы с Машей поехали в Покипси к родителям Джима, откуда через день мы с Андреа отправились в Сан-Франциско, а Маша с Джимом уехали в Вашингтон. И вскоре Маша все-таки вернулась в Петербург и, сменив Татьяну, стала ухаживать за моей мамой, поселившись в моей комнате на Восстания.

Прилетев в Сан-Франциско, я встретил Брайана Карла в отеле, где нам был забронирован один номер, и в этот же вечер мы с Андреа отправились навестить нашу старую подругу Найоми. Я уже привык заседать на конференциях. Конечно же, это прекрасный способ общения, и есть категории людей, которых хлебом не корми, а дай позаседать и поговорить. Но, приобретя некоторый опыт подобного рода, я уже подустал и на второй день еле высидел два часа. Из-за несчастной политкорректности они целый день говорили о проблемах национальных и сексуальных меньшинств. Не уделили они должного внимания этим проблемам, и эти меньшинства, которых в Америке уже давно большинство, их тут же сожрут. В перерыве я вышел подышать свежим воздухом и был приятно удивлен тем, что Брайан уже давно сидит на газоне и болтает с девушками из Словакии — оказывается, они тоже устали от говорильни. Мы позвали Андреа, позвонили Мэри Рис, которая через полчаса заехала за нами на машине, и, плюнув на все, поехали на океан. После конференции я еще на несколько дней остался в Сан-Франциско, воспользовавшись гостеприимством сестры Найоми, Лиз. Мы встретились с Родионом, который жил через залив, в Беркли, и работал садовником у какого-то дядечки, за что имел угол и пищу. Судя по всему, его это вполне устраивало. У него было

много свободного времени, и он вольнослушателем посещал лекции в университете. Находясь в этом прекрасном и, может быть, самом красивом уголке Америки, я совершенно не хотел мотаться по клубам, только один раз сходил в «Slimms» послушать модную в этом сезоне группу *Luna*. Меня заинтриговала рецензия, в которой было написано, что это смесь *Velvet Underground* с Нилом Янгом. Мне же это показалось больше похожим на *Oasis*. Еще мы с Андреа попытались сходить на Рэя Дэвиса в «Filmog West», но не было билетов. За день до отъезда я познакомился с Мэтом Каллахэном из клуба «Komotion», и мы неожиданно нашли много общего. Его независимый клуб все время закрывали, и они мигрировали по всему Сан-Франциско. Его настолько заинтересовала моя история, что он предложил мне написать статью для одноименного с клубом журнала, который он выпускает.

Я вернулся в Нью-Йорк, где пробыл еще месяц, и поехал в Монреаль к Славке. Остановился я у Каролины, и мы провели втроем несколько дней. Мой визит случайно совпал с референдумом, когда французская провинция Квебек хотела отделиться от английской Онтарио. Все были очень напуганы и ожидали народных волнений, но франкофоны чуть-чуть недобрали необходимого количества голосов, и все обошлось. Референдум проходил очень эмоционально, все вышли на улицы и праздновали общую победу. Когда все закончилось, даже те, кто искренне хотел отделения, обрадовались, что все останется без изменений, поскольку любые даже самые лучшие намерения иногда приводят к плачевным результатам. К сожалению, мы очень хорошо это знаем.

Мартин Дакверт, милейший человек, дал мне почитать свой сценарий, который привел меня в состояние крайней растерянности. Я не представлял себе, что для

документального фильма нужно создавать какую-то легенду, а не просто снять кино о конкретном человеке и его собственной истории. У него в голове был полный компот. Он представлял меня на могиле наших предков с рыдающей матерью, которая рассуждает о судьбах русской интеллигенции — загадочная русская душа, князь Мышкин и все в таком духе. При всем моем уважении к нему, я счел разумным отказаться. Это было крайне неловко, ведь они с продюсером приглашали меня, будучи в полной уверенности, что я соглашусь. Но мы, конечно же, остались друзьями. Жаль, что я не догадался взять у него этот сценарий — было бы интересно его сохранить.

Славка подарил мне свой велосипед, который стоял у него на балконе и ржавел. Мой первый велосипед, который я тоже привез из Монреаля, уже доживал свой век, у него лопнула рама, и хотя я ее заварил, он уже был не тот. Я решил, что, вероятно, без велосипеда из Монреаля уезжать не принято, и согласился принять этот дар, хотя у него не хватало колеса. Мы пошли и купили колесо, что оказалось не так дешево. Для перевозки велосипеда мне пришлось купить в аэропорту специальный полиэтиленовый пакет. Хорошо, что в Нью-Йорке меня встречала Гуля на мини-вэне. В этот же день я должен был ехать в Вашингтон. На «Penn Station», чтобы взять велосипед в поезд, мне пришлось купить специальную картонную коробку, в которую мы запихнули изделие, уже упакованное в полиэтилен. Когда же из Вашингтона я вылетал на родину, пришлось еще заплатить за отдельное место багажа. Если сложить это воедино, получается стоимость нового американского велосипеда среднего класса, который можно купить и в России. Но я очень люблю этот велосипед и езжу на нем по сей день. Чтобы закончить велосипедную тему, расскажу еще

один анекдотец. Как-то я на велике приехал в «Harvest-works», офис которого находился на Бродвее, на углу улицы Хаустон. Я пристегнул велосипед к лесам и поднялся наверх. Когда через несколько минут я спустился, меня ожидал шок. Индус, работавший наверху, уронил на мой велосипед ведро с оранжевой краской. Он спустился и стал чем-то его вытирать. Он был напуган больше моего, потому что я белый. К тому же он мог уронить ведро кому-нибудь на голову. Но я его успокоил, причем по-английски мы говорили примерно одинаково. Мы подкатали велосипед к бензоколонке, что была прямо напротив, я сходил наверх в офис, взял всяких тряпок, и мы часа полтора чистили велосипед. Слава богу, это оказалось что-то вроде сурика, который долго сохнет, и нам удалось все отчистить, только покрышки остались оранжевыми, что было даже красиво. Когда позвонил Брайан, я обрадовал его, заявив, что решил перекрасить его велосипед в оранжевый цвет. Впрочем, Брайан даже не очень удивился, поскольку уже достаточно хорошо знал русских.

В Вашингтоне у меня оставалась еще неделя до отъезда, и я по телефону заказал новый мотор для магнитофона «Tascam», который купил у Титовича. Мотор прислали чуть ли не прямо из Японии, потому что эта модель устарела и больше не выпускается, так что он стоил примерно столько же, сколько я за этот магнитофон уже заплатил. И напоследок ко мне опять приехал Ливерпулец, чтобы вместе провести последний уикенд. На прощание я подарил ему датский военный бушлат, который специально привез с собой ему в подарок, поскольку знал, что Ливерпулец один из немногих, кто сможет по достоинству оценить эту вещь.

Глава шестая

Когда я вернулся домой, уже была зима. За два месяца путешествий я успел отдохнуть и сразу окунулся в клубные проблемы. За время моего отсутствия проходили постоянные обыски, и было видно, что мы так долго не протянем. Мои юные дружки сообщили мне пренеприятную новость: многих, кого арестовывали у нас в клубе, расспрашивали про меня. Меня подозревали в том, что я контролирую чуть ли не всю торговлю наркотиками на Васильевском острове. Кому-то, может быть, и польстило бы такое внимание, но я впал в легкую паранойю. Это было вовсе не смешно. Во время каждого рейда меня могли арестовать и подсунуть в карман любую дрянь. Рейды же проходили с поразительной частотой. Во время каждого концерта приезжал небольшой патруль, человек шесть. Они просто проходили по всему клубу, заглядывали в зал и в туалет, иногда кого-нибудь прихватывали с собой. Все уже давно привыкли и особенно не реагировали. Один раз должна была выступать Саинхо. Народу была тьма-тьмуца, было много тувинцев, которые здесь учатся и всегда приходят на подобные концерты. Было много каких-то странных тетечек, но я решил, что это поклонницы Саинхо. Когда играла первая группа, в зале началась драка, зачинщиками были скинхеды. Я вышел на сцену и сказал, что пока эти люди не покинут клуб, концерт продолжаться не будет. Повисла пауза. Через несколько минут ворвалось человек пятьдесят омонцов, которые по привычке половину зрителей положили на пол, а остальных поставили к стенке. Странные тетечки оказались оперативными работниками, и они стали всех обыскивать, но ничего не нашли. Они в бешенстве носились по клубу и матерились, но так и уехали ни с чем. На следующий день нашего друга, милицио-

нера Васю, вызвали на ковер в РУВД и стали пытаться, откуда он узнал о готовящемся рейде, который они планировали целый месяц. По их версии выглядело так, что за пятнадцать минут до начала операции, я вышел на сцену и сказал: «Господа, скидывайте траву, сейчас приедут менты!»

Я решил защищаться и пошел в наступление. Мы устроили пресс-конференцию, на которой пытались заявить свою позицию в отношении наркотиков, но это оказалась стрельба по воробьям. Пришли журналисты из дружественных изданий, но их публикации ни на что не повлияли. Я позвонил Артему Троицкому, который уже давно предлагал мне принять участие в его телепрограмме «Кафе „Обломов“». Я поехал в Москву, мы поговорили за жизнь и в конце передачи коснулись этой темы. Я не знаю, что сработало, но волна схлынула, все затихло, и я немного успокоился. Правда, один раз, когда играла Алена Титова, история повторилась, только в меньшем масштабе. Это был дебют Алены, но меня не было в клубе, поэтому я не помню подробностей. То ли их с Сашкой арестовали, то ли просто обыскали. Но Сашка оказался настолько ранимым, что, поехав очередной раз на запись нового альбома *Аквариума* в Лондон, попросил политического убежища. По крайней мере, он часто называет этот эпизод принципиальным в его решении. Меня, правда, его отъезд не удивил: он уже давно советовался с иностранными друзьями, в какую страну легче иммигрировать, и Каролина говорила мне об этом еще за месяц до того. Да и причина, наверное, была другая. Меня больше удивило то, что он уехал, даже не попрощавшись.

В это же время я засел за статью для журнала «Комotion», где попытался изложить всю историю клуба. Я послал ее Найоми, которая обещала быстро перевес-

ти текст на американский язык. Но Найоми застряла с переводом, и необходимость в статье отпала.

Наши ряды поредели. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что любой живой организм рано или поздно умрет. Мы и так много успели сделать, но, когда видишь увядание чего-то родного, становится больно. У нас давно разладились отношения с Леной, на что имелись личные причины, и она ушла из клуба. Это был ощутимый удар. Но он оказался не единственным: вскоре ушли Андрюша Алякринский и Босс. Наверное, и у них были свои причины, но я не мог найти этому никакого объяснения. Кирстен уехала в Гамбург и увлекла за собой Андрея Степаненко, который вместе с Боссом несколько лет выполнял функции техника сцены. Вскоре они с Кирстен поженились. Функции звукорежиссера взял на себя Вовка Матушкин, ему помогала Ольга Ходаковская. Вовка к этому времени уже стал играть в *Markscheider Kunst*. И Ефр (Сергея Ефременко) с Егорычем (Сергеем Егоровым) стали техниками сцены. Егорыч также иногда рулил концерты. Я же боялся, что в один прекрасный момент уйдет и Паша Марюхта, тогда мы лишимся аппарата, и это будет однозначный конец.

К этому времени «TaMtAm» был уже не единственным клубом в городе. В первые годы существования «TaMtAma» туда ходили все прикольные и во многих смыслах самые нормальные молодые люди. Но постепенно клубы стали разделяться по направлениям и жанрам. Городская тусовка начала рассредоточиваться. Появились места, очень удобно расположенные в центре, с барами и кафе — правда, с более дорогим входом, но с некоторым комфортом, который многим необходим. В некоторых клубах стало возможно выступать за деньги, к чему музыканты быстро привыкли. Многие, договариваясь о концертах в нашем клубе, стали заводить

разговор об оплате, к чему мы не были готовы. К тому же постоянная угроза обысков в нашем клубе не прибавляла нам посетителей. Так постепенно мы потеряли значительную часть аудитории, и к нам продолжали ходить только самые преданные. Правда, иногда, во время выступления какой-нибудь группы, ставшей уже очень известной (но готовой играть бесплатно), слеталось достаточно много народа, напоминая о былых временах.

Когда после возвращения я услышал первое выступление *Химеры*, оно меня совершенно потрясло. Я понял, что это великая группа, и решил попробовать что-нибудь для нее сделать. Я подошел к ним после выступления и сказал, что, если они ничего не имеют против, я могу предложить им свои услуги в качестве менеджера. Это обязывало. Надо было придумать, что делать дальше. Зимой Сашка Липницкий организовал еще три концерта *Химеры* Москве. Как и в прошлый раз, места были не совсем подходящие, и на концертах почти не было народу, но я остался доволен.

В это время на горизонте появился Леша Ершов. Я его хорошо знал еще со времени его сотрудничества с Курехиным, когда он был директором *Поп-механики*. Еще тогда они с Курехиным организовали лейбл «Курицца Рекордз». С Курехиным они по каким-то причинам разошлись, и лейбл остался за Ершовым. Леша предполагал продолжать издательскую деятельность и как-то зашел к нам в клуб. Мы разговорились; я давно ждал появления человека, который обратил бы внимание на новую волну. Время уходило, многие хорошие группы, которые родились на моих глазах, уже перестали существовать. Я порекомендовал Леше обратить внимание на несколько групп, и, конечно же, первой была *Химера*. Леша сходил на концерт каждой из этих групп и составил собственное представление о них. Он отказался подписывать кон-

тракт с *Markscheider Kunst*, сочтя их неперспективными, но при этом сам предложил контракт *Королю и Шуту*. Ершов решил, что записываться все будут на «Мелодии» с режиссером Сашей Докшиным, с которым у него уже был предварительный договор, и я предложил Леше привлечь еще и Андрея Алякринского, поскольку он талантливый звукорежиссер и хорошо знаком с музыкантами и их материалом. К моему удовольствию, Андрей понравился Леше, и они быстро сговорились. Среди прочих Леша подписал контракт с *Югендитилем*. И поскольку мы уже давно вынашивали идею записи их альбома и Андрюша обещал им, что, как только мы наладим студию, они будут первыми, мы решили с них и начать.

Проявилась Лена, которая тоже давно знала Ершова. Мы решили, что в традициях «TaMtAma» музыкантов и звукорежиссеров во время записи следует хорошо кормить. Я часто приходил в студию и был очень рад, что мы с Леной и Андрюшей опять можем что-то делать вместе. Постепенно Лена снова втянулась в деятельность клуба, правда, оставив за собой право приходить, когда она может и хочет. *Югендитиль* был записан безупречно. Леша остался доволен и со своим партнером Питом (Сергеем Селивановым) стал заниматься проблемами выпуска альбома на CD. Также параллельно Леша решил выпустить альбом группы *Улицы*, который уже у них был записан. Следующими писались *Пауки*, которые даже меня привлекли к записи, и я сыграл несколько нот в двух песнях. Меня это очень веселило. Я гордился тем, что принят этой средой. Все были очень воодушевлены процессом и связывали с ним много надежд. К тому же наступила весна, я отчистил от ржавчины Славкин подарок и открыл новый сезон. Старый же велосипед я отдал Андрюше Алякринскому, но его тут же украли. На очереди была *Химера*.

В это время, как и каждый год, надо было порекомендовать кого-нибудь для поездки в Гамбург. И конечно же, я решил, что это будет *Химера*. Немцы обычно оплачивали проезд нескольких людей, и я пригласил Андриюшу Алякринского и Босса. К этому времени уже почти все ребята из нашей команды последовательно съездили в Гамбург. А один раз нам даже удалось организовать поездку для всех девушек. Мы стали готовиться к отъезду *Химеры*, который был намечен на 22 апреля. *Химера* уже приняла один тур по Европе, когда швейцарская группа анархистов *Steine Fur Den Frieden* пригласила их в качестве сопровождения во время своего тура. Басист *Химеры* Юра Лебедев тогда поехать не смог, и в эту поездку они пригласили Гену Бачинского, который раньше играл на гитаре еще в *Депутате Балтики*, первой инкарнации *Химеры*. Сложив тогда с себя функции гитариста, Гена стал менеджером группы, в чем преуспел и, с моей точки зрения, идеально выполнял эту работу. Он необычайно эрудирован и коммуникабелен, у него масса контактов, и ему легко удалось устроить первый тур. Но ребята имели неосторожность поехать в этот тур со своими женами, которые в дороге не поладили, что по возвращении повлекло за собой разрыв отношений. Гена снял с себя функции менеджера, и группа была беспризорной до того момента, пока я не предложил им свои услуги. В эту же поездку они собирались в полном составе вместе с Юрой.

Накануне нашего отъезда, 21 апреля, в клуб пришел подполковник милиции, начальник местного отделения, и предупредил, что, по их сведениям, в этот день в клубе ожидается погром — фашиствующие скинхеды решили отпраздновать день рождения Гитлера. Появление их в клубе всегда было поводом для беспокойства. Поначалу я не придавал значения присутствию бритоголовых, поскольку не проводил границы между разными тусовками, при-

нимая всех за панков. И надо сказать, не всегда беспорядки, происходившие в клубе, были инициированы скинхедами, просто подрались любили все, и «ковбои» делали это чаще других. Со скинхедами у меня было несколько стычек. Когда они приставали к кому-нибудь, демонстрируя силу, приходилось идти на принцип и указывать им на дверь. Пару раз мне даже попадало, а однажды в драке сломали ребро. Меня растрогало проявление заботы от таких высоких чинов. Чуть позже приехал полковник, начальник РУВД, и заверил, что они держат руку на пульсе и по первому сигналу тревоги встанут на нашу защиту. Я чуть не прослезился — органы нас и так редко обходили вниманием. Однако повод для беспокойства действительно был серьезный. Весь вечер мы стояли на стреме, повысив бдительность, но, по счастью, никто не появился. Правда, уже под вечер захала дежурная бригада милиции, простые сержанты, которые, видимо, не знали, что полковник держит руку на пульсе, и, как обычно, кого-то арестовали, а кому-то для порядку просто съездили в глаз.

На следующий день мы сели в поезд и вскоре благополучно добрались до Берлина. Правда, в Варшаве во время переезда с одного вокзала на другой нас арестовали контролеры и слупили огромный штраф. Когда же мы приехали к Свете Мюллер, агенту «ТамТам» в Берлине, нас ждало известие о том, что клуб закрыт.

Часть четвертая

Глава первая

Первым импульсом было все бросить и мчаться домой. Но я позвонил Лене, и она меня сразу успокоила. Я знал, что она сделает все, что в этой ситуации потребуется, а я все равно ничего не смогу изменить. И на следующий день мы из Берлина поехали в Гамбург. Мой друг Валера Сорокин, который к этому времени уже несколько лет жил в Берлине, как раз перегонял автомобиль по этому маршруту. Он также вписал своего брата Юру, и мы на двух роскошных автомобилях мигом домчали до Бергедорфа, где нас ждали Кирстен с Андреем. Нас, как обычно, разместили по друзьям. Эдик же сговорился со своим дружкой Бумо, который специально приехал к нему из Швейцарии, и они отправились в Гамбург ночевать в сквоте. Вообще Эдик существовал абсолютно независимо от остальных музыкантов группы, и мне с большим трудом удавалось найти к нему доступ. В этом, наверное, и заключалась моя основная ошибка: я пытался к нему пробиться, в то время как музыканты группы этого не делали и поэтому до сих пор вместе и играли. Эдик был очень наивен и казался мне кристально чистым человеком. В его жизни был период, когда он был серьезно зависим от наркотиков и совершенно посадил себе печень. Но я никогда не помню, чтобы он был зол или агрессивен. Он исчезал на несколько дней, и я волновался, что он может

не прийти на концерт или опоздать, но музыканты группы были совершенно спокойны — они знали, что Эдик появится.

Молодежные центры в Бергедорфе и Бильштедте, где проходили концерты, были не самыми подходящими местами для такого рода музыки. Мы искали возможность выступить в каком-нибудь реальном месте, и Кирстен удалось сговориться с клубом «Stortebecker», где *Химера* разогрела канадскую группу *Propagandi*. Хотя все зрители пришли на канадцев, *Химеру* очень хорошо принимали.

Мы прекрасно проводили время, и однажды, катаясь на лодке, по реке Билке, мои друзья затеяли возню и перевернули лодку. По счастью, было не очень холодно и не так далеко от берега, но я утопил свой фотоаппарат. Наш приятель Ульф притащил багор, и Андрей с Боссом пытались прочесать дно, пока не утопили и багор. Я любил этот фотоаппарат и очень расстроился — иногда у меня получались интересные снимки, к тому же в нем осталась целая пленка с *Химерой*. В этот же день мне надо было ехать в Гамбург на деловую встречу, а вся моя одежда была совершенно мокрая. Ульф нашел мне сандалии, старые белые расклешенные штаны и какой-то свитер. Я распустил волосы и в таком виде поехал в Гамбург. Было очень забавно: так я выглядел двадцать лет назад, когда путешествовал автостопом. Я будто окунулся в прошлое, хотя в этом удивительном городе можно одеваться как угодно и никто на тебя не обратит никакого внимания.

Пока мы были в Гамбурге, Света Мюллер договорилась о концерте в сквоте на Линиен-штрассе в бывшем Восточном Берлине. Этот квартал почти целиком захватили сквоттеры, и он оказался в самом центре объединенного Берлина. Я уже бывал в таких местах, и каждый раз меня восхищало то, как независимо живут эти люди.

Я знал, что принадлежу этому миру, но мой поезд уже проехал эту остановку. Зал находился в наполовину затопленном подвале, и пройти в него можно было только через пролом в стене по автомобильным покрышкам, брошенным в воду. Посреди двора на костре в большом котле готовилась еда. Мои берлинские друзья, которых я пригласил на концерт своей любимой группы, воспользовались разными предложениями и свалили. Из всех щелей выползал дикий люд, который постепенно заполнил весь подвал. Самое интересное, что все-таки пришло много внешней публики и было продано достаточное количество билетов. Сначала играли две классические немецкие группы, и люди расслабленно тусовались, кто-то даже танцевал. Но когда заиграла *Химера*, вдруг все пришло в движение. Появились какие-то люди с факелами и бутылками керосина в руках, которые стали изрыгать огонь. Трехметровые языки пламени носились под толком; всех обдавало жаром так, что приходилось приседать. Через какое-то время все пространство было заполнено горячими парами керосина и дымом. Когда воздуха не осталось совсем, публика ломанулась наружу. Я тоже не выдержал и выполз на воздух. В проходах было темно и ничего не было видно. Это был натуральный ад. Но из-под земли еще долго доносилась музыка *Химеры*. Они вышли последними, когда в зале не осталось ни одного человека. Как выяснилось, таким образом группе было выказано наивысочайшее одобрение. За этот концерт им даже заплатили денег. Ничего подобного я ни в каких Америках не видывал.

Когда мы вернулись на родину, ко мне пришли почти все ребята из нашей команды — надо было решать, что делать дальше. Меня все ждали и надеялись, что я что-нибудь придумаю. Но я знал, что все кончено: я не стану бороться за это место, для меня игра завершена. Хоте-

лось устроить заключительную акцию, во время которой раздать валики и кисти и покрасить стены в тот самый салатный цвет, которым они были выкрашены к моменту нашего появления в Молодежном центре, и таким образом стереть матрицу. Но с новыми хозяевам не хотелось вступать ни в какие переговоры, и акции, естественно, не получилось. Саша Кострикин уговаривал нас не забирать вещи, дескать, не все еще потеряно. Он работал в мэрии и рассчитывал на поддержку Собчака. Но мы все-таки решили собраться и уехать. Обидчики дали нам на это три дня. Понятно было, что они не станут использовать наш интерес в своих целях, но мы все равно купили несколько банок краски, и Лена с Лешей Михеевым стали закрашивать созданные Лешей фрески. Это было нелегко. Чтобы тщательно покрасить все стены, понадобилась бы бочка краски, и вообще это огромная работа, которую трудно выполнять только ради принципа. Они сломались, заляпали стены кое-как, и на этом мы закончили. Все скамейки, а также ноги Комсомолки мы вынесли в садик напротив. А неподъемные железобетонные ноги Матроса мы смогли вытащить только на тротуар перед входом. Я туда больше не ездил, но, говорят, Матрос исчез на следующий день — видимо, он воссоединился со своей половиной, а скамейки растащили по соседним дворам.

Собчак действительно тормознул деятельность этой организации и пообещал Кострикину, что после выборов он разберется. Но он не удержался в кресле, а через некоторое время своего кресла лишился и Саша Кострикин.

Тем временем *Химера* приступила к записи альбома на «Мелодии». Я уговорил Ершова в процессе записи организовать видеосъемку. Он согласился, и я попросил Сашу Розанова помочь нам в этом. Саша как раз только

что получил грант от Фонда Сороса на съемку фильма о петербургской независимой музыке. Также мы с *Химе-рой* предприняли поездку в Москву на фестиваль «Учитесь плавать». Это был реальный шанс мелькнуть в московской тусовке. У группы не было своего звукорежиссера, и я уговаривал поехать Андрея Алякринского, который хорошо знал звук этой группы. Но Андриюша поехать не смог, и с нами поехала Ольга Ходаковская. Она тоже хорошо делает звук, но в той ситуации требовалась мобильность — надо было отстроить звук группы в течение полчасового саундчека, а потом быстро перестроиться во время короткого перерыва, и Ольга немного растерялась. В результате группа не прозвучала, и ее выступление никого не впечатлило.

В этот момент до меня дошел слух о болезни Курехина, но я несколько дней не мог дозвониться до его жены Насти. Дозвонившись наконец до ее родителей, я узнал, что ему сделали операцию, и сразу же поехал к нему в больницу. С этого дня я уже не мог думать ни о чем другом. Хотелось верить, что еще что-то можно сделать. Второй раз в жизни я соприкоснулся с ужасом ситуации, когда на твоих глазах умирает близкий человек. Хотелось быть рядом с ним и одновременно хотелось просто убежать. Хотелось помочь Насте, которая цеплялась за любую ниточку, которая давала надежду. Но эти ниточки обрывались одна за одной. Настя неотступно дежурила у постели Сергея, и, когда она совсем валилась от усталости, ее сменял «профессор» Волков, близкий друг Сергея. Они познакомились в то время, когда я углубился в свой клуб, так что мы с ним почти не были знакомы. Но в эти тяжелые дни мы очень сблизились. Также, проходя в больницу, я неизменно встречал Сережу Дебижева, которого тоже ноги сами приносили туда. В какое-то время Сергею стало чуть легче, и его перевели в Кардио-

логический центр на улице Пархоменко. Там его постоянно навещали друзья, и в день его рождения мы устроили настоящую вечеринку с шампанским, конфетами и пирожными. Но, выходя из больницы, все ревели горячими слезами.

К Сергею приходил его старый знакомый священник, отец Константин, настоятель храма Спаса Нерукотворного Образа, и после этого Настя решила крестить Федю, их сына, которому было только полтора года, и покреститься сама. Сергей захотел, чтобы я был крестным его сына. И хотя я зарекся больше не брать на себя такую ответственность, тут у меня не было выбора. Так у меня появился еще один крестник.

В эти дни в Россию должен был приехать Дэвид Боуи, и Артем Троицкий предложил мне встретиться с ним и потусоваться, пока Боуи будет в Петербурге. Было даже запланировано открыть Эрмитаж в выходной день, чтобы он мог побродить по нему в одиночестве. Я же не представлял, что с ним делать, и хотел привести его в больницу к Курехину — я считаю, что это лучшее, что он мог в этом городе увидеть. Но в последний момент все сорвалось. Я получил факс от Иры Шумович, которая сотрудничала с Антеей Ино, что в Токио, откуда Дэвид должен был лететь в Петербург, произошла катастрофа, и рейс отменили. Боуи просидел там лишний день и полетел прямо в Москву. Я был не в настроении ехать в Москву на его концерт, но Настя попросила меня выполнить несколько поручений, и я решил съездить. На концерте в Кремле присутствовал весь бомонд. Боуи был в плохом настроении, но концерт оказался блестящим, особенно по сравнению с тем, на котором я был раньше. Я был переполнен эмоциями, а на песне *All The Young Dudes* просто расплакался. Но этого, по счастью, никто не видел. Единственным человеком, который в этот момент был способен

меня понять, оказался Миша Шишков, которого я встретил на выходе в таком же состоянии. Приехав домой, я сразу же отправился к Курехину в больницу. Он очень сожалел, что сам не мог поехать, и с нетерпением ждал рассказов о концерте.

Меня снова позвали на Форум лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского в Будапешт. Я ехать не хотел — клуб закрылся, и я больше не мог представлять этот проект. Но они настояли, потому что к этому времени последняя группа закончила обучение и всем должны были вручать дипломы об окончании. Я приехал в Будапешт, но в этот раз его красота меня нисколько не тронула: Три дня я провел в полузабытии, не участвуя в происходящем. И конечно же, была заключительная вечеринка, но я больше не пел про трактористов, а просто пошел спать.

Когда я вернулся, оказалось, что Курехина перевели в Покровскую больницу прямо напротив ДК им. Кирова, где был офис «Курицы». Я ехал на велосипеде в больницу, после этого заходил к Ершову и дальше отправлялся в студию, где писалась *Химера*. И так меня мотало целыми днями. У *Химеры* была мощнейшая программа, и группа находилась в блестящей форме. Андрюша с Сашей Докшиным увлеченно делали свое дело, и мне было приятно наблюдать за людьми, которые знают, что делают. Саша Розанов снял на видео несколько смен звукозаписи. Но я не мог сконцентрироваться на происходящем, мои мысли были о другом. Через какое-то время Леша Ершов, будучи продюсером, стал давать советы, каким ему хотелось видеть их альбом. Он говорил, что альбом слишком тяжелый и надо добавить несколько акустических песен. Я стал протестовать и приводить доводы в защиту собственного мнения группы. Но Ершов настоял на том, чтобы они все-таки записали несколько спокойных песен. Материала получалось на два альбома, и я не по-

нимал, как из этих разных песен можно склеить один. Лена меня поддержала, но группе, похоже, было все равно. По завершении записи мы решили сделать концерт *Химеры* в Молодежном театре на Фонтанке, и Саша Розанов отснял весь концерт на две камеры, а мы сделали запись на DAT-магнитофон прямо с пульта. Леша Ершов предложил Андриюше влиться в «Курицу», и тот с готовностью согласился. Также туда поступили на службу Шурик Рунев и Ольга Ходаковская, и какое-то время все динамично развивалось. «Курица» выпустила альбом *Югендитиля* и *Улиц* на CD, но с *Пауками* оказалось сложнее. Пока не было ясности с продажами альбомов первых двух групп, Ершов не рискнул выпускать *Пауков* на CD, а ограничился лишь кассетами. *Пауки* немного обиделись, усмотрев в этом дискриминацию. Но продюсер оставлял за собой право решать. Мы не заметили, как вступили в капиталистические отношения, предусмотренные контрактом.

Каждый разговор по поводу альбома *Химеры* превращался в принципиальный спор. Все время что-то было не так. Ершов действительно имел право решать: он платил деньги, и именно у него был контракт с *Химерой*, а не у меня. Мы же никаких контрактов не подписывали. И в один прекрасный момент Ершов предложил пойти на дружескую уступку. Коль скоро все так сложилось, он предложил мне выкупить контракт, покрыв расходы на запись и видеосъемку. У меня не было таких денег, но я сразу согласился. По счастью, мне удалось занять нужную сумму, через два дня мы расторгли контракт и на этой стадии с «Курицей» расстались.

Тут же, почти напротив, в простом железном гараже, прямо во дворе жилого дома, расположились репетировать *Маркшейдера*. Таким образом они стали первой реальной русской гаражной группой. Когда я оказывался

в этом районе, то всегда заезжал к ним, и меня так и мотало по всему Васильевскому острову. Было невыносимо. У нас умирал друг, а рядом шло веселье и жизнь била ключом.

Глава вторая

После похорон Курехина я не знал, что буду делать дальше. У моей племянницы Ольги родился сын Всеволод, и я поехал их навестить. Когда я держал на руках внучатого племянника, на меня нахлынула волна чувств. Я прожил долгую жизнь, много повидал и испытал, но у меня никогда не было семьи. Я зашел к Лене, которая жила прямо напротив. Неожиданно для себя и для нее я сделал ей предложение, и так же неожиданно для нее и для меня она согласилась. Мы обнялись и залились слезами. Моя жизнь начиналась сначала.

Я давно мечтал, когда у меня образуется свободное время, попробовать взяться за дачу. Я купил кое-какой инструмент и доски и затеял обновление пола. Еще в период работы клуба я познакомился с Денисом Можаяевым, который был хорошим столяром, и еще тогда он предлагал мне помощь. Я позвонил ему, он приехал к нам на дачу и научил меня основным вещам. Мы с ним сделали пол на первом этаже, и за второй этаж я уже смог взяться самостоятельно. Это была гигантская работа, но именно это мне и нужно было в этот момент. Так я провел почти все лето.

Мы с Леной обосновались в квартире нашего друга Миши Мончадского, который давно живет в Канаде, и в начале октября обвенчались в церкви Покрова Божией Матери. Оказалось, что в то время, когда Лена ушла из

клуба, она поступила в акушерский колледж и уже два года там училась. Еще в детстве ее бабушка, которая работала в Снегиревке, брала ее с собой на дежурство, и вот пришло время, когда и Лена решила посвятить себя этому благородному делу.

Мы заняли одну комнату в квартире на Орбели, чего нам было вполне достаточно, но я пока не мог забрать туда свою мать. Каждое утро я ехал на велосипеде на Восстания. Покормив мать завтраком, я готовил какую-нибудь еду на день. Готовить большее количество было нельзя, потому что брат по-прежнему все съедал, иногда отнимая у матери последнее. Когда мне удавалось, я заезжал ближе к вечеру покормить ее второй раз. Постепенно я вошел в ритм этих перемещений, и мама была спокойна за меня: по крайней мере, пока я не находился под одной крышей с Алексеем, вероятность конфликта уменьшалась. Хотя брат доставал матушку ужасно, совершенно лишив ее покоя. У него, как обычно, кто-то жил, а он так и спал на полу в ее комнате. В один прекрасный момент он занес ей вшей. Я разогнал всю его компанию и выкинул все тряпки, которые они понатащили с помойки, и несколько дней подряд мыл ей голову. Вшей удалось вывести, но люди скоро завелись снова, и с этим уже ничего нельзя было поделать.

Все это время я искал место, подходящее для репетиций *Химеры*. Один наш знакомый Олег Подберезный, который очень сильно запал на *Химеру*, сговорился в заводском клубе на Малой Охте, что группа сможет там репетировать и раз в месяц играть отчетные концерты. Это очень напоминало времена моей юности. На этой точке сидел Олег Байдак, брат небезызвестного Юры. Они там пили и на ближайший концерт обещали нам выкатить аппарат. Все казалось очень симпатичным. Но в день концерта мне пришлось самому носить неподъемный

аппарат на четвертый этаж. У них не оказалось даже мониторов и «косы». В итоге они паяли эту «косу» до самого начала концерта, который по давней традиции задержали. Я давно уже отвык от подобной самодеятельности. Концерт был хорошим, пришло человек сто пятьдесят — для нового места это было неплохо. Вся тусовка была знакомая, и очень странно было видеть всех этих людей вне стен «ТаМтАма». По традиции, у кого-то украли рюкзак, и мое настроение было испорчено. *Химера* почему-то не стала репетировать на этой точке, и как-то Саша Розанов предложил сходить в Институт киноаппаратуры на улице Бакунина, где, по слухам, было можно арендовать помещение. Мы с Эдиком пошли посмотреть, и ему там очень понравилось. Мы выбрали самую дальнюю комнату на верхнем этаже, на котором кроме нас никого не было, и перевезли аппаратуру с Малой Охты. Это было странное здание бывшего института, откуда давно все съехали, и оно пустовало. Работали лишь несколько цехов на втором этаже. Там не было отопления, но пока было тепло. Начальник обещал, что к зиме они отопление наладят, и с наступлением холодов нам дали промышленный обогреватель, который быстро нагревал все помещение. Все было очень симпатично, только мне нужно было платить за это кругленькую сумму денег, взять же их было неоткуда.

Через месяц в этом же квартале, в помещении Театра на Перекупном, открылся клуб «Молоко». Я симпатизировал основателю «Молока» Юре Угрюмову и обещал ему посодействовать. У них было плохо с аппаратом, и мы договорились, что каждую субботу, в день концерта, можно будет брать комбики и барабаны на Бакунина и после концерта их туда относить. Это было не очень удобно, особенно если учесть, что назад все это надо было тащить на пятый этаж. Но другого выхода у них не было,

и, стало быть, его не было и у меня. Клуб «Молоко» открылся концертом *Химеры*. Недели две-три все шло хорошо.

Надо было что-то придумывать с изданием альбома. Я надеялся на «FeeLee», они даже включили песню *Химеры* в сборник фестиваля «Учитесь плавать». Но о группе они судили по выступлению на фестивале, которое не произвело на них должного впечатления. Я решил самостоятельно выпустить альбом на кассете, и мне показалось важным зафиксировать этот факт под лейблом «TaMtAm». Но на это снова требовались средства. Затевая самостоятельный выпуск альбома, я должен был изучить весь процесс, начиная с макета обложки и заканчивая изготовлением собственно кассеты. Я решил сначала придумать макет. Я обратился к Ие Тамаровой, которая делала плакат к концерту Питера Хэммила, и спросил Эдика, как он мыслит обложку альбома. Сначала он нарисовал что-то карандашом, но цвета были плохие, и получилось неинтересно. Тогда он дал мне младенческую фотографию Тоси и заявил, что вот это идеальное оформление альбома. Наверное, так оно и было. Я отнес снимок Ие, которая сказала, что это всегда можно оставить, но можно придумать что-нибудь поинтереснее. Я принес ей кучу фотографий *Химеры* и кое-что из картинок Эдика, и она начала фантазировать со словом «Zudwa». Когда через несколько дней я к ней зашел, то увидел фантастическое решение обложки. Взяв фрагмент одной фотографии, который давал удивительно точное ощущение пластики Эдика, она выделила его изогнутый силуэт. Но я не хотел самостоятельно принимать решение и позвал Эдика. Эдик не выказал особого восторга, но и не отказался категорически, и меня немного понесло. У меня возникла идея сделать анонимный плакат с силуэтом Эдика, как я увидел его в первый раз на мониторе компьютера, с загадочным словом «Zudwa».

Еще в «TaMtAme» у Эдика появилась подруга, с которой они как-то сфотографировались вместе, а потом на ксероксе сделали несколько вариантов этих фотографий, на которых они либо стояли вдвоем, либо была видна одна нога Эдика, либо это были просто абстрактные картинки, и на каждой из них было написано «Zudwa». Эти картинки с надписью «Zudwa» время от времени появлялись на стенах клуба. Я не понимал, что это такое, но каждый раз, когда я наткнулся на это слово, оно меня интриговало. Когда же на очередном концерте *Химеры* я услышал песню под этим названием, я был сражен наповал. И тут я решил использовать такой прием: напечатать две тысячи плакатов и заклеить ими весь город, чтобы люди наткнулись на них везде: в метро, во дворах и на заборах. Это не было рекламным трюком, хотя и могло сработать как реклама. Если бы я в течение месяца наткнулся бы на это слово, а потом, зайдя в магазин, увидел альбом с такой картинкой и таким названием, то я обязательно из любопытства его купил бы. Но тут моя схема начала давать сбой. Сначала половина тиража плакатов ушла в брак. Повторный тираж застрял и не хотел печататься. Наступила глубокая осень, и пошли дожди. Я рассчитывал на своих друзей из клуба и надеялся, что смогу увлечь их этой идеей и они быстро расклеят эти плакаты по всему городу. Но кому-то оказалось влом, кому-то было лень, и акция провалилась. Все-таки какое-то количество удалось расклеить, и плакаты стали хаотично появляться в разных местах города. Конечно же, я всегда их замечал, но они не выбивались из общей массы расклеенных афиш и листовок.

Такая же участь постигла саму кассету. Сначала Ия застряла с дизайном обложки. Что-то постоянно шло не так: то не выводились цветоделительные пленки, то резчик в типографии неправильно разрезал обложки, и ка-

залось, этому не будет конца. Альбом категорически не хотел выходить. Вероятно, я совершил ту же ошибку, что и Леша Ершов, — я слишком много взял на себя. Наконец в конце января кассета все-таки появилась на свет. К этому времени начались чехарда с репетиционной точкой и сбой с аппаратом, потому что никто после концерта в «Молоке» не хотел тащить его обратно. Иногда аппарат оставляли на всю неделю в клубе. *Химера* же репетировала раз в неделю, а иногда и реже. Но, судя по всему, беспокоился один я, поскольку мне за это приходилось платить. Я стал думать о том, что хорошо бы эту точку делить с какой-нибудь группой и тем самым сократить расходы. Сначала вписались *Маркшейдера*, но, порепетировав пару раз, отказались. Отопление так и не включили, а обогреватель у нас забрали. Хотя мы и притащили какие-то бытовые нагреватели, все равно там было холодно. Когда же у Эдика начинались проблемы с Тосей, он оставался там ночевать. Он нигде не работал, и я старался ему как-нибудь помогать, но содержать его семью я был не в состоянии. В итоге Эдик просто поселился на точке и перетащил туда свои пожитки, и незаметно там собралась целая компания.

Глава третья

Незадолго до этого проявился Сережа Щураков, который неожиданно предложил мне присоединиться к его оркестру. Еще год назад он пригласил меня на запись альбома *Anabasis*. Я сыграл в двух пьесах, и это оказалось неплохо. Сережа долго не мог придумать название оркестру. Музыкальный стиль он определил как необарокко, и мне показалось, что было бы неплохо

назвать его в итальянском стиле с некоторым элементом абсурда, и я придумал *Vermicelli Orchestra*. Я давно не занимался на инструменте, и мне уже в который раз пришлось начинать с самого начала. О концертах речь пока не заходила, и мы репетировали на точке у Олега Шавкунова на Пушкинской, 10. Там тоже не было отопления и воды. И когда электричество отключили совсем, я предложил перебраться на Бакунина, коль скоро точка была оплачена, и там все равно никто не репетировал. Но там оказалось неуютно, холодно и мрачновато. Сереже из-за зрения было трудно самостоятельно пробираться в это помещение по темной лестнице и коридорам, поэтому мы отказались от этой идеи и по привычке перебрались репетировать ко мне домой. У нас с Леной дома много места, и репетиции вошли в привычное русло гостеприимного чаепития. Правда, Сереже и сюда было добираться далеко, но зато у нас было тепло, и мы могли собираться в любое время. Состав оркестра значительно изменился, помимо меня вводились новые музыканты, но до концертов было еще далеко. Пока нужно было репетировать по группам инструментов, и Сережа отдельно занимался со мной, подтягивая уровень игры до необходимого. Я вспомнил забытую практику игры по нотам и был рад, что наконец смогу применить свой навык игры в оркестре. Предстояла большая работа.

Той же осенью проявился наш старый дружок Боря Райскин, с которым мы вместе составляли струнную группу *Поп-механики*. К этому времени он уже восемь лет жил в Америке, и ему в голову пришла шальная идея организации в Нью-Йорке фестиваля имени Курехина. Он обладал фантастической энергией и трудоспособностью и очень быстро перешел к осуществлению этой идеи и наметил на середину января десятидневный фестиваль. К этому времени Настя Курехина только начала прихо-

дить в себя после горя, постигшего ее семью. Поначалу она скептически отнеслась к этой идее, поскольку у нее было собственное представление о том, что следует делать в память о Сергее. Она привлекала меня к этой деятельности, хотя это было не совсем то, чем мне хотелось бы заниматься. Но Настя нуждалась в помощи, и ей невозможно было в этом отказать. Однако к этому времени мы еще ничего не успели сделать, а только зарегистрировали Фонд Курехина, президентом которого стала Настя, а меня назначили председателем совета директоров. Я всегда сторонился всякого рода советов и никогда нигде не заседал, а потому без особенного восторга воспринял подобное назначение. Хотя речь шла всего лишь о том, чтобы совместными усилиями друзей сделать что-нибудь стоящее, чтобы о Курехине не забыли уже через полгода. Алик Кан уже год работал в Лондоне на Би-би-си, так что, судя по всему, организация в основном ложилась на меня. В результате нам с Настей и Лизой предстояла поездка в Нью-Йорк на фестиваль, который Боря Райскин назвал «Sergey Kuryokhin International Interdisciplinary Festival» (SKIIF).

Это был очень рискованный шаг с его стороны, поскольку он пригласил кучу людей со всего света и надеялся на то, что фестиваль сможет себя окупить. Я уже имел горький опыт, когда взялся за дело, которое мне было не по плечу, но Боря, вероятно, знал, на что идет. Только из России поехало человек двадцать пять, правда, к сожалению, Бориному отцу не дали визу. Фестиваль вызвал живой интерес у русскоязычной Америки, и в Нью-Йорк слетелись тусовщики даже из других городов. На открытии в клубе «Knitting Factory» была тьма народу, но в последующие дни, хотя концерты были не менее интересными, публики было не так много. На одном концерте в Washington Square Church играл мой старый знако-

мец Тёрстон Мур с барабанщиком Томом Сёргалом, и их выступление было примерно таким, каким я слышал его года три назад. Мур очень эрудированный человек и очень внимательно следил за творчеством Курехина, у него имелись все его пластинки, к этому времени изданные. При мне он купил все пластинки Вапирова, которого тоже очень ценил. Для меня концерты были очень интересными, хоть я и устал за десять дней. Но это был Нью-Йорк, где концертами такого рода никого не удивишь, а русским, живущим там, музыка вообще не нужна, им нужно только потусоваться. Я же за это время не успевал всюду поспеть и еще рассчитывал попасть на концерт *Sebadoh*, но, к сожалению, когда я собрался сходить, все билеты были проданы. Мы почти не виделись с Борей в ходе фестиваля, он был очень занят, и мы откладывали нашу встречу на потом. Помимо собственно организации фестиваля он выступал в двух или трех проектах, еще успевая репетировать. Из Монреаля приехал Славка Егоров, которого Боря пригласил звукорежиссером на запись выступлений, и подтянулся Ливерпулец. Таким образом, у нас собралась старая компания. Но Славка, как обычно, в какой-то момент без предупреждения уехал домой, и через день за ним последовал Алексис, что меня крайне удивило — мы не так часто виделись. С Борей мне удалось увидеться только после окончания фестиваля, накануне отъезда. Уже было понятно, что фестиваль не окупился и Боря понес значительные убытки, пригласив всех гостей из России за собственный счет. Он осуществил задуманное, но был подавлен, хотя и радовался, что все уже позади. Но он был готов к этому, хотя и надеялся на больший финансовый успех. Мы расстались на том, что теперь наша очередь делать фестиваль в России, где Боря будет желанным гостем.

В первых числах февраля состоялся очередной концерт *Химеры* в «Молоке». Мы не устраивали никакой презентации вышедшего альбома. Концерт получился очень мощный, с грязным сырым звуком. В группе появился некто Антон, который, не умея играть на трубе, вдруг стал претендовать на роль фронтмена. К музыке группы он ничего не добавлял, скорее наоборот. Эдик сам пользовался своим коронным приемом одновременной игры на гитаре и трубе, и это было восхитительно. Антон же просто оттягивал внимание на себя, что только мешало. У меня это вызывало недоумение. Не знаю, репетировали ли они вообще. После концерта я подошел к Эдику и предложил отказать от точки: у меня больше не было денег, чтобы платить за нее. Но Эдик уверил меня, что точку непременно нужно сохранить.

В конце февраля я очень неудачно упал, поскользнувшись на горке в парке Лесотехнической академии, да так, что не мог встать. Меня подобрали хорошие люди и довели до дому. Оказалось, что у меня сильный ушиб бедра с защемлением седалищного нерва. Несколько дней я лежал дома и даже не мог вставать, чтобы открыть дверь. Лена ездила кормить маму и с трудом переносила свинство, которое там устроил мой брат. В это время позвонила Тося, разыскивая Эдика, потом стали звонить и другие знакомые. Я ничем не мог помочь, поскольку не имел ни малейшего представления о его перемещениях. Так продолжалось несколько дней.

Неожиданно приехал Боря Райскин, чтобы навестить родителей. Как оказалось, до отъезда в Америку он жил в соседнем квартале, поэтому зашел навестить меня и рассказать об итогах нью-йоркского фестиваля. Мы долго говорили о том, что получилось не так и как этого можно избежать в дальнейшем. Я посетовал, что не знаю, с какой стороны подступиться к организации фестиваля

здесь и что было бы неплохо довести дело до той стадии, когда фестивали станут традиционными по обе стороны океана. Наш дружок Курехин стоил того, чтобы о нем помнили. Перед отъездом Боря собирался навестить меня еще раз.

Меня же не покидало нехорошее предчувствие, что с Эдиком могло что-то произойти. Мне продолжали звонить его друзья. Прошло уже десять дней, как его не видели. Я долго отгонял от себя дурные мысли, но едва я смог переместиться с палочкой, за мной на машине заехала Наташа Воробьева, и мы отправились на Бакунина. Мы решили прочесать заброшенное здание, и, к ужасу всех собравшихся, наши худшие предчувствия оправдались: Эдик был найден на чердаке. Мне пришлось заниматься похоронными хлопотами и, самое страшное, регулировать отношения Тоси с родственниками Эдика. Добиться соглашения мне не удалось, и в итоге, вопреки желанию Тоси, Эдика похоронили под Выборгом, рядом с отцом. Это была ужасная ситуация, которая вымотала всех нас. Я даже не смог встретиться с Борей Райскиным, чтобы попрощаться с ним. Через несколько дней из Нью-Йорка пришло печальное известие о его кончине. Никто не мог найти никакого разумного объяснения происшедшего. Тем более его не мог найти я. Вокруг все рушилось. Меня это настолько ошеломило, что хотелось спрятаться и больше не высовываться. Я стал тупо заниматься на виолончели, просто наматывая часы.

Будучи в Америке, я возобновил знакомство с Женей Зубковым, с которым мы как-то пересекались у Дюши. Женя был занят прекрасным делом спасения русских алкоголиков. Многие наши друзья прошли курс лечения от этого недуга в Америке. Мне хотелось помочь брату Алексею, но я прекрасно осознавал, что отправить его лечиться в Америку по этой программе нереально. Однако

Женя порекомендовал мне обратиться к отцу Маркелу, настоятелю Федоровского собора в Пушкине. Неожиданно оказалось, что мы с ним учились в одной школе, он был на год старше меня. Отец Маркел согласился принять Алексея в приют, который они организовали в поселке Поги за Павловском. На мое удивление, брат согласился, и в этот же день мы вместе с моим двоюродным братом Павлом препроводили его в это заведение. Уклад этого приюта был очень простой, нечто среднее между монастырем и зоной. Все было преисполнено покоем и любовью к ближнему, однако контингент был сложный. Через неделю мы поехали навестить брата, и я был приятно удивлен тем, что он там прижился. Пока его не было, я несколько дней наводил порядок на Восстания. Я выкинул все барахло и вымыл всю квартиру. Мне не верилось, что излечение возможно, и через две недели брат действительно сбежал. Мы стоворились с Владом, мужем моей племянницы, и снова препроводили братца в Поги. Так продолжалось еще раза два. Нужно было постараться дотянуть до весны. В мае «Анонимные алкоголики» предполагали переехать в новый дом на горе под Красным Селом. И Алексей попал в число тех, кого отправили на эту гору ремонтировать дом к приезду остальных. К этому времени он свыкся с пребыванием в приюте, но, вернувшись в город помыться, он оторвался, пустился во все тяжкие и больше туда уже не возвращался. Чтобы снова попасть в приют, нужно было благословение отца Маркела, а уговорить брата еще раз поехать в Пушкин мне не удалось.

Лена заканчивала колледж и, еще в процессе обучения, искала возможность заниматься домашними родами. Насколько я мог об этом судить, ее не устраивала система деторождения, с которой она соприкоснулась в годы учебы и практики в роддомах. Изменить систему

было нереально, но оказалось, что детей можно рожать дома. Она познакомилась с домашней акушеркой Леной Ермаковой и, продолжая учиться в колледже, стала постигать премудрости домашних родов. Лена и Леша Ермаковы уже несколько лет практиковали схему, которая готовит будущую мать к этому важнейшему моменту в ее жизни и позволяет родить здорового ребенка так, как это предусмотрела природа. Лена настолько глубоко погрузилась в этот процесс, что постепенно и я принял эту точку зрения и стал вникать в природу таинства деторождения.

Тем временем я продолжал репетировать с *Вермишелью*. Несколько лет назад, когда я уже давно распростился с игрой на виолончели, будучи в Самаре, я по случаю купил деревянный инструмент. Он требовал ремонта, но я столько раз уходил на пенсию, что не было резона приводить виолончель в порядок. И вот появился повод: я наконец играл в оркестре и мог попытаться добиться правильного виолончельного звука. В силу своего характера, когда я вовлечен в какой-то процесс, то уже не могу быть пассивным участником. Я привык действовать, и, естественно, я стал думать, что можно сделать в этой ситуации для развития оркестра. Таким образом, имея некоторый опыт в менеджменте, я стал выполнять элементарные административные функции. При этом я придерживался своих принципов, которые разделяли не все участники оркестра. К этому времени Сережа уже лет шесть играл в *Аквариуме*, куда он попал, когда этой группе уже не надо было никому ничего доказывать. Он постоянно концертировал, гастролировал и получал приличные гонорары за выступления, что для него было само собою разумеющимся. Он немного болезненно относился к тому, что Боб может прознать про его сольный проект, и боялся попасть в немилость. В этом был свой резон.

Мне же в свое время пришлось пройти длинный путь от полной безвестности к тому, что впоследствии и приобрело славу как группа с этим названием. Я имел опыт ожидания и знал, что, если делаешь правильное дело, рано или поздно события начнут разворачиваться. Сережа же нервничал и ждал быстрого признания *Вермишели*. Мы сыграли несколько концертов, но на них приходило по двадцать человек. Музыка оркестра была отнюдь не развлекательная, хотя безусловно имела огромный потенциал, может быть, даже коммерческий. Но в этой стране к такой музыке пока мало кто был готов. Все разговоры музыкантов почему-то сводились к тому, сколько нам могут заплатить за выступления. Я пускался в бессмысленные споры по поводу того, что в такой ситуации стоит делать, а чего категорически делать нельзя. Но суть противоречия лежала гораздо глубже, нежели я предполагал, и постепенно в наших отношениях с Сережей наметилась брешь, которая давала о себе знать в абсолютно разных ситуациях. Это мог быть саундчек перед выступлением, когда группа еще не успела настроиться, а Сережа вдруг начинал прогон каких-нибудь пьес при полном отсутствии звука на сцене. Когда же в паузах по неосторожности я убеждал его прерваться и продолжить настройку звука, это неизменно вызывало его гнев. Он мог обидеться абсолютно по любому поводу.

Весной стали поговаривать о том, что в июне предполагается празднование двадцатипятилетия *Аквариума*. Что под этим подразумевал Боб, я не знал. Мы с ним не виделись, и я так и не получил от него никакого приглашения. Ко мне пришли Леша Ипатовцев и Владик Бачуров на предмет интервью, и от них я узнал, что Боб предполагал собрать «классический» *Аквариум*. Я не знал, как к этому отнестись. Если бы юбилей пришелся на годы существования «ТaMтAмa», я твердо знаю, что отка-

зался бы. Но клуба больше не было, а после смерти Эдика образовалась пустота. Я знал, что раз и навсегда покончил с независимой музыкой. Меня больше ничего не интересовало. Меня не интересовало, что станет с другими музыкантами группы *Химера*. Не интересовало, что станет с другими группами. Я чувствовал, что свою функцию на этом поприще я выполнил до конца. Я мог распоряжаться своим прошлым по своему усмотрению и в итоге мог согласиться принять участие в помпезных концертах. Еще за несколько месяцев до этого Боб обмолвился, что хотел бы записать несколько песен из далекого прошлого. Но потом, вероятно, передумал и сыграл их с другими людьми. Безусловно, группа, с которой он играл в это время, была прекрасной, и они мастерски сыграли и записали этот альбом, но в нем был только один лишний элемент. Боб не заметил, что еще раз лишил нас нашего прошлого. Сейчас, в процессе написания этих воспоминаний, я, пожалуй, впервые за много лет переслушиваю альбомы этой группы. И это один из немногих альбомов, который я могу слушать почти до конца. Я слышу усталый голос Боба, который поет песни нашей юности, и меня охватывает ностальгия, которая граничит с сожалением о том, что это прошлое нас свело. Парадоксально, что скоро и этих прекрасных музыкантов постигнет та же участь. Между нами нет никакой разницы. Наверное, это и послужило побудительным мотивом к тому, чтобы попытаться изложить историю на бумаге и таким образом освободиться от нее.

Репетиции к юбилею двадцатипятилетней творческой деятельности Боба начались в его студии на Пушкинской, 10, в которой я ни разу до этого не был. Мне было интересно наблюдать за Бобом. Казалось, он несколько не включает эмоциональный уровень. Вчера были одни музыканты, сегодня другие, завтра снова будут те же или

совершенно новые. Он поет свои песни. Эти песни больше не являются нашими песнями. Не имеет никакого значения, кто их играет. Может быть, даже не имеет значения, кто их поет? В процессе репетиций с *Вермишелью* я достаточно хорошо разыгрался и находился в рабочей форме. И после двух-трех репетиций на точке, где было понятно, что в принципе все всё помнят, было объявлено, что за неделю до концертов состоятся репетиции на аппарате. Я решил специально подготовиться к этим концертам и заказал Леше Михееву сделать татуировочку на моем многострадальном *гринчелло*. Мне хотелось, чтобы мой инструмент носил признаки того, с чем было связано мое недавнее прошлое, и Леша покрыл его причудливым узором в стиле «TaMtAm».

На этот концерт собрался странный состав, в котором группа никогда не существовала. Из музыкантов той эпохи не было Рюши и Титовича, который был невыездным. Логично было бы на бас-гитару позвать Файнштейна, но речь об этом даже не зашла, и на басу играл Володя Кудрявцев из последнего состава. Приехал Женя Губерман из Голландии, и мы все встретились на сцене ДК железнодорожников. За те годы, что мы не играли вместе, каждый из нас приобрел разный опыт. Я тоже экспериментировал со звуком и представлял себе, какого именно звука виолончели хочу добиться на этих концертах. Я сообщил директору Боба Стасу Гагаринову, что мне нужен персональный усилитель. Группа уже давно вышла на такой уровень, когда составляется технический райдер и компания, организующая концерт, обеспечивает группу аппаратурой согласно его требованиям. Но почему-то на репетиции этого усилителя для меня не оказалось. Мне пришлось включиться в линию и слушать себя через мониторы, для чего надо было найти подходящую точку, где было бы себя слышно и не было фидбэка. Я тщетно наста-

ивал на том, что имею право требовать выполнения условий. Звукорежиссер Олег Гончаров ходил и слушал, как все звучит на сцене. Он подходил и спрашивал: «Как, в кайф?» В конечном счете я кое-как приспособился. Я думал, что и ему небезразлично, как я себя слышу, и по наивности решил, что и он хочет меня услышать, коль скоро ему предстоит рулить концерт. Но на практике оказалось совсем по-другому.

В день отъезда в Москву, где должен был состояться первый концерт, я поехал на Восстания покормить мать. Когда я приехал, то застал ее лежащей на полу с разбитой головой. На кухне пьянствовала компания друзей Алексея, сам он спал. Не знаю, упала ли она сама, или ее ударил человек, которого я почему-то еще называл своим братом. Я собрал в узел основные пожитки матери и отвез ее на Орбели. Тот человек этого даже не заметил. Слава богу, рана оказалась просто ссадиной. Лена осталась ухаживать за мамой, и я спокойно отправился в Москву.

Когда мы приехали на саундчек в Лужники, то я, к вящему неудовольствию, обнаружил, что пресловутый усилитель мне заказан не был. Я тщетно пытался выяснить это у Стаса. Он не дал мне никакого вразумительного ответа, поскольку такого якобы просто не могло быть. Апеллировать к Бобу было бессмысленно, ему по-прежнему было все равно. Мое место находилось прямо перед Сашей Ляпиным, за спиной которого стоял стоваттный «Marshall» с двумя кабинетами. Саша расчищал перед собой пространство, чтобы ему было удобно двигаться. Как ни крути, я оказывался у него под ногами. И где бы я ни сидел, я насквозь простреливался его комбиком. Мне же пришлось довольствоваться одним монитором, через который я почти себя не слышал. На репетицию заглянули *Маркшейдера*, которые уже долго обитали в Москве. Они пришли днем, потому что вечером у них самих был

концерт в каком-то клубе. После саундчека они подошли ко мне и сказали, что виолончель в зале отсутствует как класс. Я пытался добиться от Олега комментариев, он обещал, что все будет нормально. То же самое произошло и с микрофонами. Мы с Дюшей, по давней привычке, должны были подпевать Бобу. Но этого почему-то не было слышно. Вероятно, это можно списать на то, что у меня слабый голос. Но когда в песне про *Двух трактористов* я подходил к Бориному микрофону и пел один, а второй запев мы пели вдвоем в один микрофон, мой голос звучал в два раза громче его. Это была какая-то глупость. Вероятно, за годы обслуживания группы звукорежиссер привык к лакейской роли и считал необходимым в первую очередь ублажать звезду. После концерта ко мне подошли Ильховский с Нехорошевым и сказали, что, дескать, приятно было посмотреть на нас в старом составе, но вот виолончели почему-то так и не было слышно.

Перед выступлением всплыла еще одна неприятная подробность: хотя оговаривалось, что билеты будут стоить какой-то минимум (я уже не помню, сколько это в тех деньгах), но оказалось, что они стоят раза в три дороже. Это меняло характер всей акции. Но Стас Гагаринов делал вид, что он ни при чем: это, дескать, Дворец спорта сам определил цену на билеты. Хотелось на все плюнуть и просто уйти. Боб расположился в отдельной гримерной, в то время как нам семерым предоставили комнату раз в пять меньшую. Я не к тому, что нам не хватило места. Мне просто было любопытно посмотреть, какого запредельного «профессионального» уровня отношений достигла та группа, которая теперь называлась *Аквариумом*. Зал был заполнен на одну треть. Праздник удался. Также мне было «приятно» отметить, что, кроме Сашки Липницкого, который, наверное, не пропустил ни одного концерта *Аквариума* в Москве, да Ильховского с Нехороше-

вым, не было никого из наших старых московских друзей. После концерта мы все поехали в мастерскую к скульптору Александру Рукавишникову, другу Сашки Липницкого, где хозяин устроил нам роскошный импровизированный банкет. Менеджментом группы банкет запланирован не был. В поезде нам заплатили невероятного размера гонорар. Получалось, что обижаться вроде не на что. Предстоял концерт в родном городе.

По счастью, дома нам удалось исправить некоторые ошибки. Билеты были дешевле, и нам позволили пригласить неограниченное число друзей. Таким образом, список гостей состоял из полутора тысяч человек. Мне привезли персональный усилитель, и удалось добиться кое-какого звука на сцене. Правда, не получилось отсечь от Саши Ляпина, который так и мочил мне в затылок, и с микрофонами была такая же история. Ну да бог с ним. После концертов я пытался объяснить Олегу, в чем, собственно, состоит моя концепция звука группы и в чем заключается роль звукорежиссера. А именно — не нарисовать картинку по своему вкусу, а оптимальным образом передать звук группы и максимально выигрышно подчеркнуть игру каждого музыканта, что, собственно, эту группу и отличает от других. Ну да ладно, нам больше не придется играть вместе.

На следующий день мы все встретились на вечеринке на Пушкинской, 10. Мы с Леной пришли ранним вечером. Я был потрясен увиденным. Все молча сидели за длинным пустым столом, во главе которого сидел Боб, и внимали его новым песням, которые он почему-то с ходу решил спеть всем собравшимся. Судя по всему, это продолжалось уже довольно давно, так как большинство артистов оркестра уже ерзало и кашляло. В бюджете группы не нашлось денег на организацию даже внутренней вечеринки. В результате все стали скидываться, и артисты

побежали в соседний ларек. Когда все выпили и немного повеселели, мне стало невообразимо скучно, и мы с Леной ушли. Была белая ночь, мы сели на велики и просто поехали покататься.

Интересно, что статьи в газетах были удивительно похожими, все сетовали на отсутствие фуршета. Осенью вышел альбом с концертной записью, к которому прилагался CD-ROM с историей группы. Послушав альбом, я убедился в том, что был абсолютно прав: виолончель отсутствовала. Больше всего меня порадовал плакат, посвященный 25-летию группы, на котором было пять фотографий Гребенщикова и ни одного музыканта ни из одного состава. Я поинтересовался, где я могу получить означенный альбом. Выяснилось, что нигде. Боб сказал, что он даже не знает, что такой альбом вышел. В итоге Сашка Липницкий отдал мне свою копию.

Печальным итогом этого опыта было то, что очередной состав группы был распущен и все были уволены без выходного пособия. Это был дежурный способ смены состава, который Боб уже много лет практиковал. Обычно торжественно объявлялось, что группа наконец прекратила существование, а через некоторое время она собиралась снова, уже без тех, с кем Боб больше играть не хотел. При этом не надо увольнять неугодных и пускаться в сложные объяснения — просто некоторые люди вычеркиваются. Правда, не всегда это оказывается так просто: музыканты последующих составов, прекрасно зная историю группы, очень цепко держатся за свои места, поскольку Борис Борисович для них является гарантом благополучия. И их так просто не возьмешь.

В этот раз роспуск группы особенно сказался на почти слепом Щуракове. В годы службы в прославленном коллективе он мог содержать всю семью. И на собственные средства он даже смог записать первый альбом *Вер-*

мишелей. Оставшись без работы, он в полном смысле слова оказывался на улице. Заработанного хватило на первое время, но вскоре ресурсы подошли к концу, и Сережа стал нервничать, пытаясь форсировать развитие событий со своим сольным проектом. Мы продолжали репетировать у нас на Орбели и через какое-то время собрали полуторачасовую программу. Но постепенно репетиции стали носить характер нескончаемого спора с Сергеем. Основной причиной стала моя игра на виолончели. Спор заключался в следующем: я играл по-своему, в то время как ему нужна была просто квалифицированная игра на инструменте. Из чего следовал вопрос: если ему нужен был просто виолончелист, почему он пригласил именно меня? Вероятно, я ему подходил по каким-то другим параметрам. Что же касается моей игры, то у меня давно сложилась своя манера и свой звук. Он был обусловлен абсолютно моим персональным опытом. Мы уже касались этой темы вначале моего повествования. Я не доучился ровно десять лет, и за последние двадцать лет без систематических занятий совершенно утратил то, что имел, но при этом я что-то и приобрел. Теперь мы стали заниматься с Сережей, но он принялся учить меня играть на виолончели. Безусловно, он более опытный музыкант в плане образования и интересный композитор. Мне очень нравится его музыка, и я хотел бы достичь того уровня, который его устроил бы. Но для осуществления его планов у меня не было впереди этих десяти лет, за которые я мог бы наверстать упущенное. И вообще мой рок-н-рольный опыт подсказывает мне, что этот жанр музыки больше основывается на индивидуальности, нежели на школе. Но Сережа стал быстро терять терпение. У меня опустились руки — я знал, что мне его не догнать и рано или поздно придется уйти.

Осенью неожиданно приехал Дэвид Гросс. Он был приятелем Бори Райскина и помогал ему с организацией фестиваля в Нью-Йорке. Дэвид не был музыкантом и с продюсерской деятельностью впервые соприкоснулся во время фестиваля. Он очень уважал Бору и через полгода после его кончины решил на свой страх и риск продолжить начатое им дело. Это была прекрасная идея. Гросс предложил сделать в Нью-Йорке второй фестиваль имени Курехина. Имея в запасе больше времени, он рассчитывал организовать все точнее, с учетом ошибок, которые совершил Боря. Мы встретились с Настей, и на меня опять легла ответственность координатора этого фестиваля с русской стороны.

Эта осень унесла жизнь еще одного замечательного человека — Миши Шишкова, без которого моя жизнь обеднела. Он был странен и доставуч, но при этом никто никогда не слышал о том, что Миша мог причинить кому-нибудь зло. Он был всегда и везде. Ни одно сколько-нибудь значительное событие в городе не обходилось без него. Меня он доставал едва ли не больше других. Как я уже говорил, где бы я ни жил, мой день начинался с его звонка. Большею частью меня это раздражало, но, когда Миши не стало, образовалась пустота. С ним у меня был связан один странный эпизод, который произошел лет пятнадцать назад. Как-то ясной зимней ночью я пешком возвращался от Боба с улицы Софьи Перовской. Был легкий мороз, много снега, и на улицах еще горело освещение. Мой обычный маршрут пролегал мимо Замка, по Пестеля и далее по Манежному до Восстания. Примерно в одном квартале от моего дома, на углу улицы Маяковского, я увидел фигуру, которую невозможно ни с кем спутать, — мне навстречу шел Миша. Я инстинктивно перешел на другую сторону улицы и сделал вид, что его не заметил. Когда мы с ним поравнялись, он повернулся и

стал читать афишу, как будто тоже меня не заметил. Я ускорил шаг и через пять минут был дома. Когда я вошел в свою теплую комнату, меня вдруг ошарашило — ведь Миша звонил мне накануне и сказал, что едет в Таллинн. Это безусловно был не он. А если это был он? Миша живет в Красном Селе. Я встретил его зимней ночью и даже не пригласил зайти обогреться и выпить чаю. Если он опоздал на метро, мне ничего не стоило постелить ему на полу и уложить спать; у меня часто кто-нибудь ночевал. Полночи я думал про Мишу. Что я знаю об этом человеке, кроме того, что он каждый день предлагает мне свою дружбу? Почему мы гоним того, кто давно ближе многих? Миша позвонил мне дня через два. Я спросил его, как он съездил в Таллинн. Он рассказал мне неправдоподобную историю про то, что опоздал на поезд и поехал в Таллинн автостопом. Можете себе представить? Зимней ночью ехать автостопом в Таллинн! Даже самому закоренелому хиппи такая рискованная идея не могла бы прийти в голову. Миша же заявил, что благополучно доехал. Конечно же, я ему не поверил. Но я изменил тактику отношения к нему и спросил, почему он давно не заходит. Я стал звать его в гости и уверил в том, что он желанный гость в любое время суток. И что вы думаете? Миша исчез. Он стал реже звонить и очень редко заходил, только если ему действительно это было очень надо. Таким образом, я получил то, чего тщетно пытался добиться, старательно избегая его долгие годы.

В это время в городе объявился Брайан Ино. Как-то Саша Емельянов вписал меня на концерт *Бастонады* в клубе «JFC». Я чувствовал себя очень неуверенно — мы не играли вместе со времени *Турецкого чая*. Он собрал целый оркестр, и в рецензии на концерт в газете «St. Petersburg Times» было написано, что *Бастонада* — это образ жизни. Это был пошлый штамп Гребенщикова,

и что имел в виду Емельянов, я не понимал, тем более что многие музыканты в первый раз видели друг друга. И вдруг — о ужас! — за столиком с «профессором» Волковым сидит Брайан Ино. Мы с ним уже встречались несколько раз в светских тусовках, но толком не разговаривали. Концерт получился неудачным, и я был раздосадован, что Ино пришел не вовремя. Однако, как человек интеллигентный, после концерта он поздравил нас с «успехом», правда, заметил, что не совсем понял концепцию оркестра. Я не знал, куда деваться со стыда, поскольку ни малейшего представления об этой концепции не имел. Я стушевался и поспешил уйти.

Наша семейная жизнь входила в новую колею. Коль скоро мы перевезли мать, надо было что-то придумать с квартирой на Восстания, больше так продолжаться не могло. Пока же я решил забрать кое-какие вещи, потому что брат, вступив в полное владение квартирой, стал продавать все подряд и не ровен час мог взломать дверь в мою комнату и распорядиться остатками моих вещей. Брат достал всех соседей по лестнице, и наша соседка предложила встретиться с ее родственником, маклером, который мог предложить варианты обмена. Маклер предложил условия, на которых брат вдруг согласился меняться. Когда эти условия прозвучали, у меня в голове постепенно созрел альтернативный план. Коль скоро брат согласился уехать в коммунальную квартиру с доплатой, то я решил занять денег, купить ему комнату и заплатить ему ту сумму, которая его устраивает, и тем самым оставить эту квартиру полностью за собой. Постепенно на этом я и остановился. Можно было найти менее болезненный вариант, но мне почему-то хотелось сохранить именно эту квартиру, с которой была связана вся моя жизнь. Я вплотную занялся этой проблемой, и к декабрю месяцу мне удалось купить брату комнату

и его выписать. Я дал ему месяц на то, чтобы собраться и переехать. Он же этот месяц использовал на то, чтобы продать остатки мебели из комнаты матери. Но мне было все равно.

Моя схема была такова — я должен был сделать хороший ремонт и постараться сдать квартиру, чтобы покрыть затраты на покупку комнаты и ремонт. Если бы этот вариант всплыл немного раньше, до моих опытов с клубом и продюсерской деятельностью, мне не пришлось бы занимать столько денег. Ну да ладно. Я искал способ начать ремонт, и мне на глаза попался Денис Можяев, который помогал мне со строительством дачи. Он предложил свои услуги, и мы сговорились, что он там поселится и по мере сил будет делать ремонт. Он занял маленькую комнату, а я между тем предложил *Вермишели* переместиться с репетициями на Восстания. Пока ремонт не начался активно, это было всем удобно, особенно Сереже, которому очень трудно было передвигаться по городу без провожатых. В это же время переговоры с «Бомбой Питер» привели к тому, что она выпустила альбом *Вермишели* на кассете (выпускать его на CD Олег Грабко не решился).

Выпуск кассеты ничего существенным образом не изменил. Мне же казалось, что рано или поздно с такой музыкой можно будет найти свою аудиторию и выйти на уровень участия в западных фестивалях. По стилю музыку оркестра можно отнести и к этнической, и к арт-року, а иногда даже к джазу. Дело было только во времени. Нужно было просто набраться терпения, чтобы не разбежаться. Но наши взаимоотношения с Сережей складывались не лучшим образом, и иногда я отчаивался настолько, что у меня опускались руки. Пока же события не начали происходить, и все концерты надо было устраивать самим.

Со времени отъезда Алика Кана в Лондон в городе не стало фестиваля современной музыки. И вот как-то мне позвонил Коля Судник из группы *Зга* и предложил мне принять участие в организации подобного фестиваля. Инициатором его стал Валера Соколов, редактор газеты «На дне», которая взялась профинансировать это мероприятие. Итак, в феврале мы решили провести трехдневный фестиваль «Другая музыка» в Молодежном театре на Фонтанке. Мы очень быстро определились с составом участников и сделали небольшую рекламу. Фестиваль получился интересным, правда время было не самым подходящим. Середина февраля не слишком тусовочное время года, и люди не очень охотно идут слушать странную музыку. Однако в городе давно ничего такого не было, и какой-то народец все-таки слетелся. Правда, мы категорически не сошлись с Валерой по части организации, и тандем не получился. Я предлагал арендовать аппарат у Паши Марюхты и пригласить его со своей командой обслуживать концерты, но Валера пригласил своих аппаратчиков, и в результате, хотя аппарат был фирменный, звук получился отвратительный. С горем пополам мы записали и отсняли на видео весь фестиваль. Валера собирался выпустить CD, но я поссорился с его аппаратчиками, и у меня не было настроения обрабатывать материал фестиваля с ними же. Так на этом все и затихло. Валера дотянул до осени, а там гавкнул кризис, и все само собой рухнуло. На этом фестивале состоялось последнее выступление группы *Сказы леса*, которая трансформировалась из любимых мною *Nord Folk*. Две недели спустя нелепо погиб вокалист этой группы Гарри (Игорь Коршунов).

Ремонт в квартире на Восстания пошел не в ту сторону. Мои работники все переломали, а потом стали тянуть время, и все остановилось. Репетиции в этом месте

пришлось прекратить и, за неимением другой альтернативы, снова переехать на Орбели. Весной мы сыграли в одном концерте с Питером Хэммилом, который в этот раз приехал один. Перед выступлением была какая-то интрига, кого-то пригласил Игорь Гришин, кого-то Пиночет, но в итоге Хэммила разогревали три коллектива. Это было явно много для одного артиста. И Игорь поставил неременное условие, что все разогревающие группы должны играть не более двадцати минут. Мы сыграли коротко, как и договаривались, в то время как два других коллектива не могли уняться, превращая разогрев в сольное выступление. Игорь нервничал, и я его хорошо понимал. Музыканты же нашего оркестра жаловались, что и мы могли бы сыграть подольше. К сожалению, мы все имели настолько разный опыт и настолько разные представления о том, как правильно следует делать дело, как правильно себя подавать и как правильно оценивать ситуацию, что понять друг друга нам было практически невозможно.

Мне было очень приятно снова встретиться с Питером Хэммилом. К сожалению, в этот раз он приехал один, и это было не одно и то же. После концерта мы все поехали на вечеринку в бар «Трибунал». Я не знал, что это за место, но не предполагал, что оно окажется настолько убогим. Поговорить с Питером нам толком не удалось, потому что прямо над нами висел громкоговоритель, а на соседних столах танцевали девушки. Когда нам принесли эротическое меню, я выждал паузу, подарил ему альбом *Вермишелей* и поспешил уйти. Бедный Питер провожал меня понимающим взглядом.

Неожиданно проявилась наша старая подруга Наташа Васильева, которая несколько лет назад уехала в Лондон. Она вышла замуж и решила начать свой бизнес. Как многие, кто не сразу отрывается от корней, она хотела

наладить мостик с Россией и решила основать лейбл «Whitehorse», который будет выпускать русскую музыку. В свое время она была рок-фотографом, и у нее имелись свои привязанности. *Вермишель* попала в число групп, которые она решила выпустить, и в апреле вышел наш альбом *Анабасис*. К этому времени наши отношения с Сережей достигли критической точки, и мы были на грани того, чтобы расстаться. Помимо этого в оркестре происходили и другие перемены. Основная проблема была с флейтистами. Поскольку все они были заняты в разных оркестрах, Сереже иногда приходилось репетировать сразу с двумя, чтобы предложение выступить не застало нас врасплох. Происходили смены барабанщиков, и неожиданно материализовался Петя Троценков. При этом перкуссионист Олег Шавкунов, который играл в *Вермишелях*, только поступил на службу в *Аквариум*. Таким образом, у нас уже было значительное число людей, прошедших через это горнило, и получалось так, что мы неизбежно оказывались в курсе того, что происходит с Бобом и группой, которую он называл *Аквариумом*. Этот факт по-прежнему вызывал недоумение и у бывших участников, у и тех, кто только поступил туда на службу. Те, кто играл там после смерти группы, обычно испытывали неловкость при встрече со мной и, наверное, с другими. Им почему-то хотелось извиняться, дескать, они ни при чем, это все Борис Борисович, да к тому же они уверены, что это продлится недолго и что с нового сезона контракт с ними, скорее всего, продлен не будет. Это было неприятно слышать. Неужели Боб действительно не замечал того, что музыкантам неинтересно с ним играть и что их удерживает только громкое имя группы и стабильный заработок?

В мае в Нью-Йорке состоялся фестиваль SKIF-2. Дэвид Гросс решил сохранить название, предложенное Борей

Райскиным, сократив его до лаконичного SKIF. Таким образом, этим фестивалем имени Курехина он отдавал дань и Боре Райскину. Мы опять поехали с Настей и Лизой. Дэвид также пригласил *Колибри*, *TequilaJazz* и *Волковтрио*. Я прилетел на три дня раньше и остановился у Дэвида. Поездка в Нью-Йорк — это всегда приключение, и я был рад, что на сей раз оказался там в хорошей компании. Аркаша Кириченко, трубач из группы *Три О*, работал таксистом, и мы поехали с ним встречать русскую делегацию. Всех прибывших мы отправили в город, а в нашей машине поехали Женька Федоров, Андрияша Алякринский и Слава Курашов. Аркаша уже несколько лет работал таксистом в Нью-Йорке и, конечно же, много повидал. Он обладает своеобразным чувством юмора, и по пути из аэропорта он выбрал маршрут через Восточный Бруклин, один из самых мрачных районов Нью-Йорка, рассказывая всякие страшилки. Музыкантов *TequilaJazz* поселили в мансарде одного мексиканца по имени Сальваторе, в Трайбеко. Это лучшее место, которое можно было найти. Все жили в одном большом пространстве с выходом на крышу, откуда открывался фантастический вид. Там было удобно готовить еду и вообще жить. Хозяин выходил на улицу только для того, чтобы поменять фильмы, которые он смотрел целый день. У него всегда имелась отличная трава, которой он охотно угощал русских гостей. Но самое интересное, что родом он был из деревни Tequila. Но даже ради таких странных гостей выходить из дома, чтобы посетить концерт, было выше его сил. По совместительству Сэл был еще и «директором Марса» — он владел патентом на изображение странного лица, которое можно увидеть при большом увеличении фотографии Марса.

Приехал Славка из Монреаля и тут же поселился вместе с ними, а Ливерпулец в этот раз приехать не смог.

Настя с Лизой и девушки из *Колибри* жили этажом выше в более комфортабельных условиях, но они были в дурном настроении; теплые отношения с ними как-то не сложились, и мы тусовались раздельно. В первый же вечер мы с *Текилой* пошли гулять и зашли в «CBGB». Играли какие-то средние группы, но все ребята были в восторге. На следующее утро, когда мы просто болтались, мы снова зашли в «CBGB» и «Continental», оставили свои CD и в обоих клубах мгновенно сговорились о концертах.

Фестиваль проходил в моем любимом клубе «Cooler», и почти на всех концертах был аншлаг. Дэвид был счастлив. Мне дико понравился Отомо Йошихиде, которого я уже слышал в Петербурге, и группа *Silver Apples*. Их оказалось всего два человека, и один из них играл на синтезаторе, сконструированном им самим еще в шестидесятые годы. Звук был невероятный, но меня больше всего потряс барабанщик, который играл с фантастическим драйвом. На концерт *Колибри* пришел Бенни Кэй, музыкант, который участвовал в записи альбома *Лилит*. Мы разговорились. Он пригласил меня пообедать, и, естественно, разговор зашел о нашем хорошем знакомом. Бенни подарил мне версию альбома под названием *Black Moon*, на запись которого он был приглашен как продюсер. Но, к сожалению, Боб об этом позабыл и, вернувшись в Россию, выпустил свою версию альбома, забыв упомянуть Бенни Кэя. Когда же Бенни только закончил мастеринг, этот альбом уже появился на Брайтон-Бич. Этот альбом меня интересовал не только потому, что там играла группа *The Band*. Мне всегда было интересно послушать, что делает Боб в любом составе. Как правило, не имея новых собственно музыкальных идей, он прибегал к давно испытанному способу смены состава. И в данном случае *The Band* выглядел всего лишь новым составом

Аквариума. Конечно же, каждая группа имеет свою ауру и свое звучание. Но я думаю, что такую ауру имела и группа *Аквариум*, которая ничем существенным от *The Band* не отличалась, просто это была такая группа *The Band*, которая жила и развивалась в других условиях. Мы даже поговорили с Бенни о том, почему бы Бобу Дилану не записать свой следующий альбом с *Аквариумом*. Причем Бенни высказал предположение, что результат мог бы быть не хуже. Другое дело, что эта группа на сегодняшний момент представляла. Я с безмерным уважением отношусь ко всем тем музыкантам, которых Боб одарил этим именем. И никогда не позволю себе бестактность лишить кого-либо этого имени. Поэтому отобрать какой-нибудь вариант состава для такого проекта я не смог бы. Оставим подобного рода привилегию за Бобом. Да и вступать с ним в единоборство было бы глупо.

Я пытался воспользоваться ситуацией и сделать промоушн *Вермишели*. Бенни Кэй предложил отправить пластинку Полу Уинтеру. Я отнес пластинки в World Music Institute и Дэвиду Бирну в «Todo Mundo». К сожалению, самого Дэвида не оказалось в городе. Также я встречался с журналистом Ларри Бернбаумом, который пишет для журнала «Rythm Music». Он послушал альбом и сказал, что с удовольствием написал бы рецензию, но, коль скоро у «Whitehorse» нет дистрибьюции в Америке, писать бессмысленно. Также мы с Дэвидом Гроссом ходили на американское отделение «Shanachie» к Тайсону Догерти, который приходил на концерт *Tequilajazzz*. Но, к сожалению, ни от кого из них я не получил никаких ответов. А бомбить людей я не умею, хотя в Америке, говорят, принято напоминать о себе.

Андрюша Алякринский повел себя самым странным образом — он вдруг захандрил и попросил меня помешать билет, чтобы улететь раньше. Это было труднообъ-

яснимо. Естественно, в нашей компании проявился Димка Гусев. К сожалению, они расстались с Гулей, но продолжали играть вместе. Их дети повзрослели, и старший сын Гленн очень эффектно играл на барабанах. Димка, будучи всегда полон планов, предложил сделать импровизированный концерт на крыше у Сальваторе. Они притащили барабаны и два комбика и среди бела дня устроили джем на крыше. Прямо как в *Let It Be*. Я, к сожалению, на нем не был, поскольку должен был ехать в агентство менять билеты, потому что *Колибри* решили остаться на неделю. Говорят, что через десять минут появился полицейский вертолет, который повисел, подумал, да и полетел дальше. *Tequilajazzz* сыграла в абсолютно пустом клубе «Continental» и при немногочисленном скоплении русских в «СВГВ», после чего все абсолютно счастливые полетели домой.

По приезде я сразу приступил к репетициям. В июне Антея Ино предложила *Вермишели* сыграть в одном концерте с Майклом Найманом во Дворце Белосельских-Белозерских. С Найманом приехал Артем Троицкий, и заранее было оговорено, что мы должны играть не более сорока минут. Но Сережа был готов рубиться за каждую минуту и предлагал сыграть минут пятьдесят. Убеждать его в обратном было бессмысленно. Репетируя на Орбели, мы пытались прохронометрировать программу, но в процессе поссорились из-за того, что в паузе я завел разговор с Олегом о том, что мне на Пушкинской, 10, предложили снять репетиционную точку. Это почему-то вызвало гнев Сережи, и на этом репетиция закончилась. Концерт мы все-таки сыграли, но он был никаким, все пришли на Майкла Наймана. Так всегда бывает, когда ты играешь на разогреве, и всегда нужно чувствовать тот момент, когда люди теряют внимание, потому что они пришли за другим. Мы же затянули минут на пятьдесят.

Артем Троицкий делал мне знаки, что пора заканчивать, но Сережа этого, конечно, не видел. Впрочем, если бы я попробовал ему подсказать, что мы уже переиграли, то вызвал бы его гнев. Мы играли очень громко и долго и перетянули баланс на себя. Майкл Найман во втором отделении, один играя на фортепьяно, показался скучным. К тому же рояль был не в порядке, и в антракте между нашими выступлениями его долго пытались подстроить. В тот же день я уехал в Москву, и мне удалось сходить на концерт Наймана в Большом зале Консерватории, где он играл уже со своим оркестром, от чего я был в полном восторге. Я видел и слышал, как мог бы звучать наш оркестр.

Но мне уже было не суждено в нем играть. Когда я вернулся из Москвы, то случайно встретил своего тренера по теннису Иру Варфоломееву. Мы давно не виделись и разговорились. У нее уже было двое детей, и она давно не тренировала. Она поселилась в Лисьем Носу и неподалеку от дома, в Александровской, нашла корты и подыскивала кого-нибудь на работу. В теннис я прекратил играть с тех пор, как закрылось наше место на Каменном острове, но поскольку я не имел никаких планов, то решил заехать к ней посмотреть. Приехав туда, я сразу согласился работать. Таким образом начался новый этап моей жизни. В очередной раз я взялся за лопату и почувствовал огромное облегчение. Оказывается, я очень устал от музыки. Последняя фаза репетиций с *Вермишелью* совершенно выбила меня из колеи, и после первой недели работы я позвонил Сереже и заявил о своем уходе. Он этого ожидал и не был удивлен. Впервые за несколько месяцев мы говорили спокойно. Мы оба надеялись, что через некоторое время сможем восстановить по крайней мере наши дружеские отношения.

Корты находились на территории мотеля «Ретур», который расположен прямо на берегу залива, сразу за

дамбой. Наверное, это не самое красивое место на побережье, но зато оно оказалось совершенно спокойным. На территории мотеля был полный набор буржуазных развлечений — ресторан, шашлыки, бар, бильярд, баня и открытый бассейн. Пожалуй, самым привлекательным в этом месте являлось наличие бассейна, которые еще не получили широкого распространения в России. Корты были в состоянии средней запущенности, и в первую очередь надо было привести их в порядок. Ирина рассчитывала постепенно перетянуть туда теннисную тусовку из города, что оказалось не так легко. В городе было полно кортов, и к этому времени расценки на аренду настолько взвинтили, что предложение стало превышать спрос. Отдыхающие же в мотеле играли крайне редко, и почти никто не приезжал туда специально поиграть в теннис из города, что оказалось существенным фактором для меня и Лены. Место охранялось, и хотя вход туда был свободный, это отпугивало местных жителей. За долгие годы я немного устал от постоянной тусовки и в этом случае значительным плюсом была достаточная удаленность от города. Нам же добираться было очень удобно, поскольку мы живем недалеко от Ланской, и дорога занимала всего час. Поскольку моим работодателем была Ирина, я не имел никакого отношения собственно к мотелю, и мы могли не вступать ни в какие отношения с его администрацией, главное было просто соблюдать дистанцию. Как обычно, мы стали обзаводиться своим хозяйством. Почти все время, когда Лена бывала свободна, мы туда ездили вместе. Мы привыкли к кочевому образу жизни, и это нас абсолютно устраивало. Единственным неудобством было то, что у нас не было никакого навеса, и в случае дождя приходилось укрываться в кафе. Я стал немного тренироваться и быстро восстановил какую-то форму. Больше я ничего не хотел делать.

Но к этому времени Настя Курехина получила грант от Фонда Сороса на проведение фестиваля, и пора было приступить к его подготовке. Она рассталась со своими помощницами, и получалось так, что почти всей организацией предстояло заниматься мне. Но единственным местом, где мне хотелось быть, была Александровская. Конечно же, мы виделись с друзьями; когда мы уже обосновались, то решили устроить традиционный велопробег, на который собралось человек двадцать, и все прикатили в мотель. Мы до вечера валяли дурака, и я думал, что мне это поставят на вид, но все обошлось, и постепенно вернулось на круги своя — место стало работать независимо от нас. наших многочисленных знакомых не смущало расстояние, все время кто-нибудь приезжал, и таким образом на нашей «даче» стала опять концентрироваться тусовка.

Несколько лет после смерти брата Андрея я собирался съездить в Москву со своими племянниками. Они успели вырасти, но тут наконец появился подходящий повод для осуществления задуманного — в Москву приезжали *Rolling Stones*. Конечно же, я поехал бы в любом случае и предполагал взять с собой Василия. Но когда племянница Ольга узнала, что мы едем, она настояла на том, чтобы мы взяли ее с собой. Алик Кан приехал в Москву в командировку, и я попросил его купить мне три билета. Накануне отъезда я узнал, что наша подруга Катя Голицина будет работать переводчицей у менеджера *Stones* Руперта Лоуенштейна, и я попросил ее, если будет возможность, купить билеты с более удобными местами. На вокзале мы встретили массу знакомого народа, который пробирался в Москву. Не надо было спрашивать — понятно, что все ехали на *Rolling Stones*. Мы встретили Севу Грача, который с компанией метался по платформе, пытаясь договориться с проводниками. Я опрометчиво сказал, в ка-

ком вагоне мы едем, и, когда мы уже трогались, в наш плацкартный вагон ввалилась вся их компания во главе с дьяконом, отцом Александром. Они сговорились с проводником, и, пока тот разбирался куда их поместить, они дружно расположились в нашем купе и стали пить. Через некоторое время мы все же предприняли попытку лечь, но они так и остались. Иногда я просыпался от того, что у меня в ногах нестройный хор тихо мурлыкал:

Hey, hey, hey,
That's what I say...

Но это меня почему-то не возмущало. В эту ночь всем можно было всё простить. Рассчитывая на то, что у меня будут билеты с хорошими местами, я собирался продать те, что мне купил Алик, и обрадовался, когда Грач охотно согласился их купить. Правда, деньги он обещал отдать по возвращении домой, что вселяло в меня некоторые подозрения. Когда мы приехали и позвонили Кате, выяснилось, что она сумела достать нам персональные проходки с очень дорогими, но бесплатными для нас билетами. Весь день шел дождь, но мы поехали в парк Горького кататься на каруселях и американских горах, ведь мы столько лет планировали эту поездку. Потом мы отправились на Арбат и, когда проголодались, съели какую-то несъедобную дешевую пиццу в расчете на то, что до поезда нам будет уже негде поесть. В означенный час мы приехали в гостиницу «Балчуг Кемпински». Нас встретили Катя с Иваном Бахуриным, который приехал к ней на несколько дней, и Алик Кан. Но, к сожалению, Алику не достался пропуск, и на концерт он пошел самостоятельно. Группа уже уехала на саундчек, а мы погрузились в автобус со всеми родственниками участников группы и гостями. Мы подъехали прямо к стадиону и пошли по коридорам, где снова обслуживающий персонал. Были

открыты все двери, и мне было интересно видеть всю эту кухню изнутри. Мы проходили мимо гигантской залы, которая служила гардеробом группы и где висели тысячи костюмов — их артисты комбинировали по ходу годичного тура. Первым человеком, который стоял возле тента, где расположились музыканты, был Чарли Уоттс. Он оказался маленьким дядечкой, и мне очень хотелось задержаться, но все прошли мимо, как будто это был рабочий сцены. Все гости отправились в бар, который группа привезла с собой. Проводя полжизни в турах, они привыкли окружать себя достаточным комфортом. У них была целая служба декораторов, которые организовывали пространство, где им было бы удобно находиться. С ними ездили повара, которые готовили еду для них и всех гостей группы. Это было пространство, куда не допускаются журналисты и тусовщики, а место, в котором группа хочет видеть только своих друзей. Таким образом, мы оказались в святой святых. Было удивительно находиться среди такого большого числа людей и не встретить никого из знакомых. Единственным человеком, которого я узнал, оказался Бари Алибасов, который сидел в окружении юных блондинов. Он посмотрел в мою сторону, и я не понял, узнал ли он меня. Мы с ним познакомились еще на фестивале в Тбилиси восемнадцать лет назад, и за это время прожили очень разные жизни. Я не являюсь поклонником его питомцев, но не подойти к нему было бы глупо. Тем более что ситуация была настолько иррациональная, что можно было совершать любые безрассудные действия. Он наконец узнал меня и для приличия спросил, как я поживаю. Было бессмысленно рассказывать, как у меня дела, и на этом наш разговор был исчерпан. Там оказалось такое количество вкусной еды, что мы с горечью вспоминали про пищу, которая до сих пор еще стояла поперек горла. Но отступать было

нельзя, и мы кинулись дегустировать. Когда я накладывал себе очередную порцию салата с артишоками, то лицом к лицу столкнулся с Китом Ричардсом, и тарелка чуть не выпала у меня из рук. Он улыбнулся и сказал: «Hi!» Я ответил: «Hi!» Когда мы перешли к десерту, начал играть *Сплин*, выступление которого можно было смотреть по гигантскому телевизору. Но я уже не понимал, что происходит, и забыл, зачем мы приехали и где оказались. Когда все же мы свыклись с ситуацией и стали чувствовать себя уверенней, Катя представила меня Мику Джаггеру как музыканта из Петербурга. Он переспросил еще раз мое имя и сказал: «Hi, Sieva!» Я же потерял дар речи и опомнился, уже когда объявили их выход на сцену и всех гостей попросили удалиться. Ольга вышла в туалет и потерялась, и мы с Васей пошли на свою трибуну, надеясь найти ее там. Шел проливной дождь. Проходя через полупустое поле, мы решили, что нет смысла идти на трибуны, когда мы пришли на концерт *Rolling Stones*, а сцена так близко. Я знал, что в середине будет сюрприз, и знал, в чем он заключается, поэтому мы расположились прямо перед малой сценой, на которую они перекидывают мост. Нет смысла рассказывать о том, каким был концерт, об этом уже было много написано. Сказав, что это был лучший концерт в моей жизни, я может быть, и слухавлю. Я очень восторженный человек, и все концерты, которые я видел, были лучшими концертами в моей жизни. Но этот концерт был особенным, ведь всего полчаса назад Мик Джаггер смотрел мне прямо в глаза. И в этот день, находясь среди тысяч людей, я знал, что этот концерт для меня. Неожиданно в толпе перед собой я увидел дьякона Александра, который прыгал и вместе со всеми подпевал. Мы были абсолютно мокрыми и счастливыми и жалели только, что с нами нет Оли. Слава богу, она оказалась благоразумной и ждала нас

при выходе со своей трибуны. После выяснилось, что в десяти метрах от нас с обратной стороны малой сцены были Алик Кан вместе с Плюхой.

О Плюхе нужно сказать особо. Как-то, приехав в Белоостров, я решил зайти к нему. Мы выросли в одном дачном поселке, но в разное время. Я лет на десять старше его, и мы почти не пересекались, но оба сохранили романтическое отношение к этому месту. Иногда мы встречались в городе, но никогда не дружили. Несколько лет Плюха прожил в Москве, где играл в группе *Лолита*. К сожалению, я не застал эту группу во время ее московского периода, но один раз они попытались сыграть в «ТaMтAme» в слегка усеченном составе. Но количество выпитого перед выходом на сцену превысило разумную дозу, и музыканты группы, похоже, плохо слышали друг друга. Прекрасный знаток музыки и настоящий коллекционер пластинок, несколько лет назад Плюха основал магазин «Нирвана» на Пушкинской, 10, который стал самым интересным музыкальным магазином города. Я еще был весь полон своими впечатлениями от последних концертов, и мы с ним попили чаю, обменявшись впечатлениями. Это было урожайное лето, незадолго до этого приезжал Ринго Старр, на концерт которого мы ходили с Леной. Это тоже было очень трогательно, правда, этот концерт у меня не вызвал никакой ассоциации с *Beatles*, а скорее походил на васинский праздник. Кстати, Васин сидел прямо перед нами и ворчал, что другие музыканты слишком много поют. Джек Брюс оказался очень смешным, и, когда он пел *White Room*, это выглядело как-то карикатурно: он почему-то пытался заводить зал, хотя зрители и так были в состоянии абсолютной готовности и покорности — что сразу стало видно, когда запел Гари Брукер. Таким образом, кульминацией концерта стала *A Whiter Shade*

of Pale. Получилось, что для меня этот концерт прошел под девизом «*Procol Harum forever!*».

Саша Кострикин не оставил идеи восстановления Молодежного центра и получил новое помещение, почти прямо напротив старого. Как это часто бывает в этой стране, старое помещение так и стояло пустым. Каким-то образом Плюха оказался вовлечен в деятельность новоиспеченного ВМЦ. Он был полон энергии и воодушевился новой идеей. Я же рассказал ему про фестиваль, который мы делаем с Настей Курехиной. Плюха заинтересовался и предложил свою помощь, которую я охотно принял. Я познакомил его с Настей, хотя они уже много лет были знакомы, и скоро к нам также присоединился Паша Литвинов. Мне стало значительно легче. Я очень любил Сергея и безмерно уважаю Настю. Но в эти годы, что я оказался вовлечен в эту деятельность, я всегда искал повод уйти. Делом моей жизни этот фестиваль по многим причинам стать не сможет, и я никогда не смогу воспринимать его как свою работу. Поэтому я был очень рад, когда встретил людей, которые оказались готовы разделить эту ответственность со мной. Мы уже имели опыт двух фестивалей в Нью-Йорке, но каким должен быть фестиваль в России, до последнего момента оставалось загадкой. Мы начали фантазировать и постепенно разработали концепцию. Уже были концерты и другие мероприятия памяти Сергея, наверное, будут еще. Этот фестиваль должен был стать фестивалем не памяти Сергея, а фестивалем, носящим его имя. И эти фестивали теряют всякий смысл, если они не дадут взойти росткам всего нового и самобытного, что рождается в этом городе. *Поп-механика* включала в себя все жанры современной музыки, которые Курехин смешивал с традиционными формами, военными оркестрами, циркачами, фокусниками и животными. Мы же решили дать возможность

всем этим элементам существовать параллельно в одном пространстве, но в своем времени и темпе, подчиняясь внутреннему закону жанра. При этом никто не должен брать на себя функцию дирижера и режиссера. В этом была мера отношения к гению Курехина. Только он один мог свести все воедино и сделать из этих элементов произведение искусства. Мы собрали все самое живое, странное и причудливое, что попало в поле нашего зрения, и пригласили всех старых дружков, которые участвовали в *Поп-механиках*. Таким образом, во Дворце молодежи состоялся странный фестиваль. Много получилось не так, много было неточностей и технических сбоях, но в целом нам удалось воссоздать атмосферу мира, в котором жил и творил наш великий современник.

Незадолго до фестиваля мы встретились со Щураковым и решили, что по прошествии некоторого времени можем снова попробовать играть вместе. И *Vermicelli Orchestra* тоже выступил на фестивале. У меня не было времени как следует разыграться и почти не было времени для репетиций. И хотя без меня они сделали только одну новую песню, Сережа решил, что я смогу выйти на сцену и присоединиться к оркестру лишь на трех последних песнях. Я был немного удивлен, но не возражал. После фестиваля я присоединился к группе, и мы снова начали репетировать. За это время они нашли точку в районной библиотеке для ветеранов на улице Рубинштейна, прямо напротив Рок-клуба. Все шло своим чередом, но в конце октября семью Настю постигло еще одно большое горе. В результате несчастного случая скоропостижно скончалась ее дочь Лиза. Ее отпели в том же храме Спаса Нерукотворного Образа, что и ее отца, и похоронили рядом с ним, на кладбище в Комарово. На похоронах были все друзья Сергея, которые пришли поддержать Настю и предложить ей дружескую помощь. Бедная

Настя стоически перенесла этот удар судьбы, но для нее все потеряло смысл. Казалось, то, что она затеяла во имя Сергея, было зря. Что тот источник, из которого она черпала силы все эти годы, иссяк. Но жизнь продолжалась, и ей нужно было собраться, чтобы снова начать жить ради сына Федора, ее единственной отдушины. Никто из нас не верил, что у Насти достанет сил продолжать деятельность, связанную с Фондом и организацией фестивалей. И мы все были восхищены ею, когда через некоторое время она, мобилизовав все силы, решила продолжать. Это еще больше сплотило вокруг нее друзей Сергея, которые постепенно стали и ее друзьями.

Между тем мой бесконечный ремонт зашел в тупик, я вынужден был расстаться с Денисом и нашел новых рабочих. Также туда въехал Витя Волков с сыном Жорой, которые стали помогать с ремонтом и следить за порядком. Я почти каждый день ездил на Восстания и везде наткнулся на афиши концертов *Бориса Гребенщикова и группы Аквариум*. Это было какое-то наваждение. Как-то я ехал в метро, и при выходе на станции «Лесная» меня сдавило в толпе. Прямо над моей головой из плоского аквариума, который водрузили на будку тетечки-контролера, на меня взирал мой старый друг, который почему-то выглядел лет на десять моложе. Так меня мотало несколько минут, пока наконец не втянуло на эскалатор. И тут среди прочей рекламной ерунды, которой забивают голову, я услышал, что в Большом концертном зале «Октябрьский» состоятся традиционные рождественские концерты классического *Аквариума* с программой *Электрический пес*. Мне стало очень грустно от того, что постепенно переписывается история. Та группа, с которой Боб сейчас играет, уже стала классической, только между ним и ею появилась буква «и». По счастью, мы не дожили вместе до того дня, когда нас стала разделять эта

буква. Я вернулся домой и написал Бобу электронное письмо. Писать оказалось легко, хотя поначалу я не мог себе представить, что мы когда-нибудь смогли бы говорить о том, что он делает и почему он делает это именно так. Его же никогда не интересовало то, что делаю я или кто-то из нас. Он неожиданно быстро ответил. Впервые за много лет появилась эмоция. Казалось, он был искренне рад, что мы случайно нашли способ общаться. Однако мои вопросы заставили его защищаться, и долго это не могло продолжаться: мы быстро исчерпали все темы возможного разговора, и наша переписка оборвалась. Это был конец. Скорее всего, это конец нашей дружбы. Почему она кончилась именно так, я не знаю. И почему я среагировал так именно в этот момент времени, тоже непонятно. Ведь прошло столько лет, и мы хоть редко, но пересекались. Думаю, все дело было в убийственной интонации, с которой эти концерты объявляли в метро. Это был итог, это был финал, это было то, ради чего стоило делать все это, все те и эти годы. Жалко, что Боб не ездит на метро, я посоветовал бы ему разок спуститься и послушать.

За то время, что я не играл в оркестре, Сережа пригласил виолончелиста Васю Попова из заслуженного оркестра Филармонии. Он ознакомился со всеми партиями и должен был принять участие в записи второго альбома. Но у него не было времени репетировать с оркестром и выступить, так что Сережа продолжал репетировать со мной. Наши отношения были лояльными, но что-то безвозвратно ушло, и никакой теплоты не возникало. Все зависело только от его настроения. Он был в постоянном напряжении и мог сорваться в любую минуту. Сразу после Нового девяносто девятого года предстояла запись нового альбома. Сережа сразу оговорил, что я буду играть только в одной песне. Я знал, что мо-

гу и больше, но не стал настаивать. Запись проходила на «Мелодии», и звукорежиссером был наш старый друг Саша Докшин. Сережа приглашал меня приезжать в студию в процессе записи, но я не вникал в происходящее, а просто ждал своей очереди.

Глава четвертая

Была зима, мы ждали больших перемен в нашей семье. Я уже достаточно хорошо представлял себе, что такое домашние роды. Я прочел несколько книг, а по субботам мы с Леной вместе ходили в бассейн, где с будущими мамами они занимаются гимнастикой и дыхательными упражнениями. Нет более умиротворенной картины, нежели много беременных женщин. Это настолько умиротворяюще на меня подействовало, что я даже решил пойти с ней и в баню. У меня давно сложилось неприятие бани как способа времяпрепровождения, еще с армии, хотя там это было вызвано необходимостью. Раза два я за компанию ходил в баню на Фонарном, куда ходили мои дружки. Там был бар с телевизором, до тошноты пахло жареной курицей, вокруг со знанием дела парились мужики, которые матерились и пили пиво и водку. Разделять их радость я не мог. Когда же мы пришли в эту баню, я был совершенно очарован царившей там атмосферой. «Колыбелька» арендует два этажа простой районной бани, которая не имеет никакого специального интерьера и сервиса. Все привычно убого, но это никого не смущает. Там две парилки, два детских бассейна и один глубокий, для взрослых. Это не похоже на семейные бани, поскольку все приходит в купальниках. Девушки накрывают большой импровизированный стол,

составленный из того, что удалось найти, и весь вечер пьется чай. Каждый раз приходит около пятидесяти семей с детьми и будущие родители. Мамочки с животиками проходят осмотр, а потом идут в большой бассейн заниматься гимнастикой. Остальные весь вечер купаются с детьми или просто пьют чай, чередуя это с умеренной парилкой. Все помогают молодым мамам с новорожденными, а более опытные родители занимаются гимнастикой с детьми. Появление на свет каждого нового ребенка для всех праздник. И почти каждый раз справляется чей-то день рождения. Я сразу ощутил, что попал в ту среду, которой мне по жизни не хватало. И постепенно почувствовал вкус и к парилке, и к бане как таковой, но все равно самым главным было ощущение, которое ты там получаешь, и твой собственный настрой, когда просто собираешься туда пойти.

И вот, когда я находился в этом блаженном состоянии, меня ждала подножка. Когда я без особых дел брел по Загородному проспекту, то, сделав шаг в сторону, поскользнулся на мраморных ступеньках магазина и упал на локоть. От удара о ступеньку у меня выбило левое плечо. Пока я ждал «скорую помощь», я чуть не потерял сознание от боли. Меня отвезли в больницу, где под наркозом вправили плечо, и я немного пришел в себя. Но снимок показал отрывной перелом кортикальной пластинки большого бугорка, и меня на месяц заковали в гипс. Ко всему прочему оказался порван локтевой нерв, и два пальца потеряли чувствительность. Это была катастрофа. Я оказался абсолютно беспомощен. Речь шла не о том, что я не приму участие в записи, и даже не о том, что я больше не смогу играть на виолончели, а о том, смогу ли я вообще владеть рукой.

Я обратился за помощью в Первый медицинский к Артуру Ахметсафину, крупному специалисту в облас-

ти неврологии, который уже давно курирует всех нервных музыкантов. Он сделал мне повторный снимок и сказал, что в лучшем случае на восстановление уйдет год. Ничего поделать в этой ситуации было нельзя. Это была одна из самых неприятных травм для музыканта. Сережа Щураков тоже очень расстроился. На середину марта была намечена поездка в Москву, и он хотел, чтобы мы с Васей Поповым там играли в две виолончели. Мы уже один раз так попробовали, и получилось симпатично, это значительно обогащало звук группы. Но об этом пока следовало забыть. Меня ждало куда более значительное событие.

В середине февраля у нас с Леной родилась дочь Екатерина. Конечно же, мы рожали дома, при помощи ее подруг акушерок Лены Ермаковой и Лиды Шендеровой. Этот был самый значительный и самый прекрасный день моей жизни. Я был немного возбужден и страдал от собственной беспомощности и от того, что именно в этот день, к которому мы так долго вместе с Леной готовились, я оказался наполовину выключен. Но к тому моменту, когда приехали девушки, установили бассейн и мы стали спокойно готовиться к родам, у меня наступил полный покой. В самые радостные моменты моей жизни я всегда слушал *Beatles*. И конечно же и в этот торжественный день я поставил свою любимую пластинку *Help!*, а потом *Beatles For Sale* и *Beach Boys — Pet Sounds*. Лена была так прекрасна, как может быть прекрасна женщина в этот самый важный период своей жизни — момент родов. Радостное возбуждение заставило меня забыть о собственной боли и о неудобствах, связанных с гипсом. Через несколько минут после рождения девочки, когда она погрузилась в первый сон, девушки помогли мне снять гипс и положили дочь ко мне на грудь. Я не мог сдержать слезы сча-

стью — радость ожидания, помноженную на радость рождения, может постичь только женщина, но для мужчины ничто не сравнимо с той радостью, которую он испытывает, когда ощущает тепло и дыхание своего ребенка в первые минуты его жизни. Вся предыдущая жизнь со всеми ее перипетиями отошла в прошлое. Наступило настоящее.

Первые дни я почти не выходил из дома. На Лену легла двойная нагрузка. Чтобы отправить меня в магазин или гулять с ребенком, ей надо было сначала одеть меня. Но постепенно я приспособился все делать одной рукой и пытался разгрузить Лену. Единственное, чего пока я не мог, это купать девочку и заниматься с ней гимнастикой. Но уже с третьей недели мы с Леной и Катей стали ходить в баню. Мы снимали гипс, и я, кое-как придерживая руку, мог самостоятельно греться и мыться. Правда, чтобы облиться холодной водой, мне нужно было просить кого-нибудь из друзей, благо туда ходят *Маркшейдера*. У Егорыча с Любой тремя неделями раньше родился сын Ваня, а дочери Ефра и Ольги Ксюше было уже полгода. Примерно столько же было Рюрику, сыну Олега Шавкунова и Натальи. И все мы регулярно встречались в бане.

Дома я тоже снимал гипс и, подвязывая руку платком, привыкал к своему состоянию. Такие вынужденные остановки в жизни обычно настраивают на философский лад. Однажды, размышляя над своей жизнью, я вдруг почувствовал импульс написать воспоминания для того, чтобы окончательно освободиться от бремени прошлого. Я в этом не имел никакого опыта, но решил попробовать. Делать это одной рукой оказалось не так удобно, но постепенно и на компьютере я приспособился печатать одной рукой.

Уже в конце февраля я начал пробовать заниматься на виолончели. Это трудно было назвать игрой. Я с трудом нажимал на струны — пальцы были как сосиски. Но день ото дня я стал замечать, что к ним постепенно возвращается чувствительность. Ускорить физические процессы очень трудно, нервы восстанавливаются с определенной скоростью. И хотя я еще долго не чувствовал пальцев, я приноровился регулировать нажатие на струну и более-менее разыгрался. Через некоторое время, хотя я еще не мог поднимать плечо, я попытался присоединиться к оркестру. За это время в оркестре появился новый виолончелист Володя Юнович. Сережа все-таки решил сделать струнную группу и планировал поехать в Москву в расширенном составе. Даже если бы я был в лучшей форме, мне пришлось бы долго сыграваться с Володей. Но он оказался чрезвычайно приятным человеком и очень меня поддержал. У нас совершенно разный звук, но при синхронной игре это дает интересную краску. Большой проблемой оказалось то, что, играя всю жизнь один, я разучился обращать внимание на штрихи и всегда играл так, как мне было удобно и как подсказывала интуиция. Теперь над этим надо было отдельно работать. Поскольку Сережа плохо видит, я всегда переписывал ноты, которые он мне давал, чтобы мне самому было удобно их читать. И мне очень нравилось сидеть вечерами и тушью писать свои партии. Почти весь материал я уже давно знал наизусть, но за время игры в оркестре привык ставить перед собой ноты. Правда, несколько песен я все-таки играл на слух. Кое-как мы разобрались со штрихами, но я все равно иногда отвлекался и сбивался, и Володе все время приходилось меня ловить. Слава богу, что хотя бы этого Сергей не видел. Мы собрали всю программу и достаточно удачно

съездили в Москву. Концерты показали, что мы с Володей можем сыграть, и тогда это будет по-настоящему интересно. По возвращении я смог сыграть на записи в одной песне, как это и планировал Сережа еще до моих проблем со здоровьем. Но говорить о том, что я полностью разработал руку, было еще рано. Я и сейчас владею ею процентов на восемьдесят. Как только сошел снег, я сразу же сел на велосипед. Это оказалось тоже непросто, потому что рука разгибалась ровно на тот угол, чтобы я мог вытянуть ее вперед и упереть в руль чисто символически. Но это было хорошим тренингом и позволило мне немного укрепить сустав.

К весне мне наконец удалось закончить ремонт в квартире на Восстания, и мой друг Димка (Джон) Иванов предложил мне сразу же устроить квартирную выставку и тем самым вдохнуть жизнь в пустую бездушную квартиру. Они собрали пятнадцать художников, назвали акцию «Изо Деризо», сделали буклет, и мы выбрали подходящую дату. Единственное условие, которое я им поставил, чтобы выставка не кончилась трехдневным пьянством. Но все прошло очень чинно. В первый день пришло человек сто пятьдесят. А на второй и третий день мы приехали с Леной и Катей и устроили что-то типа новоселья и знакомства с нашей дочерью. По счастью, в эти дни приходили в основном друзья, и мы просто пили чай. Витя Волков тогда уехал в Амстердам писать альбом с Женей Губерманом, и я надеялся, что до его приезда мне удастся сдать эту квартиру. На всякий случай я его предупредил, что по возвращении он должен будет подыскать себе другое жилье.

Алексей, как я и предполагал, поменял свою комнату на меньшую с доплатой. И вокруг него уже крутились какие-то жулики, которые предлагали ему обмен за город.

Он уверял меня, что без совета со мной ни на что не согласится, но в итоге соглашался. Под очередные свои сделки он продолжал занимать у меня деньги, которые я в свою очередь занимал в процессе всей эпопеи с разменом и ремонтом. Наши отношения нормализовались настолько, насколько они могут быть нормальными между чужими людьми. То есть они были никакими, зато из них исчезли элементы войны и тревоги за мать. Происходящее с Алексеем я уже был не властен остановить. Он выбрал этот путь и шел по нему уже очень давно.

Когда дело дошло до сведения альбома, Сережа пригласил меня в студию. Я не мог приезжать туда на каждую смену. Но почти каждый раз, присутствуя на записи, я замечал, что отношения Сережи с Сашей Докшиным стали принимать характер, очень похожий на тот, что был в свое время у нас с Сережей. Каждая ситуация развивалась по хорошо знакомому мне сценарию. Сережа мог что-то услышать или ему что-то казалось, и он тут же обижался и уже не мог избавиться от этой мысли настолько, что просто был не в состоянии ничего делать. Эта мысль доминировала над ситуацией, над здравым смыслом, и через некоторое время происходила реакция. Я ясно увидел, что причина нашего конфликта была не во мне. Меня это удручало, поскольку в этой ситуации я ничем не мог ему помочь. Мне очень хотелось, чтобы все было хорошо. Мы могли бы сложиться в хороший оркестр, невзирая на то, что не все музыканты имеют равный опыт и уровень владения своими инструментами. Но было очевидно одно: в таком составе мы не удержимся. И рано или поздно Сергея снова заклинит на меня. К моему великому сожалению, долго ждать не пришлось. Нам предстояла поездка в Ригу на музыкальный форум «Форте Рига». Сережа подписал контракт с «Богема Рекордз», они оплачивали

все расходы на поездку. Но оказалось, что ни один из флейтистов не может к нам присоединиться. Наше участие в фестивале было на грани срыва, и за несколько дней до отъезда Сережа нашел новую флейтистку Юлию Антипенко, с которой ему надо было отдельно разучить все партии, а потом успеть порепетировать со всем оркестром. Это был титанический труд, Сереже уже несколько раз приходилось вводить новых музыкантов и каждый раз заново репетировать всю программу. К тому же у нашего гитариста Наиля Кадырова и барабанщика Виталика Семенова не оказалось заграничных паспортов, и Сереже пришлось ввести еще и Илью Розовского на гитару и пригласить Петю Трощенко, который к этому времени уже был дублером и знал всю программу. Наконец все удалось собрать на живую нитку, и мы благополучно отбыли в Ригу. Я не был в Риге лет пятнадцать и был приятно удивлен тем, как она преобразилась, хотя в Петербурге произошли примерно такие же перемены. Фестиваль был прекрасно организован, и наше выступление должно было проходить в здании Старой Гильдии. Аппарат был великолепный, и концерт обещал быть неплохим. «Богема» представляла своих артистов; помимо нас выступали Шилклопер, Манукян и Кондаков. Концерт вел Алексей Баташов, с которым мы были знакомы уже много лет, но очень давно не виделись. Перед самым концертом он зашел к нам в гримерную и спросил меня, что я могу сказать о группе. Я в нескольких словах описал наш оркестр, но это вдруг вызвало такую бурную реакцию со стороны Сергея, что я мгновенно заткнулся и предпочел выйти из гримерной. Я знал, что это финал, что мы больше не сможем найти общий язык. Но, кое-как успокоившись, мы все-таки вместе вышли на сцену. Концерт был прекрасным по звуку. Но на протяжении всего нашего выступления меня не покидала

мысль, что это наш последний совместный концерт. Мы больше не возвращались к сути конфликта и не пытались его анализировать. Я просто замолчал. Любое мое слово могло оказаться неправильным или, по крайней мере, прийти не ко времени. Конфликт не развивался, но на обратном пути я, вероятно, какую-то фразу все-таки обронил и видел, что Сережа еле сдерживается, чтобы не сорваться. Он выходил курить каждые десять минут и, пока мы не легли спать, почти не заходил в наше купе. Мне деваться было некуда, я же не мог выйти по дороге. Когда мы приехали домой, мне позвонила его сестра Маша и сказала, что Сережа уже третий день рвет и мечет. Я попросил передать ему, что я тоже устал и не хочу более быть причиной его нервозности. Сережа позвонил мне и сказал, что, пожалуй, действительно будет лучше, если я все-таки уйду. Но ввиду того, что до конца сезона нам осталось отыграть несколько концертов, он попросил меня их сыграть. Это было бессмысленно, но я согласился.

Мы прекрасно съездили в Москву, бесконфликтно и с хорошим настроением. Потом сыграли на фестивале «Кук-арт» в Пушкине, выступили на презентации альбома с саундтреком к фильму «Господин оформитель», который выпустила Настя Курехина вместе с режиссером фильма Олегом Тепцовым. На этой презентации снова пробежала тень. Но нам оставался один концерт в клубе «JFC», и на этом можно было не акцентировать внимание, я даже забыл о нашем уговоре с Сережей. Но накануне концерта он мне позвонил и спросил, помню ли я, что этот концерт будет последним? Я заверил его, что помню. Мы сыграли этот концерт, он получился не лучше и не хуже многих других. Хороший оркестр, который хорошо играет красивую музыку. Но похоже на то, что это был мой последний концерт в этой жизни.

Глава пятая

Я вышел на свободу. Я почувствовал, что не хочу больше ничему учиться, не хочу соответствовать ничьим-то требованиям, ни чьей-то форме. Я больше не музыкант. Если когда-нибудь я встречу кого-то, с кем мне будет легко, может быть, я и смогу сыграть несколько нот. Но я не буду этого искать. Если этого не произойдет, ничего страшного. Я могу больше не играть. Я даже могу больше не слушать музыку. Все чаще я ловлю себя на мысли, что предпочитаю тишину.

Прошло полгода со времени прошлого фестиваля. Мы снова стали собираться у Насти — надо было приступить к подготовке очередного фестиваля, который мы планировали на октябрь. Но к этому моменту еще ничего не было понятно, не было ни грантов, ни спонсоров, ни копейки денег. Я хорошо представлял себе, что поиском всего этого придется заниматься все лето, и предложил перенести фестиваль на весну. По счастью, все охотно согласились, и я обрел лето свободы.

Я снова устроился в Александровскую. Там было все понятно, я знал свое дело. Мне никто не говорил, что и как делать. И меня вполне устраивало мое занятие. К тому же в этом году нам это было удобно тем, что, не имея дачи, мы с девочкой могли ездить туда каждый день. Сначала я не представлял себе, как мы сможем совместить это с первыми месяцами жизни девочки. Но постепенно мы привыкли и отработали четкую схему. Обычно мы в коляске ездили на электричке, что было нелегко для Лены, поскольку на «Ланской» очень высокий подъем на платформу, а я пока мог пользоваться только одной рукой. И если я уезжал раньше, то приходилось просить кого-нибудь из друзей помочь ей. Нашим ближайшим соседом оказался Андрюша Алякринский, который снял кварти-

ру в соседнем доме, и он всегда был готов нам помочь. Иногда за нами заезжали Ермаковы, и мы добирались на машине. Мы привезли в Александровскую старую коляску, в которой Катя спала. По счастью, этим летом нам в основном повезло с погодой, но даже редкие ливни вызывали у нас панику, поскольку у нас не было никакого укрытия ни от солнца, ни от сильного дождя. Но постепенно мы как-то приспособились.

Я потихоньку разрабатывал руку и даже пытался играть в теннис, правда, почти до конца лета не мог подбрасывать мяч при подаче. Но в этом не было беды, поскольку я вообще редко играю на счет. Мне больше нравится просто отбивать. И если удастся встретиться с равным партнером, то я могу часами обмениваться длинными ударами под заднюю линию. Мне нравится звук, когда при правильном ударе мяч попадает прямо в центр ракетки. Иногда я люблю стоять у стенки и играть сам с собой. Я получаю удовольствие от собственного движения и игры с мячом. Но и это мне совсем не обязательно. В теннис тоже можно не играть, достаточно просто ухаживать за кортами. Мне нравится делать реальное дело, когда ты сам видишь свои плоды и делаешь это для себя. Можно возиться целый день, укатывать их, подкрашивать валиком белые линии, сметать крупную крошку, просеивать и подсыпать красный песок, а главное, поливать. Корты должны все время оставаться влажными, и надо знать меру, чтобы не переливать их в течение дня. Зато вечером, особенно в жаркую погоду, их надо заливать до луж. Иногда эта работа кажется бессмысленной. Зачем так усердствовать, кто-нибудь придет и все равно все растопчет. Но это не так. Корты живут даже тогда, когда на них никто не играет. Я иногда жалею, что не могу уделить им больше внимания. По утрам Ирина занимается с детскими группами, и мне там делать нечего, а потом наступает перерыв

в поездах и туда не доехать. Поэтому обычно мы приезжаем уже во второй половине дня, после Катиного дневного сна. Но за это время корты чуть-чуть рассыпаются. В выходные дни проще: Лена с Катей приезжают только во второй половине дня, а поскольку я нахожусь там целый день, то могу все время поливать площадки. Как и в прошлом году, в начале лета в мотеле было достаточно много народу, особенно по выходным, и появлялись желающие играть в теннис. А в будни, по вечерам приезжали одни и те же клиенты. Но вот уже второй год мы наблюдаем интересную картину — к середине лета место вымирает. И с конца июля, даже в выходные дни, там почти никого нет. И тогда наступает наша очередь, вступает в силу другой закон. Этот же закон я наблюдал на Каменном острове. Это чувствуешь, как только попадаешь на эту территорию. Мы едем туда, и я никогда не знаю, что я буду делать. Мы приезжаем, ставим чайник и смотрим на небо, потому что очень многое зависит от погоды — тучи могут ходить кругами, а дождя все равно не будет. Потом я спокойно проверяю, в каком состоянии корты. Иногда надо подготовить хотя бы один корт, потому что всегда есть вероятность, что кто-то может приехать. Можно полить и подготовить корты для утренних занятий Ирины. Но можно просто посидеть и почитать. К концу лета корты становятся все лучше и лучше, а осенью они уже живут своей жизнью. Вечерней влаги достаточно, чтобы за ночь напитать корт настолько, что он остается плотным и влажным весь день.

По средам мы продолжали ездить в баню, и я договорился с Плюхой, чтобы он приезжал на корты вместо меня. Самыми же частыми гостями по-прежнему были Наташа Воробьева с Виталиком, с которыми мы сдружились еще на Каменном острове, а в это лето зачастил Дусер из *Текилы*. Он неожиданно увлекся теннисом, и мы даже до-

говорились, чтобы он мог приезжать туда, когда нас там нет, — открывать корты и играть с друзьями. Как-то уже в конце лета мы устроили очередной велопробег. Мы все лето пытались это организовать с *Двумя самолетами*, но музыкантов всегда трудно собрать — одни на гастролях, у других запись. В итоге мы решили больше не ждать, и в этот раз собралось всего человек десять. Мы не все знали друг друга и при встрече просто представились по именам. Конечно же мы поехали в Александровскую. Уже приехав туда, мы закупили еды и всяких сладостей и, как обычно, устроили застолье, а потом разыграли маленький турнир. После обеда приехали Лена с Катей. Уже к вечеру мы так вымотались, что всем было лень ехать своим ходом, и мы сели на электричку. Я спросил Дусера, кто были эти ребята, что приехали с ним. Ими оказались Дима Веселов и Коля Кошкин, музыканты из группы *Аквариум*. Это было мистическое совпадение. Мы обменялись любезностями, и я порадовался тому, как многолика эта группа. Можно встретиться на улице, пройти мимо и даже не знать, что мы в разное время носили одно имя. Мы разговорились, и мне было интересно узнать, что в этот момент они не были уверены, продлит ли Боб контракт с ними. Настроенные у них было таково, что, скорее всего, участие в этой группе для них уже стало прошлым. Мы покалამбурили на эту тему. Жаль, что и мы в свое время не подписали контракт с Бобом. Может быть, это упростило бы то, что стало нашим прошлым, а для него остается гармоничным настоящим. По-прежнему пытаюсь проанализировать историю этой группы, я думаю, что если бы я мог предвидеть такое развитие событий, когда *Аквариум* как образ жизни будет заключаться в бесконечной смене декораций в театре одного Артиста, то я предпочел бы в ней не играть.

Этим летом умер еще один персонаж нашей истории — Саша Кондрашкин, один из барабанщиков этой

группы. Как и многие другие, он не нашел себя в группе. И хотя мы потеряли друг друга из виду гораздо раньше, каждый из нас знал, что и другой себя там не нашел.

Наступила осень. Мы сняли сетки и закрыли сезон. Будем ли мы там работать на следующий год, я не знаю. Будет ли это место готово принять нас? Если нет, то это тоже не имеет никакого значения. В конце концов, кортов в городе много и всегда можно где-нибудь приткнуться. А может быть, это будут и не корты. Для меня не имеет большого значения, что я буду делать. Лишь бы люди, с которыми мне предстоит что-то начать или продолжать делать, были преисполнены любви к друг другу. И если я почувствую, что это будет не так, я всегда уйду и уступлю дорогу.

Мне наконец удалось сдать квартиру, правда, не совсем так, как я рассчитывал, но тем не менее это значительно облегчило нашу жизнь. По крайней мере, мне не надо мотаться на Восстания и какое-то время я смогу об этом не думать. Настала пора вплотную приступить к подготовке фестиваля, и я, как обычно, не знаю, с какой стороны подступиться. Я по-прежнему готов всячески помогать Насте и делать что-то во имя Сергея. Но это не совсем то, чем мне хотелось бы заниматься. Может быть, в этот раз удастся привезти моего героя Тёрстона Мура. Он дал согласие, но надо найти деньги на его проезд. Мы с Плюхой мечтали пригласить Роберта Уайатта, и Антея Ино должна была передать ему наше приглашение. Британский Совет обещал нам помочь, но пока молчит. Если бы Уайатт согласился, это было бы событием и здесь и там, поскольку он уже почти двадцать лет не выступает. Зато неожиданно свое согласие на участие подтвердил Терри Райли.

Фестивали в Нью-Йорке, судя по всему, заглохли. Да в них и не было особенного смысла. Как опыт это было

безусловно интересно, но в Нью-Йорке ежедневно столько всего происходит, что если эти же музыканты выступят в сочетании с русскими, это никого не удивит. Кто же из русских может заинтересовать американцев, я не представляю. В поле моего зрения подобные музыканты попадают очень редко. Наверное, мне надо быть более внимательным. Для этого и надо приложить усилия, чтобы эти фестивали в первую очередь проходили здесь. И только через несколько лет время покажет, был ли в этом какой-нибудь смысл.

Этилог

Я почти не вижу Файнштейна и Дюшу.

Дюша распустил *Трилистник* и затеял новый проект *Дюша-групп*, в котором играет все тот же Наиль, Юра Николаев и Дима (Монстр). Один раз я видел их концерт по телевизору.

Михаил перенял у меня эстафету и на историческом факультете Университета решил открыть музыкальный клуб «Гараж» с автомобильным уклоном. Но было уже другое время, и он начал с легальной стороны дела. Потом он нашел партнеров, и они затеяли ремонт помещения. На все это ушли многие месяцы, если не годы. Они несколько раз пытались открыться, но так и не успели разогнаться: у Файнштейна возникли разногласия с администрацией факультета, в итоге клуб закрыли. Михаил потерял кучу денег. Последние несколько лет он играл с Дюшей в *Трилистнике*, потом с Ольгой Перри и, наверное, еще с кем-то, но об этом мне уже не известно. Со своими друзьями-гонщиками он осуществил свою давнюю мечту и принял участие в авторалли, причем

с неплохими результатами — выиграл свою «гонку в Монзе».

Ольга Перри вернулась в Россию, чтобы ухаживать за матерью, да так тут и осела. Она записала альбом *В объятиях джинси* и цикл песен на стихи Ахматовой.

Со времени нашей железнодорожной эпопеи мы почти не видимся с Джорджем, лишь время от времени разговариваем по телефону. Года три назад на него напали подростки, и он получил серьезную травму головы и обморожил ноги. Он перенес операцию и долгое время лежал в больнице. Теперь ему трудно самостоятельно перемещаться, и он от этого очень страдает.

Майкл Кордюков пять лет прожил в Америке, но все-таки вернулся, о чем сразу же пожалел. Он построил домашнюю студию и пишет музыку. К сожалению, Майкл тяжело болел и год назад перенес сложнейшую нейрохирургическую операцию. Теперь он чувствует себя гораздо лучше — настолько, что вернулся к процессу записи.

Петрович интенсивно играет одновременно в нескольких проектах. Самым заметным является *Достоевский Идиот*. Время от времени играет с *Вермишелями*.

Рюша осуществил свою мечту. Он играет аутентичное барокко в ансамбле *Musica Petropolitana*, который сам и организовал. Он стал лауреатом всех значительных европейских фестивалей старинной музыки, записал сольный альбом с сонатами Баха и несколько альбомов с ансамблем.

Ваню Воропаева можно встретить в подземном переходе среди уличных музыкантов.

Титович играет в группе *Karmacoma* со своей женой Аленой. Алена пишет симпатичные песни на английском языке, которым за годы жизни в Англии овладела в значительной степени. К тому же она чрезвычайно мила, что

немаловажно для карьеры девушки. Они часто играют по лондонским клубам, и Сашка рассчитывает на поддержку Дэйва Стюарта. Пока же эта поддержка заключается в том, что тот дал им возможность записать несколько песен в своей студии «Church». Сашка прислал мне сингл, который они с Аленой самостоятельно выпустили. Мне очень понравилась песня про *Титаник*, и я слушал ее несколько дней подряд. У них есть все шансы, чтобы сделать карьеру, но ведь это Лондон, и рынок там перенасыщен. Пока же Сашка работает в такси и иногда, выпив, может позвонить.

Саша Ляпин вместе с Титовичем и Мишей Костюшкиным несколько лет участвовал в основном составе *Поп-механики*. Обычно он играет в блюзовом клубе во Дворце молодежи. После юбилейного концерта *Аквариума* он полгода играл в одноименном оркестре, но по вышеозначенным причинам снова был уволен в запас. Ходили слухи о том, что Пол Маккартни пригласил его провести мастер-класс в музыкальном колледже, который основал в Ливерпуле.

Фагот живет в Германии и активно музицирует. Время от времени он играет в составе интернациональной группы *Три О*, которая собирается вместе только на курехинских фестивалях. Вместе с Андреем Битовым записал альбом *Оглашенные*, который выше моего понимания.

Женька Губерман живет и играет в Голландии. Каждый год он приезжает, чтобы навестить мать, и играет со старыми друзьями.

Славка Егоров живет в Монреале. На хлеб зарабатывает звукозаписью и чем придется. Летом он сидит на горе и бьет в барабан. Это место у них называется Тамтам.

Ливерпулец, как обычно, звонит в день своего рождения, чтобы сделать себе подарок — часок-другой не торопясь поговорить и выпить с друзьями по телефону.

Месяц назад неожиданно вернулся Родион. Прожив шесть лет в Америке, он разочаровался в американской демократии и стал убежденным монархистом. Он пришел в иммиграционную службу и сделал заявление, что ему более не требуется политическое убежище, в результате чего оказался в тюрьме. Отсидев два месяца, он в наручниках был посажен в самолет и депортирован на историческую родину. Это беспрецедентный случай, едва ли не единственный за всю историю демократии в Америке. Правда, говорят, был похожий случай, когда один русский попросил, чтобы его отправили в Россию, а когда ему в этом отказали, выбросился из окна иммиграционной службы; об этом писали все американские газеты.

Ваня Бахурин осел в Америке, в городе Цинциннати, и работает в клинике по пересадке волос. Он иногда приезжает, и мы с ним в постоянном контакте.

Леша Голубев стал большим ученым, но был вынужден оставить науку, за занятие которой ему уже давно не платят, и зарабатывает на жизнь переводами. Мы часто видимся, и время от времени я вижу с его сестрой Ольгой и другими одноклассниками.

Первого ноября умер «профессор» Волков. К сожалению, со времени кончины Курехина мы почти не виделись. Это был добрый, отзывчивый человек, который всегда был готов прийти на помощь, но, как всегда бывает, он забыл подумать о себе.

Неожиданно я получил предложение стать менеджером группы *Deadyuki*. Мы давно знакомы с Витькой Сологубом и Лешкой Раховым, и мне всегда было очень симпатично то, что они делают вместе и порознь. Я не хотел соглашаться, поскольку единственный опыт такого рода у меня был связан с *Химерой*. Но это был другой случай: у меня не было амбиций этакого Брайана Эп-

стаяна, я просто хотел дать толчок, чтобы эта группа, которая и так очень прочно стояла на ногах, смогла реализовать свой потенциал. Но финал вы уже знаете. *Deadjuke* же многоопытные музыканты, которые много повидали и которые устали от того, что вот уже в который раз приходится начинать с самого начала. Им нужно очень крепкое плечо, на которое они смогут возложить свои заботы и не волноваться, что им в очередной раз придется выживать. А их музыка может дать им возможность спокойно существовать и не думать о куске хлеба. Я явно не подхожу на эту роль. Хотя мне нужна работа, я счел разумным отказаться. Вовлечение в эту деятельность предполагает, что я снова должен быть готов куда-то мчаться.

В городе появились новые клубы, и мне было любопытно куда-нибудь сходить и посмотреть, что происходит. Со времени закрытия нашего клуба я ходил только на концерты *Markscheider Kunst* в «Молоко». И я с удовольствием сходил на них в «Спартак». Также я был в восторге от *Spitfire*, обе эти группы достигли фантастического уровня мастерства, я могу гордиться тем, что эти люди мои друзья. Мне очень понравился концерт в «Спартаке», и было очень приятно, что в городе появилась еще одна концертная площадка, хотя стало немного грустно. Я все детство ходил туда, когда это был простой кинотеатр, в котором я смотрел «Седьмое путешествие Синдбада» и «Скарамуш». Я встретил массу знакомых — Растамана, Гарри из группы *Suspence*. Мне было приятно встретить Горшка, который хоть и стал большим артистом, но точно так же сидел пьяненький на батарее и рубился, как во времена оны. Но я не мог отделаться от мысли, что этот мир мне больше не принадлежит, я в нем чужой. Правда, я начал это ощущать уже достаточно давно.

Мы постоянно видимся с Андрюшей Алякринским, который часто к нам заходит. Каждый раз он меня приглашает на концерт *Tequilajazzz*, которых я очень люблю, но я не могу себя заставить сходить, и он на меня немного обижается. Хотя, конечно же, понимает.

Наташа Васильева закрыла свой лейбл «Whitehorse» и прислала мне весь тираж альбома *Zudwa*. Самый интересный альбом одной из самых сильных групп в этом городе, появление и смерть которой почти никто не заметил. Альбом, который я так больше и не слушал.

Я значительно разработал сустав — настолько, что уже могу о нем не думать. Раз в неделю мы с девочкой ходим в детский бассейн. И мне вместе с ней приходится учиться плавать, поскольку делать с прежней легкостью рука пока не позволяет. Лена постепенно приступает к работе, читает лекции, проводит занятия и ездит в баню и на занятия с мамами в другом бассейне. Но на роды она пока не выезжает, поскольку это может занять много часов. Пока она еще кормит Катю, оставлять дочку на меня так надолго она не может. Катя уже активно ползает и встает, и я с удовольствием с ней гуляю и остаюсь дома. Витя Волков по-прежнему боится Лену. Он вычислил дни, когда мы с Катей остаемся дома одни, и частенько заходит попить чайку. Каждый раз он восторженно рассказывает мне о развитии своего процесса. Я всегда рад его видеть и с большим интересом слушаю его рассказы, которые, впрочем, знаю наизусть. Но иногда я от этого устаю и вдруг начинаю обижаться на него за то, что он в сотый раз рассказывает мне одно и то же. Но почему-то получилось, что именно этот человек мне ближе многих, и я надеюсь, что когда-нибудь он реализует свои мечты, распустил волосы, выйдет на стадион и звук его стратокастера найдет отклик в душах тысяч юных неискушенных девушек.

Близится Новый год или, как это теперь принято называть, миллениум. Я этому факту не придаю особого значения, поскольку Новый год для меня наступил уже пятнадцать лет назад, и я давно оставил суету по поводу смены лет и тысячелетий. Оказывается, прошел год, как я почувствовал импульс и стал описывать вышеизложенное. Я опять натываюсь на афиши с портретом своего старого друга, которого сопровождает группа с этим выжатым названием. Но все это больше не вызывает у меня протеста. Не вызывает никаких эмоций. Не вызывает ничего. Ничего не было. Ничего нет. Стоп машина!

*декабрь 1999 года
Санкт-Петербург*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие к третьему изданию</i>	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава первая	9
Глава вторая	36
Глава третья	38
Глава четвертая	51
Глава пятая	114
Глава шестая	151
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	167
Глава первая	167
Глава вторая	192
Глава третья	206
Глава четвертая	221
Глава пятая	260
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	271
Глава первая	271
Глава вторая	293
Глава третья	305
Глава четвертая	311
Глава пятая	318
Глава шестая	335

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	342
Глава первая	342
Глава вторая	350
Глава третья	355
Глава четвертая	393
Глава пятая	402
Эпилог	407

Гаккель Всеволод Яковлевич

АКВАРИУМ

как способ ухода за теннисным кортом

Ответственный редактор *Светлана Лисина*
Художественный редактор *Александр Яковлев*
Технический редактор *Елена Траскевич*
Корректор *Елена Васильева*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 12.01.2007.

Формат издания 84 × 108¹/з. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз.

Изд. № 70017. Заказ № 4.

Издательство «Амфора».

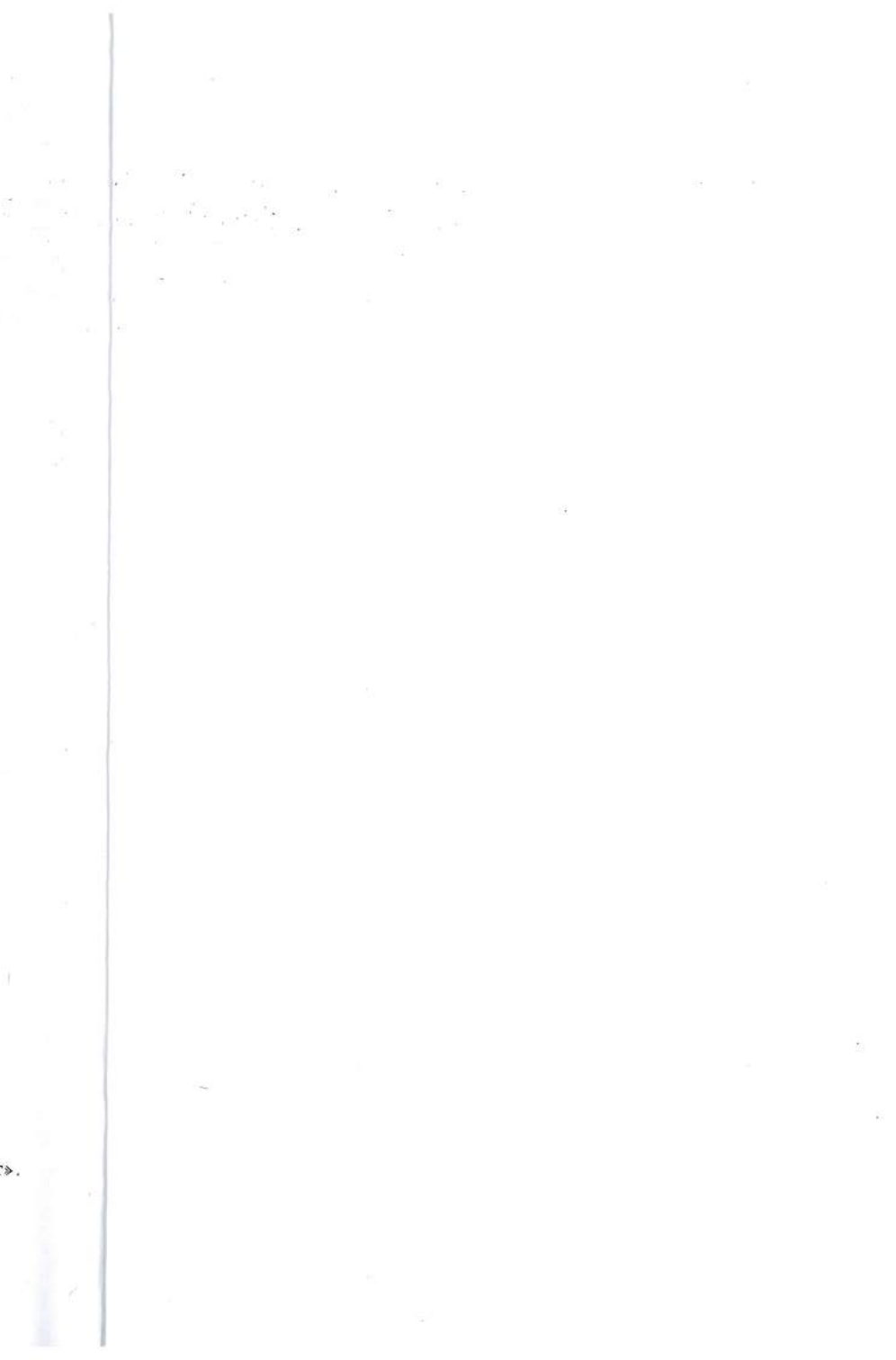
Торгово-издательский дом «Амфора».

197110, Санкт-Петербург,

наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.

E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Лениздат».
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

07-10037

9 785367 003314

ISBN 978-5-367-00331-4

издательство
амфора

www.amphora.ru

ВСЕВОЛОД ГАККЕЛЬ — виолончелист «классического» «Аквариума». В период становления отечественной рок-музыки был замечен во всем, нельзя было остаться незамеченным. Принимал участие в «И механике», сыграл на записи ряда групп той эпохи. Через несколько лет после добровольного выхода на пенсию неожиданно проявил редкую прыть и основал клуб «TaMtAm», который принято считать первым независимым музыкальным клубом в России. В этот период играл в группе «Вино». После закрытия клуба играл с «Vermicelli Orchestra», принимал участие в организации фестивалей «Другая музыка» и SKIF, служил арт-директором «Лаборатории звука» и стал директором «Меншиковского фонда». В последние годы играет в группе «Ortimystica», занимается организацией концертов и продолжает ухаживать за теннисными кортами.

2006223368

250

КОЛЬ

АКВАРИУМ

Как опосредовать
за теннисным кортом

